

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HD WIDENER

Hw RRM1 E

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА

ИСААКА ЯКОВЛЕВИЧА

КЕЛЬБЕРА.

№ 1

№ 1

Jewish
Cultural Reconstruction

11

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Январь.

51111111

Вотще вбуртоту втоту
рррррррр - ррррр
Журналы Литературныя
Переводныя Анжонныя Слѣдственныя

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.
1887.

Δ
KSF 458 ($\frac{1887}{1-2}$)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 9 1960

80A2

201446

СМЕРТЬ МОИСЕЯ.

(Посвящается В. А. Фревилль).

Зубчатый верхъ утесистой вершины.
Здѣсь тишину смѣняетъ ровотъ бурь,
Палящій зной—снѣга и холодъ льдиный,
Кочевье тучь—прозрачная лазурь.
Здѣсь мѣры нѣтъ времянь и поколѣній:
Веда часамъ минувшимъ вѣрный счетъ,
Съ разсвѣтомъ дня ползуть по скатамъ тѣни;
Но ночь придетъ—и снова все сотретъ...
Утесъ здѣсь есть—Фазгй его название—
Безмолвный стражъ дремучаго преданья.

I.

Быль зноенъ день. Быль часъ, когда природу
Сквозь тишь томить предчувствіе громовъ.
★ Ужъ надъ Фазгй, почувавъ непогоду,
Вилась чета встревоженныхъ орловъ;

Бурились скаль горячія вершины;
 По скатамъ ползъ снѣгьющій туманъ,
 Скользя въ обрывъ, взбираясь на стремнины,
 Онъ облегалъ горы высокій станъ,
 Тонули въ немъ подножье и поляна,
 Гдѣ лентою вилась струя Иордана.

Уже вдали, влубясь, нависли тучи...
 Въ тотъ грозный часъ, глубокой думы полнъ,
 На посохъ опершись, старикъ могучій
 Какъ будто всплылъ изъ мглы туманныхъ волнъ.
 Межъ мховъ и скаль къ вершинѣ отдаленной
 Онъ тихо брелъ увѣренной стопой;
 Лучей сіяньемъ дивно озаренный,
 Открытый лобъ вѣнчался сѣдиной
 И бодрый станъ подъ бѣлымъ одѣяньемъ
 Былъ царственнымъ исполненъ обаяньемъ...

Послѣдній шагъ. Ужъ выше нѣтъ дороги.
 Одинъ средъ скаль, отрѣзанъ отъ людей,
 Въ виду грозы, не вѣдая тревоги,
 Стоялъ задумчиво великій Моисей...
 Царила тишь. По склонамъ мракъ сгущался.
 Но голосъ вдругъ съ высотъ горы раздался—

Онъ возгласилъ: „Ты звалъ,—я здѣсь, Егова!“
 Межъ черныхъ тучъ, межъ сѣрыхъ, дикихъ скаль
 Промчался гулъ въ отвѣтъ на это слово
 И долго въ отдаленнѣ замиралъ...

И лишь умолежь—съ полуночнаго края,
 Гдѣ облака таинственно росли,
 Вихрь сорвался. Кружась и завывая
 Онъ всколыхнулъ завѣсу отъ земли,
 Онъ ткань порвалъ волнистаго тумана—
 И вдругъ струя сверкнула Иордана...

„Такъ вотъ онъ, вотъ мой край давно желанный!
 И путь свершенъ, и конченъ подвигъ мой!..
 Не бѣглый рабъ Израиль—царь вѣнчанный!..
 Израиль—царь“... Такъ мыслилъ вождь сѣдой.
 Онъ уносился, въ думы погруженный,
 За цѣпь холмовъ, въ далекій край полей,
 Лучомъ изъ тучъ волшебнo озаренный,
 За грань вѣковъ, въ дѣла грядущихъ дней...
 Такъ онъ стоялъ. Клубами тучи вились.
 Туманъ густѣлъ. Долины вновь затмились.

И внемлетъ онъ—торжественно, сурово
 Въ груди его, казалось, гласъ вѣщаль:
 „И въ этотъ край тебѣ вступить Иегова
 Не дастъ!“... И Моисей затрепеталъ.
 Забывъ у скалъ Моривы прорицанье,
 Ужъ завтра онъ мечталъ пройти Иорданъ.
 Назначенъ часъ... Отряды въ ожиданьи...
 Но нѣтъ, сюда не Богомъ-ли онъ званъ?..
 Блеснула мысль: „Смягченъ, смягченъ мой жребій!“—
 Вдругъ слышитъ онъ: „Твой часъ пробилъ на небѣ“.

Быстрѣй, бурѣе облака катятся,
 Свергаясь въ доль, сплибаясь съ грудью кручь...
 Вокругъ утесовъ молніи змѣются..
 Тьма за лучомъ глотаетъ жадно лучь...
 Вотъ грянулъ громъ, гудить и замираетъ.
 И съ воплемъ вихрь въ вершину ударяетъ...

•
II.

... И страшный ликъ синайскаго Видѣнья
 Увидѣлъ Моисей передъ собой—
 Закрылъ глаза онъ краемъ облаченья,
 Повергся ницъ съ безмолвною мольбой.
 И внемлетъ онъ: „Твой часъ пробилъ на небѣ!“

Моисей.

Тревоги полно я чую рока сътъ,
 Какъ плѣнный левъ... Ужель свершится жребій!
 Гдѣ Ты, ловець?.. Дай вновь себя узрѣть!
 За подвигъ мой, Господь, за всѣ страданья
 Дай мнѣ войти въ страну обѣтованья!..

Голосъ.

Ты не войдешь. Собой влядся я.

Моисей.

Боже!

Ждать столько лѣтъ... Ужъ на порогѣ быть...
 Послѣдній рабъ наказанъ былъ-ли строже?—
 Онъ замолчалъ...

Но снова сталъ молить:

—Смѣлся-ль Ты, храня меня въ сраженьи,
 На то-ль въ волнахъ я гибель избѣжалъ,
 Чтобъ здѣсь, познавъ тревогу размышленій,
 Я въ первый разъ за жизнь вострепеталъ!..
 Смущень мой духъ; ликъ смерти сокровенный
 Страшитъ меня, какъ тайный ковъ измѣны!..

Голосъ.

Цѣною смерти куплено рожденье:
 Кто родился, тотъ долженъ умереть.

Моисей.

Суровый Богъ, но есть вѣдь снисхожденье!..
 Ужель „не быть“ не можетъ Тотъ велѣть,
 Кто молвилъ „будь!“—и все на свѣтѣ стало?..
 Не въ силахъ Ты?.. Такъ Богъ всеильный—бредъ?
 Бредъ все, чѣмъ жилъ... Бредъ все, что вдохновляло...
 Будь справедливъ!.. Ужель и правды нѣтъ?—
 Тебѣ я далъ алтарь, народъ, державу...
 Себя забылъ.—Твою лишь помнилъ славу...
 Я платы жду...

Голосъ.

Везумецъ ты!

Моисей.

О, горе!

Прости, прости!.. То изнаываетъ плоть,
 То стонетъ жизнь, съ уставомъ міра споря,
 То умираетъ человѣкъ, Господь!
 Великой цѣпи рвутся съ воплемъ звенья:

Восходъ.

Съ твоей землей сковали намъ сердца
И трудъ, и мысль, и радость, и лишения...
Жизнь Ты мнѣ далъ, но я-ль молю конца?..

Голосъ.

За эту грань всё жившіе ступали!..
Не первый ты...

Моисей.

Мнѣ не понять тебя.
О! что мнѣ въ томъ, что тысячи страдали—
Я не хочу... Я первый для себя...
Пусть смерть—законъ, но умирать такъ больно.
Спаси меня!.. Спаси меня!..

Голосъ.

Довольно!

Моисей.

Довольно?—Звукъ, но въ чемъ его значенье?—
Лишь вѣчности одной довольно мнѣ...
Но день одинъ... Что день Тебѣ?—мгновенье...
Тамъ мнѣ явись, въ святой моей странѣ,
Въ челѣ полевомъ...

Голосъ.

Ужъ близокъ смерти гений.

Моисей.

А! Близокъ онъ! Такъ прочь съ него покровъ!
Въ разгарѣ сѣчь позналъ я наслажденье
Лицомъ къ лицу встрѣчать моихъ враговъ!

Ты много тайнъ открылъ мнѣ, Духъ Синая—
Послѣдней жду...

Все смолкло, замирая.

И поднятый невѣдомой рукою,
Всталъ Моисей. Онъ видитъ: клубы тучъ
Стоять кругомъ трепещущей стѣною,
Вдали горить сіянья яркій лучъ.—
И духъ предъ нимъ со взглядомъ дерзновеннымъ
Предсталъ, объятый сумракомъ могилъ.
И, отступивъ, вокругъ жезломъ священнымъ
Себя пророкъ чертою оградилъ,
И молвилъ, весь отъ гнѣва пламенѣя:
„Какъ звать тебя?“

Духъ.

Хоть смертью Моисея,

Такъ имя скоро будетъ Самаилу.
Я бичъ земли, холодный смертный страхъ...
Я жизнь гублю. Я разрѣшаю силу,
Я возвращаю праху тлѣнный прахъ.

Моисей.

Ты царь-ли надъ душой?

Духъ.

Я—ангелъ тлѣнья.

Пусть есть душа. Что въ томъ, боль есть забвенья?..

Моисей.

Такъ вотъ твой мечъ! Забвенья?—Сынъ покоя,
Мнѣ жалою ты и мечъ презрѣнный твой!

Сражай поля въ кровавыхъ схваткахъ боя,
 Рази толпы средь язвы моровой!—
 Но какъ меня, скажи, забвенья сложесть?
 Иль не со мной открылся въ міръ Творецъ?
 Иль самъ себя забыть Егова можетъ?
 Иль міру наступилъ теперь конецъ?—
 Прочь, Самаилъ! Смѣшонъ мнѣ мечъ твой лютой...

Но духъ считалъ съ усмѣшкою минуты...

И взоръ къ предѣламъ горняго сіянья
 Взвелъ Моисей. Онъ видитъ средь небесъ
 Господнихъ свѣтлыхъ воинствъ очертанья;
 Вотъ ликъ блеснулъ межъ ними и исчезъ...
 И вождь сѣдой воселикнулъ, не робѣя:
 „Ты самъ приди за духомъ Моисея!“—

И дрогнули въ испугѣ скалы громады.
 Но онъ святымъ безумьемъ пламенѣлъ:
 Нахмуривъ бровь, ужъ не моля пощады,
 Онъ самъ, какъ богъ, отважно вдаль глядѣлъ...
 И вотъ съ небесъ, какъ тихій стонъ зефира,
 Какъ шелестъ волнъ, примчался звукъ „Иду!
 Забвенья нѣтъ забывшимъ все для міра“.
 И съ громомъ въ тучъ пылающихъ граду,
 Метая молніи, рубя камень,
 Низринулся сраженный ангелъ тлѣнья...

Еще въ ущельяхъ эхо замирали.
 Вдругъ раздались, волнуясь, облака,
 Туманъ исчезъ, въ долину засіяли
 Походный станъ и синяя рѣка;
 Торжественно на дымныя вершины
 Сталь горній свѣтъ спускаться въ тишинѣ...
 Еще алмазомъ искрились стремнины,
 Еще пророкъ стоялъ на вышинѣ;—
 Но мигъ—и въ ослѣпительномъ сіяньи
 Слились земля и небо, какъ въ лобзаньи...
 . . . . .

* *

Когда-жъ опять насталь повои природы,
 Царила ночь. Темна была лазурь;
 Сіяли звѣздъ спокойныхъ хороводы;
 Шумѣлъ потокъ, дитя недавнихъ бурь.
 Но влажный доль былъ снова полонъ мира;
 Но верхъ Фазги лежалъ въ объятыхъ сна;
 Но тихъ и свѣжъ былъ темный край эфира...
 И вотъ взошла сребристая луна —
 Таинственно изъ еумрака свѣтлѣя,
 Всплываль утесъ, гробница Моисея...

М. Абрамовичъ.

АВРААМЪ ГЕЗОФОВИЧЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI-ГО ВѢКА.

I.

На Казимірскомъ предмѣстьѣ.

Быль теплый, но ненастный вечеръ одного мартовскаго дня 1507-го года.

Хотя по календарю вечеръ этотъ значился между лунными, луны, однако-же, на небѣ не было, такъ какъ оно заволочено было густыми черными облаками, почти грозowymi тучами, помимо того, что весенній сезонъ и довольно свѣжая атмосфера нисколько не могли содѣйствовать накопленію въ воздухѣ электричества и нисколько не предвѣщали грозы. Отъ времени до времени накрапывалъ маленькій, но частый дождикъ, теплыя капли котораго быстро и безслѣдно исчезали въ побурѣвшемъ и тихо таявшемъ снѣгѣ. Пахло отраднымъ пробужденіемъ спавшихъ во время зимы силъ природы.

Въ бѣдной и значительно накренившейся на бокъ лачужкѣ у самаго плагбаума Казимірскаго предмѣстья столичнаго города Кракова уже зажглись огоньки. Обитатели этой лачужки, кагалный сторожъ Файтель Флаумъ и его сравнительно немногочисленное семейство, собирались ужинать. Райне, жена Файтеля, накрывала на столъ, т. е. накиннула на него тряпное полотенце, исправлявшее въ будни должность скатерти, и раскладывала пять «приборовъ», т. е. пять деревянныхъ ложекъ, которыя отъ долгаго употребленія имѣли видъ загрязненныхъ утиныхъ лапокъ. Дѣтвора, — одинъ рыжеволосый и веснушкова-

тый мальчуганъ-лѣтъ четырнадцать и двѣ дѣвочки лѣтъ двѣнадцати и десяти,—уже сидѣли за столомъ и, въ ожиданіи ужина, коротали время игрою въ лапушки. Файтель же, стоя поодаль отъ стола, у тянувшейся возлѣ стѣны лежанки, возился надъ развязываніемъ узла какого-то туго завязаннаго кулька.

— А что тамъ есть?—спросила Райне, вытаскивая изъ печи совершенно голыми руками довольно почтенныхъ размѣровъ глиняный горшокъ съ какой-то похлебкой.

— Что тамъ есть? — переспросилъ Файтель, самодовольно ухмыляясь въ свою рыжеватую бородку. — Ты лучше спроси: чего тамъ нѣтъ? Есть и маринованная селедка, и фаршированная рыба, и жареный индюкъ, и копченый языкъ, и пряники, и тортъ, и миндаль; нѣтъ только птичьяго молока.

Дѣти перестали играть и стали прислушиваться къ исчисленію яствъ и лакомствъ. У нихъ слюнка потекла, что означало, что ихъ не часто балуютъ лакомствами.

— Значить, не поскупились, — замѣтила жена, мѣшая въ горшкѣ большой деревянной ложкой, дабы похлебка получила видъ равномерной жижи.

— И чего имъ скупиться?—сказалъ Файтель, выкладывая на лежанку содержимое кулька. — Мало-ли у нихъ есть? Дай намъ Богъ хоть сотую долю ихъ богатства. Шутка-ли такая свадьба? «Собаки, какъ говорится, цѣлыя головы таскали».

— Значить, пышная была свадьба?

— И у воеводы не можетъ быть пышнѣе.

— Много народу тамъ было?

— Все Казимірское предмѣстье: всѣ гвиры, всѣ равнины, всѣ старѣйшины.

— А раби Мошеле былъ?

— Онъ и теперъ тамъ, держитъ большой «хилукъ»*. Я не могъ дожидаться конца и ушелъ, потому—служба. Сама гвирте, у дверей, сунула мнѣ въ руку кулекъ: «это, говорить, для жены и дѣточекъ вашихъ, пусть кушаютъ на здоровье». Я пожелалъ ей всего лучшаго, чмокнулъ мезузе—и маршъ домой.

Семейство Файтеля стало ужинать. Но едва оно успѣло про-

* Ученая бесѣда.

плотить нѣсколько ложекъ постной похлебки изъ гречневой крупы съ картофелемъ, какъ деревянный молотъ, висѣвшій въ сѣняхъ и сообщавшійся посредствомъ веревки съ главнымъ столбомъ шлагбаума, два раза ударилъ въ дверь лачужки.

Ужинавшіе встрепенулись и переглянулись между собою съ какимъ-то недоумѣніемъ и даже нѣкоторымъ страхомъ, потому что не въ обычаѣ было, чтобы въ ночную пору кто нибудь желалъ проникнуть въ еврейскій кварталъ столичнаго города Кракова, да это и запрещалось постановленіемъ кагала, а также гражданскихъ властей, требовавшихъ, чтобы по наступленіи ночи еврейскій кварталъ былъ на-глухо закрытъ.

— Это кого же черти носятъ въ такую пору?—проговорилъ Файтель не то удивлено, не то испуганно, отложивъ ложку въ сторону.—Лейжка,—обратился онъ къ своему сыну,—иди, посмотри, кто это стучится у шлагбаума?

Мальчикъ, какъ угорѣлый, бросился изъ лачужки.

— Какой-то еврей,—доложилъ онъ, вернувшись черезъ минуту,—просить, чтобы его впустили, говорить, что крайне нужно.

— Еврей?—переспросилъ Файтель, сдѣлавъ кислую гримасу.—Пѣшеходъ? Стало быть, нищій, голодрыга; а такихъ мнѣ по ночамъ не вѣлно пускать. Ты это ему и скажи. И скажи еще, пусть пока гдѣ нибудь переночуетъ, а поутру увидимъ.

Мальчикъ опять бросился изъ лачужки.

— Говорить,—доложилъ въ этотъ разъ вернувшійся Лейжка,—говорить, что онъ не нищій, а «шеліахъ-меюходъ» (нарочный) къ нашему раби Мошеле отъ какой-то важной кегилы.

— Шеліахъ-меюходъ? Къ нашему раби? Отъ важной кегилы?—воскликнулъ оторопѣвшій Файтель, вскочивъ на ноги.—Впусти, впусти его скорѣе.

Минуты двѣ спустя, на порогѣ Файтелевой лачужки появился еврей среднихъ лѣтъ и средняго роста, плотный, коренастый, съ краснымъ, выразительнымъ и энергическимъ лицомъ, окаймленнымъ густыми и черными, какъ смоль, волосами бороды и пейсовъ. Одѣтъ онъ былъ въ длиннополую верхнюю хламиду изъ толстаго чернаго сукна, препоясанную здоровымъ ремнемъ. На лѣвой груди красовался обязательный значокъ

изъ краснаго сукна, долженствовавшій возвѣщать всему міру, что носящій его не кто нибудь, а «жидъ», котораго слѣдуетъ по возможности избѣгать. Въ одной рукѣ онъ держалъ толстую дубину съ набалдашникомъ и наконечникомъ изъ шлифованнаго желѣза, а въ другой — кожаный мѣшокъ съ молитвенными принадлежностями. Черезъ плечо же у него висѣла мужицкая торба для харчей и подкрѣпительныхъ напитковъ въ жестяныхъ флягахъ. Вся наружность новопривышшаго свидѣтельствовала, что Орке Башесь, «шеліахъ-меоходъ» по профессіи, умѣеть здорово поѣсть, попить и, въ случаѣ надобности, постоять за себя, по крайней мѣрѣ, одинъ на одинъ. Эта дышащая здоровьемъ, отвагой и энергіей наружность была такъ внушительна, что какъ только Орке вошелъ, вся файтелева семья, не исключая и самого хозяина, вскочила на ноги и почти струсила, сама не зная отчего.

— Благословенны трапезующіе, — провозгласилъ Орке громко, весело и развязно, замѣтивъ на столѣ принадлежности ѣды.

— Просимъ откушать, — отвѣтилъ Файтель, протягивая руку гостю — Шоломъ алейхомъ! Вы къ намъ за дѣломъ?

— Разумѣется, за дѣломъ, а не въ гости.

— За какимъ это дѣломъ?

— Во первыхъ, оно васъ, насколько я понимаю, не касается; во вторыхъ, долго будетъ рассказывать, а мнѣ дорога каждая минута. Вы вѣдь кагальникъ? Да? Такъ ведите меня къ вашему окружному раввину, и будетъ съ васъ пока. Живо! — прибавилъ Орке, стукнувъ желѣзнымъ наконечникомъ дубинки о глиняный полъ лачужки.

Файтель живо накинулъ на себя свою верхнюю хламиду, взялъ изъ угла палку, зажегъ фонарь и вмѣстѣ съ гостемъ оставилъ лачужку, предварительно приказавъ женѣ, что если онъ замѣшкается, то она можетъ раздать дѣтямъ принесенныя имъ со свадьбы лакомства и уложить ихъ спать.

— А я васъ на квартиру раввина не поведу, — сказала Файтель своему спутнику, когда они, по извилистымъ, тѣснымъ и грязнымъ переулкамъ, стали углубляться во внутрь еврейскаго квартала, унылый видъ котораго былъ еще унылѣе отъ унылой погоды, стоявшей на дворѣ

— Почему?—спросилъ Орке удивленно.

— А потому, что раввина теперь дома нѣтъ: онъ да и всѣ наши гвиры и обыватели теперь на свадьбѣ у р. Меиръ-Фраде-Флекелеса, перваго въ общинѣ богача, да здравствуетъ онъ!

— Ну, ведите, куда хотите, лишь бы мнѣ поскорѣе увидать вашего раввина.

На башнѣ королевскаго замка въ Краковѣ пробило десять, и вслѣдъ затѣмъ съ вышины обсерваторіи краковской академіи, что на улицѣ св. Анны, послышались «куранты» на мотивъ *Veni Creator Spiritus*, церковнаго гимна, который пропѣтъ былъ краковскимъ епископомъ, Петромъ Вышемъ, при освященіи академіи, во время и въ присутствіи Владислава-Ягелло, почти сто лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1400-мъ году.

— Откуда вы будете?—спросилъ Файтель своего спутника, шагавшаго широкими шагами впереди кагальнаго сторожа, который едва поспѣвалъ за нимъ.

— Изъ Вильны,—отвѣтилъ Орке, продолжая шагать и не оглядываясь.

— Это гдѣ же будетъ: въ Моравіи или въ Венгріи?

Орке пожалъ плечами, скорчилъ презрительную гримасу и, сдѣлавъ полуоборотъ къ Файтелю и взявъ его за лацканъ хламиды, проговорилъ внушительно: — Вильна, другъ любезный, городъ на Литвѣ, городъ большой, столица, все равно, что вашъ Краковъ. Король со своими вельможами то сидитъ въ Краковѣ, то въ Вильнѣ, потому что король у насъ одинъ. Какъ же вы не знаете того, что знаетъ всякій хедерный мальчуганъ?

— Откуда же мнѣ знать?—защищался Файтель.—Я родился подъ Краковомъ и живу подъ Краковомъ. Ни разу въ своей жизни я не отлучался изъ нашего Казимира дальше субботней дистанціи и мнѣ кажется, что за нашимъ кладбищемъ, тамъ, за большимъ ольховымъ лѣсомъ, уже начинаются Темныя горы и рѣка Самбатіонъ съ нашими братьями Бне-Донъ и Бне-Моше.

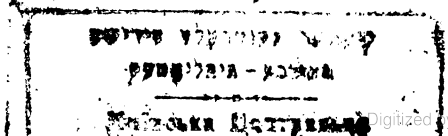
— Меламедъ вы, другъ любезный, вотъ что я вамъ скажу,—проговорилъ Орке, плюнувъ и продолжая шагать еще поспѣшнѣе, какъ будто желая быть подальше отъ такого дурака, кото-

рый не знаетъ, гдѣ Вильна и что такое Вильна, слава которой, какъ онъ былъ увѣренъ, гремитъ по всему міру. Его виленскій патриотизмъ былъ глубоко возмущенъ феноменальнымъ невѣжествомъ сторожа краковской общины.

Черезъ нѣсколько минутъ, наши пѣшеходы очутились предъ высокими, окованными желѣзомъ воротами, изъ-за которыхъ съ улицы ничего не видно было, что находится и что дѣлается на дворѣ.

А на дворѣ, въ самомъ углубленіи его, красовалось не высокое, но массивное деревянное зданіе многооконнымъ фронтомъ къ воротамъ и двумя входами, потайными, замаскированными,—потому что безъ крыльцовъ, пороговъ и ясно обозначенныхъ дверей, — по бокамъ. Въ средніе вѣка, евреи, наученные горькимъ опытомъ, строили свои жилища, даже въ отведенныхъ для нихъ кварталахъ, подалеже отъ *посторонняго* глаза и съ разными предосторожностями, въ предупрежденіе весьма неприятныхъ случайностей, которыя случались слишкомъ часто, чтобы не разсчитывать на нихъ постоянно. И хотя въ эпоху, къ которой относится разсказъ нашъ, польскіе евреи, благодаря необычайно-гуманной привилегіи, дарованной имъ Казиміромъ Великимъ и утверждавшейся почти всѣми послѣдующими королями, пользовались, повидимому, самой широкой терпимостью и почти совершенной безопасностью,—однакоже духовные пастыри тогдашняго времени, эти истые стражи Израиля, мало довѣряя гуманнымъ чувствамъ торжествующаго «Эдома», всячески удерживали свои паствы отъ свойственнаго людямъ порыва къ удобствамъ и наслажденіямъ жизни, находя этотъ порывъ въ еле-терпимыхъ евреяхъ опаснымъ,—и паствы большею частью повиновались своимъ пастырямъ. И тѣмъ охотнѣе повиновались онѣ, что въ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ, чистотѣ намѣреній, высоко-религіозной жизни и самоотверженной любви къ Израилю своихъ пастырей были глубоко убѣждены. Раввины были не только формальными, по истинными, естественными, желанными и всѣми признаваемыми главами своихъ общинъ, высокой авторитетъ которыхъ никѣмъ не осаривался.

Вотъ почему даже богатая краковская община, не смотря

на свои близкія связи съ королевскимъ дворомъ, сеймомъ, магнатами и высшими правительственными властями, продолжала жить на своемъ Казимірѣ тихо, скромно, даже прячась, дабы не навлекать на себя чьего либо завистливаго взгляда, чьего либо особаго вниманія. И сидѣвшій теперь на раввинскомъ креслѣ въ Краковѣ раби Моше Ландо-Галеви, большой талмудическій авторитетъ, пользовавшійся большою извѣстностью въ Великой, Малой Польшѣ и на Литвѣ *, былъ особенно строгъ въ этомъ отношеніи. А потому евреи его первоклассной паствы держали себя ниже травы, тише воды, не показывая и виду, что они пользуются извѣстнымъ благосостояніемъ. И это было тѣмъ благоразумнѣе, что близость двора и магнатовъ, вѣчно нуждавшихся въ деньгахъ, могла бы нанести чувствительный ущербъ этому благосостоянію, вызвавъ въ то же время опасныя для общественнаго положенія евреевъ столкновенія.

— Подальше отъ огня, дѣти,—говаривалъ р. Моше часто приходившимъ къ нему за совѣтомъ относительно разныхъ торгово-промышленныхъ и финансовыхъ предпріятій и комбинацій.—Огонь грѣетъ, но и жжетъ, а обжегшемуся теплота мало пользы приноситъ. Есть чѣмъ жить, такъ и благодарите Бога, а за большими богатствами и излишествами не гоняйтесь: «любящій серебро—не насытится серебромъ» и «не забереетъ же (человѣкъ) всего по смерти».

Файтель два раза ударилъ палкой въ ворота.

— Wer is do?—спросилъ кто-то за воротами.

— Adoschem hu Elohim (Иегова и есть Господь)!—откликнулся положеннымъ лозунгомъ кагалный сторожъ.

Калитка въ воротахъ открылась, пропустила ночныхъ гостей и опять закрылась. Когда Файтель и Орке стали приближаться къ темнѣвшему въ углубленіи двора громадному зданію, ставни котораго были наглухо закрыты, одна изъ боковыхъ замаскированныхъ дверей открылась настежь,—и изъ нея стали высы-

* Между именами знаменитыхъ краковскихъ раввиновъ, впрѣзанныхъ на одной изъ стѣнъ краковской синагоги, построенной отцомъ Рамо (р. Моше Иерилъ), имя этого раввина значится первымъ (См. прил. къ брошюрѣ «Мегила-тъ-Эйва», автора «Тосфотъ Йомъ-Товъ», Варшава, 1870).

пять еврей разнаго возраста, одѣтые по праздничному и съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ. На площадкѣ лѣстницы изъ пяти ступеней, которая вела во внутренніе покои зданія, появился старецъ высокаго роста и тучнаго сложенія, съ необыкновенно внушительнымъ, почти строимъ, но открытымъ лицомъ, пышавшимъ здоровьемъ и энергіей и окаймленнымъ густою сѣдою бородою, покрывавшею почти всю широкую грудь его. Глаза его, еще метавшіе почти юношескія искры, ослѣнены были необыкновенно длинными сѣдыми рѣсницами, что придавало его энергическому лицу почти грозное выраженіе. На плечахъ онъ имѣлъ епанчу (делье) изъ лоснящейся черно-шелковой матеріи, а на головѣ высокую соболью шапку съ черно-бархатнымъ верхомъ. На темени, изъ-подъ шапки виднѣлась шитая золотомъ каемка его парчевой ермолки. Въ правой рукѣ онъ держалъ трость съ золотымъ набалдашникомъ, а въ лѣвой—шелковыя тесьмы своей епанчи.

Этотъ старецъ былъ раби Моше Галеви Ландо, окружный раввинъ столичнаго города Кракова и причисленныхъ къ нему воеводствъ и старостовъ до Бреста-Кувяскаго включительно. Приглашенный двадцать лѣтъ тому назадъ для оплакиванія раби Элеазара Хасида, скончавшагося предсѣдателя духовнаго трибунала краковской еврейской общины, раби Моше такъ плѣнилъ краковскихъ евреевъ своимъ краснорѣчіемъ, глубокою ученостью, твердымъ характеромъ, знаніемъ свѣта и людей, что они уже не хотѣли отпустить его и избрали своимъ раввиномъ, каковую должность онъ сталъ исправлять и исправляетъ къ удовольствію всѣхъ. Въ настоящую минуту онъ окруженъ былъ всѣмъ синклитомъ мѣстнаго духовенства, вышедшаго проводить его. Впереди всѣхъ стоялъ ребъ Меиръ Фраде-Флекелесь, хозяинъ дома, таявшій отъ удовольствія, что великій раввинъ почтилъ его семейное торжество своимъ присутствіемъ—честь, выпадавшая на долю весьма не многихъ гвировъ Казимірскаго предмѣстья. Этой чести р. Меиръ удостоился благодаря тому, что онъ былъ главнымъ дѣятелемъ, руководителемъ, опекуномъ, душою почти всѣхъ благотворительныхъ учреждений краковской общины, которымъ онъ приносилъ много жертвъ,

такъ что его мѣстами уже стали титуловать ребъ Меиръ-бааль-хеседъ (филантропъ).

— Доброй ночи, ребъ Меиръ, — проговорилъ раби Моше, покровительственно кивая головой хозяину; — дай Богъ, чтобы радость и веселіе не переводились въ вашемъ благочестивомъ, истинно еврейскомъ домѣ, и да сподобитъ Богъ насъ и всѣхъ дѣтей Израилевыхъ «узрѣть веселіе Сіона и Іерусалима, когда для Сіона прійдетъ избавитель».

— Аминь, аминь, да будетъ воля Его, — набожно проговорили близъ стоявшіе, сложивъ руки къ молитвѣ.

— А вы, раббойсай, — обратился онъ къ духовенству, — оставайтесь, веселитесь на богоугодномъ пиршествѣ и увеселяйте жениха и невѣсту.

Онъ величественно отвѣсилъ поклонъ направо и налѣво и сталъ спускаться съ лѣстницы, предшествуемый членами своей домовой моленной (миньянъ), которые въ то же время были его учениками и приближенными.

Въ эту минуту нетерпѣливый Орке сунулся-было къ раввину, чтобы заговорить съ нимъ, но Файтель крѣпко дернулъ его за рукавъ и оттащилъ его.

— Здѣсь не мѣсто говорить съ нашимъ раби, — шепнулъ онъ ему на ухо внушительно, — не прилично, вы развѣ мальчишка? Пойдемъ на его квартиру.

Орке понялъ свою ошибку, сконфузился и, схвативъ Файтеля за руку, замѣшался въ толпѣ раввинской свиты, двигавшейся впередъ медленными шагами и въ какомъ-то благоговѣйномъ молчаніи.

II.

У краковского раввина.

— Мешуламъ, — сказалъ Файтель раввинскому мешуресу, когда раввинъ, распростившись со своею свитою и разоблачившись, прошелъ въ свою бібліотеку, чтобы засѣсть почти до зари за фолианты богословскихъ произведеній. — Какой-то нарочный, прибывшій изъ очень далекаго города, проситъ свиданія съ раби.

— Въ такую позднюю пору? — спросилъ Мешуламъ удивленно.—Притомъ раби засѣлъ учиться, мѣшать нельзя, боюсь потому онъ этого не любить, да и кто любить, чтобы ему мѣшали?

— Но нарочный говорить, что дѣло ужасно важное, спѣшное; подозрѣваю, что это очень большой секретъ.

— Напримѣръ?

— Какъ же могу знать, что это за секретъ? Я же не царь Соломонъ, чтобы угадывать тайны. А впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть, получено извѣстiе изъ-за Самбатiона, что... Месiя идетъ!

— Фу ты, чортъ!—воскликнулъ Мешуламъ, плюнувъ.—Ишь, что выдумалъ! Развѣ мы съ тобою и со всѣмъ Израилемъ уже такіе праведники, чтобы Богъ сжалился надъ нами и освободилъ насъ изъ мрачнаго *голуca*?

— Но, какъ бы то ни было, раби, можетъ быть, будетъ гнѣваться, если ты ему не доложишь, потому, говорю тебѣ, дѣло, какъ я понимаю, очень важное, нарочный это говорить.

— Гдѣ этотъ нарочный?—спросилъ Мешуламъ.

Файтель бросился къ дверямъ прихожей, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ, и, отворивъ ихъ, проговорилъ въ темноту:

— Ре-ебъ... Какъ бишь васъ? Пожалуйте сюда.

Орке вошелъ. Мешуресъ окинулъ его пронзительнымъ взглядомъ, съ минуту подумалъ и, поскребавъ себѣ подъ ухомъ, пошелъ доложить.

— Впусти его, — сказала р. Моше, отодвинувъ отъ себя лежавшій предъ нимъ фолiантъ.

Орке, сбросивъ съ себя въ передней свою торбу и верхнюю хламиду и охорошившись, предсталъ предъ раввиномъ.

— Я къ вамъ, раби, посланъ шелiохъ-меюхедемъ отъ виленской общины, — отапортовалъ онъ громко и отчетливо, стоя у дверей.

— Отъ виленской общины?—переспросилъ раби, вглядываясь прищуреннымъ взглядомъ въ посланца.—Какъ поживаютъ наши братья на Литвѣ? Благополучно-ли у васъ?

— Не совсѣмъ, раби, за большіе грѣхи наши,—отвѣтилъ посланецъ со вздохомъ,—совсѣмъ, совсѣмъ не благополучно.

— Что?—воскликнулъ раби испуганно.—Враги Израиля опять встають на насъ? Васъ опять гонять изъ страны? Здѣсь, при дворѣ, ничего объ этомъ не слышно, а то я бы зналъ, потому я за всѣмъ слѣжу.

— Не то, раби, — возразилъ посланецъ. — На этотъ счетъ, слава Богу, у насъ спокойно; никто насъ съ мѣста не трогаетъ; мы съ панами живемъ въ ладахъ; воевода князь Радзивиллъ и другіе вельможи къ намъ благоволятъ; наши гвиры большія дѣла съ ними ведутъ. Но намъ угрожаетъ бѣда совсѣмъ другого рода.

— А именно?

— Въ этихъ бумагахъ раби найдеть все въ подробности, — сказалъ посланецъ, приближаясь къ раввину и передавая ему большой пакетъ, запечатанный большой восковой печатью сянго цвѣта.

Р. Моше быстро вскрылъ пакетъ, надѣлъ очки, придвинулъ къ себѣ лампу и сталъ читать, съ лихорадочной поспѣшностью пробѣгая строки и переворачивая страницы.

— Что я слышу?—воскликнулъ онъ, вскочивъ, какъ ужасенный змѣей и хватаясь за голову.—На яву-ли это или это сонъ? Ты... вы,—обратился онъ къ посланцу,—знаете, что пишутъ въ этихъ бумагахъ?

— Какъ же не знать?—сказалъ посланецъ, погладивъ свои пайсы.—Это не секретъ. Весь городъ, весь край, дитя въ колыбели—это знаетъ. У насъ положительное разрушеніе Іерусалима, да сжалится Богъ надъ нами.

— О, Боже, Боже!—вздыхалъ р. Моше, потрясая головой, опускаясь въ кресло и заламывая руки.—Вотъ до чего я дожилъ на старости лѣтъ своихъ! Кто могъ этого ожидать? Кому это могло присниться?... Авраамъ... Авраамъ Іоселесь... мой ученикъ... этотъ великій гвиръ... этотъ прекрасный еврей... этотъ имперскій мудрецъ... этотъ вѣнецъ благочестивой виленской общины... этотъ перлъ литовскаго еврейства! Здоровъ-ли онъ? Не сошелъ-ли онъ съ ума?

— Разно объ этомъ толкуютъ,—сказалъ посланецъ;—всего не перескажешь. Гвиры, можетъ быть, что нибудь знаютъ, но

намъ, темнымъ людямъ, ничего неизвѣстно. Мы дѣлаемъ только догадки; а кто разберетъ, на сколько въ нихъ правды?

— Непостижимы Твои промыслы, о, Господи! — проговорилъ про себя р. Моше, тяжело вздыхая. — Но кто изъ плоти и крови можетъ дерзнуть спрашивать Тебя, что Ты дѣлаешь?

Онъ умолкъ и, скрестивъ на груди руки и склонивъ свою львиную голову, погрузился въ глубокую думу. Онъ казался замершимъ, оцѣпенѣвшимъ въ своемъ раздумьи. Это продолжалось минутъ пять—шесть. Потомъ онъ очнулся и, замѣтивъ стоявшаго у дверей посланца, проговорилъ:

— Вы еще здѣсь? Можете теперь идти. Завтра повозу васъ и дамъ отвѣтъ. Я долженъ переговорить съ предводителями города... Мешуламъ!

Мешуламъ появился въ дверяхъ.

— Накорми и напои этого странника, — гласилъ приказъ раввина, — и дай ему ночлегъ гдѣнибудь у себя.

На слѣдующій день, послѣ утренней молитвы, оберъ-шамесъ казимірской большой синагоги, ударивъ два раза по столу эстрады, находившейся въ самой срединѣ синагоги, провозгласилъ громко, съ разстановкой, отчеканивая каждое слово:

— Слушайте, раббойсай! Раввинъ нашей священной общины, великій, превосходный и знаменитый раби Моше Ландо, да живетъ онъ! — почтительнѣйше просить господъ старость, старѣйшинъ, предводителей и именитыхъ обывателей нашей кегилы пожаловать къ нему на большое собраніе сегодня, часу въ первомъ по полудни.

Стоявшіе у восточной стѣны представители общины, перглянувшись между собою, медленно сошлись у рѣшетчатой ограды кивота, образуя отдѣльную группу, начинавшую переговариваться вполголоса; плебеи, не смѣя подойти къ группѣ нотаблей, вообще зашевелились, засуетились по всей синагогѣ, разбиваясь мало по малу на небольшія группы съ какимъ-нибудь говоруномъ въ каждой.

— О чемъ собраніе? — заголосили во всѣхъ группахъ на разные голоса.

Такъ какъ никто, разумѣется, не зналъ и не могъ знать — о чемъ, то тѣмъ болѣе обширное поле открылось для глубоко-

мысленныхъ догадокъ, въ которыхъ говоруны старались пере-
щеголять другъ друга.

— Король хочетъ сдѣлать на насъ большой налогъ, потому
что онъ собирается на войну съ татарами, а мезумонимъ * въ
казнѣ нѣтъ,—сказалъ кто-то, не то въ видѣ догадки, не то на
основаніи положительныхъ свѣдѣній.

— Какая война!—возразилъ тутъ же другой.—Татаринъ си-
дитъ смирно. Тутъ дѣло совершенно другого рода. Слышно, то
есть, не слышно, а мнѣ одинъ ксендзь говорилъ положи-
тельно, что гнѣзненскій архіепископъ, примасъ Польши, на-
стаиваетъ, чтобы во всей Польшѣ скрыты были всѣ большія
синагоги, потому что по нашимъ привилегіямъ намъ будто
дозволено только строить моельни, божницы, но не большія
синагоги съ альмемерами и девирами **.

— Это возможно, — согласились многіе. — Отъ духовенства
можно всего ожидать. Наша святая религія—имъ тернъ въ
глаза; они готовы проглотить насъ вмѣстѣ со святой Торой
нашей и давно-бы проглотили, если бы не короли: они мо-
нархи милостивые и добросердечные, — продли, Боже, ихъ
жизнь и царство!

— А я полагаю, что дѣло не въ синагогахъ, — замѣ-
тилъ еще кто-то. — На прошлой недѣлѣ, работавшій въ
моемъ пивоваренномъ заводѣ слесарь, нѣмецъ изъ-подъ По-
знани, какъ-то проговорился мнѣ, что въ ихъ странахъ съ
нашими братьями будетъ неладно, потому что народъ имѣетъ
на нихъ зубокъ. И то сказать, кто не имѣетъ на насъ зубокъ,
въ особенности эти проклятые нѣмцы, потому—мы въ торговлю
и они въ торговлю, мы въ ремесла и они въ ремесла, имъ и
завидно, потому нашъ братъ ловчѣе и дешевле работаетъ, да
и не пьянствуетъ. Не будь это сказано въ недобрый часъ,—
боюсь, храни Господи, не сдѣлано-ли нападенія на нашихъ!
За грѣхи наши, это для насъ не рѣдкость: то здѣсь, то тамъ,
вездѣ нашего брата душатъ, грабятъ.

— Это возможно, — согласились многіе. — тѣмъ болѣе, что на-

* Чистоганъ.

** Эстрадами и галлерейми.

родъ, можетъ быть, проникать, что покойные короли Янъ и Александръ не благоволитъ къ намъ, не подтвердили нашихъ привилегій отъ Казимира, блаженной памяти. Вотъ онъ и по-рывается бунтовать противъ насъ. Слава Богу, что эти короли процарствовали недолго, всего 13 лѣтъ, а то Богъ знаетъ что теперь было бы съ нами.

— Нашъ новый король, Сигизмундъ, говорятъ, человѣкъ хорошій, евреевъ любитъ, зла имъ не желаетъ.

— Да, говорятъ. Дай Богъ ему долго жить, здравствовать и царствовать. Мы день и ночь Богу за него молиться будемъ.

— А я, раббойсай, стороной вотъ что слышалъ,—еще отозвался кто-то.—Но... чуръ не разглашать, потому будетъ опасно для всего Израиля. Я хотѣлъ-было молчать, но когда пришлось къ слову, то... Я слышалъ, будто въ Брестѣ-Куявскомъ нашли на паперти синагоги подброшеннаго христіанскаго мальчика съ перерѣзаннымъ горломъ.

— О, Господи!—вырвалось изъ груди всѣхъ здѣсь стоявшихъ, и всѣ заломали руки, хорошо понимая, чѣмъ это пахнетъ.

— И я это слышалъ,—отозвался еще кто-то,—только случай этотъ приключился будто не въ Брестѣ, а въ Калишѣ.

— Не все-ли равно, гдѣ онъ ни случился,—завопили многіе, ломая руки.—Весь Израиль долженъ отвѣчать за всякую напасть, гдѣ бы она ни случилась. Охъ, охъ, охъ, да сжалится Богъ надъ нами! Ни одной спокойной минуты не имѣемъ, то—то, то—се.

Какъ ни гадательны были эти предположенія, они въ сущности были очень близки къ правдѣ, если не въ настоящемъ случаѣ, то вообще. Вся еврейская жизнь тогдашняго времени,—да, и тогдашняго-ли только?—была полна этихъ случайностей. Евреи только и дѣлали, что попадали изъ огня въ полымя и, для разнообразія, изъ пламени въ огонь. Въ этомъ и вся суть, все содержаніе исторіи еврейскаго народа; все же прочее—подробности, которыя однообразны до отвращенія. Никто лучше не могъ быть знакомъ съ утомительно-однообразной программой еврейской жизни, какъ краковская еврейская община, ибо, живя въ самомъ центрѣ, гдѣ эта программа приготавливалась, разрабатывалась и контролировалась, она была

досконально знакома со всѣми ея подробностями. И находясь въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ къ лицамъ, отъ которыхъ главнѣе и зависѣло примѣненіе этой программы, она содержала при себѣ извѣстныхъ специалистовъ подъ названіемъ *штадлонимъ* (ходатаевъ, защитниковъ), которые должны были зорко слѣдить, чтобы программа держалась въ своихъ предѣлахъ. Читая въ разныхъ историческихъ памятникахъ записки, протесты и меморандумы этихъ ходатаевъ, нельзя не удивляться ихъ глубокому знакомству съ дѣйствующимъ и дѣйствовавшимъ въ государствѣ законодательствомъ, ихъ тонкой юридической казуистикѣ, ихъ ловкости и изобрѣтательности, посредствомъ которыхъ имъ иногда удавалось доказывать такой невѣроятный абсурдъ, такую непроходимую чепуху, какъ дважды два—четыре. Въ содержаніи этихъ штадлонимъ участвовали главнѣйшія еврейскія общины Польши и Литвы, словомъ—кагалъ.

Часу въ первомъ по полудни, большой залъ раввинской квартиры былъ наполненъ нотаблями крѣковской еврейской общины. По срединѣ зала, за длиннымъ столомъ, покрытымъ ковровою скатертью голубого цвѣта, сидѣли на деревянныхъ скамьяхъ и табуретахъ духовные и старѣйшины, съ раби Моше Ландо во главѣ, а всѣ прочіе стояли за спинами сидѣвшихъ. Кагалный писарь и его помощникъ сидѣли за небольшимъ отдѣльнымъ столомъ, въ амбразурѣ окна, по лѣвой рукѣ раввина. Всѣ были въ ермолкахъ, только на раввинѣ была его высокая соболья шапка.

— Раббойсай!—началь раввинъ, погладивъ свою бороду.— Вамъ, можетъ быть, не безызвѣстно имя великаго гвира на Литвѣ, р. Авраама Йоселеса?

— Еще бы!—отозвались многіе.— Кто не слыхалъ про р. Авраама Йоселеса?

— А я его лично знаю, то есть, знавалъ тому лѣтъ десять или двѣнадцать,—отозвался р. Шмуэль Кройнъ, богатый лѣсопромышленникъ.— Я съ нимъ дѣла имѣлъ въ Крулевцѣ и Гданскѣ. Знатный купецъ, большая голова.

— А я его еще лучше знаю,—продолжалъ раввинъ,—потому что онъ былъ моимъ ученикомъ, и я его рукоположилъ въ

раввины, когда я былъ председателемъ трибунала въ Брестъ-Литовскомъ. Долго мы вели между собою ученую переписку, которая десять лѣтъ тому назадъ прекратилась, вслѣдствіе наступившихъ для нашихъ братьевъ на Литвѣ весьма невеселыхъ временъ,—да не возвращаются они! Я никогда не сомнѣвался въ томъ, что мой Авраамъ Йоселесъ сдѣлается современемъ великимъ свѣтиломъ въ Израилѣ, потому что голова на немъ гаонская * и познанія его въ обоихъ талмудахъ и ихъ оруженосцахъ, первыхъ и послѣднихъ, громадны. И вотъ, раббойсай, что виленская община пишетъ мнѣ объ этомъ свѣтилѣ въ Израилѣ.

Раби Моше развернулъ бумагу и сталъ читать медленно и съ разстановкой.

Содержаніе этой бумаги состояло въ томъ, что знаменитый во всемъ лагерѣ израильскомъ р. Авраамъ Йоселесъ, этотъ и т. д., неизвѣстно почему, вслѣдствіе чего и за какіе грѣхи литовскихъ евреевъ, но, должно быть, благодаря науцѣнїю и вмѣшательству сатаны и его свиты, собирается обратиться спиною къ святой вѣрѣ отцовъ нашихъ, сдѣлаться христіаниномъ,—съ женою и съ дѣтьми. А потому, зная, какія близкія отношенія, какая тѣсная дружба, во имя неба и святого ученія, всегда существовали между великимъ раввиномъ раби Моше Ландо и р. Авраамомъ Йоселесемъ, священная община г. Вильны, отъ своего имени, а также отъ имени всѣхъ евреевъ великаго княжества литовскаго, склоненная и преклоненная, проситъ, умоляетъ великаго раби Моше какъ можно скорѣе, прибыть въ г. Вильну, дабы силою убѣжденія удержать р. Авраама Йоселеса отъ его соблазна, который угрожаетъ большою опасностью какъ сынамъ Израилевымъ на Литвѣ, такъ равно и всему дому Израильскому. Объ этомъ же самомъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ и со слезами на глазахъ, просятъ и умоляютъ братья р. Авраама Йоселеса, р. Михель и р. Ицхакъ-Айзикъ Йоселевы, именуемые Еззофовичи.

Чтеніе этой бумаги произвело на присутствующихъ удру-

---

* Гениальная.

чающее впечатлѣніе. Они не вѣрили ушамъ своимъ. Они тупо смотрѣли другъ на друга, пожимали плечами и ломали руки.

— Такой гвиръ, такой ученый, чего ему не доставало?— замѣчали многіе.— Наука, величіе и богатство вмѣстѣ,—развѣ можно ожидать чего нибудь лучшаго?

— Но, раббойсай,—началь раввинъ, окидывая взоромъ все собраніе!—дѣло, бѣда не въ томъ, что кто нибудь изъ насъ перебѣгаетъ изъ нашего лагеря въ лагерь враждебный. Это намъ не впервые, это всегда у насъ было и всегда будетъ. Послѣдователи Ахера никогда у насъ не переведутся, и если бы не страхъ предъ костромъ, пыткой и висѣлицей, то несомнѣнно находились бы перебѣжчики и изъ другихъ лагерей; и въ нашихъ перебѣжчикахъ мы въ сущности ничего не теряемъ: сгниль членъ и отвалился отъ тѣла, тѣлу отъ этого лучше, здоровѣе. Отъ перебѣжчиковъ лагерь израильскій не опустѣетъ: мы плодимся и множимся, Божью помощью, и за cadaго перебѣжчика вознаграждаемъ себя сторицей. Но въ р. Авраамъ Йоселесъ литовскіе, а можетъ быть, и польскіе евреи теряютъ не просто члена общины, но покровителя, благодѣтеля, совѣтника, ходатая, защитника отъ всѣхъ враговъ своихъ. Ибо вы, раббойсай, должны знать, что р. Авраамъ Йоселесъ, помимо своей учености и богатства, есть большой хохимъ, человѣкъ политическій, умѣетъ стоять предъ царями, водить дружбу съ государственными сановниками и магнатами, въ рукахъ которыхъ вся судьба народа нашего. Вотъ чего мы можемъ въ немъ лишиться.

— Да сжалится Богъ надъ нами!—вздыхая, произнесли присутствующіе.

— На престолѣ сидитъ монархъ новый. Говорятъ, что онъ человѣкъ хорошій, лучше своихъ покойныхъ братьевъ, отъ которыхъ мы немало претерпѣвали. Но... кто знаетъ? Наше ученіе говоритъ, что «сердце царей и князей—въ рудѣ Божьей»,— въ этому можно прибавить: «и въ рудѣ ихъ совѣтниковъ и приближенныхъ».

— Вѣрно,—согласились присутствующіе.

— Вотъ, около этихъ-то совѣтниковъ намъ всегда нужно имѣть своего человѣка, который бы наблюдалъ, предупреждалъ, защищалъ, въ противномъ случаѣ — Богъ знаетъ, что можетъ

случиться: мы вѣдь пасынки. Такого человѣка мы имѣли въ р. Авраамъ Іоселесъ, а теперь можемъ его лишиться.

— Да сжалится Богъ надъ нами!

— Я пригласилъ васъ, раббойсай,—продолжалъ раввинъ,— во первыхъ, для того, чтобы увѣдомить васъ о томъ, что намъ угрожаетъ: никогда не лишне знать, что будетъ впередъ; и во вторыхъ, чтобы вы разрѣшили мнѣ отпущекъ въ Вильну, согласно уставу нашей кегилы и заключенному между нами условію.

— Согласны! Согласны!—откликнулись единогласно всѣ присутствующіе.—Поѣзжайте съ миромъ и да увѣнчаетъ Господь Богъ успѣхомъ поѣздку вашу.

— Раббойсай, требую слова!—воскликнулъ одинъ изъ старѣйшинъ, вставъ съ своего мѣста.

— Слушаемъ,—отвѣтили присутствующіе.

— Поѣздка нашего дорогого раби, конечно, необходима,— началъ старѣйшина,—и мы всѣ на нее согласны. Но тутъ вотъ какое обстоятельство. Вы, раби, поѣдете въ Вильну; Вильна—община большая и богатая. Очень возможно или вѣрнѣе, чѣмъ вѣроятно, что она захочетъ задержать васъ у себя: она всегда переманиваетъ лучшихъ раввиновъ къ себѣ. А потому, какъ мнѣ кажется, будетъ не лишнимъ и для насъ спокойнѣе, если вы, раби, дадите намъ слово, что вернетесь къ намъ назадъ. Какъ вы полагаете, раббойсай?

— Да, вы правы, р. Уре,—откликнулись всѣ.—Раби дасть намъ это слово.

— О, что до этого,—сказалъ р. Моше, добродушно улыбаясь,—то вы можете быть совершенно спокойны. Во первыхъ, брестскій раввинъ, р. Михель, какъ мнѣ недавно писали, назначенъ быть главою всѣхъ литовскихъ раввиновъ, такъ вы-же понимаете, что стоять мнѣ подъ начальствомъ р. Михеля—ниже моего достоинства, потому что я старше его. Во вторыхъ, я такъ сжился съ краковской общиной, такъ полюбилъ васъ, раббойсай, такъ доволенъ вами, что не промѣняю вашу общину ни на какую общину въ мірѣ. Здѣсь я, если Богъ дастъ, и окончу жизнь свою.

— Да живетъ и да здравствуетъ нашъ добрый раббе сто двадцать лѣтъ!—воскликнули всѣ присутствующіе.

Этимъ вѣзданіе и закончилось. За нимъ послѣдовали большія вечерни, совершенныя соборне тутъ-же. Домочадцы же раввина стали тотчасъ укладывать его вещи и проготовлять холодную провизію на всю дорогу, такъ какъ раввинъ рѣшилъ оставить Краковъ въ эту же ночь, зная, что теперь дорогъ каждый часъ, а путь такой длинный и утомительный.

III.

Брестскій «глухъ».

За двадцать лѣтъ до начала нашего разсказа, этотъ же р. Моше Ландо былъ предсѣдателемъ духовнаго трибунала (авъ-бетъ-динъ) и главой ешибота (рошъ-месивта) въ Брестъ-Литовскомъ, что было тогда очень важнымъ постомъ въ духовной іерархіи литовскихъ евреевъ. Дѣло въ томъ, что брестская еврейская община была тогда первенствующей во всемъ краѣ, да и самый городъ Брестъ былъ въ административномъ отношеніи центральнымъ пунктомъ княжества, почти столицей. Городъ Вильно былъ тогда незначительнымъ городомъ съ весьма небольшимъ населеніемъ, на половину истребленнымъ свирѣпствовавшими тогда эпидеміями, нашествіями крымскихъ татаръ и опустошительными пожарами, заставлявшими жителей искать убѣжища въ близъ лежащихъ городахъ. Городъ Вильно зацвѣлъ и сдѣлался центромъ нѣскольکو десятковъ лѣтъ спустя, благодаря Сигизмунду-Августу, особенно полюбившему Вильно и сдѣлавшему его своей постоянной резиденціей, можетъ быть, вслѣдствіе близости этого города къ Трокамъ, гдѣ процвѣтала прекрасная Барвара Радзивиллувна, жена трокскаго воеводы Гастольда, на которой онъ, когда она овдовѣла, и женился, вопреки кознямъ своей матери, хитрой итальянки Боны.

Въ это же время, въ брестской общинѣ игралъ первую роль нѣкій р. Йоселе Ханесъ, человѣкъ не очень знатнаго происхожденія, но очень разбогатѣвшій отъ весьма счастливыхъ коммерческихъ оборотовъ и своего особеннаго умѣнья ладить съ магнатами и околичной шляхтой, у которыхъ онъ былъ довѣреннѣйшимъ фактотумомъ. Счастливому р. Йоселе везло не только по коммерціи, но во всемъ, даже и въ семейной жизни. У

него было трое сыновей: Авраамъ, Михель и Айзикъ, одинъ другого лучше. Въ особенности отличался самый старшій, Авраамъ, мальчикъ необыкновенно красивый, въ высшей степени даровитый, умный и трудолюбивый. Отецъ ничего не жалѣлъ для его воспитанія въ тогдашнемъ, строго-ортодоксальномъ духѣ. Онъ выписывалъ для него самыхъ лучшихъ талмудистовъ, платилъ имъ щедро, дабы они тѣмъ усерднѣе и добросовѣстнѣе занимались съ его любимцемъ, что они и дѣлали.

Когда мальчику минуло десять лѣтъ, его послѣдній мела-медъ явился къ отцу и объявилъ:—Ребъ Йоселе! Я больше обучать вашего мальчика не буду, потому что не могу: онъ большій ламданъ, чѣмъ я. Не хочу васъ обманывать и даромъ деньги брать, да и мнѣ самому предъ нимъ стыдно: онъ часто ставитъ меня вупикъ такими вопросами, на которые я не знаю отвѣта, хотя я, Божьею помощью, ламданъ совсѣмъ не дюжинный. Здѣсь, въ городѣ для него нѣтъ никакихъ меламедовъ.

Это заявленіе, разумѣется, весьма обрадовало счастливаго отца, но въ то же время и опечалило, ибо—что дѣлать съ Абрамкой теперь? Онъ же еще такъ молодъ! Не женить же его.

Ребъ Йоселе, впрочемъ, не долго думалъ, что ему дѣлать. На слѣдующій же день, поутру, онъ, взявъ Абрамку за руку, отправился съ нимъ къ р. Моше Ландо.

— Раби,—сказалъ онъ послѣднему.—Являюсь къ вамъ въ первый разъ съ просьбою; надѣюсь, что раби не откажетъ мнѣ. Будьте такъ добры, благоволите проэкзаменовать вотъ этого моего мальчугана. Его мелаеды говорятъ, что они обучать его не могутъ. Хоть я, слава Богу, не совсѣмъ же *амъ-гаареицъ* (невѣжда), потому что въ молодости, какъ водится, тоже учился талмуду, да и теперь я иногда въ него заглядываю, когда время позволяетъ, однакожъ, быть судьбою въ такомъ тонкомъ дѣлѣ, какъ наша святая Тора, море талмуда, я не могу, не смѣю. Будьте вы судьбою, дорогой раби, на колѣняхъ васъ прошу.

Р. Моше не заставилъ себя долго просить. Разспросивъ мальчика о пройденныхъ имъ трактатахъ, онъ снялъ съ полокъ своей библіотеки нѣсколько фолліантовъ и сталъ экзаменовать. Онъ экзаменовалъ долго, серьезно, то изъ того трактата,

то изъ другого—и результатъ вышелъ блистательный. Р. Моше былъ удивленъ, восхищенъ. Онъ крѣпко обнялъ мальчика и поцѣловалъ его въ лобъ. Потомъ, обратившись къ отцу, онъ сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Да, р. Иосифъ, васъ можно поздравить съ такимъ сыномъ. такимъ рѣдкимъ мальчикомъ. Меламды говорили вамъ правду: они въ самомъ дѣлѣ не въ состояніи обучать его. Я его беру въ свой ешиботъ, т. е. не въ ешиботъ, а подъ свое особое попеченіе, я самъ буду обучать его, онъ при мнѣ же будетъ заниматься. Изъ него выйдетъ *сосудъ*. Я почти увѣренъ, что онъ будетъ великимъ въ Израилѣ. Благодарю васъ, р. Иосифъ, что вы обратились ко мнѣ; надѣюсь, что онъ, Божьею помощію, выйдетъ изъ моихъ рукъ тѣмъ, чѣмъ ему суждено быть,—да продлитъ Господь дни его.

Р. Иоселе почувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. Онъ чуть не бросился на колѣни предъ раввиномъ, поцѣловалъ рукавъ его сутаны и почти на рукахъ понесъ своего мальчика домой.

Авраамъ сдѣлался любимѣйшимъ ученикомъ р. Моше и дѣлалъ такіе гигантскіе шаги впередъ, что когда ему минуло тринадцать лѣтъ и онъ въ день празднованія своей конфирмаціи произнесъ въ блестящемъ собраніи всѣхъ нотаблей брестской кегилы сочиненную имъ самимъ *дрoше* (диссертацию), весь раввинскій синклитъ, съ р. Моше Ландо во главѣ, единогласно, при громкихъ рукоплесканіяхъ и крикахъ вивать! нашелъ его достойнымъ рукоположенія въ раввины.

Восхищенный до изступленія, отецъ разрыдался, какъ ребенокъ, а мать упала въ обморокъ; все собраніе было тоже въ высшей степени восхищено и растрогано: никто не сомнѣвался, что на горизонтѣ высшей еврейской науки восходитъ великое лучезарное свѣтило, нѣчто въ родѣ р. Саадія, р. Шриры и р. Гаи-гаоновъ, блиставшихъ въ самую мрачную эпоху средневѣковой еврейской жизни.

Рукоположеніемъ, однакоже, по общему согласію духовенства, не торопились, дабы мальчикъ не возгордился и не сдѣлался строптивымъ, а потому отложили этотъ торжественный актъ до времени его вступленія въ бракъ, которое, вѣроятно, не заставитъ себя долго ждать.

Одною изъ отраслей коммерческихъ оборотовъ хлопотливаго р. Иоселе Ханеса была винная торговля. Его винный погребу былъ первымъ въ городѣ и во всемъ брестскомъ округѣ. Къ этому погребу, въ которомъ операціи производились en gros, примыкали покой, въ которыхъ дѣло шло распивочно. Недостатка въ завсегдатаяхъ изъ сермяжной шляхты, отставныхъ военныхъ и муниципальных чиновникахъ не было, потому что старыя поляки были очень усердные питухи: венгерскому и старому меду они всегда отдавали полную справедливость. Между этими завсегдатаями обращала на себя вниманіе своими странностями какая-то темная личность, о которой никому неизвѣстно было, кто она, откуда, чѣмъ занимается и чѣмъ существуетъ. Это былъ еще довольно бодрый старикъ высокаго роста, сѣдой какъ лунь, съ необыкновенно длинными и густыми усами, орлинымъ носомъ и лицомъ выразительнымъ, но довольно добродушнымъ. Назывался онъ Гервасіемъ Шешло, а можетъ быть, и иначе, но никто не зналъ его общественнаго положенія—шляхтичъ-ли онъ или кметъ. Одни говорили, что онъ бѣглый изъ монастырскаго заточенія растрига, а другіе—что онъ почему-то бросившій свою родину запорожець, — послѣднее на основаніи того, что онъ иногда мурлыкалъ себѣ подъ носъ гайдамацкія пѣсни. Странность этого не то растриги, не то запорожца состояла въ томъ, что онъ избѣгалъ людей, ни съ кѣмъ не знакомился, ни съ кѣмъ не заговаривалъ, а, взявъ съ буфета большую кружку стараго меду, усаживался въ разъ навсегда опредѣленномъ углу, пилъ свою кружку нѣсколько часовъ, разговаривая съ самимъ собою, жестикулируя руками и ни на что больше не обращая вниманія. Когда обращались къ нему съ вопросомъ, онъ, бывало, взглянетъ на вопрошающаго, погладитъ свои усы, кашляетъ и—ничего не отвѣтитъ. Съ однимъ только онъ иногда любилъ заговаривать, это — съ Абрамкой, сыномъ р. Иоселе, который въ свободное отъ талмудическихъ занятій время завернетъ бывало въ распивочную, чтобы поглазѣть на пановъ, на игру въ кости и т. п. Красивый и бойкій мальчикъ, видно, очень нравился странному старику: тотъ, бывало, часто подзываетъ его къ себѣ, гладитъ его по головкѣ и по спинѣ и о чемъ-то толкуетъ съ нимъ.

Разъ, замѣтивъ за буфетомъ р. Йоселе, что случилось очень рѣдко, потому что буфетомъ завѣдывала жена р. Йоселе, старикъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Славный у васъ мальчуга, пане Йосель. Головка на немъ... что называется. Въ кого онъ только уродился?

— Слава Богу!—отвѣтилъ р. Йоселе съ самодовольной улыбкой.

— Я охотно взялся-бы учить его чему нибудь.

— Онъ уже учится, можно сказать, день и ночь учится.

— Знаю, что учится, но чему? Вашему талмуду. А такому хлопцу не грѣшно учиться еще чему нибудь.

— Чему это?

— Латыни, польщизнѣ, счету, географіи и мало-ли чему? Наукъ много.

— Въ нашемъ талмудѣ все есть, наши мудрецы все знали.

— То-то и есть, что не все. Ваши шейне-морейне, не во гнѣвъ имъ будь сказано, знаютъ все, а въ сущности—ровно ничего. Что на свѣтѣ есть—не знаютъ, съ человѣкомъ говорить не умѣютъ. Головы на нихъ, пожалуй, хорошия, а онѣ чертъ знаетъ какою дребеденью набиты. О, я не разъ пробовалъ разсуждать съ ними: сущія дѣти.

Ребъ Йоселе сдѣлалъ кислую гримасу и пожалъ плечами, какъ-бы говоря: ну, много-же ты смыслишь въ нашихъ мудрецахъ!

— Ужъ вы, пане Йосель, не спорьте со мною,—продолжалъ старикъ, понявъ значеніе гримасы купца.—Знаю вашихъ, какъ свои пять пальцевъ: не одинъ кулъ соли съѣлъ съ ними. А жаль будетъ, если такой славный мальчуганъ, какъ вашъ, пропадетъ ни за что. Талмудъ талмудомъ. Я не говорю, чтобы онъ не учился вашимъ наукамъ, но надобно, чтобы онъ учился и нашимъ; ей-Богу, пригодятся ему въ жизни. Право, пане Йосель,—умолялъ старикъ,—отведите мнѣ въ вашемъ домѣ какой нибудь уголь, и я отъ времени до времени буду учить его наукамъ, въ которыхъ я что нибудь маракую. Я увѣренъ, что вы будете довольны. Я ничего съ васъ за это не возьму, мнѣ ничего не нужно.

Какъ ни страннымъ и даже нелѣпымъ показалось р. Йоселю предложеніе этого чудака, онъ, однакоже, какъ опытный купецъ,

не рѣшающій никакого дѣла экспромптомъ, не отказаль чудаку на-отрѣзъ, а сказалъ, что подумаетъ.

Онъ нѣсколько дней думаль и, какъ человекъ практическій, порядочно потерпѣйся въ свѣтѣ, пришелъ къ заключенію, что можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ не мѣшаетъ, чтобы его Абрамка знала что нибудь и изъ *илъ* науки: это ему во всякомъ случаѣ пригодится даже въ званіи раввина. Какъ одинъ изъ представителей брестской общины, онъ не разъ убѣждался, что раввины и вообще еврейскія доховныя лица, при всемъ ихъ величїи, въ сущности самые безпомощные люди. Мысли у нихъ высокія, а «говорить съ человекомъ не умѣютъ», какъ вѣрно выразился этотъ чудакъ. Отъ этого много страдаютъ еврейскіе интересы, въ особенности, когда дѣло идетъ съ государственными сановниками, которые, кромѣ раввиновъ, никого знать не хотятъ. Имѣя это въ виду, р. Йоселе изъявилъ согласіе, и занятія Гервасія Шешло съ Абрамкой начались, чему послѣдній былъ радъ, какъ новинкѣ.

Гервасій сталъ учить своего питомца латыни по библіи, а польской грамотѣ по почти первой въ тогдашнее время книгѣ на польскомъ языкѣ «Псалтырь королевы Маргариты», по «Пѣснѣ Богородицѣ» и другимъ церковнымъ гимнамъ, что молодаго еврейчика нисколько не шокировало, такъ какъ онъ интересовался только лексической стороною дѣла, а учитель былъ такъ добросовѣстенъ, что не растолковываль ему смысла и содержания, ибо побочныхъ, прозелитическихъ цѣлей не имѣлъ, будучи, повидимому, самъ не особенно религіозенъ. Мнѣніе, что онъ былъ монахомъ и дезертировалъ изъ келїи, имѣло за собою, по всѣмъ видимостямъ, больше основанія. Авраамъ учился прилежно и дѣлаль такіе же блестящіе успѣхи, какъ и въ талмудѣ, такъ что по истеченіи двухъ лѣтъ онъ изрядно зналъ латинскій и польскій языки, цифирную и другія элементарныя науки тогдашняго времени, которыя очень ему понравились.

По пятнадцатому году его женили на очень красивой, богатой и хорошаго происхожденія дѣвушкѣ, но съ нѣкоторымъ изъяномъ. Дѣло въ томъ, что эта дѣвушка, по имени Анна, дочь богатаго купца Вольфа Вайна изъ Гродно, сильно при-

глянулася одному изъ гродненскихъ магнатовъ. Съ легкой руки и по примѣру Казимира Великаго, высшая польская шляхта стала часто заглядываться на еврейскихъ женщинъ, находить ихъ красивыми, и разными фортелями, а также насиліемъ соблазнять ихъ. Гродненскому магнату уже удалось было похитить Анну, и она погибла-бы, но благодаря энергическому вмѣшательству гродненскаго епископа, покровительствовавшаго Вольфу Вайну, была спасена во-время. Боясь дальнѣйшаго соблазна, Вольфъ отправилъ свою дочь въ Брестъ, къ р. Йоселе, который приходился ему дальнимъ родственникомъ, — это и вызвало тѣсное сближеніе между Анной и Авраамомъ. Мать Авраама, очень щепетильная женщина, пробовала препятствовать этому союзу, такъ какъ она находила казусъ съ магнатомъ большимъ пятномъ на репутаціи своей будущей снохи. Но Авраамъ, который очень рано сталъ обнаруживать необыкновенную твердость характера, настаивалъ и поставилъ на своемъ.

— Женюсь на Аннѣ — или ни на комъ, — объявилъ онъ и крѣпко держался этого. Протесты матери ни къ чему не повели, тѣмъ болѣе, что отецъ втайнѣ держалъ сторону сына, котораго онъ обожалъ и которому ни въ чемъ не отказывалъ, находя, что «илую» должна быть предоставлена воля во всемъ.

Свадьба была отпразднована съ подобающимъ торжествомъ и пышностью, и молодые, какъ водится, остались на хлѣбахъ въ родительскомъ домѣ на неопредѣленное время, тѣмъ болѣе, что р. Йоселе и его жена ни за что не хотѣли разставаться съ своимъ любимымъ сыномъ, какъ ни старались родители Анны переманить молодыхъ къ себѣ. Авраамъ продолжалъ совершенствоваться въ еврейской богословской наукѣ все еще подъ руководствомъ р. Моше Ландо, не переставая въ то же время расширять и *профанная* свѣдѣнія, приобретенныя имъ у Гервасія Шедло, который внезапно куда-то исчезъ изъ Бреста. Все шло какъ слѣдуетъ и по желанію. Р. Йоселе богатѣлъ все больше и больше и приобрѣталъ все большій вѣсъ въ общинѣ и все большее уваженіе у пановъ, съ которыми онъ велъ самыя обширныя дѣла. Какъ вдругъ...

Надъ богатымъ, благополучнымъ и счастливымъ семействомъ перваго гвира Бреста разразилась бѣда, на которую никто

не рассчитывалъ. Въ одинъ вечеръ, когда счастливый р. Йоселе пышнымъ пиршествомъ праздновалъ благополучный исходъ громаднаго коммерческаго предпріятія, угрожавшаго ему сначала потерей большей половины его состоянія, въ его домѣ случился пожаръ, который истребилъ почти все его состояніе.

Въ одну ночь первый въ городѣ гвиръ превратился въ бѣднаго обывателя!

Эта катастрофа такъ подавляюще подѣйствовала на гордаго и всегда счастливаго р. Йоселя, что онъ не выдержалъ и мѣсяцъ спустя умеръ, какъ подозрѣвали, насильственной смертью. Страховка имуществъ тогда еще не была въ обычай.

Какъ еще ни молодой былъ старшій наслѣдникъ р. Йоселе. Авраамъ, онъ, однакоже, былъ уже достаточно развитъ и серьезенъ, чтобы понять, что семейное бремя онъ долженъ взвалить на себя. Ему не трудно было бы достать какой нибудь духовный постъ въ Брестѣ или въ другой еврейской общинѣ, такъ какъ имя его, какъ перваго ученика знаменитаго р. Моше Ландо, уже гремѣло на большомъ пространствѣ литовскаго края, да и учитель его вызвался содѣйствовать ему въ этомъ. Но онъ за духовнымъ постомъ не гонялся, во первыхъ, потому, что считалъ себя еще не созрѣлымъ для этого поста и, во вторыхъ, общеніе его съ Гервасіемъ Шешло вызвало во всемъ его существѣ нѣчто, заставившее его смотрѣть нѣсколько иначе на свѣтъ и на людей и относиться съ меньшимъ восторгомъ къ еврейскимъ почестямъ, отличіямъ и должностямъ. Онъ стремился къ чему-то высшему, болѣе практическому и самостоятельному. Его влекло въ свѣтъ, къ практической дѣятельности.

— Я раввиномъ быть не могу, — отвѣчалъ онъ р. Моше Ландо на его предложенія, — не чувствую себя способнымъ къ этой трудной и отвѣтственной должности. Могу быть только обывателемъ, купцомъ.

— А развѣ всѣ раввины соотвѣтствуютъ занимаемой имъ должности?—спрашивалъ учитель.

— Но я посредственнымъ раввиномъ быть не хочу, — отвѣчалъ онъ коротко, скрывая свою настоящую причину; — чувство собственнаго достоинства не позволяетъ мнѣ этого.

Собравъ остатки отцовскаго состоянія, а также своего и

своей жены приданаго, онъ пустился въ торговые обороты, сдѣлался купцомъ. Сначала дѣло пошло довольно успѣшно, потому что недостававшую ему опытность замѣняли его блестящія способности, быстрая сообразительность, изобрѣтательность и необыкновенная энергія. Но бѣда была въ томъ, что бывшіе конкуренты его отца, противъ превосходства и монопольныхъ замашекъ котораго они боролись безуспѣшно очень долгое время, рѣшились теперь мстить сыну за все претерпѣнное ими отъ отца, и они молодому купцу пакостили на каждомъ шагу, дѣлали противъ него стачки и отнимали у него прежнихъ кліентовъ.

— Вы нарушаете *хазаку* и *мааруфію* *,— кричалъ онъ своимъ соперникамъ, — я вамъ не смолчу, я васъ потребую къ духовному суду! Я себя въ обиду не дамъ.

Судъ дѣйствительно состоялся. Но его соперникамъ удалось доказать фактически, что его отецъ, покойный р. Йоселе, не разъ нарушалъ *хазаку* и *мааруфію* многихъ изъ нихъ, а потому Авраамъ процессъ проигралъ.

Онъ, однакоже, не растерялся. Убѣдившись, что ему въ Брестѣ не сдобровать и чувствуя въ себѣ необыкновенныя способности къ торговымъ оборотамъ, онъ бросилъ свой родной городъ и переселился въ Ковно, что свидѣтельствовало о его необыкновенной энергіи и рѣшимости и предвѣщало, что онъ далеко пойдетъ.

Въ Ковнѣ Аврааму Йоселесу сразу повезло. Слава великаго талмудиста приобрѣла ему уваженіе, покровительство и поддержку всей тамошней еврейской общины, а его общая интеллигентность доставила ему доступъ въ христіанскіе круги, которые оцѣнили его обширный умъ и необыкновенныя способности по достоинству. Онъ сдѣлался любимцемъ не только шляхты, но и высшаго магнатства, которое довело свѣдѣніе о немъ до самого короля. Александръ Ягелло, полюбопытствовавъ взглянуть на «рѣдкостнаго жида», вытребовалъ его въ Вильну, поговорилъ съ нимъ, и «рѣдкостный жидъ» такъ понравился ему, такъ обворожилъ его, что онъ возвелъ его въ

* Право собственности на извѣстныя занятія.

шляхетское достоинство и отдалъ ему въ откупъ всѣ государственныя сборы, подати и налоги ковенскаго воеводства. Авраамъ Иоселесъ сталъ называться *Езофовичемъ*, имѣя въ своемъ гербѣ «ястреба», и зажилъ на шляхетскую ногу, благо вкусъ, тактъ и тонъ были ему свойственны отъ природы. Словомъ, онъ блаженствовалъ. Но блаженство, какъ отдѣльныхъ евреевъ, такъ равно и всего еврейскаго народа, какъ теперь, такъ и всегда—эффемерно: вдругъ оно является и вдругъ исчезаетъ, такъ какъ твердой почвы подъ нимъ нѣтъ.

Въ 1495 году, король, по ходатайству католическаго духовенства, а также вслѣдствіе чрезмѣрныхъ долговъ казны и магнатовъ евреямъ, издалъ декретъ, осуждавшій на изгнаніе изъ предѣловъ великаго княжества Литовскаго всѣхъ евреевъ, которые не изъявлять согласія на принятіе христіанства.

Подъ давленіемъ этого декрета, не мало евреевъ, въ особенноти же изъ богатаго класса, перешли въ христіанство; но Езофовичъ остался вѣренъ религіи отцовъ своихъ. А потому, пріѣхавъ въ Вильну и сдавъ правительству отчетъ по содержавшимся имъ казеннымъ откупамъ *, онъ взвалилъ котомку на плечи, взялъ посохъ въ руку, оставилъ негостепріимный край и пошелъ странствовать по міру наравнѣ съ десятками тысячъ своихъ несчастныхъ единоплеменниковъ.

И. Леванда.

(Продолженіе будетъ).

---

* «Того-жъ дня (7-го мая 1495 г.) Авраамъ, городничій Ковенскій, дѣлалъ либу у Вильни» (Лит. Метр., кн. Зап. 6-я, стр. 330).

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ИЗЪ ТАЛМУДИ- ЧЕСКОЙ ЭПОХИ *.

(Посвящается еврейской молодежи).

Неблагопріятныя условія исторической жизни евреевъ сосредоточиваютъ главнымъ образомъ вниманіе ихъ на созданіи учрежденій, которыя временно могли бы облегчить настоятельныя нужды дня. Притомъ, большая часть этихъ учрежденій отличается характеромъ отрицательнымъ, имѣетъ задачею устранить временныя народныя бѣдствія. Только немногія изъ нихъ принимаютъ характеръ положительный, имѣющій цѣлью улучшение экономическаго быта народа. Но всѣ они не идутъ далѣе матеріальныхъ нуждъ еврея. Забота же о болѣе возвышенныхъ нуждахъ народа, объ удовлетвореніи нравственной потребности оставлена безъ вниманія. Во всей Россіи нѣтъ ни одного учрежденія, которое могло бы принять въ свои руки осуществленіе нравственныхъ задачъ, въ высокой степени важныхъ для народа; нѣтъ и необходимыхъ, насущныхъ источниковъ, по которымъ можно было бы ознакомиться съ исторіею и литературою евреевъ, именно съ тѣмъ, въ чемъ выражается богатое достояніе нашего прошлаго. Между тѣмъ такая дѣятельность вызывается именно современными условіями жизни русскихъ евреевъ. Наши западные единовѣрцы только этою стороною своей дѣятельности и оказали существенную услугу народу. Специально-еврейская наука и специально-еврейскіе

---

* Источниками служили: исторія Гретца и Юста, «Real-encyclopädie für Bibel und Talmud» г. Гамбургера, דור דור ודוריו, г. Вейса.

центры ея развитія вовсе не дѣйствовали обособляющимъ образомъ на евреевъ. Напротивъ, они способствовали, съ одной стороны, ознакомленію евреевъ съ законами развитія ихъ исторической жизни, а съ другой—восполнили ощутительный пробѣлъ въ различныхъ отрасляхъ общей науки. И то, и другое могло только содѣйствовать взаимному сближенію народовъ. Евреи западныхъ государствъ достигли самосознанія, выразившагося въ убѣжденіи, что они составляютъ часть цѣлаго, которую историческая судьба вела по тѣмъ же законамъ прогресса, по которымъ шло развитіе всего человѣчества. Другіе народы вынесли также убѣжденіе въ томъ, что духъ еврейской письменности и догматика іудаизма, не смотря на исключительность историческихъ условій, согласны съ общечеловѣческой наукою и общечеловѣческою моралью. Еще болѣе, они убѣдились и въ томъ, что самая исключительность условій, при которыхъ развивалась историческая жизнь евреевъ, подтверждаетъ только общій законъ, въ силу котораго отклоненіе отъ общихъ условій развитія ведетъ и къ исключительнымъ результатамъ, и что необходимо поэтому измѣнить особенное отношеніе къ евреямъ. Въ западной Европѣ наука о евреяхъ доступна всѣмъ и въ такой степени популярна въ христіанскомъ обществѣ *ученыхъ*, что исключается всякая—у насъ, къ сожалѣнію, столь широкая—возможность новоявленныхъ ученыхъ, которые въ разныхъ учрежденіяхъ, разрѣшающихъ судьбу евреевъ, разыгрываютъ роль авгуровъ, выдающихъ свое невѣжество Богъ вѣсть за какую ученость. Наши современные условія, нѣсколько обострившіяся въ послѣднее время, требуютъ энергическихъ усилій, направленныхъ на уничтоженіе розни внутри самаго еврейства и внѣ его. Чтобы достигнуть разрѣшенія этой задачи, необходимо идти по слѣдамъ нашихъ западныхъ единовѣрцевъ. Мы должны оставить вкоренившуюся мысль, что разъясненіе истиннаго характера народа, его прошлаго и настоящаго, ни къ чему не поведетъ, потому, дескать, что враждебно къ намъ расположенныя сферы лучше насъ убѣждены въ правотѣ нашего дѣла и дѣйствуютъ въ духѣ недружелюбія совершенно по другимъ основаніямъ. Такая мысль—коренное заблужденіе, которое можетъ завести въ непроходи-

мую глушь безвѣрія. Оно можетъ усыпить самодѣятельность и довести до отчаянія. Напротивъ, выясненіемъ дѣйствительнаго положенія дѣла, широкимъ распространеніемъ историческаго знанія—можно дѣйствовать на честныхъ государственныхъ людей и направить ихъ на истинный путь, гдѣ можно отыскать затерявшуюся правду о евреяхъ. Антисемитическая гидра, которая широко задумала въ западной Европѣ извести евреевъ ложными, хитро-сплетенными и искусно-обставленными обвиненіями, должна была сложить свои усѣченные головы къ ногамъ просвѣщающей науки, и невѣжественные авгуры ея должны были смолкнуть предъ авторитетомъ этой послѣдней. Одно знаніе, которое озаряетъ умы и открываетъ недоступныя, или плохо освѣщенные области, въ состояніи совершить переворотъ въ умахъ людей, а безъ знанія, безъ науки, невѣжество укрѣпляется и укрѣпляетъ другихъ. Борьба съ внутреннимъ и внѣшнимъ невѣжествомъ должна стать на первомъ планѣ, и мы должны содѣйствовать всѣми силами успѣху этой борьбы.

Но у насъ даже нѣтъ первыхъ необходимыхъ орудій нравственной борьбы, нѣтъ даже толково составленной исторіи евреевъ вообще и исторіи русскихъ евреевъ—въ частности. Нѣтъ надобности,—мы думаемъ,—доказывать, что переводъ исторіи Гретца не можетъ принести у насъ существенной пользы. Она настолько специальна, что не можетъ рассчитывать на популярность. Намъ необходимо составить исторію краткую, которая обнимала бы собою всю историческую жизнь евреевъ и составляла бы не перечень событій, а скорѣе общую характеристику главныхъ ея эпохъ съ изображеніемъ ихъ духа и направленія по главнымъ ихъ дѣятелямъ, около которыхъ группировались бы важнѣйшія событія. Кромѣ такихъ характеристикъ, имѣла бы важное значеніе культура еврейской исторіи и затѣмъ исторія письменности евреевъ. Такая исторія, взятая въ общихъ своихъ основаніяхъ, могла бы натолкнуть мысль еврейской молодежи и любителей не-евреевъ на специальное изученіе тѣхъ или другихъ эпохъ, на ознакомленіе съ тою или другою стороною культурно-историческихъ моментовъ, на изслѣдованіе еврейской письменности въ томъ или другомъ періодѣ ея развитія. Но составленіе такой исторіи потребовалась бы масса

труда и средствъ, превышающая силы отдѣльнаго человѣка. Для этого было бы необходимо, уразумѣвъ сущность такой задачи, дѣйствовать въ духѣ единенія, и, собравъ всѣ находящіяся въ наличности силы, составить общій планъ исторіи, распредѣливъ между призванными отдѣльными ея части. Независимо отъ этого, къ еврейской духовной интеллигенціи, которая желала бы принять на себя такой трудъ, должна была бы присоединиться и другая интеллигенція, которая въ состояніи практически осуществить идею объ изданіи такой исторіи, составляющей насущный хлѣбъ данной минуты. Пока же произойдетъ такое соединеніе силъ для общей пользы, необходимо дать то, что оказывается возможнымъ для отдѣльнаго человѣка; необходимо собрать историческій матеріалъ по эпохамъ, дать ему надлежащее освѣщеніе и оцѣнку и, такимъ образомъ, мало-по-малу, трудами многихъ лѣтъ готовить почву для будущихъ работниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ создать для молодежи хоть бы суррогатъ исторіи. Такъ началась дѣятельность западныхъ нашихъ единовѣрцевъ; такъ она, очевидно, начинается у насъ, хотя намъ, благодаря опыту, можно было бы идти уже не зигзагами, а прямою дорогою, направленіе которой предъ нами такъ ясно намѣчено. Но дѣлать нечего: лучше не жалѣть труда на прохожденіе болѣе длиннаго пространства, чѣмъ отказаться отъ всякаго движенія. Быть можетъ, прошлое наше вызоветъ подражаніе, быть можетъ, наши дѣятели также придутъ къ сознанію необходимости направить общія, соединенныя силы на развитіе внѣ насъ самосознанія, а внѣ—лучшихъ идей челоѣколюбія и разумнаго пониманія общечеловѣческихъ началъ. Вся исторія евреевъ представляетъ собою одну задачу—бережливаго культивированія этихъ началъ, потому что—кому же можетъ быть болѣе дорого челоѣколюбіе, какъ не тѣмъ, которые плотью и духомъ своимъ добываютъ его у челоѣчества и которые успѣли пронести испещренное кровью знамя его чрезъ ряды тысячелѣтій, все вѣвая объ одномъ и томъ же—о челоѣколюбіи. Благородные люди нашей націи, люди разныхъ сферъ и классовъ, духъ которыхъ живетъ въ духѣ народа, — его прошломъ, настоящемъ и будущемъ, — должны стать подъ этимъ знаменемъ, должны не

только молиться за просвѣщеніе друзей и недруговъ, но и дѣйствовать въ духѣ этого просвѣщенія. Цѣль такого просвѣщенія—внутреннее примиреніе партій и искорененіе внѣшней розни, но не въ смыслѣ поглощенія однихъ другими, а въ смыслѣ взаимнаго признанія и уваженія. Самосохраненіе и самостоятельное развитіе силы, отличающейся своими особенностями, не противорѣчитъ существованію рядомъ съ ней такой же силы, если только обѣ онѣ стремятся къ осуществленію одной или даже разныхъ задачъ, но направленныхъ къ одной цѣли. Разнородность дѣйствующихъ силъ вноситъ оживленіе въ дѣятельность и оберегаетъ ее отъ застоя и односторонности.

Предлагаемые очерки и могутъ въ достаточной степени укрѣпить сознаніе необходимости именно такой животворной, лишенной фанатической односторонности, дѣятельности. Мы избрали на первый разъ талмудическую эпоху, которая представляется намъ самою свѣтлою и исполненною столькихъ разумныхъ началъ, что молодое поколѣніе евреевъ можетъ черпать въ ней матеріалъ для усовершенствованія своего развитія и открывать идеалы жизни, вдохновляющіе къ живой, плодотворной и созидательной дѣятельности.

I.

Г и л л е л ь

(Законовѣдъ, вавилонянинъ).

Дѣятельность Гиллеля обвиняетъ эпоху быстрого паденія римской республики и скорого приближенія потери политической независимости Іудеи. Замѣчательно, что оба государства, столь различныя по своему политическому строю, въ эпоху Гиллеля достигли такого историческаго момента, когда совершенно сходныя основанія неминуемо должны были вести ихъ къ одной и той же пропасти. Властолюбивый Римъ, достигшій въ то время самаго крайняго расширенія своихъ предѣловъ, всасывалъ въ себя всѣ соки провинцій и долженъ былъ пасть отъ своей собственной тяжести. По мѣрѣ возрастанія внѣшней славы Римъ сталъ нравственно разлагаться: всѣ слои общества, и низшіе и высшіе, были крайне деморализованы, и рим-

ское общество должно было испытать горькую участь гражданскихъ междоусобій. Въ то самое время Іудея попала въ руки властолюбивыхъ идумеевъ. Захвативъ власть, они стали больше заботиться о расширеніи предѣловъ Іудеи, чѣмъ о внутреннемъ благосостояніи страны. Будучи римлянами по духу, они отличались жаждою завоеванія и стремленіемъ къ сосредоточенію власти исключительно въ своихъ рукахъ. Это была эпоха Ирода, который поставилъ себѣ задачею истребить все потомство славныхъ Маккавеевъ, лишь бы удержать власть въ своемъ родѣ. При такихъ чисто-римскихъ наклонностяхъ не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы при дворѣ думали и заботились о народномъ благѣ. Правда, народная нравственность въ Іудеѣ держалась на жизненной силѣ закона. Но къ этому времени источники этой народной силы стали изсякать: представители великаго синедріона, единственные вдохновители народной идеи, пошатнулись въ своемъ авторитетѣ съ тѣхъ поръ, какъ скончался глава его — Шемая, который своимъ смѣлымъ и могучимъ словомъ еще импонировалъ какъ іудейской, такъ и римской власти. Главное мѣсто въ синедріонѣ заняли бетеріанцы, которые отличались строгостью направленія, коренившися въ знаніи закона и его традицій. Вся народная масса осталась безъ истинныхъ покровителей и стонала подъ гнетомъ налоговъ, а еще болѣе подъ игомъ такихъ религіозныхъ стѣсненій, которыя тяжело отразились на ихъ экономическомъ бытѣ.

Въ эту именно трудную эпоху суждено было заняться зарѣ новой жизни. На горизонтѣ синедріона взошло яркое свѣтило, которое должно было озарить своимъ блескомъ не только одну Іудею и освѣтить совершенно новый путь — путь *человѣчности въ законъ и миролюбія въ жизни челоѣчества*. Это былъ — законовѣдъ Гиллель, живущій и теперь еще въ народѣ своими благими началами. Онъ жилъ 70 лѣтъ—до и 10 лѣтъ послѣ Р. X. и былъ укоренителемъ въ народѣ великой идеи *законно-жизненности*.

Будучи ученикомъ сошедшаго въ могилу Шемаи и освоившись съ его направленіемъ, Гиллель выработалъ изъ него опредѣленные начала, сообщилъ имъ жизненный толчокъ, благодаря которому возрѣніе Гиллеля сдѣлалось господствующимъ

въ ряду многихъ и многихъ поколѣній, — вплоть до нашихъ дней. Своими способами толкованія библейскаго закона, своимъ глубокимъ знаніемъ традицій, одухотворенными высокими общеобразовательными познаніями преимущественно по естествовѣдѣнію, Гиллель повелъ впередъ народную жизнь согласно новымъ ея потребностямъ, и ученіе его отличалось всесторонностью взгляда и широтою началъ. Старый библейскій законъ, подъ вліяніемъ этихъ началъ, достигъ такого развитія, о которомъ не смѣли мечтать до Гиллеля. О немъ говорили, что *онъ явился не для того, чтобы разрушить законъ, а для того, чтобы поддержать его авторитетъ въ глазахъ народа*. Будучи потомкомъ Давида, Гиллель проложилъ себѣ путь не своимъ происхожденіемъ, а личными заслугами, и это дѣлаетъ ему тѣмъ больше чести, что онъ, какъ вавилонянинъ, былъ чуждъ Іерусалиму, гдѣ къ его землякамъ относились вообще подозрительно и гдѣ ему самому въ первое время приходилось еще слышать сарказмы, относившіеся прямо къ его личности. Въ такомъ положеніи достигнуть того, чтобы, по выслушаніи его метода толкованія закона въ духѣ и интересѣ народа, представители синедріона—бетеріанцы уступили ему добровольно главенство въ высшемъ народномъ судилищѣ, — удостоиться такой чести несомнѣнно могъ только человѣкъ съ большою эрудиціею и высокимъ авторитетомъ.

Старое библейское правило: «люби ближняго, какъ самого себя» въ глазахъ Гиллеля было слишкомъ идеалистичнымъ. Какъ положительный завѣтъ, данный Моисеемъ въ эпоху возрожденія народа, это правило не могло имѣть практическихъ результатовъ, потому что неизвѣстно было—какъ это слѣдуетъ любить ближняго, какъ самого себя. Всякій идеалъ, даже предначертанный такимъ великимъ законодателемъ, какъ Моисей, даже содержащій въ себѣ такое человѣчное начало, какъ любовь къ ближнему, можетъ превратиться въ мертвую букву, если не подыскать удобопонятной формулы, дающей ему возможность проникнуть въ жизнь людей. Такую формулу нашель Гиллель, главная задача котораго и состояла въ оживленіи закона, въ сообщеніи ему такой жизненности, при которой онъ могъ бы сдѣлаться реально-ощутительнымъ въ народномъ со-

знаніи. *«Не дѣлай другому того, что тебѣ самому не любо»*,— это такой толчекъ, данный положительному велѣнію въ отрицательномъ направленіи, который сразу объяснилъ, что любить ближняго, какъ самого себя,—значить не дѣлать другому того, что самому тебѣ не любо. Каждый человекъ чувствуетъ то, что ему не любо, и долженъ воздерживаться, поэтому, отъ такихъ дѣйствій въ отношеніи своего ближняго, которыя могутъ причинять послѣдному непріятности. Практическая формула найдена. Она свела идеальныя высоты на землю и сдѣлала его популярнымъ въ народныхъ массахъ. Въ этомъ— великая заслуга Гиллея.

Другое начало съ фаталистическимъ оттѣнкомъ, которое Гиллея получилъ, какъ наслѣдіе отъ своихъ учителей, заключалось въ томъ, что упованіе на Бога должно избавить человека *отъ заботливости думать о завтрашнемъ днѣ*, если сегоднешній обезпеченъ. Такое начало, если оно понимается въ безусловномъ смыслѣ, можетъ превратить беззаботность небесныхъ птицъ въ жизненный принципъ. Вотъ почему Гиллея сдѣлалъ къ этому правилу, которое онъ часто повторялъ, одно спасительное добавленіе: *«если ты самъ не будешь работать, то кто же будетъ работать за тебя; если ты не будешь работать сегодня, то когда же?»* Упованіе на Бога и трудъ, какъ принципы жизни, другъ друга восполняютъ: результаты труда вызываютъ упованіе на будущее; упованіе придаетъ энергію къ труду. Въ этомъ своемъ взаимодействіи они сильно поддерживаютъ жизнь человека, и эту идею пропагандировалъ Гиллея своимъ ученіемъ.

Насколько высоко стояло у Гиллея понятіе о народномъ благѣ, доказывается его нововведеніями. Бѣдствіе народа, доведеннаго до крайности налогами и неурожаями, подчасъ увеличивалось еще стѣсненіями со стороны закона. Никто не рѣшался заключать долговое обязательство съ бѣднымъ земельческимъ классомъ—изъ опасенія лишиться права на взысканіе долга по наступленіи субботняго года. Известно, что, по библейскому закону, субботній годъ былъ предѣломъ срока давности для взысканія долговъ. И вотъ Гиллея, во избежаніе нарушенія закона со стороны кредиторовъ, разрѣшилъ

послѣднимъ, до наступленія субботняго года, письменную передачу своихъ обязательствъ на имя суда, который по нимъ взыскивалъ долги отъ себя. Это разрѣшеніе было основано на томъ, что законъ объ оказаніи помощи бѣдняку во время крайней нужды важнѣе закона о давности субботняго года, который былъ рассчитанъ на несложный земледѣльческій бытъ и на существовавшее довѣріе. Между тѣмъ времена Ирода ушли далеко отъ библейской эпохи, и удержаніе въ полной силѣ закона о давности субботняго года нанесло бы невоснаградимый ущербъ сельско-хозяйственному быту народа. Это побудило Гиллеля разрѣшить вопросъ практической важности въ пользу народныхъ интересовъ.

Не менѣе важное значеніе имѣло другое установленіе Гиллеля о *судебной депозиціи*. Извѣстно, что, по библейскому закону, продавцу дома въ укрѣпленныхъ стѣною городахъ принадлежало право выкупа въ теченіи года со дня продажи. Между тѣмъ покупщики, съ цѣлію затрудненія этого права, въ послѣдніе дни срока скрывались и такимъ образомъ становились собственниками домовъ, не смотря на желаніе выкупа. Для прегражденія злоупотребленій подобнаго рода, Гиллель разрѣшилъ взносъ выкупной суммы въ судебное мѣсто и вступленіе во владѣніе домою. Продажа съ правомъ выкупа, очевидно, скрывала собою заемъ на одинъ годъ, а къ займамъ прибѣгали люди нуждающіеся, которые безъ права депозиціи были бы отдаваемы въ произвольное распоряженіе заимодавцевъ.

Эти два нововведенія Гиллеля, дошедшія до насъ, сами по себѣ характеризуютъ его облегчительное направленіе, которое, какъ мы увидимъ ниже, сдѣлалось господствующимъ. Но кромѣ нововведеній, вызванныхъ измѣнившимися условіями жизни, онъ всё вопросы разрѣшалъ *въ духъ облегченія*, придерживаясь выработанной имъ системы толкованія законовъ. Одно только невѣжество, подверженное сомнѣніямъ и колебаніямъ, ведетъ къ строгости въ истолкованіи законовъ,—строгости, не щадящей никакихъ интересовъ; между тѣмъ облегченіе народныхъ интересовъ вызываетъ энергичную самодѣятельность, самостоятельность возрѣній и просвѣтительное пониманіе духа закона. Можно сказать, что, благодаря системѣ Гиллеля, въ талмуди-

ческую эпоху утвердилось въ аудиторіяхъ столь известное правило, какъ: *«сила облегченія предпочтительнѣе»*.

При развитіи своихъ положеній въ аудиторіи, или внѣ ея, и въ самомъ синедріонѣ, Гиллель отличался неподражаемымъ *духомъ миролюбія*. Даже поводитѣ, когда въ синедріонѣ вопель великій представитель противоположнаго направленія—Шамай, образовавшій также особую школу, Гиллель былъ чуждъ не только страстности въ преніяхъ, но и какихъ бы то ни было пріемовъ, которые свидѣтельствовали о раздражительности тона, желанія оскорбить, или задѣть противника. Онъ нерѣдко уступалъ своимъ противникамъ, когда они давали дѣлу слишкомъ страстный оборотъ. Такое спокойное, объективное отношеніе къ дѣлу, основанное на философскомъ пониманіи своей задачи, часто доставляло Гиллелю перевѣсъ надъ противниками тогда именно, когда проведеніе его взглядовъ казалось уже совершенно проиграннымъ дѣломъ. Бывали примѣры, когда Гиллель, желая положить конецъ страстнымъ нападкамъ главнаго противника, показывалъ уже видъ уступчивости,—какъ вдругъ даровитѣйшій изъ противниковъ съ жаромъ начинаетъ защищать воззрѣніе Гиллеля, которое принимается всѣми и дѣлается господствующимъ. Такими побѣдами Гиллель обязанъ былъ принципу, который онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ: *«учитель не долженъ быть раздражителенъ, а ученикъ—застѣнчивъ»*. Эти обѣ черты такъ тѣсно связаны между собою, что одна изъ нихъ вызываетъ другую: раздражительный учитель внушаетъ своимъ слушателямъ страхъ и робость, въ силу которыхъ они боятся предлагать вопросы, которые могутъ вызвать раздраженіе. Наука и вліяніе, которыми долженъ пользоваться учитель, теряютъ очень много отъ такого положенія вещей, и кто только смотритъ на своихъ слушателей, какъ на людей, на которыхъ надобно дѣйствовать силою убѣжденія, тотъ долженъ помнить правила Гиллеля, которыми онъ дѣлалъ чудеса. Не было человѣка, который могъ бы вывести Гиллеля изъ терпѣнія. Въ этомъ отношеніи сохранилось нѣсколько сказаній. Два человѣка держали пари относительно возможности или невозможности вывести Гиллеля изъ терпѣнія. Тотъ, кто утверждалъ, что это возможно, явился у дверей Гиллеля и началъ кричать, опуская

всякій титулъ: «Гиллель, эй, Гиллель!» Гиллель набросилъ на себя мантию и вышелъ. — «Сынъ мой, что тебѣ нужно?» — спрашиваетъ Гиллель. — «У меня есть вопросъ». — «Скажи, какой?» — «Почему вавилоняне имѣютъ шарообразныя головы?» — «Потому что у нихъ нѣтъ искусныхъ бабокъ». Человѣкъ ушелъ, но тотчасъ вернулся и опять началъ кричать: «Гиллель, эй, Гиллель!» Гиллель опять надѣлъ на себя мантию и вышелъ. — «Что тебѣ желательно, сынъ мой?» — «Есть вопросъ!» — «Какой?» — «Почему пальмирейцы не имѣютъ широко раскрытыхъ глазъ?» — «Потому, что живутъ въ песчаныхъ степяхъ». Человѣкъ ушелъ, но чрезъ короткое время опять очутился у дверей Гиллеля съ крикомъ: «Гиллель, эй, Гиллель!» Гиллель опять ваялся за мантию, вышелъ и спросилъ, что ему надобно. — «Почему у африканцевъ широкія ступни?» — «Потому, что живутъ въ болотистыхъ странахъ!» Человѣкъ продолжалъ далѣе: «У меня еще много вопросовъ, но я боюсь, что ты разсердишься». Гиллель покрѣпче стянулъ свою мантию, сѣлъ предъ нимъ и просилъ предлагать вопросы. Но человѣкъ тотъ возразилъ: «Ты—Гиллель, лучше было бы, если бы подобныхъ тебѣ не было». — «Почему?» — «Потому, что я изъ-за тебя проигралъ большое пари». — «Успокойся, сынъ мой, — сказалъ ему Гиллель; — лучше будетъ, если ты потеряешь это и еще такія пари, чѣмъ если бы Гиллель потерялъ терпѣніе». Стремленіе къ миру и истинѣ было главною задачею Гиллеля: «Будь между учениками Арона, люби миръ и стремись къ нему, люби людей и приучай ихъ къ наукѣ». Миръ и знаніе Гиллель, очевидно, также считалъ обусловливающими другъ друга, потому что только истинно научно-развитый человѣкъ понимаетъ высокое значеніе мира для общечеловѣческаго, и только духъ миролюбія способствуетъ спокойному изученію истины. Науку же Гиллель представлялъ себѣ не обособленною и не изолированную. Онъ пропагандировалъ науку не на одной почвѣ юдаизма, а науку общечеловѣческую. Онъ самъ изучалъ науку въ широкомъ смыслѣ и совѣтывалъ своимъ ученикамъ держаться того же пути. Кромѣ того, Гиллель былъ врагомъ аскетизма, онъ считалъ *общительность* и жизнь среди другихъ *главною основою* *человѣческой жизни*. Онъ не могъ представлять себѣ человѣка,

который живетъ для себя самого, а не для другихъ. «Если я самъ для себя только, то что же я такое?»—говаривалъ Гиллель. Такимъ образомъ, жизнь среди другихъ людей, жизнь не для себя самого, а для другихъ, жизнь, исполненная любви къ миру и стремленія къ истинѣ, — вотъ что считалось задачею человѣка, по мнѣнію Гиллеля. Собственною жизнію своею Гиллель вполне подтверждалъ возможность практическаго осуществленія такой задачи.

Точно также Гиллель одинаково пропагандировалъ и чистоту тѣлесную, и чистоту душевную. «Смотрите,—говорилъ онъ ученикамъ своимъ,—какъ охотно заглядываются на чистоту статуй и фигуръ, разставленныхъ на площадяхъ, въ театрахъ и дворцахъ. Не долженъ ли и человѣкъ, какъ носитель образа и подобія Божьяго, считать высшимъ велѣніемъ содержаніе въ чистотѣ и опрятности своего тѣла?» Съ неменьшимъ рвеніемъ онъ заботился и о чистотѣ духа. Выходя изъ аудиторіи, онъ всегда торопился и говаривалъ ученикамъ, что онъ спѣшитъ домой принимать своего гостя. Когда слушатели его, послѣ частыхъ повтореній одного и того же, полюбопытствовали узнать, что это за гость его ожидаетъ каждый день, Гиллель отвѣтилъ: «Этотъ гость—душа наша, которая сегодня у насъ, а завтра, быть можетъ, ея уже не будетъ». Гиллель, такимъ образомъ, ежедневно заботился о своей душѣ, принимая ее какъ дорогую гостью, чтобы, съ удаленіемъ изъ своей обители, она сохранила хорошую память о своемъ хозяинѣ-угостителѣ. Не только внутреннюю чистоту Гиллель считалъ потребностью человѣка изъ чувства благодарности къ высокимъ качествамъ, которыми Богъ его одарилъ, поселивъ въ него душу какъ отраженіе Божьяго величія,—но и наружную чистоту онъ выводилъ изъ необходимости не оскорблять божества содержаніемъ не въ подобающей чистотѣ того, что создано по образу и подобию Божьему. Такъ глубоко уразумѣть высокія обязанности человѣка и такъ ясно вразумлять ихъ другимъ—можетъ быть удѣломъ только такихъ людей, какимъ былъ Гиллель, съ его вѣщною чистотою и нравственнымъ величіемъ.

Ученіе свое Гиллель старался дѣлать доступнымъ всякому, въ томъ числѣ—и язычникамъ, отъ которыхъ, по его мнѣнію,

достаточно было требовать одного посвященія въ знаніе закона. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ выше всѣхъ своихъ современниковъ, и язычники охотно обращались къ Гиллелю за обученіемъ ихъ закону юдаизма. Въ числѣ новообращенныхъ были и такіе язычники, которые впоследствии сдѣлались послѣдователями Гиллеля и способствовали развитію закона въ его духѣ, представляя собою лучшее оправданіе воззрѣнія Гиллеля, что одно изученіе закона совершенно достаточно для того, чтобы сдѣлаться полнымъ гражданиномъ Іудей. Его кротость въ обращеніи съ людьми, его терпѣливость въ ихъ выслушиваніи, его спокойный, объективный методъ обученія—привлекали къ нему всѣхъ тѣхъ язычниковъ, которыхъ отталкивалъ противникъ Гиллеля по направленію, Шамай, отличавшійся совершенно противоположными ему качествами—нетерпѣніемъ, раздражительностію и вспыльчивостію. Если язычникъ желалъ узнать въ *одномъ общемъ принципѣ* все ученіе юдаизма, Гиллель ему говорилъ: *«люби ближняго, какъ самого себя»*,—*вотъ принципъ, а все прочее лишь дальнѣйшее его развитіе,—ступай и распространяй это ученіе*. Если язычникъ желалъ перейти въ іудейство подѣ условіемъ изученія одного писаннаго закона, Гиллель посвящалъ его въ изученіе закона писаннаго, и самъ язычникъ, при изученіи этого закона, начиналъ сознавать необходимость изученія и закона устнаго. Путь нравственнаго убѣжденія, логическій методъ обученія и увѣренность въ собственныхъ силахъ были тѣми могучими орудіями, которыя всегда почти доставляли ему честь побѣды надъ внутреннимъ міромъ язычника.

Направленіе Гиллеля вызвало цѣлую школу послѣдователей, и еще при жизни его представитель противоположнаго направленія, Шамай, образовалъ также школу. Обѣ школы отличались другъ отъ друга по духу и методу толкованія закона. Школа Шамаея стояла на почвѣ буквального смысла закона, даже когда онъ расходился съ разумомъ и условіями жизни. Школа Гиллеля изучала древній законъ по духу и разуму его, основываясь на условіяхъ времени его возникновенія, на сопоставленіи различныхъ мѣстъ писанія, на логическомъ и историческомъ толкованіи закона. Школа Шамаея тогда только дѣ-

дала отступленіе отъ писаннаго закона, когда она имѣла къ тому основаніе въ положительно выраженной традиціи; школа же Гиллеля не стѣснялась отступленіями отъ писаннаго закона, разъ они оказались необходимыми въ силу народныхъ потребностей и разъ возможно было путемъ установленныхъ правилъ вывести изъ писаннаго закона заключеніе въ духѣ современныхъ потребностей и народной нравственности. Школа Шама, напр., держась сохранившейся традиціи, что за сорокъ дней до рожденія на небесахъ опредѣляется брачная судьба человѣка, — утверждала, что узы брачной жизни освящены волею Бога, и допускала, поэтому, разводъ въ исключительныхъ только случаяхъ. Школа же Гиллеля расширила условія развода, доказывая, что цѣль закона заключается въ достиженіи разумныхъ цѣлей жизни и семейной нравственности, а потому ограниченія школы Шама могутъ повести къ водворенію деморализаціи въ семейномъ быту. Условія современной семьи даютъ вполне удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ: которая изъ этихъ двухъ школъ угадала истинныя потребности брачной жизни: даже злѣйшіе враги евреевъ признаютъ чистоту нравовъ семейной ихъ жизни, не смотря на расширеніе условій развода, или, правильнѣе, благодаря именно этимъ условіямъ.

Не задача настоящаго очерка — входить въ подробности, характеризующія направленіе обѣихъ школъ. Скажемъ только, что онѣ напоминаютъ собою существовавшія у римлянъ юридическія школы сабинянъ и прокулянцевъ, изъ которыхъ первая дѣйствовала въ духѣ Шама, а послѣдняя въ духѣ Гиллеля. Основаніе и методъ толкованія — тѣ же, что и у еврейскихъ школъ, съ тою только разницею, что на мѣсто писаннаго закона евреевъ слѣдуетъ поставить законы XII таблицъ римлянъ. И римскіе юристы желали приводить въ связь старый законъ съ новыми потребностями жизни и для этой цѣли прибѣгали къ такимъ толкованіямъ древняго закона, которыя дали въ результатѣ остроумныя фикціи преторскаго права. И школа Гиллеля стремилась также къ сближенію писаннаго закона съ новыми условіями жизни и также создавала не менѣе остроумныя фикціи. Цѣль у тѣхъ и у другихъ была одна —

поддержаніе авторитета древняго закона въ глазахъ народа, который, по своимъ воззрѣніямъ, чтилъ святость старины. Примиреніе народныхъ воззрѣній съ нарождавшимися потребностями жизни состоялось на почвѣ фикцій, вызванныхъ остроумнымъ толкованіемъ закона. Школа Гиллея относилась съ такимъ уваженіемъ къ народнымъ воззрѣніямъ, что ставила на ряду съ традиціею—*народный обычай*.

Въ первую эпоху своей дѣятельности обѣ школы, хотя и были противоположныхъ направленій, стремились, однако, къ одной истинѣ, но шли къ ней различными путями. Въ направленіи обѣихъ школъ одинаково сказалось, какъ утверждаетъ старинное преданіе, *живое слово Божіе*. Но впоследствии, когда Іудея сдѣлалась римскою провинціею, когда надъ еврейскою народностью нависла туча римскаго всеразрушенія и въ средѣ еврейскихъ партій образовалась партія народныхъ ревнителей, направленіе школъ Шама и Гиллея принимаетъ болѣе страстный характеръ. Школа Шама пристаетъ къ партіи ревнителей, ея направленіе принимаетъ оттѣнокъ политическій и характеризуется также патриотическими увлеченіями въ духѣ анти-римскомъ. Школа же Гиллея остается вѣрна великимъ принципамъ своего учителя, вдохновеннаго миролюбіемъ и истиною: Ставя эти начала выше другихъ, проникнутыхъ узко-національнымъ духомъ, школа Гиллея стояла выше всякихъ увлеченій времени. *Послѣдователи ея не измѣняли идею своего учителя, не искажали его направленія въ духъ партій и не отступали отъ здоровыхъ началъ его системы*. Этимъ они ео-служили народную службу: въ то время, какъ страстность направленій и увлеченіе духомъ времени довели Іудею до совершеннаго разрушенія въ смыслѣ политическомъ, ученіе Гиллея и его школы послужило оплотомъ противъ порабощенія народнаго духа. Оно удержало въ народѣ направленіе, по которому шло дальнѣйшее его развитіе, поддерживаемое не обаяніемъ политическаго могущества и государственной власти, а жизненною силою началъ, положенныхъ въ основаніе народныхъ воззрѣній нравственнымъ авторитетомъ великаго учителя.

М. Моргулисъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ж Е Н Н И.

Романъ Фанни Левальдъ.

Часть первая.

Отъ Редакціи.

Предлагаемый романъ имѣетъ своимъ предметомъ ту эпоху въ жизни германскихъ евреевъ, которая во многомъ и весьма многомъ сходствуетъ съ той, которую наши единовѣрцы переживаютъ теперь въ Россіи. Стремленіе выйти изъ заколдованнаго круга извѣстнаго общественнаго положенія и извѣстныхъ профессій, съ одной стороны, и совершенное игнорированіе этихъ стремленій и, напротивъ, всякое препятствованіе къ достиженію этой цѣли—съ другой—вотъ содержаніе романа. Положеніе это породило въ средѣ германскихъ евреевъ въ высшей степени печальныя и уродливыя явленія. Рядомъ съ истиннымъ нравственнымъ геройствомъ, съ самопожертвованіемъ за свои убѣжденія и за интересы своего народа, мы видимъ распатанность взглядовъ и возрѣній на свои обязанности по отношенію къ еврейскому племени и еврейской религіи, какія-то ходульныя представленія родителей объ ихъ обязанностяхъ и задачахъ по отношенію къ дѣтямъ, въ особенности что касается такъ называемой „карьеры“ послѣднихъ, недостатокъ воспитанія въ религіозно-національномъ смыслѣ, въ особенности женскаго пола, словомъ—все то, что отъ болѣе или менѣе наблюдательнаго ока не ускользаетъ уже и въ жизни русскихъ евреевъ. Семейство Мейеровъ, дающее главный контингентъ дѣйствующихъ лицъ для этого романа, именно отражаетъ въ разныхъ своихъ представителяхъ всѣ упомянутыя выше

явленія. Рядомъ съ самопожертвованіемъ, стойкостью убѣжденій истинно-образованныхъ, вы видите индифферентизмъ, распатанность взглядовъ полу-образованныхъ. Самъ авторъ романа, сама Фанни Левальдъ, какъ видно изъ ея автобіографіи, съ которою мы современемъ познакоимъ нашихъ читателей, была продуктомъ этой эпохи. Сама она воспитывалась въ такой семьѣ, которая, повидимому, и дала ей канву для этого романа.

Намъ, конечно, нечего объяснять здѣсь, на чьей сторонѣ лежитъ наше сочувствіе. Но полагаемъ, что и симпатіи нашихъ читателей будутъ всецѣло на сторонѣ твердости и убѣжденности, а не на сторонѣ распатанности и индифферентизма.

I.

У Гергарда, лучшаго ресторатора одного большаго нѣмецкаго торговаго города, въ одинъ вечеръ поздней осенью, послѣ театра, собралась въ отдѣльномъ кабинетѣ компанія молодыхъ людей. Сначала во время ужина шли веселые и оживленные толки о новостяхъ дня, затѣмъ разговоръ перешелъ на театръ и на актеровъ, и наконецъ присутствующіе, наполняя бокалы шипучимъ шампанскимъ, выпили за здоровье знаменитой артистки Джіованолла, которая въ этотъ вечеръ впервые появилась на сценѣ въ означенномъ городѣ.

— Да здравствуетъ и да цвѣтетъ она вѣчной красотой! — восторженно воскликнулъ молодой живописецъ Эрлау; — и да ниспослетъ мнѣ небо постоянно видѣть передъ собою чудные глаза и божественную шею этой дѣвушки, въ томъ видѣ, въ какомъ они представились мнѣ вчера во время сеанса. Вы всѣ видите ее лишь при невѣрномъ, обманчивомъ, театральномъ освѣщеніи, и вы не можете даже и вообразить себѣ, какой у нея прелестный цвѣтъ лица, какъ правильны ея черты и какъ роскошны ея формы. Я говорю вамъ, что она — типъ итальянской красавицы.

— Да, если бы только она не походила такъ на еврейку, — пре-

небрежительно проивнесъ молодой Горнъ, сынъ и наслѣдникъ богатаго купца. — Я уже говорилъ это моему двоюродному брату Гигесу, — котораго я могу рекомендовать вамъ, любезный Эрлау, какъ не менѣ пламеннаго поклонника ея, чѣмъ вы, и который положительно бредитъ о ней, хотя мнѣ она положительно не нравится съ своей восхваленной итальянской, или тамъ, что-ли, восточной красотой. Мы, Горны, не любимъ такого рода красоту; мы чувствуемъ въ ней какую-то врожденную антипатію; я отдохнулъ только въ Англіи, увидѣвъ стройныхъ, бѣлокурыхъ англичанокъ, между тѣмъ какъ пробывъ съ годъ въ Гаврѣ, среди маленькихъ, черномазыхъ французенокъ, мнѣ все казалось, будто я живу въ еврейскомъ кварталѣ во Франкфуртѣ.

— А, встаети, по поводу еврейскаго квартала, любезный Фердинандъ, — виѣшался двоюродный братъ Горна, родившійся въ Англіи и всего только нѣсколько дней тому назадъ прибывшій въ этотъ городъ: — кто была та молодая дѣвушка во второй ложѣ съ правой стороны отъ сцены? Она, очевидно, еврейка, но у нея очень интеллигентное лицо.

— Я вовсе не знаю этихъ людей, — отвѣтилъ тотъ.

— Стыдитесь! — воскликнулъ съ комическимъ гнѣвомъ художникъ, — и не отрекайтесь, подобно святому апостолу Петру, отъ вашего господина! Неужели вы не знаете богатаго банкира Мейера, у котораго когда-то служилъ вашъ отецъ и который далъ ему необходимыя средства для начатія своего дѣла, когда отецъ вашъ влюбился въ вашу матушку? Правда, благодаря этой женитьбѣ отецъ вашъ попалъ въ ряды торговой аристократіи и, быть можетъ, съ тѣхъ поръ уже успѣлъ забыть свои ветхозавѣтныя связи.

Горнъ смутился и принялъ оскорбленный видъ. — Такъ, значитъ, — проговорилъ онъ, — это была ложа Мейеровъ? А знаете, любезный кузень, что дочка — прекрасная дѣвушка и богатая наслѣдница. Стоитъ приволокнуться за ней. Вотъ и все, что мнѣ о нихъ извѣстно.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ, — заговорилъ кандидатъ

Рейнгардъ, красивый молодой человекъ, который до сихъ поръ молчалъ и которому, повидимому, не особенно нравился этотъ разговоръ, — позвольте мнѣ, если это интересуетъ васъ, сообщить вамъ нѣкоторыя подробности объ этомъ семействѣ. Домъ Мейера — одинъ изъ самыхъ гостепріимныхъ домовъ въ нашемъ городѣ; хозяйка дома — очень добрая и любезная женщина, хозяинъ — умный и честный человекъ, гуманный и благотворительный, интересующійся всѣмъ хорошимъ и прекраснымъ. У нихъ только двое дѣтей: сынъ, съ которымъ я очень друженъ, докторъ Мейеръ, и вотъ эта самая дочь, Женни, которая еще недавно была моя ученица.

— А кто же будетъ продолжать торговое дѣло послѣ смерти отца? — спросилъ Гигесъ. — Вѣдь это — очень солидная фирма.

— У него есть племянникъ, по фамиліи также Мейеръ, уже теперь занимающійся въ его конторѣ. Говорятъ, что онъ женится на дочери и сдѣлается главою фирмы, — отвѣтилъ Рейнгардъ, какъ бы неохотно.

— Счастливецъ! Ему, право, можно позавидовать, такъ какъ дѣвушка по-истинѣ очаровательна! — воскликнулъ англичанинъ.

— Таково же мнѣніе и друга нашего Рейнгарда, — засмѣявшись сказалъ Эрлау. — Иные утверждаютъ, будто онъ, тщательно занявшись ея образованіемъ, дополняетъ его упражненіями въ спряженіи нѣкоторыхъ глаголовъ, какъ, наприѣръ: „я люблю“, „ты любишь“, и т. д. Нечего крася́ть, любезный Рейнгардъ; это простое пріятельское замѣчаніе, и я вполнѣ раздѣляю твою слабость ко всему Мейеровскому семейству. Это добрые, образованные люди, и хотя ты и не найдешь у нихъ въ домѣ такъ называемыхъ сливокъ общества, но ты встрѣтишь тамъ многихъ ученыхъ, художниковъ, иностранцевъ, вообще людей, съ которыми пріятно бываетъ побесѣдовать. Это вообще въ полномъ смыслѣ слова — пріятный домъ.

— Вы рисуете семейство въ такихъ пріятныхъ краскахъ, что положительно внушаете мнѣ желаніе поближе познакомиться съ нимъ, — проговорилъ Гигесъ.

— Ну, вот что ты еще выдумать! — воскликнул Горнъ. — Это было бы крайне неприятно моей матери. Вѣдь всѣ эти евреи образуютъ тѣсный кружокъ, и разъ ты попадешь въ одно еврейское семейство, то совершенно втянешься въ ихъ кругъ, и тогда опасно будетъ публично показываться съ тобою, изъ опасенія, что на тебя накинется цѣлая орава евреевъ. Визитъ у Мейеровъ...

— Доказало бы вамъ, — виѣшался въ разговоръ Рейнгардъ, — что вашъ двоюродный братъ еще раздѣляетъ, во многихъ отношеніяхъ, средневѣковые взгляды. Я долженъ сознаться, г. Горнъ, что ваши рѣчи не только кажутся мнѣ въ высшей степени странными для настоящаго времени, но что я прямо-таки нахожу ихъ неумѣстными, послѣ того какъ я имѣлъ честь доложить вамъ, что я очень друженъ съ этимъ семействомъ и очень его уважаю.

— Извините меня, но я забылъ, что вы состоите въ этомъ домѣ въ должности учителя и поэтому вы обязаны смотрѣть на дѣло иными глазами. Но я, будучи совершенно независимъ, признаюсь вамъ...

— Пожалуйста, ни въ чемъ больше не признавайтесь! — воскликнулъ Эрлау. — Вы и безъ того уже признались сегодня въ слишкомъ многомъ, о чемъ вамъ было бы лучше умолчать. Вы — богатый, молодой, очень щеголеватый, очень изящный купчикъ. Поэтому ваши признанія относительно евреевъ становятся совершенно излишними. Вы чувствуете къ нимъ антипатію, — и прекрасно: никто не заставляетъ васъ ходить къ Мейерамъ. Вѣдь никто и не приглашалъ васъ туда, — и даже въ то время, — прибавилъ онъ вполголоса, обращаясь къ Рейнгарду, — когда у нихъ три года тому назадъ собирались по воскресеньямъ, и этотъ молодой человекъ всячески добивался приглашенія къ Мейерамъ. Пожалуйста, Рейнгардъ, не сердись на этого шалопада: пускай его болтаетъ себѣ что угодно.

Разговоръ угрожалъ принять еще болѣе неприятный оборотъ; но въ это время отворилась дверь и въ комнату вошелъ красивый молодой человекъ лѣтъ тридцати. Онъ былъ средняго роста, но хорошо сложенъ; у него были черные, курчавые волосы, носъ дугообразный, проницатель-

ние, умные глаза и высокій, выпуклый лобъ, съ перваго же взгляда отличавшій въ немъ человека большаго ума и твердаго характера. Движенія его были такъ же быстры, какъ и его взглядъ. Цвѣтъ лица его былъ желтовато-смуглый, но здоровый; одѣтъ онъ былъ по модѣ, но просто. Только что онъ вошелъ въ комнату, какъ Рейнгардъ и Эрлау пошли къ нему на встрѣчу, со словами: „Здравствуй, Мейеръ! Хорошо, что ты пришелъ“. Но тотъ, лишь слегка кивнувъ имъ головою, обратился прямо къ Горну и сказалъ:—Я только что изъ дома вашихъ родителей. Ваша сестра, возвращаясь изъ театра, при выходѣ изъ кареты сильно повредила себѣ ногу. За мною прислали, но теперь все въ порядкѣ, и нѣтъ ничего опаснаго. Я очень радъ, что засталъ васъ здѣсь, такъ какъ васъ, кажется, ждутъ дома. А теперь здравствуйте, господа,—обратился онъ къ остальнымъ.—Отлично, что я васъ еще засталъ.—И онъ подселъ къ остальной компаніи.

Горнъ обратился къ доктору съ нѣсколькими вопросами, на которые тотъ далъ успокоительные отвѣты, и затѣмъ собрался уходить. Вилліамъ вызвался проводить его. Но Эрлау, любившій многочисленную компанію и которому молодой англичанинъ очень нравился, угорничалъ его остаться съ ними и поболтать еще часокъ. „Вѣдь въ домѣ вашего дяди,—говорилъ онъ,—вы все равно будете совершенно бесполезны, а здѣсь вы будете имѣть случай познакомиться поближе съ докторомъ Мейеромъ, о которомъ только что шла рѣчь. Такъ оставайтесь же!

Вилліамъ согласился на это, а Горнъ распростился съ кружкомъ, увѣряя Вилліама, что онъ завидуетъ тому, что ему придется провести нѣкоторое время въ такомъ пріятномъ обществѣ; при этомъ онъ кинулъ досмѣшливый взоръ въ сторону Мейера, котораго тотъ, однако, не видѣлъ, будучи обращенъ къ Горну спиной, и на который Рейнгардъ отвѣтилъ презрительнымъ пожатіемъ плечъ.

Лакей прибралъ пустыя бутылки и допитые стаканы и поставилъ на столъ свѣжую бутылку вина. Эрлау, Рейнгардъ и Вилліамъ, осушившіе уже не одну бутылку, замѣтно развеселились, между тѣмъ какъ

Мейеръ оставался серьезнымъ. Оживленнѣе всѣхъ былъ Эрлау: одна острога слѣдовала за другою, одинъ тостъ смѣнялъ другой. — Да здравствуетъ старая Англія! — кричалъ онъ, — съ своими свободными учрежденіями, съ ея благородныхъ лордомъ на шерстяномъ мѣшкѣ, съ ея Великой Хартіей, своими констеблями и бифштексами! Да здравствуетъ новый нашъ другъ, мистеръ Гигесъ, и да останется онъ всегда въ нашей средѣ!

За этимъ тостомъ послѣдовалъ отвѣтный тостъ. Гигесъ предложилъ тостъ за единую Германію; Рейнгардъ поднялъ бокалъ за нѣмецкихъ женщинъ, Эрлау — прежде всего за артистку, о которой уже ранѣе того была рѣчь. Мейеръ относился ко всему этому съ видомъ взрослого чело­вѣка, играющаго съ дѣтьми. Онъ, повидимому, принималъ во всемъ этомъ участіе, хотя по всему было видно, что его занимаетъ другая мысль. Онъ впалъ въ глубокую задумчивость, изъ которой вывелъ его возгласъ Эрлау: — „Мейеръ, за здоровье твоихъ!“ Молча, простымъ кивкомъ головы Мейеръ поблагодарилъ за этотъ тостъ и опорожнилъ свой стаканъ. Но Эрлау этимъ не удовольствовался.

— Боже мой! — воскликнулъ онъ, — ты, докторъ, просто мизантропъ и несносно-серьезный чело­вѣкъ! Неужели ничто на свѣтѣ не въ состояніи вывести тебя изъ твоей филистерской философіи!? Я стараюсь быть по возможности остроумнымъ, я сыплю каламбурами, я наливаю въ твой стаканъ самое лучшее вино, — а ты относишься къ моей, сегодня по-истинѣ изумительной, любезности, какъ нищій къ подаваемому ему куску хлѣба, не выражая ни радости, ни удовольствія, и глотаешь, стаканъ за стаканомъ, благородное вино, безъ всякаго одушевленія, точно ты запиваешь кусокъ черстватаго хлѣба стаканомъ простой водицы. Я тебя просто не узнаю, докторъ. Что съ тобой приключилось, гдѣ витаютъ твои мысли? Неужели же съ Олимпіа долженъ спуститься какой-нибудь богъ для того, чтобы доказать тебѣ, что самый лучший изъ міровъ — тотъ міръ, въ которомъ на голыхъ известнякахъ бамняхъ про­израстаетъ этотъ божественный напитокъ? Въ которомъ ты встрѣчаешь

на каждомъ шагѣ подъ ногами своими самыя красивыя цвѣты? въ которомъ, изъ-за оконъ самаго стараго дома сверкаютъ самыя ясныя дѣвичьи взоры? Войди въ себя, грѣшникъ, и покайся, и возгласи вмѣстѣ со мною: „Да здравствуютъ женщины!“ — и — постойте, господа, вотъ мы его сейчасъ растормошимъ: — встаньте, мудрецы, и чокнитесь со мною: за здоровье сестры твоей, Мейеръ!

Рейнгардъ и Гигесъ поднялись съ своихъ мѣстъ и послѣдній съ жаромъ воскликнулъ: — „Да, да здравствуетъ, да здравствуетъ на вѣки красавица съ чудными, огненными очами!“

И Рейнгардъ, въ которомъ отозвались воспоминанія его былыхъ студенческихъ лѣтъ, поднялъ свой бокалъ и приготовился чокнуться съ остальными собесѣдниками; но Мейеръ спокойно остался сидѣть на своемъ мѣстѣ и проговорилъ: — „Давно-ли вошло въ обычай чокаться во время попоекъ за здоровье непорочныхъ дѣвушекъ? Я, по крайней мѣрѣ, не потерплю того, чтобы имя моей сестры осквернялось въ моемъ присутствіи въ какомъ-то кабацкѣ. Садитесь, господа! Этого тоста я не принимаю.“

Этотъ спокойный, но серьезный тонъ, повидимому, нѣсколько охладилъ Эрлау, между тѣмъ какъ онъ, напротивъ, еще болѣе взволновалъ англичанина. Онъ быстрыми шагами подошелъ къ Мейеру и воскликнулъ: — „Извините меня, милостивый государь, но вы должны быть моимъ другомъ. Мы, англичане, вообще довольно сдержанны въ нашихъ рѣчахъ, а вы, нѣмцы — ближайшіе наши родственники. Вы понимаете, что значить „святость очага“ и „непорочность дѣвушки“, для человѣка съ сердцемъ; вы очевидно чувствуете это лучше многихъ, — а потому — вашу руку, докторъ! Я не недостоемъ ея.“

Мейеръ исполнилъ желаніе англичанина, и исполнилъ его охотно, такъ какъ въ лицѣ иностранца сказывалась такая честность, которая сразу расположила доктора въ его пользу. Рейнгардъ также крѣпко пожалъ ему руку, и они выпили за процвѣтаніе этого новаго ихъ союза. Эрлау остался стоять въ сторонѣ. Онъ налилъ два стакана, взялъ въ каждую руку по стакану и произнесъ съ притворной печалью; „Послѣ

каждаго мгновенія блаженства слѣдуетъ цѣлая вѣчность скуки; да, я кланусь вамъ, настоящая, истинная вѣчность будетъ воплощенная скука. За каждымъ пріятно-проведеннымъ часомъ у васъ слѣдуетъ непреодолимое желаніе каяться. Да будетъ проклято то выродившееся поколѣніе, которое не понимаетъ, какъ можно грѣшить вслѣдствіе сладкаго, пріятнаго убѣжденія, поколѣніе которому только мимоходомъ попадаются ничтожные грѣшки и которое никогда не въ состояніи было понять и повторить ту величественную молитву благороднаго россиянина, который умѣлъ молиться искренно: „Господи! введи меня во искушеніе, дабы я былъ побѣжденъ!“ — Я стою одиноко, — я самъ это сознаю, — среди такого испорченнаго времени, что никто не въ состояніи понять меня, и поэтому я нахожусь вынужденнымъ провозгласить самъ за себя тоску: „Да сохранить меня Господь въ моей излюбленной грѣховности!“ — за что я и опорожняю мой стаканъ, — и чортъ съ нею, съ вашей проклятой добродѣтелью, которая не позволяетъ человѣку подумать о красивой дѣвушкѣ и пожелать ей счастья, не навлекая себя на голову цѣлаго пуда морали и цѣлаго воза чувства“. — При этомъ онъ выпилъ второй стаканъ и произнесъ съ досадою, при громкомъ смѣхѣ остальныхъ: — „А теперь вы все можете спокойно отправляться по домамъ, испортивъ мнѣ вашей нелѣпой сентиментальностью хорошее расположеніе духа. Отправляйтесь домой, и спите, какъ сурки, и видѣте добродѣтельные сны, — а я отправлюсь подъ окна божественной Джюваноллы, чтобы посмотрѣть, свѣтитъ ли еще надъ землею этотъ яркій лучъ любви, или же онъ уже скрылся за облаками сна, съ тѣмъ чтобы лишь завтра снова взойти для меня лучезарной звѣздой. — Кстати, я могъ бы по дорогѣ проводить этого островитянина до дома его дяди, до его „святого очага“, чтобы онъ какъ нибудь не затерялся на улицахъ нашего города и чтобы его теплая душа не замерзла въ эту холодную, зимнюю ночь. — Спокойной ночи, милые дѣти! Спокойной ночи, Мейеръ! Гигесъ, пойдите!“

И съ этими словами онъ направился къ выходу. Вся компанія послѣдовала его примѣру.

II.

— Гдѣ ты былъ вчера вечеромъ, Эдуардъ? — спросила Женни Мейеръ на слѣдующее утро у своего брата, когда тотъ вышелъ въ столовую, гдѣ уже все семейство собралось за завтракомъ. — Мы ожидали тебя въ чаю, а между тѣмъ ты не явился. Да и въ театрѣ тебя не было.

— У меня въ комнатѣ сидѣли Штейнгеймъ и Иосифъ, и мы нѣкоторое время проболтали; затѣмъ я хотѣлъ было подняться наверхъ и дожидаться вашего возвращенія изъ театра, но вдругъ меня позвали въ домъ коммерціи совѣтника Горна, дочь котораго сломала себѣ ногу, возвращаясь изъ театра. Мои гости ушли, а я, наложивъ повязку и собираясь идти домой, зашелъ къ Гергарду, встрѣтилъ тамъ знакомыхъ и просидѣлъ съ ними съ часокъ.

— Ахъ, Боже мой! — воскликнула его мать, — что же, эта милая дѣвушка сильно ушиблась?

— Ты слышишь, — отвѣтилъ отецъ, — что она сломала себѣ ногу, и значитъ, положеніе ея было опасно, если старикъ рѣшился позвать именно Эдуарда.

— Я съ тобою не согласна, — возразила мать. — Эдуардъ, не смотря на свою молодость, состоитъ домашнимъ врачомъ во многихъ самыхъ выдающихся семействахъ города, какъ христіанскихъ, такъ и еврейскихъ; и тебѣ самому очень хорошо извѣстно, какимъ онъ всюду пользуется расположеніемъ и какъ всѣ за нимъ ухаживаютъ.

— Это мнѣ очень хорошо извѣстно, и я очень радъ тому, что онъ сумѣлъ пріобрѣсти такое всеобщее къ себѣ расположеніе; но не менѣе хорошо извѣстно мнѣ и то, что всѣ эти господа лишь крайне-неохотно приблизили къ себѣ врача-еврея. Они ищутъ оправданія въ собственныхъ глазахъ своихъ въ той пользѣ, которую онъ имъ приноситъ; но — кто знаетъ, могъ-ли бы Эдуардъ рассчитывать на такой же пріемъ, еслибъ онъ женился на еврейкѣ и сталъ требовать такой же любезности къ женѣ своей, какъ и къ нему самому. Одиноваго молодого че-

ловѣка они еще охотно принимаютъ, но семейство его, — о, это совсѣмъ другое дѣло!

— Я этого не полагаю, — возразила мать; — напротивъ, я убѣждена въ томъ, что Эдуардъ могъ бы смѣло присвататься въ любомъ христіанскомъ домѣ, и я не стану отрицать, что отъ души желаю, чтобъ онъ какъ можно скорѣе вступилъ въ такой бракъ.

Отецъ улыбулся, а Эдуардъ возразилъ: — Ты очень хорошо знаешь, милая матушка, что я никогда не вступлю въ такого рода бракъ. Я никогда не соглашусь перемѣнить религію, а потому врядъ-ли когда нибудь осуществятся твои честолюбивыя мечты относительно меня, заставляющія тебя усматривать въ будущемъ блистательную для меня карьеру, со всевозможными чинами, орденами и другими почестями. Развѣ только для насъ евреевъ наступитъ новое время...

— Которое создать Штейнгеймъ, Иосифъ и другіе чувствуете себя призванными? — вмѣшалась въ разговоръ Женни. — Я прошу тебя, Эдуардъ, избавь меня отъ политическихъ разговоровъ хоть во время завтрака; дай мнѣ выпить хоть чашку кофе безъ примѣси политики. Папаша, хоть ты бы запретилъ ему быть умникомъ во время завтрака. У него для этого есть его обширная практика и цѣлый длинный день; пускай же хотя бы одно только утро принадлежало намъ.

Отецъ, смѣясь, исполнилъ желаніе своей дочери, и спросилъ Эдуарда, неизвѣстно-ли ему, почему Горны рѣшились обратиться именно къ нему.

— А потому, что старый тайный совѣтникъ, ихъ домашній врачъ, нашелъ случай этотъ весьма серьезнымъ, — отвѣтилъ сынъ; по этому молодая особа сама стала настаивать на томъ, чтобы не онъ наложилъ перевязку, и потребовала, чтобы пригласили меня. Такъ, по крайней мѣрѣ, передалъ мнѣ дѣло отецъ ея; не знаю, сдѣлалъ-ли онъ это съ тою цѣлью, чтобы дать мнѣ понять, что онъ самъ не пригласилъ бы меня, или же для того, чтобы сказать мнѣ что нибудь пріятное, заявивъ о томъ довѣріи, которое питаетъ ко мнѣ его дочь.

— А что, она дѣйствительно такая красавица, какъ того можно

было ожидать?—спросила Жени.—Я еще знала ее въ пансіонѣ. Только пожалуйста не вздумай разыгрывать изъ себя холоднаго, равнодушнаго врача, не видающаго ничего, кромѣ больнаго,—прибавила она.

— Она такъ красива, что даже самый холодный человѣкъ не можетъ не любоваться ею,—отвѣтилъ Эдуардъ; — и притомъ она такъ терпѣливо переносила сильную боль, относилась съ такою любезностью ко всѣмъ окружающимъ и съ такою благодарностью ко мнѣ, что я просто очарованъ ею. Я бы крайне сожалѣлъ, если бы мнѣ не удалось совсѣмъ поправить ее.

Для Жени было очень пріятно это воодушевленіе ея брата и она сказала, что больная можетъ считать себя счастливою, такъ какъ она будетъ пользоваться лучшимъ и болѣе внимательнымъ медицинскимъ уходомъ, чѣмъ иная королева; но пусть Эдуардъ не дѣлаетъ при леченіи особенныхъ усилій, такъ какъ самъ можетъ схватить болѣзнь сердца, которая можетъ оказаться неизлечимою.

Въ это время въ комнату вошелъ и Іосифъ Мейеръ, племянникъ старика, жившій въ его же домѣ. Онъ былъ почти однихъ лѣтъ съ Эдуардомъ, но вѣчно серьезный видъ его придавалъ ему нѣкоторую старобразность. Онъ имѣлъ умное, хотя и некрасивое лицо; черты лица его были неправильны, и онъ казался постоянно чѣмъ-то недовольнымъ. Лишь крайне рѣдко на рѣзкихъ чертахъ лица его появлялась улыбка и распространяла мягкій свѣтъ на его глаза, которые въ сущности были весьма добродушны, но которые почти постоянно были опущены въ землю. Іосифъ и Эдуардъ съ дѣтства были друзьями, какъ бы взаимно дополняя другъ друга и сдѣлались въ концѣ концовъ хорошими людьми, каждый въ своемъ родѣ; но при этомъ Іосифу недоставало любезности и простоты въ обращеніи, которыя были столь пріятны въ фигурѣ Эдуарда; кромѣ того, послѣдній былъ отъ природы разговорчивъ и даже краспорѣчивъ, между тѣмъ какъ Іосифъ въ большей части случаевъ выражался кратко и отрывисто.

И послѣ прихода Іосифа разговоръ продолжался на ту же тему. Онъ спокойно выслушалъ то, что ему сообщили, и затѣмъ произнесъ съ своей

ственной ему полу-насмѣшливой улыбочкой: — Да, да, когда ты имъ нуженъ, они съумѣютъ быть очень любезны съ тобою. Но ты бы послушала, какъ они отъиваются о тебѣ въ твоёмъ отсутствіи. Спроси-ка ихъ, считаютъ-ли они тебя себѣ равней?

Это замѣчаніе замѣтно испортило хорошее расположеніе духа всѣхъ присутствующихъ. Женни, которой вообще не нравился пессимизмъ ея двоюроднаго брата, первая выразила свое неудовольствіе и проговорила, подавая ему стаканъ кофе: — Ну, ну, бери и пей, ворчунъ; по крайней мѣрѣ хоть въ время перестанешь ворчать. Г-жа Мейеръ тоже видимо была недовольна. Отецъ принялся читать газеты, которыя принесъ Іосифъ, и только Эдуардъ продолжалъ еще нѣкоторое время болтать съ нимъ. Затѣмъ трое мужчинъ ушли по своимъ дѣламъ, и въ комнатѣ остались только мать и дочь.

— Іосифъ съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе невыносимымъ, — заговорила Женни; — онъ дѣлается все болѣе и болѣе мрачнымъ, рѣзкимъ, и положительно способенъ испортить всякое удовольствіе.

— А все-таки мнѣ кажется, — замѣтила мать, — что трудно встрѣтить болѣе благородное, теплое сердце. Я не знаю никого, кто былъ бы способенъ съ такою готовностью пожертвовать всѣмъ ради другихъ, никого, кто дѣлалъ бы это такъ просто и безпритязательно. Поэтому мы всѣ любимъ и уважаемъ его отъ всего сердца, и мнѣ очень жаль, что ты не можешь примириться съ нѣкоторыми его странностями.

— Не то что не могу, а просто не желаю.

— Вотъ это-то и особенно огорчаетъ меня, дитя мое. Эти вѣчныя „желаю“ и „не желаю“, это свойственное тебѣ упорство — крайне меня беспокоитъ. Когда ты была еще совсѣмъ маленькая и я держала тебя на моихъ рукахъ, я часто просила Бога, чтобъ онъ отвратилъ отъ тебя всякія бѣды. До сихъ поръ моленія мои исполнялись почти чудеснымъ образомъ, и все же я съ прискорбіемъ убѣждаюсь въ томъ, что

намъ, людямъ, но-настоящему ни о чемъ не слѣдовало бы молить Бога, потому что мы сами не знаемъ, что для насъ полезно.

— Въ такомъ случаѣ тебѣ лучше слѣдовало бы просить о ниспосланіи мнѣ несчастій? — спросила, улыбаясь, Жюенни.

— Быть можетъ, оно дѣйствительно было бы лучше. Я судила о тебѣ по себѣ, и въ этомъ отношеніи, повидимому, ошибалась. Ты наследовала характеръ отца твоего, — твердый, непреклонный, а вліяніе Эдуарда еще болѣе развило его въ этомъ направленіи. Избалованная счастьемъ и нашей всеобщей, снисходительной любовью, ты никогда не могла научиться подчинять свою волю чужой. Все, что заслуживало въ тебѣ порицанія, какъ упрямство, отецъ и братъ твой восхваляли, какъ проявленіе силы характера, и я понимаю, что ты не чувствуешь расположенія къ Іосифу, потому что онъ одинъ позволяетъ себѣ иногда смѣло и рѣшительно выступать противъ тебя. А между тѣмъ я знаю, что онъ любитъ тебя больше, чѣмъ многіе, лѣстящіе тебѣ. — И съ этими словами добрая женщина протянула дочери свою руку; та поцѣловала ее, и затѣмъ сидѣла нѣкоторое время молча, склонившись надъ своей работой.

На милостивомъ лицѣ ея можно было прочесть, что она вся погружилась въ одну какую-то мысль, что внутри ея назрѣвало какое-то рѣшеніе. И дѣйствительно, она вдругъ отложила свою работу въ сторону, спокойно взглянула въ глаза своей матери и проговорила голосомъ, въ которомъ нельзя было замѣтить ни малѣйшихъ слѣдовъ того волненія, которое ясно можно было прочесть на ея лицѣ: — Маменька! за Іосифа я никогда не выйду замужъ. Никогда, никогда! Можешь прямо объявить это ему, а также и отцу. Я знаю, что вы того желаете, что Іосифъ ждетъ того, и что поэтому онъ старается воспитать во мнѣ хорошую для себя жену; но онъ можетъ избавить себя отъ этого труда. Видишь-ли, — продолжала она, все болѣе и болѣе волнуясь и наконецъ залившись слезами, — видишь-ли, чего не въ состояніи были достигнуть твой примѣръ, твое терпѣніе, а также отецъ мой и Эдуардъ, которыхъ я такъ люблю, — того уже, конечно, не достигнуть Іосифу, котораго я со-

вѣшь не люблю. Вы часто повторяете, что я еще дитя, такъ какъ мнѣ нѣтъ еще семнадцати лѣтъ, но я вовсе не настолько дитя, чтобы выносить рѣзкое, повелительное обращеніе со мною Іосифа! Другимъ также случалось порицать меня, но они, по крайней мѣрѣ, не требовали отъ меня невозможнаго. Вонъ видишь-ли, вѣтеръ безпрепятственно гнетъ то въ ту, то въ другую сторону тотъ высокій тополь въ саду, а мой маленькій кактусъ онъ вчера переломилъ пополамъ, потому что тотъ не могъ гнуться. Таково и сердце мое. Пускай оно кажется вамъ нечувствительнымъ, но все же, я надѣюсь, оно способно внушить мнѣ поступки, которые порадуютъ васъ. Можно сдѣлать надъ нимъ насиліе, но никогда не удастся побудить меня поступить противъ моего убѣжденія. А я клянусь тебѣ, что скорѣе умру, чѣмъ сдѣлаюсь женою Іосифа!

И громко рыдая, она опустилась на колѣни передъ матерью и спрятала лицо свое въ складкахъ ея платья. Испуганная и озабоченная этимъ страстнымъ порывомъ, старуха обняла любимую дочь свою и всячески старалась успокоить ее. Она увѣряла Женни, что отецъ ея, конечно, желаетъ брака ея съ Іосифомъ, но что тѣмъ не менѣе онъ далекъ отъ мысли насиловать ея волю. Понятно, ей будетъ предоставлено самой располагать своею будущностью; вѣдь ей должно же быть извѣстно, что единственное желаніе ея родителей — видѣть свою дочь счастливою. Но все было тщетно: Женни не могла сразу успокоиться, и мать заключила изъ той страстности, которая такъ внезапно и, повидимому, безпричинно, вырвалась наружу, что очевидно уже давно въ душѣ Женни горѣлъ, незамѣтно для посторонняго глаза, огонь страсти; но она не въ состояніи была догадаться, кто зажегъ этотъ огонекъ; сколько она помнила, ни одинъ изъ молодыхъ людей, посѣщавшихъ ихъ домъ и болѣе или менѣе замѣтно ухаживавшихъ за Женни, не производилъ на нее особаго впечатлѣнія. Она погрузилась въ глубокую задумчивость, между тѣмъ какъ дочь ея, все еще взволнованная и съ раскраснѣвшими щеками, возвратилась къ своему рабочему столу и усерднѣе прежняго принялась за вовсе не спѣшную въ сущности работу. Мало-по-малу она

успокоилась и уже совсѣмъ пришла въ себя, когда имъ доложили о прибытіи доктора Штейнгейма.

Мать, которой, при настоящемъ расположеніи ея духа, всякое посѣщеніе посторонняго человѣка было нежелательно, колебалась нѣсколько минутъ, слѣдуетъ-ли ей принять его, или нѣтъ; но наконецъ рѣшилась принять, въ надеждѣ на то, что живой разговоръ его пріятно развлечетъ Женни. Когда онъ вошелъ въ комнату, и мать и дочь встрѣтили его какъ нельзя болѣе любезно. Это былъ человѣкъ лѣтъ 27—28, высокаго роста, крѣпко сложенный, съ смуглымъ, здоровымъ лицомъ. Его курчавые, черные волосы, черные глаза и борода дѣлали его похожимъ столько-же на какаго нибудь итальянца или испанца, какъ и на еврея; многіе считали его красавцемъ, между тѣмъ какъ другіе находили выраженіе его черныхъ глазъ непріятнымъ, шею слишкомъ короткой, а руки и ноги слишкомъ большими для того, чтобъ онъ могъ претендовать на признаніе его красивымъ.

Онъ самъ, однако, повидимому не раздѣлялъ послѣднато мнѣнія; такъ можно было заключить, по крайней мѣрѣ, по его изысканному, хотя и довольно безвкусному туалету. На немъ были короткая темно-зеленая визитка, зеленый-же атласный жилетъ и ярко-красный шелковый галстукъ, спускавшійся длинными, положенными на-крестъ, концами на жилетъ, и въ который была воткнута большая бриллиантовая булавка. Перчатки, обувь, прическа—все это было по послѣдней модѣ, но все какъ-то не шло къ его довольно вульгарной особѣ. Для тонкаго наблюдателя въ немъ было что-то негармоничное и непріятное.

— Тысячу разъ прошу у васъ извиненія, — заговорилъ онъ, — въ томъ, что я позволилъ себѣ явиться къ вамъ въ этомъ утреннемъ костюмѣ; но я до того весь простуженъ, нервы мои до того распатаны, а въ то же время желаніе мое видѣть васъ было до того сильно, что я позволилъ себѣ рассчитывать на ваше снисхожденіе. Это, конечно, дерзость съ моей стороны, но—

Ich kann nicht lange prüfen oder wählen,
Bedürft Ihr meiner zur bestimmten That,
Dann ruft den Tell! Es soll an mir nicht fehlen.

— Ахъ, Боже мой, докторъ! — иронически воскликнула Женни, — неужели вы уже такъ пали, что отъ божественнаго Шекспира, величественнаго Кальдерона и святаго мученика нашего времени, Байрона, пришлось возвратиться къ нашему бѣдному Шиллеру? Вы вѣрно въ послѣдніе дни уже израсходовали слишкомъ много цитатъ...

— Женни! — остановила ее мать недовольнымъ голосомъ. Но Штейнгеймъ нимало не смутился; онъ подошелъ къ Женни и продекларировалъ: „А съ вами, герцогиня, спорить я не буду“. Да и вы сами, мой маленькій, прелестный врагъ, тоже, вѣроятно, откажетесь спорить со мною, если я вамъ скажу, что я вамъ принесъ преинтересныя новости. Во первыхъ, Эрлау восхищенъ предложеніемъ вашей матушки устроить у васъ наканунѣ новаго года живыя картины, а во вторыхъ, — этой новости вамъ никогда не отгадать, — сегодня въ одну городскую должность избранъ купецъ-еврей Саломонъ.

— Послѣдняя новость меня нимало не интересуеетъ, — отвѣтила Женни; — но за первую я вамъ очень благодарна, такъ какъ она очень меня радуетъ. А что, Эдуарду уже извѣстно объ избраніи Саломона?

— Вотъ видите-ли, вы сами этимъ интересуетесь больше, чѣмъ вы желали бы признаться; да оно и вполнѣ понятно. Неужели-же можно равнодушно относиться къ тому, что старые варварскіе предразсудки мало-по-малу исчезаютъ и уступаютъ мѣсто здравому смыслу и справедливости? Неужели не слѣдуетъ радоваться, что народъ, который въ теченіи вѣковъ топтали ногами, наконецъ мало-по-малу входитъ въ обладаніе правами, которыя принадлежать и ему столько-же, сколько и другимъ гражданамъ государства, тому... Ахъ, кстати чтѣ такое случилось вчера у Горновъ? Ради чего они такъ поздно присылали за Эдуардомъ? — перебилъ вдругъ самъ себя Штейнгеймъ, имѣвшій вообще привычку перескакивать въ разговорѣ съ одного предмета на другой. — Я слышалъ, что Клара Горнъ сломала себѣ ногу; это го-

ворилъ мнѣ Эрлау...—ахъ, да, я совсѣмъ было забылъ, что онъ ожидаетъ меня теперь у Джіованоллы. Какъ она вамъ вчера понравилась? Вѣдь вы завтра будете въ театрѣ, на ея представленіи?

Всѣ эти вопросы сыпались съ такой быстротой, что не было никакой возможности отвѣтить хотя бы на одинъ изъ нихъ. Затѣмъ онъ сталъ прощаться съ г-жой Мейеръ, еще разъ посоветовалъ Женни непременно поѣхать въ театръ, и раскланялся, продекламировавъ:

So süß ist Trennungswehe
Ich sage wohl Adien
Bis ich den Morgen sähe.

Мать и дочь, улыбаясь, посмотрѣли ему вслѣдъ.

Но прежде, чѣмъ продолжать рассказъ нашъ, мы должны нѣсколько оглянуться назадъ и сообщить кое-что изъ прежней біографіи лицъ, о которыхъ будетъ идти рѣчь въ этомъ рассказѣ.

III.

Семейство Мейера считалось среди всѣхъ своихъ знакомыхъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ. У старика Мейера было очень приличное состояніе, частью наслѣдственное, частью приумноженное собственными его трудами и дѣловитостью; а будучи человѣкомъ образованнымъ и добрымъ по природѣ, онъ и самъ умѣлъ съ толкомъ пользоваться своимъ богатствомъ, и оказывалъ, кромѣ того, щедрую помощь нуждающимся. Онъ еще въ молодыхъ годахъ женился на теперешней женѣ своей, бывшей въ то время красивой и доброй дѣвушкой, которая также полюбила его всей душой. Отъ этого брака родилось двое дѣтей: Эдуардъ и Женни. Въ женѣ и въ дѣтяхъ своихъ Мейеръ находилъ утѣшеніе въ тяжелыя времена, когда свѣтъ и общество относились съ ненавистью и съ нетерпимостью къ нему, какъ къ еврею, когда его сограждане избѣгали общенія съ нимъ, когда ему отказывали въ правахъ, составляющихъ достояніе всякаго ничѣмъ не запятнаннаго гражданина. Вся любовь и вся дѣятельность супруговъ Мейеръ въ теченіе многихъ

лѣтъ, не находя иного исхода, сосредоточилась на одномъ Эдуардѣ, который былъ болѣе чѣмъ на десять лѣтъ старше своей сестры.

Многіе удивляются тому, что евреи до сихъ поръ ожидаютъ пришествія Мессіи. Но что-же въ этомъ удивительнаго, если, при теперешнихъ господствующихъ взглядахъ, они дѣлаются предметомъ самыхъ безобразныхъ, часто кровавыхъ преслѣдованій? Если они не видятъ со стороны христіанъ ни малѣйшихъ слѣдовъ любви и милосердія? До сихъ поръ они еще не нашли своего Мессіи, и вполне понятно, что они продолжаютъ ожидать его тѣмъ нетерпѣливѣе, чѣмъ болѣе признаютъ себя достойными спасенія и избавленія, понятно, что всякій отецъ, при рожденіи сына, питаетъ радостную надежду, что этотъ сынъ будетъ избавителемъ своего народа, и старается воспитать своего сына именно въ видахъ достиженія этой высокой цѣли.

Поэтому и Эдуардъ получилъ самое тщательное во всѣхъ отношеніяхъ воспитаніе. Отецъ его имѣлъ въ виду сдѣлать изъ него человека, который въ себѣ самомъ найдетъ удовлетвореніе за тѣ лишенія, которыя принесетъ ему жизнь, а съ другой стороны — придастъ ему силы, чтобы выйти побѣдителемъ изъ житейской борьбы и создать себѣ положеніе, которое поставило бы его выше всякихъ предразсудковъ. Въ счастію, природныя способности Эдуарда вполне соотвѣтствовали видамъ его родителей. Замѣчательная понятливость его и живость его ума расположили къ нему учителей его и придали ему немалый авторитетъ въ глазахъ его товарищей, среди которыхъ онъ сразу занялъ первое мѣсто. Пользуясь всеобщей любовью и расположеніемъ, онъ сдѣлался прямодушнымъ, веселымъ, беззаботнымъ мальчикомъ. Но вотъ однажды, бесѣдуя въ школѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей, молодымъ графомъ, о своихъ колоссальныхъ планахъ относительно будущаго, онъ услышалъ отъ послѣдняго слѣдующія, произнесенныя съ видомъ глубокаго сожалѣнія слова: — „Бѣдный Мейеръ! И какой прокъ изъ всѣхъ твоихъ стараній! Вѣдь изъ тебя все же ничего путнаго не выйдетъ, такъ какъ ты — еврей!“

Начиная съ этого дня, мальчикъ точно преобразился. Онъ сталъ

разспрашивать всюду и всѣхъ о положеніи евреевъ, онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ и придавленнымъ тѣмъ, что ему довелось узнать, и только прирожденная гордость его не позволяла ему чувствовать себя униженнымъ. Однако, много размышляя объ этомъ предметѣ, онъ очень рано выработалъ въ себѣ понятія о правахъ человѣка, которыя должны составлять всеобщее достояніе; у него явилось также сознание собственного достоинства и глубокая ненависть ко всякаго рода притѣвленіямъ. Съ годами, по мѣрѣ того, какъ онъ научался самъ себѣ дѣлать справедливую оцѣнку, какъ въ немъ появлялось сознание о томъ, какая счастливая будущность открывалась бы передъ нимъ при другихъ условіяхъ, какую роль онъ имѣлъ бы право играть современемъ въ обществѣ при своихъ способностяхъ, — онъ все болѣе и болѣе возмущался противъ нелѣпыхъ предрасудковъ, разбивавшихъ все его надежды.

Какъ разъ въ это время въ Германіи возникли новыя гоненія на евреевъ, и это вѣяніе времени, понятно, сказалось и въ школѣ, въ которой учился Эдуардъ. Не было недостатка въ разнаго рода насмѣшкахъ и оскорбленіяхъ, основывавшихся на томъ предположеніи, что маленькій еврейчикъ все перетерпитъ: Но въ этомъ отношеніи товарищи Эдуарда ошиблись: Эдуардъ былъ безстрашенъ по природѣ и путемъ упражненій не замедлилъ приобрести ловкость и смѣлость, которыя свойственны не всякому. Онъ научился фехтовать, ѣздить верхомъ, плавать; послѣ того, какъ ему пришлось нѣсколько разъ мощной рукой отстаивать свои права, его наконецъ оставили въ покоѣ, и онъ снова занялъ прежнее выдающееся положеніе среди товарищей. Если въ прежнія времена у юноши возникала порою мысль отречься отъ еврейской религіи и сдѣлаться христіаниномъ, то теперь планъ этотъ былъ имъ совсѣмъ оставленъ въ виду насилій, творимыхъ надъ евреями, и которыя, на его глазахъ, даже такъ называемые „образованные“ христіане позволяли себѣ относительно его единовѣрцевъ. Онъ никакъ не могъ допустить мысли, чтобы справедливость и истина были на сторонѣ людей, позволяющихъ себѣ поступать такимъ образомъ, и въ концѣ концовъ преслѣдованія еще

болѣе укрѣпили его, какъ это бывало во всѣ времена и со многими другими, въ привязанности къ его народу. Изъ этой эпохи онъ вынесъ привычку считать себя принадлежащимъ къ оппозиціи, и это ощущеніе отнынѣ уже болѣе не покидало его, такъ какъ ему приходилось жить при такихъ обстоятельствахъ, которыя постоянно снова и снова пробуждали въ немъ это чувство.'

Такъ какъ Эдуардъ не чувствовалъ ни малѣйшаго расположенія къ занятію торговлей, то родители его рѣшили предоставить ему поступить въ университетъ, причемъ, правда, ему приходилось подготавливаться только къ медицинской карьерѣ или къ какому нибудь частному научному занятію, такъ какъ евреямъ запрещено было поступать на государственную службу или занять каедрю. Онъ рѣшился изучить медицину и покинулъ родительскій домъ, для того, чтобы поступить въ университетъ.

Къ счастью для него, въ ту эпоху въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи господствовалъ свободный, академическій духъ, который оказалъ благотворное вліяніе на Эдуарда. За человѣкомъ признавалась внутренняя его цѣнность и никто не допытывался у него: кто ты такой? во что ты вѣруешь? Его умъ и физическая ловкость снискали ему уваженіе товарищей его, его прилежаніе — благорасположеніе профессоровъ, а готовность его помогать нуждающимся товарищамъ, его веселость и готовность участвовать во всякаго рода товарищескихъ сходкахъ, скоро сдѣлали его всеобщимъ любимцемъ среди студентовъ. Идеи свободы и высокой нравственности, одушевлявшія молодья умы и легшія въ основаніе студенческихъ союзовъ, вполне соответствовали его душевному настроенію и направленію его ума: Ему пріятно было сознавать себя членомъ одного прекраснаго цѣлага, гармонически сложившагося изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, въ которомъ всѣ чувствовали себя совершенно свободными и равноправными.

Изъ числа всѣхъ молодыхъ людей, сгруппировавшихся въ тѣсный, дружескій кружокъ, онъ особенно сблизился съ Рейнгардомъ, сыномъ

бѣдной пасторской вдовы, имѣвшей, однако, богатыхъ родственниковъ. Послѣдніе помогли ему окончить курсъ въ школѣ; но, поступивъ въ университетъ, Рейнгардъ объявилъ имъ, что больше не нуждается въ ихъ помощи, такъ какъ онъ чувствуетъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы не только самому позаботиться о своемъ существованіи, но даже и оказать помощь своей матери. На немъ въ теченіи многихъ лѣтъ лежала тяжелымъ гнетомъ необходимость быть въ зависимости отъ другихъ; не менѣе неприятно ему было то, что его мать вынуждена была жить подачками надменнаго семейства своего, которое ни за что не хотѣло простить ей ея брака съ бѣднымъ кандидатомъ богословія. Какую бы то ни было зависимость онъ считалъ величайшимъ позоромъ, такъ какъ эта зависимость была для него источникомъ оскорбленій, которыхъ онъ никогда не могъ забыть. Поэтому вполне естественно, что онъ и Эдуардъ должны были сразу понять другъ друга, такъ какъ самолюбіе ихъ обоихъ было постоянно задѣваемо, хотя и въ различныхъ отношеніяхъ, и они оба чувствовали себя какъ бы въ обособленномъ положеніи.

Когда Рейнгардъ по вечерамъ чувствовалъ себя утомленнымъ своими усиленными богословскими занятіями и бѣганіемъ по урокамъ, онъ положительно отдыхалъ, встрѣчая въ бесѣдахъ съ Мейеромъ постоянную веселость, остроуміе и полное свѣтлыхъ надеждъ отношеніе къ будущему. Въ началѣ своего знакомства они, правда, неоднократно касались въ своихъ разговорахъ религіозныхъ вопросовъ, вызывавшихъ даже порою оживленія между ними пренія. Но впоследствии они перестали касаться подобныхъ вопросовъ, такъ какъ убѣдились въ томъ, что различіе вѣры не мѣшаетъ имъ обоимъ стремиться къ одной и той же общей цѣли. Одно постороннее, вѣдшее обстоятельство еще болѣе сблизило ихъ.

Около того времени, когда они оба окончивали университетскій курсъ, правительство нашло нужнымъ принять нѣкоторые репрессивныя мѣры относительно студенческихъ корпорацій. Мейеръ и Рейнгардъ были также арестованы въ числѣ многихъ другихъ студентовъ, подвергались разнымъ допросамъ и другимъ мытарствамъ и освобождены изъ-

подъ ареста лишь по прошествіи полугода. Мейеръ воспользовался временемъ ареста для того, чтобы подготовиться къ докторскому экзамену, который онъ и сдалъ тотчасъ же по возвращеніи ему свободы; затѣмъ онъ возвратился въ свой родной городъ, гдѣ и началъ медицинскую карьеру. Правда, онъ оставался еще нѣкоторое время подѣ бдительнымъ надзоромъ полиціи, но это нисколько не мѣшало его практикѣ, которая съ самаго начала сдѣлалась очень обширною и сопровождалась блестящимъ успѣхомъ. Въ началѣ, какъ то бываетъ обыкновенно, къ нему обращались преимущественно бѣдняки; но слухи о нѣкоторыхъ удачныхъ случаяхъ излеченія, о его безкорыстіи и челоувѣколюбіи — быстро расходились по городу, его практика стала распространяться и на высшіе классы общества, и его участь можно было бы назвать вполне завидною, если бы не стали проявляться и относительно его пристрастные предрассудки.

Дѣло въ томъ, что самымъ пламеннымъ желаніемъ Мейера было полученіе какой нибудь значительной клиники, въ которой онъ могъ бы съ пользою и самъ учиться, и учить другихъ. Но ему нельзя было рассчитывать на полученіе такого мѣста при какомъ либо германскомъ университетѣ, и поэтому онъ ограничилъ свои желанія полученіемъ какого либо госпиталя. Когда, вслѣдствіе смерти одного старика-доктора, освободилась вакансія главнаго врача одной изъ городскихъ больницъ, онъ сталъ домогаться этого мѣста, будучи увѣренъ въ расположеніи къ нему общественнаго мнѣнія. По представленію попечителей больницы и нѣкоторыхъ другихъ вліятельныхъ лицъ, мѣстные власти дѣйствительно избрали главнымъ врачомъ больницы молодого доктора, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ и вполне достойнаго этого мѣста, какъ по своимъ познаніямъ, такъ и по своей честности и нравственнымъ качествамъ; въ правительству поступило ходатайство объ утвержденіи его въ этой должности. Мейеръ былъ вполне счастливъ и на радостяхъ счелъ нужнымъ заранѣе отказаться отъ довольно значительнаго содержанія въ пользу больничной кассы. Прошло нѣсколько недѣль въ пріятныхъ ожиданіяхъ; онъ охотно принималъ поздравленія своихъ дру-

зей и знакомыхъ, онъ уже сталъ готовиться къ переезду изъ родительскаго дома въ новую квартиру свою при больницѣ, какъ вдругъ получила резолюція высшей власти, приглашавшая Мейера, прежде утвержденія его въ должности, перейти въ христіанскую вѣру, такъ какъ правительство не находитъ возможнымъ утвердить въ такой видной должности еврея. Тщетно онъ пытался доказывать, что религія не можетъ служить препятствіемъ къ исполненію имъ должности главнаго врача, что неутвержденіе его не обосновано законами государства, — правительство продолжало стоять на прежнемъ своемъ рѣшеніи. Одни называли Мейера человѣкомъ безпкойнымъ; завистники, — въ которыхъ никогда не бываетъ недостатка у людей талантливыхъ и выдающихся, — стали смѣяться надъ притязательностью еврея, пробирающагося къ виднымъ должностямъ, причемъ забывали, что мѣстныя власти сами остановились на Мейерѣ, какъ на самомъ достойномъ кандидатѣ.

Оскорбленной этой несправедливостью, Мейеръ рѣшился было покинуть родину; но его удержали отъ того врожденной ему патріотизмъ и любовь его къ старикамъ-родителямъ. Онъ остался въ родномъ своемъ городѣ, и хотя никогда не могъ забыть несправедливости, жертвою которой онъ сдѣлался, хотя продолжалъ жалѣть о томъ, что передъ нимъ насильно закрыли такое широкое поприще дѣятельности, однако, нѣкоторымъ вознагражденіемъ за то служили для него прекрасная репутація, которою онъ пользовался, и всеобщее уваженіе его согражданъ.

Когда онъ, по окончаніи университетскаго курса, возвратился домой, Жени была прелестная, одиннадцати-лѣтняя дѣвочка; она страстно привязалась къ старшему брату своему, а онъ, съ своей стороны, питалъ къ ней любовь, въ одно и то же время и братскую, и отцовскую. Родители исполняли малѣйшее желаніе своей любимицы, но все же она не была избалованной дѣвочкой. Эдуардъ былъ пораженъ умомъ и остроуміемъ ребенка, онъ видѣлъ, что изъ нея современемъ образуется живая, страстная дѣвушка; но въ то же время отъ него не могло укрыться и то, что излишнее баловство родителей вызвала въ Жени извѣстныя властолюбіе и упрямство, встрѣчавшія до сихъ

поръ отпоръ лишь со стороны двоюроднаго брата ея Іосифа, который, живя въ семействѣ Мейеровъ, относился къ дѣвочкѣ съ строгимъ и даже суровымъ порицаніемъ. Поэтому Женни уже съ дѣтскихъ лѣтъ не влюбилась своего двоюроднаго брата, и часто со слезами на глазахъ жаловалась Эдуарду на то, какой этотъ Іосифъ противный, какъ онъ нарочно дѣластъ все наперекоръ ей, и говорила, что она надѣется найти въ немъ, Эдуардѣ, защитника противъ этого несноснаго человѣка. Молодой докторъ сразу понялъ, что тутъ строгостью ничего не подѣлаешь и рѣшился дѣйствовать систематически и осторожно. Она училась очень легко, почти шутя, и порою казалось, что она не то что научается незнакомымъ ей до сихъ поръ вещамъ, а лишь вспоминаетъ вещи, уже давно ей знакомыя. Обладая такимъ же прямымъ и откровеннымъ характеромъ, какъ и Эдуардъ, она съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сближалась съ нимъ; и хотя онъ въ разговорахъ съ родителями часто жаловался на избытокъ самостоятельности и на почти не-женственную энергію Женни, хотя онъ не могъ не соглашаться съ Іосифомъ въ томъ, что качества ея ума развились слишкомъ рано, а качества сердца, по-видимому, совсѣмъ не развивались, онъ все-таки не безъ чувства сожалѣнія прекратилъ, два года спустя, занятія съ нею, въ виду того, что при громадной его практикѣ у него не хватало для того времени.

Эдуардъ сталъ настаивать на томъ, чтобы сестру его отдали въ одинъ частный пансіонъ, въ которомъ воспитывались дочери самыхъ почетныхъ жителей города. Онъ рассчитывалъ, что сношенія и совмѣстная жизнь съ дѣвочками ея возраста скорѣе всего сгладятъ угловатости и шероховатости ея характера. Родители послѣдовали его совѣту, и дѣйствительно новыя условія во многихъ отношеніяхъ оказали благоприятное вліяніе на Женни. Она привыкла мало-по-малу быть сдержаннѣе и осторожнѣе въ рѣчахъ своихъ, между тѣмъ какъ въ родительскомъ домѣ язвительныя выходки ея возбуждали только смѣхъ; она научилась подчиняться желаніямъ своихъ подругъ, слушаться учителей; но въ то же время она научилась и оцѣнивать по достоинству свои способности, очутившись въ классѣ, въ которомъ всѣ дѣвочки были на нѣ-

сколько лѣтъ старше ея. Но ожидаемой Эдуардомъ перемены въ ея характерѣ не произошло. Полу-взрослыя дѣвушки не захотѣли сближаться съ ребенкомъ и кромѣ того находили, что учителя слишкомъ балуютъ ее. Другія, которымъ нравились веселость и прямодушіе Жени и которыя желали бы сблизиться съ нею, встрѣчали прѣпятствія со стороны своихъ родителей, не разрѣшавшихъ имъ приглашать къ себѣ еврейку или самимъ посѣщать еврейскій домъ; къ этой категоріи принадлежала и Клара Горнъ. Будучи на два года старше Жени, она взяла ее подъ свою опеку, помогала ей своими совѣтами, когда избалованная дѣвочка не могла справиться съ строгими школьными порядками, и тѣмъ сужѣла приобрѣсти полное ея довѣріе и расположеніе. Жени въ разговорахъ съ нею рассказывала ей о своихъ родителяхъ, о своемъ братѣ, о всемъ своемъ житьѣ-бытьѣ, и тѣмъ внушила своей покровительницѣ расположеніе ко всему Мейеровскому семейству. Но когда Клара, послѣ такихъ сообщеній ея маленькой подруги, называла ее счастливою и завидовала прекраснымъ отношеніямъ, существовавшимъ между нею и ея родителями и братомъ, — чего она сама была лишена, — и когда Жени въ такихъ случаяхъ просила ее навѣщать ее, Клара постоянно, конфузясь, отвѣчала, что она не можетъ этого сдѣлать. Наконецъ Жени однажды уговорила ее сообщить ей причину, почему она отказывается посѣщать ее, и Клара объявила ей, со слезами на глазахъ, что она не можетъ этого сдѣлать, потому что родители Жени — евреи, и родители ея, Клары, никогда не позволяютъ ей посѣщать еврейскій домъ. Жени вся вспыхнула, но не произнесла ни слова и лишь молча протянула руку плачущей Кларѣ. Затѣмъ она сидѣла въ классѣ такая разсѣянная, что ни учителя, ни подруги не узнавали ея.

Она все раздумывала о словахъ Клары, и для нея становилось все болѣе и болѣе яснымъ, что она была въ школѣ совершенно одинока, что ни одна изъ ея подругъ не посѣщаетъ ее и не принимаетъ ея приглашеній; ей припомнились ироническія улыбки ея соученицъ, когда она объявляла имъ, что отправляется къ своему законоучителю. Для нея стало невыносимымъ оставаться въ этомъ кружкѣ и, возвратившись домой,

она, вся въ слезахъ, бросилась на шею своимъ родителямъ и стала умолять ихъ, чтобъ они взяли ее изъ пансіона. Слезы, которыя она съ немалыми усиліями сдерживала въ школъ, потекли теперь ручьями. Эдуардъ также присутствовалъ при этой сценѣ, и когда она стала описывать переносившіяся ею къ школъ оскорбленія, сознаніе которыхъ явилось у нея только теперь, родители и братъ ея почувствовали, что и они не въ состояніи защитить это дорогое для нихъ существо отъ ходячихъ предразсудковъ, не въ силахъ избавить его отъ страданій, которыя имъ и прежде приходилось испытывать и которыя они теперь тѣмъ сильнѣе переиспытывали вновь.

Всѣ они поняли невозможность дальнѣйшаго пребыванія Женни въ пансіонѣ, такъ какъ можно было не безъ основанія опасаться, что свойственные ея характеру недостатки, противъ которыхъ родные ея считали своимъ долгомъ бороться, при данныхъ обстоятельствахъ могли лишь усиливаться. Поэтому ея взяли изъ пансіона, и рѣшено было, что Женни докончить свое образованіе дома, причемъ, однако, признано было полезнымъ, чтобъ она училась вмѣстѣ съ другой дѣвочкой, Терезою Вальтеръ, дочерью бѣдной чиновницы, жившей по сосѣдству и съ которою она была знакома еще съ ранняго дѣтства.

До сихъ поръ Женни не чувствовала особаго расположенія къ Терезѣ; но теперь, разставшись съ школой, въ которой сношенія съ другими дѣвочками сдѣлались для нея потребностью, она сильно привязалась къ Терезѣ, и та сдѣлалась единственнымъ ея утѣшеніемъ. Такимъ образомъ между ними мало-по-малу установилась самая искренняя дружба, чего, конечно, при другихъ обстоятельствахъ никогда не случилось бы, такъ какъ Тереза, ни по своему спокойному и тихому характеру, ни по своимъ посредственнымъ способностямъ, въ сущности вовсе не подходила къ Женни и, ставили послѣднюю въ подчиненность къ первой; но при данныхъ обстоятельствахъ это упрочило ихъ дружбу.

Когда зашелъ вопросъ о томъ, кого бы пригласить преподавателемъ въ обѣимъ дѣвушкамъ, которымъ въ это время было уже около

пятнадцать лѣтъ отъ роду, Эдуардъ предложилъ обратиться къ другу его Рейнгарду, который все еще, кое-какъ перебиваясь, жилъ въ томъ же университетскомъ городѣ, въ которомъ онъ встрѣтился и подружился съ Эдуардомъ. Попытки Рейнгарда получить, по сдачѣ экзамена, мѣсто пастора разбились о затрудненія, вытекавшія изъ прежней принадлежности его къ студенческимъ корпораціямъ. Нѣсколько лѣтъ онъ пробылъ въ одномъ семействѣ въ должности домашняго учителя, но теперь отказался отъ этого мѣста потому, что хотя получаемое имъ содержаніе было достаточно для него, но не давало ему возможности оказывать его матери ту помощь, въ которой она нуждалась. Съ тѣхъ поръ онъ добывалъ средства жизни для себя и для своей матери частными уроками и литературными работами. Онъ отказался отъ помощи, которую предлагалъ ему Эдуардъ; тогда тотъ, въ возможно деликатной формѣ, предложилъ ему пріѣхать въ ихъ городъ и принять на себя роль учителя обѣихъ дѣвочекъ, на весьма выгодныхъ для него условіяхъ.

Планъ Эдуарда удался. Онъ свидѣлся со своимъ товарищемъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки, и къ великому своему удовольствію нашелъ въ немъ прежняго вѣрнаго друга, хотя многіе изъ взглядовъ и мыслей Рейнгарда замѣтно измѣнились. Тяжелыя житейскія обстоятельства сдѣлали его подозрительнымъ, раздражительнымъ и болѣзненно-гордымъ, и вообще столь пріятный прежде характеръ его измѣнился въ невыгодную сторону. Будучи въ высшей степени строгъ къ самому себѣ и откровененъ со своими товарищами, онъ мечталъ о свободѣ и справедливости. Въ то же время онъ съ прежнею мечтательностью видѣлъ въ христіанствѣ единственный источникъ истины и любви. Благопріятные результаты, которыми сопровождалось его педагогическія занятія въ семействѣ Мейеровъ, доставили ему вскорѣ такъ много уроковъ, что онъ не въ состояніи былъ принимать всѣ предложенія, съ которыми къ нему обращались, и матеріальное его положеніе сдѣлалось вполне обеспеченнымъ, такъ какъ труды его въ богатомъ торговомъ городѣ вознаграждались гораздо лучше, чѣмъ въ маленькомъ уни-

верситетскомъ. Онъ нашелъ возможнымъ взять свою старуху-мать къ себѣ и поселиться съ нею въ маленькой, хорошенькой квартиркѣ; въ скоромъ времени во многихъ семействахъ, и въ особенности у Мейеровъ, къ доброй старушкѣ стали относиться съ такою же любовью и уваженіемъ, какъ и къ самому Рейнгарду.

На Женни новый учитель произвелъ своеобразное впечатлѣніе. Уже заранѣе, въ виду отзывовъ о немъ Эдуарда, она составила себѣ самое выгодное о немъ мнѣніе; а теперь, когда Рейнгардъ былъ представленъ въ домѣ ея родителей, какъ наружность, такъ и манеры его произвели на нее сильное впечатлѣніе. Онъ былъ значительно выше средняго роста, строенъ, хотя и крѣпко сложенъ, словомъ—онъ всей фигурой отвѣчалъ тому представленію, какое обыкновенно слагается въ умѣ о прежнихъ рыцаряхъ. Его мягкіе, свѣтло-русые волосы, его большіе голубые глаза, правильныя черты его лица—дѣлали изъ него представителя красиваго нѣмецкаго типа, а меланхолическое и задумчивое выраженіе лица его придавало ему въ глазахъ Женни особую прелесть. Движенія его были свободны, говорилъ онъ съ спокойнымъ достоинствомъ, составлявшимъ даже нѣкоторый контрастъ съ его молодостью; сдержанность и замкнутость его сказывались даже не смотря на сердечный пріемъ, оказанный ему въ семействѣ Мейеровъ. Къ Женни и къ Терезѣ, которыхъ ему представили какъ будущихъ его ученицъ, онъ отнесся съ нѣкоторою снисходительностью, на которую Тереза не обратила вниманія, но которая до того поразила Женни, уже избалованную похвалами Штейнгейма и Эрлау, что она, противъ обыкновенія своего, замкнулась сама въ себѣ, причемъ ни вопросы Рейнгарда, ни старанія Эдуарда и родителей ободрить ее—не въ состояніи были ее вывести изъ этого положенія и заставить принять участіе въ общемъ разговорѣ.

Нѣсколько дней спустя начались ихъ занятія, и обѣ стороны остались очень довольны другъ другомъ. На Рейнгарда производила благоприятное впечатлѣніе природная живость ума Женни, а спокойная, тихая внимательность Терезы искренне радовала его. То, что первая схва-

тывала быстро, такъ сказать, на-лету, вторая усвоивала и уясняла себѣ лишь довольно медленно; но за то это, не безъ труда прибрѣтенное умственное достояніе прочно улегалось въ ея головѣ, между тѣмъ какъ Женни, разъ себѣ что нибудь усвоивши, больше на этомъ ужѣ не останавливалась и съ новымъ рвеніемъ стремилась къ прибрѣтенію новыхъ свѣдѣній. Эта беспокойная торопливость ея ума вела къ тому, что она сама себѣ не отдавала яснаго отчета въ своемъ духовномъ богатствѣ и сама удивлялась не менѣе другихъ, когда ей представлялся случай обнаруживать его.

Для Рейнгарда занятія съ молодыми дѣвушками были привлекательны въ двойномъ отношеніи. Онъ до сихъ поръ мало вращался въ обществѣ, въ особенности женскомъ, и поэтому мало былъ знакомъ съ духовною жизнью, съ внутреннимъ міромъ женщины. Онъ съ особымъ интересомъ и одушевленіемъ читалъ молодымъ дѣвушкамъ классиковъ, видя, какъ Женни, увлеченная поэтическими красотами, вся краснѣла и на глазахъ ея выступали слезы. Однажды, когда онъ читалъ имъ чудесный діалогъ между Фаустомъ и Гретхенъ, начинающійся словами: „Объщай мнѣ, Генрихъ“ и заключающій въ себѣ прекрасный символъ вѣры великаго ума, когда онъ самъ чувствовалъ все усиливавшееся волненіе и когда Женни при словахъ: „У меня для этого нѣтъ названія. Чувство—все! Имя—звукъ и дымъ, застилающіе небо“,—вся въ слезахъ протянула ему обѣ руки, чтобы поблагодарить его, онъ тепло и крѣпко пожалъ ея руки, хотя минуту спустя уже раскаялся въ этомъ.

Этотъ эпизодъ и послѣдовавшій затѣмъ разговоръ привели Рейнгарда къ убѣжденію, что Женни, хотя и сильно проникутая идеями красоты и правды, хотя и обладающая нравственною чуткостью, лишена, однако, религіозности въ томъ смыслѣ, какъ онъ то понималъ. Ея семейство относилось довольно равнодушно къ внѣшней религіозной обрядности; поэтому Женни еще съ дѣтства научилась относиться скептически какъ къ еврейскимъ, такъ и къ христіанскимъ догматамъ, часто слыша отрицаніе ихъ, и ей никогда не приходило въ голову, что могутъ существовать такія натуры, которыя чувствуютъ потребность въ

положительной религіи и находятъ въ ней опору; подобная потребность, если она замѣчала ее въ другихъ, казалась ей даже признакомъ умственной слабости, и она относилась къ ней съ нѣкоторымъ, не лишенымъ высокоумія, состраданіемъ. Тѣмъ болѣе страннымъ должно было казаться ей то, что Рейнгардъ, объ умѣ и характерѣ котораго Эдуардъ былъ такого высокаго мнѣнія, что учитель ея, который въ короткое время успѣлъ сдѣлаться такъ дорогъ для нея, считалъ средоточіемъ всякаго образованія религію, которую она, едва вышедшая изъ дѣтскаго возраста, считала миеомъ, аллегоріей. Рейнгардъ самымъ положительнымъ образомъ утверждалъ, что женщина, не имѣющая твердой опоры въ религіи, ни сама не можетъ быть счастлива и не въ состояніи доставить счастье другимъ. Поэтому онъ намѣренно, бесѣдуя со своими ученицами, наводилъ часто разговоръ на религіозно-христіанскіе предметы, такъ что въ его манерѣ обученія религія и поэзія шли рука объ руку; результатомъ всего этого явилось то, что душа и умъ Женни оказались въ непродолжительномъ времени доступными къ воспринятію его взглядовъ.

Но совершенно безсознательно и для нея самой и для Рейнгарда, вмѣстѣ съ новыми ученіями въ душу ея въ скоромъ времени проникла страстная любовь къ проповѣднику ихъ, къ восторженному молодому человѣку, который являлся передъ нею, какъ апостолъ истиннаго и прекраснаго. Изъ любви къ нему она старалась побороть въ себѣ сомнѣнія, постоянно съ новою и новою силой возникавшія въ умѣ ея относительно всякихъ положительныхъ религій, и побуждавшія ее держаться только нравственныхъ доктринъ, одинаково обязательныхъ и для еврея, и для христіанина. Рейнгардъ, съ своей стороны, собственно вовсе и не думалъ о томъ, чтобы обратить ученицу свою въ свою религію; онъ былъ вообще чуждъ этой слабости, и относился тѣмъ съ большей терпимостью къ чужимъ религіознымъ вѣрованіямъ, чѣмъ крѣпче держался своихъ собственныхъ; онъ имѣлъ въ виду лишь пополнить чувствительный, по его мнѣнію, пробѣлъ въ душѣ его ученицы. Онъ глупо убѣжденъ былъ въ томъ, что вѣра будетъ способствовать устра-

ненію въ сердцѣ Женни нравственнаго высокоумія и придасть ей натурѣ большую мягкость; онъ былъ очень радъ при видѣ того, что ему дѣйствительно удалось добиться подобныхъ результатовъ, нимало не подозрѣвая, что болѣе мягкое и женственное настроеніе ея, которое онъ принималъ за результатъ пробудившейся въ ней религіозности, въ сущности было лишь послѣдствіемъ любви ея къ нему. Женни чувствовала потребность вѣрить въ такого Бога, который награждаетъ добро на томъ свѣтѣ, потому что ей казалось, что для Рейнгарда не можетъ найтись достаточно счастья здѣсь, на землѣ; она нѣсколько смирилась, но не передъ Высшимъ Существомъ, а передъ любимымъ человѣкомъ, и мысль о томъ, что любовь ея можетъ когда нибудь кончиться смертью ея или любимаго ею человѣка, причиняла ей такую боль, что надежда на безсмертіе и на вѣчную жизнь дѣлалась для нея единственнымъ утѣшеніемъ.

Отъ родителей Женни и отъ Эдуарда не ускользнула произошедшая съ нею выгодная перемена, и когда Эдуарду доводилось говорить съ Рейнгардомъ о сестрѣ своей, — что случалось довольно часто, — то онъ всегда считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ съ благодарностью упоминать о томъ, какое благотворное дѣйствіе на Женни оказываютъ уроки друга его. Одинъ только Іосифъ, повидимому, не раздѣлялъ этого мнѣнія.

— Рейнгардъ сдѣлаетъ только изъ нея плохую христіанку, — какъ-то разъ глухо выразился онъ, но отказывался на-отрѣзъ подробнѣе объяснить этотъ свой отзывъ, такъ какъ онъ не желалъ обнаруживать тайны, которую обнаружила такъ рано передъ нимъ только его ревниво-бдительная любовь.

Женни пошелъ шестнадцатый годъ. Она съ каждымъ днемъ становилась все красивѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе росла любовь ея къ Рейнгарду; при этомъ было какъ нельзя болѣе естественно, что вниманіе и преданность, оказывавшіяся ею учителю во время уроковъ, производили на него извѣстное впечатлѣніе, противъ котораго онъ тщетно старался бороться всеми си-

лами своей души и разума. Онъ отлично сознавалъ, что не имѣеть права возлагать никакихъ надеждъ относительно Женни. Даже въ томъ случаѣ, если бы родители ея согласились, чтобъ она перешла въ христіанство и сдѣлалась его женою, — неужели же онъ могъ бы рѣшиться предложить богатой, избалованной дѣвушкѣ раздѣлить его бѣдность? Онъ не считалъ себя въ правѣ быть настолько эгоистомъ; а жить на средства отца ея, сознавать, что жена его обязана своимъ благосостояніемъ не ему одному, — эта мысль казалась ему, послѣ горькаго опыта его юности, почти невыносимою. Почти послѣ каждаго урока онъ принималъ твердое рѣшеніе прекратить эти занятія подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, для того, чтобы не дать пустить въ душѣ своей болѣе глубокіе корни чувству любви, безнадежной по самой силѣ вещей, явившейся внезапно и росшей не по днямъ, а по часамъ, хотя онъ всячески старался скрыть это чувство даже отъ самого себя. Женни тоже стала отдаляться отъ него. Изъ опасенія обнаружить свою тайну, она, по окончаніи урока, если при этомъ присутствовалъ кто либо изъ ея родныхъ или постороннихъ, напускала на себя какую-то странную, искусственную холодность. Она относилась, повидимому, съ большимъ участіемъ ко всякому другому, чѣмъ къ Рейнгарду, и онъ въ такихъ случаяхъ держался больше возлѣ Терезы, стараясь въ бесѣдѣ съ нею по возможности скрывать свое мучительное волненіе.

Особенно сильное чувство ревности возбуждалъ въ душѣ Рейнгарда Эрлау. Съ восторженностью истиннаго художника онъ наблюдалъ за расцвѣтавшей съ каждымъ днемъ красотою Женни, а его веселый и смѣлый характеръ часто выводили молодую дѣвушку изъ свойственной ей возрасту застѣчивости и конфузливости. Ей было пріятно, когда Эрлау рассыпался предъ нею въ восторженныхъ похвалахъ; это было ей вдвойнѣ пріятно, когда происходило въ присутствіи Рейнгарда, такъ какъ мнимое равнодушіе его огорчало ее, и, между тѣмъ какъ она съ намѣреніемъ старалась держаться вдали отъ Терезы, къ которой она ревновала Рейнгарда, и отъ самого Рейнгарда, она нарочно сближалась съ Эрлау, которому и безъ того чрезвычайно нравилось ея общество.

При подобномъ настроеніи ея, она часто вступала въ оживленные разговоры съ Штейнгеймомъ, въ которыхъ остроуміе играло главную роль и которые часто принимали характеръ шутокъ и взаимнаго дразненія; Рейнгардъ, серьезный по натурѣ, не въ состояніи былъ принимать участіе въ подобныхъ разговорахъ. Женни это отлично сознавала, но не въ ея силахъ была освободить любимаго человѣка отъ этихъ неприятныхъ ощущеній. Чѣмъ безучастнѣе онъ относился къ тому, что происходило вокругъ него, чѣмъ больше онъ устранился, тѣмъ болѣе Женни убѣждалась въ томъ, что онъ къ ней совершенно равнодушенъ, и тѣмъ тщательнѣе она старалась скрывать отъ него любовь свою къ нему. Только въ отношеніяхъ съ матерью Рейнгарда молодая дѣвушка давала полную волю своей нѣжности и мягкости своего характера.

Какъ только вдова пастора появлялась въ домъ Мейеровъ, Женни тотчасъ же покидала все остальное общество и посвящала себя исключительно старушкѣ. Каждое слово, которое та произносила, было ей дорого; она въ состояніи была слушать ее цѣлыми часами, когда та рассказывала о дѣтскихъ годахъ своего сына, о безчисленныхъ жертвахъ, которыя юноша принесъ ради нея, о той же, нисколько не ослабѣвающей любви, съ которою онъ продолжаетъ относиться къ ней въ возмужаломъ возрастѣ, о томъ, что самое пламенное ея желаніе — увидѣть любимаго сына ея въ такихъ обстоятельствахъ, которыя позволили бы ему найти счастье рядомъ съ преданной ему, любящей женой, выражая при этомъ надежду, что Господь доставитъ ему это счастье.

Всѣ эти рассказы имѣли единственнымъ результатомъ то, что любовь Женни къ Рейнгарду все болѣе и болѣе усиливалась, и чѣмъ сильнѣе становилось въ ней сознаніе этой любви, тѣмъ опредѣленнѣе становилось ея желаніе принадлежать Рейнгарду, тѣмъ невыносимѣе дѣлалось для нея искательство Іосифа, воплнѣ соответствовавшее желаніямъ ея родителей.

Перев. Э. Ватсонъ.

(Продолженіе будетъ).

КАРАИМЫ И ЕВРЕИ.

I.

Въ № 51—52 «Недѣльной Хроники» за 1886 г. со словъ одесскихъ газетъ, сообщено слѣдующее:

«Группа проживающихъ на Крымскомъ полуостровѣ еврейскихъ семействъ возбудила недавно ходатайство предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи имъ перехода въ лоно караимской синагоги, по причисленіи ихъ, на соответствующихъ правахъ, къ мѣстному караимскому обществу. Г. министръ отвѣтилъ, что съ его стороны не встрѣчается препятствій къ удовлетворенію названнаго ходатайства, но въ то же время запросилъ по этому поводу главнаго караимскаго гахама въ Евпаторіи. Гахамъ циркулярно обратился съ запросомъ ко всѣмъ караимскимъ общинамъ Таврической и Херсонской губерній. Общины отвѣтили категорическимъ отказомъ принять въ свою среду евреевъ, мотивируя свой отказъ, помимо всего, дарованною императрицею Екатериною караимскому толку грамотою, въ которой (по ихъ словамъ) между прочимъ сказано, что права даруются караимамъ съ тѣмъ, чтобы они не принимали въ свои общества евреевъ (талмудистовъ)».

Грамота, о которой говорится въ этомъ сообщеніи, есть очевидно именной указъ, данный 8 іюня 1795 г. императрицею Екатериною II вознесенскому и таврическому генераль-губернатору графу Зубову «объ увольненіи таврическихъ евреевъ, именуемыхъ караимы, отъ положенныхъ на всѣхъ вообще евреевъ двойныхъ податей». Указъ этотъ буквально гласитъ:

«Графъ Платонъ Александровичъ! Вслѣдствіе представленія вашего, учиненнаго по прошенію общества таврическихъ евреевъ, именуемыхъ караимы, и въ уваженіе обстоятельствъ, подробно вами изображенныхъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ не брать съ нихъ двойныхъ податей, каковыя положены на

всѣхъ вообще евреевъ, а взыскивать оныя по прежнему наравнѣ съ прочими купцами и мѣщанами въ области Таврической живущими, предоставляя вашему распоряженію объ оказаніи имъ по возможности и другихъ выгодъ и облегченій, съ предостереженіемъ только, чтобы *въ общество сихъ караимовъ не вносили изъ тѣхъ евреевъ, кои известны подъ названіемъ раббиновъ* и о которыхъ изданныя отъ насъ узаконенія должны исполняемы быть во всей точности. Что же касается до права владѣнія ихъ недвижимыми имѣніями, въ томъ поступать по указу нашему, на докладъ сената прошлаго 1794 г. октября 19 день (ноября 9) состоявшемуся, непремѣнно*.

Изъ отношенія же графа Зубова къ правителю Таврической области, при которомъ (отношеніи) означенный указъ былъ препровожденъ, видно, что прошеніе таврическихъ евреевъ-караимовъ заключалось въ ходатайствѣ: 1) о невзысканіи съ нихъ двойныхъ податей, положенныхъ вообще на всѣхъ евреяхъ; 2) объ освобожденіи ихъ отъ рекрутскихъ денегъ и солдатскаго постоя и 3) о дозволеніи имъ движимыя и недвижимыя имѣнія, въ разсужденіе наслѣдства и другихъ случаевъ, раздѣлять по ихъ еврейскимъ законамъ съ апробаціи сиротскаго суда. Съ своей стороны, графъ Зубовъ въ своемъ отношеніи писалъ правителю Таврической губерніи:

«Предписываю вашему превосходительству по содержанию сего высочайшаго указа въ отношеніи взысканія съ помянутыхъ евреевъ податей наравнѣ съ прочими купцами и мѣщанами, въ области Таврической живущими, и въ предоставленіи имъ права владѣнія недвижимыми имѣніями на основаніи высочайшаго указа на докладъ правит. сената прошлаго 1794 г. октября въ 19 (ноября 9) день состоявшагося, поступать во всемъ непремѣнно, основываясь въ раздѣлѣ движимыхъ имѣній на общихъ государственныхъ узаконеніяхъ. И о томъ дать знать для равномѣрнаго исполненія таврическимъ палатамъ казенной и гражданской; а какъ въ помянутомъ указѣ предоставлено моему распоряженію объ оказаніи имъ по возможности сверхъ вышеписаннаго и другихъ выгодъ и облегченій, то по разуму сихъ словъ можете располагать постоя въ домахъ ихъ такимъ образомъ, чтобы безъ особой нужды излишняго

* П. С. З., т. 23, № 17340.—Узаконенія цитируются здѣсь по сборнику В. О. Леванды: „Полюный хронологическій сборникъ законовъ и положеній, касающихся евреевъ и проч.“, С.-Петербургъ, 1874 г.

не было, наблюдая, однако же, чтобы чрезъ таковое ихъ облегченіе не могло быть обремененія прочимъ обывателямъ, съ которыми они должны нести равныя повинности, и чтобы въ общество ихъ не входили изъ тѣхъ евреевъ, кои извѣстны подъ названіемъ рабиновъ, о которыхъ изданныя высочайшія узаконенія долженствують исполняемы быть во всей точности, какъ именно о томъ въ приложенномъ указѣ сказано. А что принадлежитъ до освобожденія сихъ евреевъ отъ платежа рекрутскихъ денегъ, на сіе изъясняю: какъ по силѣ означеннаго высочайшаго указа оныя евреи сравнены во всемъ съ купцами и мѣщанами въ области Таврической живущими, и совершенно уже изъемяются изъ числа тѣхъ евреевъ, о коихъ въ именномъ высочайшемъ указѣ, въ 7 день сентября 1794 г. состоявшемся, въ 6 пунктѣ сказано: чтобы съ нихъ во всѣхъ намѣстничествахъ, гдѣ по указу отъ 23 іюня того же года имъ жительство, торги и промыслы дозволены, собирать за каждаго рекрута по 500 руб. деньгами, то по содержанию сихъ узаконеній и слѣдуетъ въ ономъ поступать съ тѣми евреями, именуемыми караимы, какъ и съ прочими купцами и мѣщанами, въ Таврической области находящимися, о чемъ и не оставите вы къ наблюденію дать знатъ казенной палатѣ *.

Изъ предыдущаго видно, что не всѣ ходатайства караимовъ были уважены императрицей, но все-таки имъ оказаны значительныя льготы противъ всѣхъ евреевъ: освобожденіе отъ двойныхъ податей, облегченіе отъ воинскаго постоя, уравниеніе ихъ въ отношеніи платежа рекрутскихъ денегъ съ прочими мѣщанами и купцами. Этимъ положена была грань между караимами и прочими евреями, такъ какъ въ указѣ положительно выражено было предостереженіе, чтобы въ общество караимовъ не входили тѣ изъ евреевъ, которые извѣстны подъ названіемъ *рабиновъ*. Но изъ этого нельзя сдѣлать еще того вывода, что караимы не должны принимать въ свои общества евреевъ-раввинистовъ. Смыслъ указаннаго предостереженія заключается въ томъ, что еврей-раввинисты, какъ таковые, не могутъ входить въ составъ караимскаго общества. Но разъ они переходятъ въ лоно караимской синагоги, они, очевидно, перестаютъ быть евреями-«рабинами», и тогда уже не представляется препятствія къ принятію ихъ въ общество караи-

---

* Тамъ же.

мовъ, если только на это послѣдуетъ разрѣшеніе высшей правительственной власти.

II.

Названіе «рабиновъ» или «раввинистовъ» обязано своимъ появленіемъ возникновенію караимства. Происхожденіе послѣдняго Гретцъ объясняетъ застоемъ въ религиозной жизни евреевъ. «Религиозная жизнь,—говоритъ онъ,—нѣкоторымъ образомъ заглохла и застыла. Христіанство временъ Павла и эпохи послѣ апостольской представляло собой оппозицію, и такъ какъ оно отмѣнило регулирующий законъ и устранило познаніе, замѣнивъ ихъ вѣрою, то это породило въ развитіи іудейства непоколебимую привязанность къ закону и тщательную разработку религиознаго законодательства до мельчайшихъ подробностей. Талмудъ былъ продуктомъ этого оппозиціоннаго движенія; онъ сталъ единственнымъ господствующимъ авторитетомъ въ іудействѣ и вытѣснилъ библію изъ народнаго сознанія. Просвѣтленіе ума, оживленіе чувствъ, глубоко религиозное и въ то же время поэтическое вѣяніе, вытекавшія изъ священныхъ памятниковъ, исчезли для общинъ и ихъ представителей. Самое изученіе талмуда, дѣйствовавшее во времена амореевъ освѣжающимъ и просвѣтляющимъ образомъ, превратилось въ эпоху сабуреевъ и въ первое гаонейское столѣтіе въ сухую работу памяти, неспособную къ духовному оплодотворенію. Недоставало струи свѣжаго воздуха, которая провѣтривала бы замкнутые, удушливые покои... Для того, чтобы устранить односторонность, вернуть библію ея права и поднять духъ религиозной жизни, оппозиціонное направленіе, дотолѣ господствовавшее лишь въ немногочисленномъ кругу, должно было получить доступъ въ болѣе обширныя сферы, при посредствѣ какой либо личности съ трезвымъ умомъ и съ официальнымъ положеніемъ. Движеніе могло бы лишь тогда проникать въ массу и дѣйствовать на нее плодотворно, еслибъ оно происходило въ центрѣ тогдашней еврейской жизни, а не въ отдаленномъ захолустьи. Такое движеніе исходило отъ потомка эксиларховъ, изъ дома Бостанаи, и поэтому оказало продолжительное дѣйствіе».

Такимъ потомкомъ былъ Ананъ. Послѣдній не признавалъ за нѣкоторыми талмудическими постановленіями религіознаго авторитета и его враждебное къ талмуду отношеніе было извѣстно представителямъ обѣихъ академій, руководившимъ выборами эксиларха. Эти представители рѣшились отстранить Анана отъ наслѣдованія эксиларшаго престола и вмѣсто него выбрать его младшаго брата Хананія. Но Ананъ не былъ одинъ, у него были друзья. Благодаря правамъ своимъ на эксилархатъ, которому подчинены были всѣ еврейскія общины Востока, онъ, повидимому, привлекъ къ себѣ не одного честолюбца, корыстолюбца и льстеца. Но у него были также приверженцы изъ среды тѣхъ, которые болѣе или менѣе открыто не признавали авторитета талмудическаго іудейства и привѣтствовали въ лицѣ Анана могущественнаго передоваго бойца.

Вынужденный оставить отечество, Ананъ переселился въ Палестину. Въ Иерусалимѣ онъ построилъ собственную синагогу, которая существовала до перваго крестоваго похода. Ананъ, ожесточенный противъ гаоната, вслѣдствіе оскорбительнаго пренебреженія со стороны гаоновъ, перенесъ это ожесточеніе на талмудъ, которому гаонатъ обязанъ былъ своимъ авторитетомъ. Ананъ обнаружилъ пламенную ненависть къ талмуду и его представителямъ. Онъ, говорятъ, выразился, что желалъ бы, чтобы всѣ приверженцы талмуда были въ его тѣлѣ, дабы онъ, лишивъ себя жизни, погубилъ въ то же время и ихъ. Онъ считалъ все въ талмудѣ ни къ чему негоднымъ и хотѣлъ снова устроить религіозную жизнь на библейскихъ началахъ. Онъ упрекалъ талмудистовъ въ томъ, что они исказили іудейство и не только прибавили многое къ торѣ, но еще больше отмѣнили изъ нея, объявивъ необязательнымъ то, что по буквальному смыслу священнаго писанія обязательно для всѣхъ временъ. Основное положеніе Анана было: «Ищите усердно въ писаніи». Отъ этого возвращенія къ св. писанію (Mikra), религіозная система, созданная Ананомъ, получила названіе «исповѣданіе писанія» или «караимство».

Не входя въ подробное разсмотрѣніе ученія Анана, мы считаемъ нужнымъ указать еще на то, что ученики его называли себя ананитами и караитами (*караимъ, бене-микра*), давъ своимъ

противникамъ насмѣшливое прозвище *раббанитовъ*, что должно было означать приверженцевъ авторитетовъ (раббанинъ, раббининъ, бене-рабъ). Натянутость отношеній и взаимная вражда между двумя религіозными партіями сначала были весьма сильныя. Представители академій отлучили отъ синагоги и исключили изъ среды іудейства основателя караимства и его приверженцевъ. Но и караимы въ свою очередь отреклись отъ раббанитовъ, не заключали съ ними браковъ, не употребляли ихъ нищи, а въ субботу даже не посѣщали домовъ раббанитовъ, такъ какъ тамъ, по ихъ мнѣнію, оскверняется святость субботняго дня. Раббаниты называли караимовъ еретиками (минимъ, апикорсимъ), проповѣдывали противъ нихъ съ каедръ, въ особенности противъ ихъ обычая сидѣть въ вечеръ на субботу въ темнотѣ, и не допускали послѣдователей Анана къ общей съ ними молитвѣ. Караимы, съ своей стороны, всячески ноносили обѣ академіи и ихъ представителей.

III.

Изложенныя историческія указанія, взятые у Гретца *, мы считали необходимымъ привести въ видахъ уясненія употребленныхъ въ нашихъ законодательныхъ актахъ терминовъ «еврей-караимы» и «еврей-рабины» или «раввинисты», которые представляются въ нашемъ законодательствѣ двумя рѣзко разграниченными группами не только въ религіозномъ отношеніи, но и относительно пользованія гражданскими правами. Ниже мы увидимъ, какія теоретическія основанія приводились въ нашихъ законодательныхъ актахъ для оправданія этого разграниченія и для предоставленія караимамъ полноправія, которое признано лишь въ 1863 году. До того же правительство, по мѣрѣ возбужденія на практикѣ вопросовъ касательно правъ караимовъ, признавало за послѣдними тѣ или другія права, не предоставленныя евреямъ вообще.

Прежде всего, какъ мы уже видѣли выше, правительство обратило благосклонное вниманіе на караимовъ, жительствующихъ

* Исторія евреевъ, т. 5, переводъ со второго нѣмецкаго изданія, 1883 г., стр. 155—158, 161.

щихъ въ Таврической области, и лишь за ними признаны были права о которыхъ говорится въ указѣ 8 июня 1795 г. Между тѣмъ, кромѣ этихъ караимовъ, были и такіе, которые жительствовали въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ. На нихъ не имѣется никакихъ указаній въ законодательныхъ актахъ до возникновенія въ 1810 г. дѣла о привиллегіяхъ, выданныхъ бывшими польскими королями караимамъ города Трокъ на жительство и занятіе въ этомъ городѣ промыслами. Троцкіе караимы стали доказывать, что еврей-раввинисты не могутъ жить въ г. Трокахъ, ни заниматься промыслами. Дѣло дошло до прав. сената, который нашелъ, что въ этомъ дѣлѣ подлежатъ разрѣшенію два вопроса: во первыхъ, могутъ-ли имѣть силу привилегіи, выданныя бывшими польскими королями евреямъ-караимамъ г. Трокъ, которыми предоставлено имъ жить и заниматься въ этомъ городѣ, и во вторыхъ, должны-ли еврей-раббинисты проживать въ г. Трокахъ и пользоваться всѣми выгодами наравнѣ съ караимами? 1-е отдѣленіе 3-го департамента, принимая къ своему разрѣшенію первый вопросъ, какъ предметъ, судебному разсмотрѣнію подлежащій и относящійся до этого отдѣленія, рассматривающаго только гражданскія тяжбы дѣла, заключило, что привилегіи, выданныя трокскимъ евреямъ-караимамъ, начиная съ 1646 г.—польскаго короля Владислава IV и подтвержденныя впоследствии бывшими въ Польшѣ королями, и наконецъ Станиславомъ-Августомъ въ 1776 г., коими предоставлено имъ жить и заниматься промыслами въ г. Трокахъ, дѣйствительно существовали и до начатія сего дѣла въ 1810 г. оспорены не были. Почему правит. сенатъ, въ отношеніи тѣхъ привилегій, караимамъ выданныхъ, согласно съ заключеніями трокскаго повѣтоваго суда, двухъ засѣдателей главнаго суда, виленскихъ казенной палаты и гражданского губернатора, министровъ народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и Великаго Князя Цесаревича, призналъ, что привилегіи, выданныя караимамъ г. Трокъ разными польскими королями, могутъ оставаться въ своей силѣ. Касательно же второго вопроса, то, имѣя въ виду, что еврей-раббинисты главнѣйше защищаются тѣмъ, что они начали селиться въ томъ городѣ по дозволенію мѣстнаго начальства и сообразно высочайшему о

всѣхъ евреевъ положенію 9 декабря 1804 года, правит. сенатъ нашель, что этотъ предметъ, какъ относящійся до устройства евреевъ и подлежащій расноряженію административной части, слѣдуетъ сообщить на разсмотрѣніе и разрѣшеніе 1-го департамента сената, завѣдующаго дѣлами означеннаго рода *.

Это дѣло тянулось еще до 1835 г., когда оно, наконецъ, дошло до государственнаго совѣта, вслѣдствіе доклада общаго собранія департаментовъ прав. сената. И здѣсь дѣло окончилось полнымъ торжествомъ караимовъ. Государственный совѣтъ положилъ объявить прав. сенату: 1) что привиллегіи, данныя польскими королями евреямъ караимамъ на исключительное отъ раббинистовъ жительство въ г. Трокахъ, подтверждаются; 2) что еврей-раббинисты, поселившіеся донынѣ въ этомъ городѣ, должны избрать себѣ другое мѣстопробываніе, и на переселеніе ихъ назначаются слѣдующіе сроки: а) тѣмъ, кои имѣютъ недвижимую собственность, по законнымъ актамъ приобрѣтенную, пятилѣтній; б) тѣмъ, кои не имѣютъ собственныхъ домовъ, годовой; 3) но если кто изъ раббинистовъ содержитъ въ Трокахъ откупъ или другія оброчныя статьи по контрактамъ, законнымъ порядкомъ заключеннымъ по день полученія въ Трокахъ сего постановленія, на время продолжительнѣйшее противъ означеннаго выше, таковымъ назначить для переселенія двухмѣсячный срокъ по истеченіи того, который опредѣленъ контрактомъ. Это мнѣніе госуд. совѣта получило Высочайшее утвержденіе 7 января 1835 г. **.

Съ такимъ же благоволеніемъ русское правительство относилось къ караимамъ и въ другихъ случаяхъ. Такъ, въ именномъ указѣ отъ 20 ноября 1829 г. о воспрещеніи неслужащимъ евреямъ имѣть постоянное пребываніе въ городахъ Севастополь и Николаевъ оговорено, что «всѣ сіи мѣры (т. е. мѣры выселенія евреевъ изъ этихъ городовъ) не должны относиться до евреевъ-караимовъ, коимъ отнюдь не воспрещается жить и владѣть собственностью въ Севастополь и Николаевъ на прежнемъ основаніи ***.

* Сенат. указъ 6 сентября 1829 г. (И. С. З. т. 4, № 3136).

** И. С. З., т. X, № 7733.

*** И. С. З., т. IV, № 3286.

IV.

По положенію о евреяхъ 1835 г., караимы, гдѣ таковыя находятся, сверхъ правъ, симъ положеніемъ евреямъ предоставленныхъ, пользуются еще и тѣми, кои предоставлены особенными грамотами и постановленіями *. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что законоположеніе 1835 г. все-таки смотритъ на караимовъ, какъ на разрядъ людей еще неполноправныхъ, ибо караимы, въ силу этого положенія, пользуются не правами, вообще русскимъ подданнымъ предоставленными, а правами евреевъ, съ присовокупленіемъ тѣхъ правъ, которыя дарованы имъ особенными грамотами и постановленіями, но которыя въ сущности не были пока значительны, какъ мы видѣли. Такъ, за караимами еще не было въ то время признано право на повсемѣстное жительство, для нихъ, слѣдовательно, существовала еще черта осѣдлости, какъ и для прочихъ евреевъ. Но такъ какъ начало эмансипаціи было уже положено, то раньше или позже оно должно было привести къ полной эмансипаціи. Послѣдняя шла по прежнему въ видѣ сепаратныхъ узаконеній. Высочайше утвержденнымъ 10 декабря 1839 г. положеніемъ комитета министровъ, дозволено было караимамъ, въ Таврической и другихъ губерніяхъ проживающимъ, принимать въ услуженіе христіанъ, а пріѣзжающимъ изъ-за границы вступать въ руссійское подданство, на основаніи общихъ по сему предмету правилъ **. Это было для караимовъ однимъ изъ чрезвычайно важныхъ узаконеній, доказывавшимъ, что правительство питаетъ къ ихъ религіозной благонадежности и экономической дѣятельности полное довѣріе. Значеніе этого закона въ особенности рельефно выступаетъ, если принять въ соображеніе тѣ мотивы, вслѣдствіе которыхъ евреямъ запрещалось держаніе христіанской прислуги и вступленіе въ русское подданство. Для перваго ограниченія было принято въ соображеніе, что евреи, по ихъ ученію, считаютъ обязан-

---

* П. С. З., т. X, № 8054, § 21.

** П. С. З., т. XIV, № 12963.

Восходъ, ян. 1.

ностью обращать всѣхъ въ свою вѣру» *, что, конечно, невѣрно, ибо талмудъ питаетъ отвращеніе ко всякаго рода прозелитизму **. Запрещеніе же иностраннымъ евреямъ вступать въ русское подданство мотивировалось чрезвычайнымъ умноженіемъ въ пограничныхъ губерніяхъ иностранныхъ евреевъ, которые, «частію избѣгая рекрутской повинности, которой они подлежатъ въ нѣкоторыхъ иноземныхъ державахъ, частію же увлекаясь льготой отъ платежа государственныхъ податей, которой они пользуются въ Россіи въ первое десятилѣтіе наравнѣ съ прочими иностранными выходцами, переходятъ изъ-за границы во множествѣ на жительство въ Россійскую имперію. Причемъ эти новые поселенцы по роду ихъ промысловъ, состоящихъ болѣею частью въ мелочной внутренней торговлѣ и въ тѣхъ вѣтвяхъ промышленности, кои наиболѣе сродны съ контрабандою, или въ содержаніи арендъ и шинковъ на правахъ, раззорительныхъ и для ихъ вѣрителей и для поселянъ, не могутъ приносить существенной пользы государству» ***.

Приведенный законъ 1839 г. ничѣмъ не мотивированъ, но въ послѣдующихъ узаконеніяхъ уже приводятся мотивы, почему правительство отличаетъ караимовъ предъ другими евреями. Такъ, въ 1843 г. слушался въ государственномъ совѣтѣ докладъ общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ правительствующаго сената касательно распространенія на караимовъ общихъ правилъ о почетномъ гражданствѣ. Правительствующій сенатъ, по выслушаніи записки изъ дѣла о возведеніи евпаторійскаго 1-й гильдіи купца Сима Бобовича въ потомственное почетное гражданство и о правахъ караимовъ на сіе званіе, нашель, что въ этомъ дѣлѣ представляется къ разрѣшенію вопросъ: могутъ ли купцы-караимы быть удостоиваемы почетнаго гражданства, на основаніи общихъ правилъ, постановленныхъ на сей предметъ для руссійскаго купеческаго сословія. Сообразивъ этотъ вопросъ съ существующими о почетномъ гражданствѣ законами и постановленіями собственно о караимахъ, общее собраніе департаментовъ правительствующо-

* П. С. З., т. 37 (1820 г.), № 28,249.

** Дейтшъ, Талмудъ, 1877 г. стр. 112.

*** П. С. З., т. 39 (1824 г.), № 30004.

ицаго сената усмотрѣло, съ одной стороны, что относительно возведенія въ почетное гражданство евреевъ вообще изданы особыя правила, на основаніи коихъ евреи могутъ быть удостоиваемы почетнаго гражданства не иначе, какъ за особенныя, въ сихъ постановленіяхъ опредѣлительно указанныя заслуги и отличія; съ другой же стороны, что караимы въ образъ ихъ жизни и вѣръ существенно различаются отъ евреевъ-раввинистовъ; что, независимо отъ правъ, дарованныхъ евреямъ-раввинистамъ положеніемъ 1835 г., караимы пользуются еще и тѣми, кои предоставлены имъ особенными грамотами и постановленіями; и что, наконецъ, этими постановленіями они изъяты отъ нѣкоторыхъ ограниченій, изданныхъ для евреевъ, и между прочимъ, по высочайше утвержденному 10 декабря 1839 г. положенію комитета министровъ, не лишены права имѣть у себя въ услуженіи христіанъ, что прочимъ евреямъ воспрещено. Принимая во вниманіе, такимъ образомъ, существенное различіе караимовъ отъ евреевъ какъ по образу жизни и вѣръ, такъ и по самымъ постановленіямъ закона, общее собраніе признало и съ своей стороны возможнымъ изъять караимовъ и въ отношеніи возведенія въ почетное гражданство отъ тѣхъ ограниченій, какія на сей предметъ постановлены для евреевъ. Въ семъ убѣжденіи общее собраніе полагало, что на купцовъ-караимовъ могутъ быть распространены общія правила, постановленныя для возведенія въ почетное гражданство русскаго купеческаго сословія. Этотъ докладъ государственный совѣтъ утвердилъ и вслѣдствіе того, въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановилъ: караимы возводятся въ почетное гражданство на основаніи общихъ по сему предмету правилъ, безъ ограниченій, для евреевъ установленныхъ. Мнѣніе государственнаго совѣта получило высочайшую санкцію 31 декабря 1843 г. *.

И такъ, образъ жизни караимовъ и вѣра, съ одной стороны, и самыя постановленія закона съ другой — вотъ два мотива, влиявшихъ на разрѣшеніе въ благопріятномъ смыслѣ возникшаго вопроса. Эти же мотивы, но въ болѣе яркомъ свѣтѣ при-

ведены и въ другомъ законодательномъ актѣ 11 декабря 1850 г. о невоспрещеніи евреямъ-караимамъ продажи горячихъ напитковъ и жительства по деревнямъ и селеніямъ. Это дѣло дошло до государственнаго совѣта, вслѣдствіе разногласія въ общемъ собраніи первыхъ трехъ департаментовъ и герольдіи правительствующаго сената. Государственный совѣтъ нашелъ, что *между евреями вообще или такъ называемыми раввинистами и собственно караимами существуетъ замѣчательное различіе какъ въ отношеніи къ догматамъ веры* (первые слѣдуютъ ученію талмуда, а послѣдніе исключительно священному писанію ветхаго завѣта), *такъ равно въ нравственномъ и гражданскомъ отношеніяхъ*: караимы стремятся къ осѣдлой жизни и сближенію съ обычаями мѣстныхъ жителей, занимаются охотно земледѣліемъ и извѣстны своимъ трудолюбіемъ и строгостью правилъ жизни. По симъ уваженіямъ правительство всегда ихъ отличало, а законъ присвоилъ имъ нѣкоторыя преимущества. Здѣсь государственный совѣтъ указываетъ на приведенныя уже нами льготныя узаконенія о евреяхъ, а равно и на то, что для нихъ установленъ особый порядокъ записки метрикъ и издана особая форма свидѣтельской присяги, почти одинаковая съ установленною для христіанъ. Глава караимскаго духовенства, гахамъ, въ случаѣ преданія его суду, подвергается выисканію не иначе, какъ по утвержденіи приговора о немъ правительствующимъ сенатомъ. Отсюда, говоритъ государственный совѣтъ, ясно, что какъ тѣ причины и основанія, которыя побудили правительство къ изданію въ 1845 г. правилъ о выдѣлкѣ и продажѣ горячихъ напитковъ евреями, до караимовъ не относятся, то и самыя правила сіи на нихъ не распространяются, и хотя въ 8 пунктѣ оныхъ, гдѣ изложены предметы, запрещенію подлежащія, и содержатся указываемыя въ предложеніи министра юстиціи, принятомъ тремя сенаторами, слова: «евреямъ всѣхъ вообще состояній», но здѣсь естественно разумѣются состоянія или сословія гражданскія, т. е. купеческое, мѣщанское и сельское, а не особое *поколеніе* евреевъ—караимы. Поэтому государственный совѣтъ, согласно съ мнѣніемъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и финансовъ и съ заключеніемъ 16-ти сенаторовъ въ

общемъ собраніи правительствующаго сената, мнѣніемъ положить: ни жительства по деревнямъ и селеніямъ въ корчмахъ, ни продажи евреямъ-караимамъ горячихъ напитковъ не воспрещать. Это мнѣніе высочайше утверждено 11 декабря 1850 г. *.

При такомъ взглядѣ высшихъ правительственныхъ сферъ на караимовъ, совершенно естественно, что когда въ 1852 г. возникъ вопросъ о томъ, могутъ-ли они свободно пріѣзжать въ столицы и другіе города имперіи съ установленными паспортами, или же они должны подвергнуться ограниченіямъ, постановленнымъ для прочихъ евреевъ, то императоръ Николай I повелѣлъ, 10 октября 1852 г.: сдѣлать поясненіе, что это ограниченіе пріѣзда евреевъ въ столицы и города внутреннихъ губерній не распространяется на евреевъ-караимовъ **. Этимъ уничтожена была черта осѣдлости для караимовъ.

Не прошло послѣ этого и года, какъ, по представленію на-мѣстника кавказскаго и по положенію кавказскаго комитета, 26 іюля 1853 г. высочайше повелѣно было: «существующее нынѣ, по § 15 высоч. утв. 15 декабря 1846 г. положенія о заселеніи сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря, воспрещеніе евреямъ имѣть постоянное жительство въ портовыхъ городахъ сего берега не распространять на караимовъ, дозволивъ симъ послѣднимъ причисляться къ портовымъ городамъ означеннаго берега, жить и владѣть въ оныхъ собственностью» ***. А въ 1855 г. устранены были въ отношеніи караимовъ ограниченія на счетъ поступленія на государственную службу.

Комитетъ объ устройствѣ евреевъ по этому предмету разсуждалъ такъ: что всѣ принятыя доселѣ мѣры ограниченій касались только евреевъ-раввинистовъ, но отнюдь не караимовъ, которые, не принадлежа къ еврейскому населенію и не разделяя съ ними талмудическихъ заблужденій, слѣдуютъ ученію ветхаго завета, и которыхъ правительство всегда отличало отъ евреевъ, по извѣстнымъ ихъ правиламъ и трудолюбію, и при всякомъ вопросѣ, распространяются-ли на нихъ общія поста-

---

* П. С. З., т. XXV, № 24715.

** П. С. З., т. XXVII, № 26604.

*** П. С. З., т. XXVII, № 26604.

новленія о евреяхъ—дѣлало рѣшенія отрицательныя. Здѣсь комитетъ указываетъ на цитированныя уже нами узаконенія и продолжаетъ: наконецъ, въ отношеніи самаго вопроса, предложеннаго нынѣ на разсмотрѣніе комитета о правѣ караимовъ, имѣющихъ ученые и медицинскія степени, на вступленіе въ службу, въ Божѣ почивающій Государь Императоръ изволилъ положительно отозваться, что ограниченія, постановленныя для евреевъ вообще, не относятся къ караимамъ. За такимъ яснымъ разрѣшеніемъ,—говоритъ комитетъ,—нѣтъ ни малѣйшаго препятствія дозволить караимамъ, получающимъ ученые и медицинскія степени, поступать въ службу, на общихъ со всѣми другими состояніями правилахъ.

Этимъ комитетъ не ограничился. Для устраненія вообще недоразумѣній, возникающихъ изъ смѣшенія караимовъ съ евреями, онъ заключилъ слѣдующее: «А какъ независимо отъ сего могутъ встрѣтиться, и весьма часто встрѣчаются, частныя вопросы объ изъятіи караимовъ изъ тѣхъ или другихъ ограниченій, для евреевъ постановленныхъ, то предоставить второму отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, по соображеніи съ общими законами и грамотами, караимамъ пожалованными, опредѣлить вообще, какого рода ограниченія, для евреевъ установленныя, не должны распространяться на караимовъ». Этотъ журналъ комитета объ устройствѣ евреевъ получилъ Высочайшее утвержденіе 3 мая 1855 г. *.

Все это не сочтено было, однако же, достаточнымъ. Чтобы положить конецъ всякимъ недоразумѣніямъ. высоч. утвержд. 8 апрѣля 1863 года мнѣніемъ госуд. совѣта о постановленіяхъ касательно правъ караимовъ положено: «Караимы, находясь подъ покровительствомъ общихъ законовъ, пользуются *всеми правами*, предоставленными русскимъ подданнымъ, смотря по состоянію, къ которому каждый изъ нихъ принадлежитъ» **.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что, благодаря слабому знакомству русскаго общества съ дѣйствующими узаконеніями, и

* П. С. З., т. 30, № 29277а.

** П. С. З., т. 38, № 39460.

теперь нерѣдко смѣшиваютъ караимовъ съ евреями, подвергая ихъ установленнымъ для послѣднихъ ограниченіямъ. Интересный въ этомъ отношеніи фактъ представляетъ опубликованное въ 1881 г. въ «Правит. Вѣстникѣ» распоряженіе по министерству внутреннихъ дѣлъ:

«Вслѣдствіе заявленія евпаторійскаго караимскаго гахама о томъ, что нерѣдко губернскія административныя учрежденія, смѣшивая караимовъ съ евреями, распространяютъ на нихъ ограниченія, установленныя въ законѣ для сихъ послѣднихъ, министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярно просилъ мѣстныя власти разъяснить подвѣдомственнымъ имъ мѣстамъ и лицамъ, что, на основаніи закона, караимы пользуются всѣми правами, предоставленными кореннымъ русскимъ подданнымъ, и принадлежатъ къ признанному исповѣданію, отличающемуся отъ вѣроученія евреевъ. Такъ какъ караимы въ небольшомъ числѣ проживаютъ и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи, то подлежащія начальства поставляются о семъ въ извѣстность, для точнаго соблюденія упомянутыхъ законовъ».

М. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НЕОЖИДАННОЕ СЧАСТЬЕ.

РАЗСКАЗЪ.

Городокъ В. находился въ одной изъ живописнѣйшихъ мѣстностей Подольской губернии. Куда ни кинешь взглядъ, повсюду видишь одни огромные лѣса, то тянущіеся по безконечнымъ равнинамъ неподвижнымъ, необъятнымъ моремъ сплошной зелени, то разбросанные по вершинамъ и склонамъ причудливой формы холмовъ, словно колоссальныя, гигантскія остановившіяся волны. А тамъ, дальше, опять безчисленныя цѣпи холмовъ, теряющихся далеко—далеко въ туманѣ, какимъ-то заколдованнымъ царствомъ. Но не смотря на всю заманчивую прелесть окружающей его мѣстности, В. принадлежалъ и принадлежитъ еще понынѣ къ тѣмъ немалочисленнымъ на Руси городкамъ, о которыхъ невольно спрашиваешь себя: и для чего собственно они существуютъ? Еще интереснѣе, еще сложнѣе былъ бы вопросъ, — какъ они существуютъ, вопросъ, который у насъ очень рѣдко себѣ задаютъ. Состоялъ онъ изъ десятковъ семи домовъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ и только рѣдко образуя нѣчто похожее на улицы. Эти-то дома и составляли главный центръ или то, что собственно называли «городомъ». Далѣе, приблизительно въ полуверстѣ отъ этого центра и отдѣляясь отъ него большимъ лугомъ, стояло десятка два-три крестьянскихъ хатъ, окруженныхъ большими плетеными заборами и лѣтомъ утопавшихъ въ густой зелени своихъ «садовъ».

Эта часть города у В—скихъ жителей была извѣстна подъ названіемъ «Песковъ». Что же касается собственно города, то

онъ исключительно былъ населенъ одними евреями. Дома въ немъ, точно такъ же, какъ и дома крестьянъ, были построены отчасти изъ «чумура», отчасти же изъ хвороста, поверхъ котораго были наложены толстые слои глины. Но въ то время, какъ хаты крестьянъ-малороссовъ производили какое-то недолгое обаяніе своею удивительною наружною привѣтливостію и опрятностію, бѣлизною своихъ переднихъ стѣнъ, своими кокетливо вымазанными «призбами», своими чистенькими, миниатюрными оконцами, ниши которыхъ были выкрашены или охрою или синею краскою,—еврейскіе дома далеко не отличались ни такою привѣтливостію, ни такимъ обаяніемъ. Вокругъ, исключая трехъ или четырехъ домовъ, полное отсутствіе не только садовъ, но и всякаго деревца и какой бы то ни было культивированной растительности; большая часть дворовъ—безъ всякаго признака плетня или забора. Что же касается самыхъ домовъ, то у очень многихъ, вмѣсто камышевыхъ крышъ, торчали одни ихъ оголенные деревянные остовы, дававшіе возможность видѣть всё подробности чердака. Самыя стѣны тоже не отличались особенной бѣлизной снаружи; нѣкоторыя даже были значительно облуплены, до того, что виднѣлся черный чумуръ или хворостъ, смотря по тому, изъ чего онъ были сдѣланы. Не менѣе облуплены были заваленки, особенно у тѣхъ изъ домовъ, которые находились больше всего на виду. Къ такимъ домамъ принадлежали тѣ, которые сосредоточивались вокругъ небольшой площади, бывшей когда-то торговымъ центромъ въ тѣ блаженные годы, когда, по словамъ мѣстныхъ обитателей, В. процвѣтала во всѣхъ отношеніяхъ и когда всѣ имѣли свой кусокъ хлѣба «бекуведъ» *.

Этотъ золотой вѣкъ городка относится къ той счастливой, незабвенной эпохѣ, когда въ трехъ верстахъ отъ него находилась помѣщичья «экономія», гдѣ жилъ управляющій, а иногда, лѣтомъ, большею частью, и самъ «пуриць» **, которому принадлежалъ какъ самъ городокъ, такъ и окружавшіе его на громадномъ разстояніи земли и лѣса. «Экономія» цѣлый годъ

* Съ почетомъ.

** Владѣлецъ, вообще всякая важная особа.

занимала человѣкъ шестьдесятъ работниковъ, которые тамъ жили, не говоря уже о какихъ нибудь сверхштатныхъ починкахъ или постройкахъ, очень часто тамъ производившихся, когда число людей, бывало, тамъ удваивается. Кроме того, во время сѣнокоса и во время жатвы тамъ сосредоточивались сотни временныхъ рабочихъ, для которыхъ все нужное закупалось въ В. Экономія, помимо того, привлекала массу торговцевъ хлѣбами, шерстью, шкурами и т. д., и т. д. Словомъ—жить можно было «полнымъ ртомъ».

Само собою разумѣется, что въ этомъ прославленіи «прошлыхъ годовъ» не обошлось безъ очень значительныхъ преувеличеній, и о нихъ говорили со вздохомъ и такіе люди, которыхъ отцы, дѣды и прадеды точно также вздыхали о тѣхъ же «прошлыхъ годахъ», врядъ-ли зная, къ какой собственно эпохѣ относятся эти дни всеобщаго блаженства на землѣ. Какъ бы то ни было, но, лѣтъ за двадцать пять до описываемой эпохи, земли и лѣса были проданы участками различнымъ лицамъ; экономія была оставлена и совершенно запустѣла, а съ нею сталъ пустѣть городокъ, и наконецъ онъ превратился въ какую-то заброшенную, забытую всѣми пустыню, куда никто никогда не проникалъ.

Только начальство, въ лицѣ частнаго пристава или становаго или ихъ помощниковъ, вспомнить иногда о несчастной оставленной сиротѣ, что, однако, по свойственной человѣческой натурѣ черной неблагодарности, не особенно радовало В—скихъ жителей. Напротивъ того, «колокольчикъ», возвыщавшій о приближеніи представителя отеческой власти, ввергалъ ихъ въ истинный ужасъ. Еще большій ужасъ наводило на нихъ само лице зрѣніе «краснаго» или «синяго воротника», который они никакъ не могли научиться совершать безъ смертельнаго страха и трепета, къ чему, однако, не присоединялось ни капли должнаго благоговѣнія.

По словамъ В—скихъ жителей, которымъ, конечно, читатель не придастъ много вѣры, это появленіе попечительнаго начальства не только ничего городу не приносило, а, напротивъ того, еще много будто бы оттуда уносило. Правда, взамѣнъ полученныхъ воздаяній, его благородіе читаль обитателямъ

сильное, энергичное слово, съ чисто національными приправами... Но, по тѣмъ же неособенно достовѣрнымъ утверждениямъ В—скихъ жителей, выходило, будто, что подобное слово, хотя и часто сопровождавшееся трогательнымъ трепаніемъ ихъ за пейсы и бороды и еще многими другими проявленіями отеческой нѣжности, они могли, безъ особенныхъ денежныхъ жертвъ, услышать въ любое воскресенье отъ своего любого кліента, особенно если сей послѣдній подкрѣпить себя предварительно нѣсколькими чарками.

Какъ бы то ни было, но одно только начальство еще вспоминало отъ времени до времени о запущенномъ городѣ. Но исчезнуть страшный воротникъ, стихнуть не менѣ страшный колокольчикъ, и городокъ, — на время встревоженный, запуганный, наполненный шумомъ и эхомъ отъ крѣпкихъ словъ и энергичныхъ рукоположеній, снова погрузится въ прежнюю неподвижность и дремоту до новаго наѣзда. И эта неподвижность, эта дремота нисколько не нарушатся выползаніемъ вдругъ на свѣтъ Божій чуть-ли не цѣлой половины мужского населенія, лежавшаго запрятымъ, съ затаеннымъ дыханіемъ, на какомъ нибудь чердакѣ или гдѣ либо въ погребѣ, во все время пребыванія начальника.

Въ этомъ-то городѣ жила вдова по имени Чарна. Это была женщина лѣтъ сорока пяти, высокая, плотная, коренастая, съ очень смуглымъ и чрезвычайно пріятнымъ лицомъ, большими темносѣрыми глазами, большимъ, немного выдернутымъ и немного расширеннымъ впереди носомъ. Почти у самаго основанія широкаго, плоскаго подбородка, ближе къ правому углу, у нея была большая бородавка, окаймленная нѣсколькими, немного посѣдѣвшими волосами, хотя на головѣ у Чарны не было еще ни одного сѣдого волоса. Такая же точно бородавка украшала правую щеку, немного выше верхней губы. Ротъ у нея былъ нѣсколько большой, губы полныя, неплотно смыкающіяся, дававшія возможность видѣть ея не особенно правильные, но очень бѣлые зубы, и вмѣстѣ съ тѣмъ придававшія всему ея лицу выраженіе необычайной доброты. Вся ея мощная фигура дышала какою-то силою и энергіей и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла въ себѣ нѣчто невыразимо мягкое, нѣжное.

Не смотря на многія неправильности ея чертъ, на ея сорокъ пять лѣтъ, она еще въ описываемую эпоху производила впечатлѣніе красивой женщины.

«Не сказали бы: молодая дѣвушка», обыкновенно говорили о ней, не безъ нѣкоторой примѣси зависти, В—скія женщины, завидя издали ея прямой красивой стань, тѣсно охваченный неизмѣннымъ ни лѣтомъ, ни зимой ситцевымъ платьемъ.

«Настоящій казакъ», говорили о ней мужчины, оцѣнивая этимъ вмѣстѣ съ тѣмъ ея моральныя качества, т. е. необычайную энергію, трудолюбіе, силу воли, и т. п. Дѣлать же какой либо хоть малѣйшій намекъ на физическія прелести женщины считалось въ В. для мужчинъ чуть-ли не безнравственностью. Это уже по меньшей мѣрѣ обнаружило бы, что въсхваляющій эти прелести видѣлъ ихъ, присматривался къ нимъ. Ну, а смотрѣть на женщинъ, да еще присматриваться къ нимъ, въ В. считалось очень и очень предосудительнымъ.

Какъ бы то ни было, но о Чарнѣ говорили въ городѣ больше, чѣмъ о всякой другой женщинѣ, сначала недружелюбно, съ досадою, съ нѣкоторой даже злобой, а впоследствии съ единодушнымъ одобреніемъ и уваженіемъ.

Это, однако, объяснялось не столько ея выдающимися качествами, сколько тѣмъ обстоятельствомъ, что она была вдовою, т. е. беззащитнымъ существомъ. А ужъ извѣстна слабость людей — брать подъ свой контроль всѣхъ беззащитныхъ, не для защиты ихъ, конечно, а такъ, для опеканія, для заглядыванія имъ въ душу, въ горшокъ.

Состояла она уже вдовою около двадцати лѣтъ. Ея мужъ, за котораго она вышла шестнадцати лѣтъ, умеръ, проживъ съ нею около девяти лѣтъ. Хотя она вышла за него, не видѣвъ его предварительно до самой минуты вѣнчанія, да и даже въ этотъ торжественный моментъ взглянувъ на него только мелькомъ, съ сердечнымъ трепетомъ, но, узнавъ его ближе, полюбила его страстно, со всею силою своей пламенной молодой души.

Это былъ тихій, добрый, скромный юноша, не имѣвшій никакого понятія о жизни и ея требованіяхъ и знавшій только свои теологическія книги, за которыми онъ провелъ всѣ свои дѣт-

скіе и юношескіе годы и съ которыми не разставался ни на минуту и въ теченіе трехъ лѣтъ послѣ свадьбы. Эти первые три года, самые счастливые въ жизни молодой четы, они провели у родителей Чарны, въ мѣстечкѣ Т., какъ это было установлено въ брачномъ договорѣ.

Родители Чарны были вначалѣ люди болѣе или менѣе состоятельные, но разорились окончательно устройствомъ своихъ дѣтей.

Чарна была у нихъ послѣдняя дочь, и поэтому самая любимая.

Они сдѣлали послѣднее усиліе, чтобы ее пристроить какъ можно приличнѣе, чтобы ея свадьба прошла съ такимъ же блескомъ, какъ и свадьбы другихъ ихъ дѣтей. Только годъ спустя послѣ свадьбы, Чарна замѣтила до какого разоренія дошли они, хотя тѣ и дѣлали все возможное, чтобы не дать ничего замѣтить своей дорогой «мезинкѣ» *.

Чарна, однако, своимъ любящимъ сердцемъ все поняла и, не задумываясь надъ своей собственной будущностью, стала давать тайно своей матери на все необходимое въ хозяйствѣ изъ своего приданого, доходившаго до двухъ сотъ рублей. Ея молодой мужъ тоже противъ этого ничего не имѣлъ, ибо съ первой же минуты сталъ смотрѣть на Чарну съ какимъ-то благоговѣніемъ,—приданое быстро стало уменьшаться. Мать горько плакала объ этомъ цѣлыя ночи, но ничего не могла противъ этого подѣлать.

По истеченіи трехъ лѣтъ, они переѣхали и устроились въ В., гдѣ жили родители мужа. Открыли они, по обыкновенію, лавочку на остатокъ приданого, и такъ бились лѣтъ шесть, пока не были съѣдены всѣ деньги, вмѣстѣ съ товаромъ. Тогда Мойше (такъ звали мужа Чарны) рѣшилъ отправиться куда-то, въ надеждѣ найти заработки. Дѣло было зимою, а одежда у него была очень плохая. Черезъ недѣлю онъ возвратился домой настоящимъ мертвецомъ, съ страшными коликами и кровохарканіемъ, а черезъ мѣсяцъ и умеръ. Страшное, мрачное от-

* Младшее дитя.

чаяніе охватило Чарну. Въ теченіе трехъ лѣтъ ея неодолимое горе было такъ же свѣжо, какъ въ первый день смерти мужа. Весь свѣтъ Божій казался ей противнымъ и ненавистнымъ; она даже иногда доходила до ропота на Бога.

Вырвать у нея, изъ сердца ея Мойше! За что, кому онъ или она сдѣлали зло, кого они обидѣли въ своей жизни? За что же такъ жестоко погубить ея молодые годы?

— Нѣтъ, нѣтъ, это несправедливо!—думала она въ своемъ отчаяніи, и заливалась потоками кровавыхъ слезъ. На несчастье, у нея еще дѣтей не было.

— Хоть бы малютку отъ него имѣла бы! — И несчастная женщина начинала себѣ рисовать крошечнаго ангелочка съ черными добрыми, задумчивыми глазами отца, съ его большимъ, выпуклымъ лбомъ, его черными волосами, его мягкимъ голосомъ. И отъ этой картины ея сердце еще больше разрывалось, отчаяніе становилось еще полнѣе, еще ужаснѣе.

— Нѣтъ, ничего нѣтъ! О, какая страшная пустота въ сердцѣ!

— Воже, отчего не я заняла его мѣсто въ могилѣ! — восклицала она часто.

Какъ и всѣ сильныя, глубокія натуры, Чарна не любила говорить о своемъ горѣ другимъ, и заперлась съ нимъ въ самой себѣ, въ Святая Святыхъ своего сердца.

Но на міръ, какъ извѣстно, не угодишь, и нѣтъ худшаго, болѣе капризнаго тирана, какъ то неопредѣленное, что принято называть обществомъ, людскою молвою, общественнымъ мнѣніемъ и т. д.

И хотя всѣ эти собирательныя понятія суть ничто иное, какъ соединеніе отдѣльныхъ, порознь взятыхъ единицъ, но эти отдѣльныя единицы или части, въ противность извѣстной математической аксіомѣ, гораздо лучше своего цѣлага. И хотя всѣ въ отдѣльности отлично понимали горе и отчаяніе Чарны, но въ общемъ молва ее осудила, какъ «гордячку», за ея молчаніе, за ея сосредоточенность, замкнутость въ себѣ самой. Мало-по-малу, однако, острый, мучительный періодъ боли сталъ проходить, и хотя забвеніе не являлась, но горькое воспоминаніе о мужѣ, сдѣлавшись постояннымъ спутникомъ ея жизни,

этимъ самимъ потеряло свой прежній ужасный характеръ. Чарна была еще, сравнительно, молода и далеко не дурна собой, и не смотря на вѣрность памяти мужа, она была не прочь выйти замужъ.

Не смотря на то, что массовая еврейская женщина не знаетъ другой жизни, кромѣ брачной, и старая дѣва среди еврейской массы—такая же диковина, такое же дикое явленіе, какъ вьюга въ іюлѣ мѣсяцѣ, тѣмъ не менѣе, молодыя вдовы, остающіяся таковыми до старости—самое частое явленіе, даже при красотѣ и состоятельности вдовствующей. Кромѣ нежеланія дать вѣнчама своимъ дѣтямъ, еврейская женщина, имѣя дѣтей, считаетъ главную цѣль своей жизни достигнутой, и отдается имъ цѣликомъ. Не таково было положеніе нашей Чарны. Оставаться всю жизнь одной, одинокой въ цѣломъ мірѣ, не имѣть около себя ни одного близкаго, дорогого, любящаго и любимаго существа, не имѣть кого приласкать, кому отдать свое пылающее любовью и нѣжностью сердце, окончить жизнь «засохшимъ деревомъ»!..

Да на что же тогда жить, на что было родиться на свѣтъ Божій?! Такъ-таки пройти незамѣтной тѣнью по землѣ, не оставивъ никакого слѣда послѣ себя! Нѣтъ, нѣтъ, Господи, такъ невозможно!

Правда, она жила съ мужемъ около девяти лѣтъ, и дѣтей отъ него не имѣла. Но пускай люди болтаютъ въ своей злобѣ или въ своей глупости что хотятъ, она увѣрена, что это не ея вина. О, нѣтъ, нѣтъ, она это знаетъ, она это чувствуетъ! Какъ въ ней бьется материнское сердце, какъ горитъ какимъ-то гучимъ пламенемъ неодолимое желаніе быть матерью, имѣть малютку!

— Малютку! О, моя жизнь, красота моего сердца, вѣнецъ мой души!—И она мысленно прижимала воображаемаго малютку къ своему лихорадочно бьющемуся и болѣзненно сжимающемуся сердцу. И этотъ малютка въ ея мысляхъ походилъ на того же Мойше, имѣлъ его добрые черные глаза...

И несчастная женщина все ждала, ждала годъ, два, пять. Кто возьметъ ее, вдову безъ гроша денегъ и къ тому еще про-

слышную «ажурой» (бездѣтной)! Въ самомъ В. вдовцовъ вовсе не было.

Юноша же считаетъ для себя величайшимъ позоромъ жениться на вдовѣ; да и не только на вдовѣ, но и жениться на женщинѣ постарше себя однимъ годомъ — рѣшится развѣ какойнибудь калѣка или отверженецъ общества. Изъ сосѣднихъ же городковъ представлявшіеся женихи были всѣ вдовцы съ дѣтьми. А за такихъ Чарна ни за что не хотѣла выходить. Мысль сдѣлаться мачихой и навлечь на себя проклятiя всѣхъ — была для нея еще ужаснѣе ея одиночества, ея жизни «засохшимъ деревомъ». Такъ незамѣтно проходили годы. Прошелъ періодъ, когда ее еще считали *Veibel* (молодою женщиною), и мало-по-малу она превратилась въ *Jüden* (еврейка въ лѣтахъ), т. е. перешла въ періодъ самой убійственной, безнадежной жизненной прозы, когда всякія мечты о будущемъ умираютъ безвозвратно, навсегда. Но Чарнѣ предстояло разрѣшить вопросъ: чѣмъ просуществовать свой вѣкъ? При этомъ вопросѣ у бѣдной женщины стыла кровь. Но этотъ же мучительный вопросъ вмѣстѣ съ тѣмъ вывелъ ее изъ той апатiи, въ которую ее повергло ея горе, и возвратилъ ей ея прежнюю энергію. Послѣ неудачной попытки съ лавочкой, уничтожившей все ея состояніе, доходившее почти до ста рублей, она рѣшила открыть заводъ, т. е. торговлю... отрубнымъ квасомъ. У нея былъ собственный домикъ, доставшійся мужу отъ его родителей, который былъ еще въ очень хорошемъ состояніи, т. е. имѣлъ почти совсѣмъ цѣлую крышу, не облупленныя стѣны, которыя еще къ тому стояли ровно безъ всякой посторонней опоры, что было не малою рѣдкостью въ В. Внутри состоялъ онъ изъ двухъ комнатъ и кухни. Всѣ заботы свои отдавала Чарна выходящей на улицу большой комнатѣ, обстановка которой состояла изъ узкаго деревяннаго некрашеннаго дивана, большой дубовой кровати, тщательно убранной и прикрытой бѣлымъ вышитымъ покрываломъ, работы самой Чарны; большого четырехъ-угольнаго стола, самой простой, первобытной работы, нѣсколькихъ подобнаго же рода стульевъ и, наконецъ, большого пузатаго комода, съ желтыми мѣдными бляшками вокругъ замковъ. По стѣнамъ были развѣшаны нѣсколько вышитыхъ гару-

сомъ картинъ, сдѣланныхъ Чарною еще во время ея дѣвчества, большой *Мизраъ* или указатель востока, нѣсколько мѣдныхъ канделябровъ, куда вставлялись свѣчи по субботамъ и праздникамъ и, наконецъ, большой литографированный портретъ Моисея Монтефиоре и его жены Юдиен. Не смотря на эту простую обстановку, комната эта, въ которой всегда царствовали строгій порядокъ и чистота, отличалась чрезвычайной уютностью и привѣтливостью. Что же касается второй комнаты, имѣвшей какъ разъ посерединѣ пола дверь, ведущую въ погребъ, то она была почти совершенно пуста. Таково было жилище Чарны; въ которомъ волею судьбы ей суждено было проживать одной-одиношенькой, ибо и родители покойнаго мужа мало-по-малу оставили ее, такъ какъ между ними не осталось больше никакихъ связующихъ узъ, а ея собственныя родители переселились въ вѣчныя свои жилища.

И такъ, Чарна, для поддержанія своего существованія стала фабриковать отрубный квасъ и продавать его. Нужно было, однако, нѣсколько мѣсяцевъ для установленія регулярнаго сбыта этого полезнаго продукта. Сначала, какъ водится, бабы возмущались: «Что это, ужъ мы не сдумѣемъ сами себѣ квасу приготовить! Слыхано-ли—покупать отрубный квасъ!» Еще больше возмущались мужья, когда стали у нихъ требовать грошъ или копѣйку на покупку квасу.

— Что это за новости,—воскликнуло большинство изъ нихъ:—тратить деньги на такія вещи! Мало у насъ отрубей что-ли?—Но мало-по-малу превосходное качество этого кваса, желаніе поддержать «бѣдную горькую вдову», а также и простой расчетъ, что уже лучше платить тамъ разъ въ недѣлю грошъ или два, чѣмъ затрачивать отруби и имѣть столько возни, да еще не всегда съ хорошими результатами,—взяли верхъ. Но максимумъ отъ этой торговли Чарна могла имѣть въ мѣсяцъ рубля полтора. Вскорѣ къ приготовленію отрубнаго кваса присоединилось приготовленіе дрожжей. Новая революція, новое торжество искусства Чарны, милосердія и расчета и, наконецъ,—неволе увеличеніе доходовъ вдовы рубля на два. Потомъ Чарна стала фабриковать нюхательный табакъ, а вскорѣ затѣмъ и гречневые коржики съ макомъ. Всѣ эти многочислен-

ныя промышленныя и торговыя операціи довели ея доходы до баснословной цифры, приблизительно до семи рублей въ мѣсяцъ, а зимою, когда гречневые коржики съ макомъ находили себѣ прекрасный сбытъ у ученой молодежи «бесъ-гамедраша», даже до девяти и десяти. Тутъ-то наконецъ она успокоилась. Правда, для того, чтобы дойти до такого цвѣтущаго состоянія, Чарна билась лѣтъ семь въ горькой нуждѣ. Но она не отчаявалась, и всегда въ этомъ отношеніи была бодра.

— Что мнѣ одной-одинокой нужно,—говорила она себѣ:— полтора рубля въ недѣлю—и я буду жить припѣваючи. А что дѣлать тѣмъ, у которыхъ полная хата дѣтей? Только бы не допустилъ меня Господь прибѣгать къ человѣческому даянію— вотъ и все, что я прошу у Него.

Но обезпечивъ свое матеріальное существованіе, Чарна все больше и больше задумывалась о своемъ одиночествѣ. Особенно тяжело, бывало, ей становилось въ субботу или въ праздники. Всѣ собрались со своими семьями за столъ. Вездѣ раздаются громкіи говоръ, веселый смѣхъ дѣтей, лепетъ малютокъ, громкій хохотъ молодыхъ дѣвушекъ. Только у нея одной мертвенно-тихо. Вотъ черезъ дорогу, изъ открытаго окна, слышенъ мелодичный «Шулемъ-Алехомъ» и громкій «Кидушъ» ребъ Вуриха. Онъ, правда, горькій бѣднякъ и насилу раздобылъ денегъ на субботнія издержки, но за то онъ окруженъ малютками и счастливою женою. И ей вспомнится, какъ ея Мойше произносилъ тѣ же самыя молитвы, какъ прекрасно звучалъ его милый голосъ, какое милое, счастливое выраженіе свѣтилось на его блѣдномъ, благородномъ лицѣ, и съ какою нѣжностью онъ, бывало ей, поднесетъ благословенный бокалъ, какъ они оба потомъ тихо и мирно усаживаются за столъ ужинать, и въ промежуткахъ между блюдами онъ начинаетъ распѣвать своимъ маленькимъ теноромъ установленныя «Змиросъ» *.

И сравнивая все это со своимъ настоящимъ одиночествомъ, она обливалась горючими слезами.

Но потомъ она вдругъ встанетъ, вытретъ глаза, приобо-

* Застольныя субботнія пѣсни.

дрится. «Что я дѣлаю, — упрекнуть она себя мысленно: — плачу въ субботу. Нѣтъ, нѣтъ, это грѣхъ. Зачѣмъ роптать на Господа! Онъ великъ и знаетъ, что творить. Видно, такъ я у Него заслужила». Но какъ ни разсуждай, а душевную пустоту разсужденіями не наполнишь. И эта самая Чарна, которая такъ энергично выносила, нисколько не ропща, всѣ матеріальныя лишенія и страданія, часто сгибалась и падала подѣ тяжестью нравственныхъ пытокъ. Желаніе *жить*, т. е. быть чѣмъ нибудь, дѣлать что нибудь, переносить свою дѣятельность на другихъ, оказалось въ ней гораздо сильнѣе, чѣмъ стремленіе *существовать*, давно отошедшее у нея на второй планъ. Конечно, Чарна нисколько не сознавала, что въ ея неудовлетворенности выражалась возвышенность натуры, стремящейся къ чему нибудь болѣе высокому, чѣмъ къ несложному процессу животнаго существованія. И хотя она даже часто ясно формулировала свою неудовлетворенность желаніемъ быть «хоть чѣмъ нибудь для другого, а не жить скотиной, которая и то живетъ для дѣтенышей», но она это желаніе считала, какъ мы уже видѣли, грѣховнымъ, эгоистичнымъ. «Все, молю, ропщешь, ничѣмъ тебя не удовлетворишь». Но такъ какъ заглушить это дурное, по ея мнѣнію, чувство ей не удалось, то она должна была найти наконецъ исходъ изъ своего нестерпимаго положенія. Этимъ исходомъ оказались благочестіе и добрыя дѣла. Въ утреннихъ молитвахъ, между прочимъ, находится слѣдующее извлеченіе изъ *миссы*:

«Вотъ добрыя дѣла, которыя приносятъ человѣку плоды въ сей жизни и главныя награды за которыя ожидаютъ его въ будущей жизни: почитаніе отца и матери, милостыня, посѣщеніе утромъ и вечеромъ религіозныхъ школъ, гостепріимство, заботливость о больныхъ, пристройство невѣстъ, воздаваніе долга мертвымъ, примиреніе враждующихъ между собою людей. Изученіе же священнаго закона важнѣе, всего» *.

Вотъ всѣ эти добрыя дѣла Чарна стремилась, насколько возможно, совершать и имъ посвятить всю свою жизнь. И съ

* Ибо, посвящая таинству, изученіе закона приводитъ къ исполненію его.

какимъ-то, если можно такъ выразиться, неистовствомъ кинулась она отыскивать и раскапывать, гдѣ только можно было, какую, нибудь «мицву» (доброе дѣло), такъ что жители города В. говорили о ней шутя: «Предоставить Чарнѣ дѣлать мицву—уже есть самъ мицвотъ». Да, «мицва» было для нея чѣмъ-то въ родѣ свѣжей ключевой воды для стражника въ знойной пустынѣ. И съ какою-то ненасытною жадностью и невыразимымъ наслажденіемъ она совершала все, что только могла добраго. И какъ безконечно была она счастлива въ тотъ день, когда совершала особенно выдающееся доброе дѣло! Ликовало тогда ея благочестіе, ликовало еще больше ея доброе, теплое сердце. И какъ ни было велико ея задушевное желаніе — дѣлать все безъ шума, она вскорѣ прославилась во всемъ городѣ и сдѣлалась буквально идоломъ всѣхъ богатыхъ и бѣдныхъ, ибо Чарна не различала и оказывала услуги всѣхъ.

Вставала Чарна зимою и лѣтомъ очень рано. Совершивъ всѣ необходимыя работы по части своего кваса, дрожжей, нюхательнаго табаку и пр., она одѣнется, т. е. накинеть на себя неизмѣнное ситцевое платье, не смотря ни на какое время года, завяжетъ голову платкомъ, и вынувъ изъ шкафа свой толстый «Корбанъ-Минху» *, подаренный ей ея Мойше, когда онъ еще былъ только женихомъ, — примется молиться, усѣвшись за столъ. Удивительно оригинальную картину представляла эта красивая, полная энергіи женщина, усердно читающая молитвы, съ такою теплою, задушевною, заунывною мелодіей, что можно было ее заслушаться. Молитва у нея продолжалась добрый часъ, а иногда и больше. Тутъ она изливала всю свою душу, ибо огромное большинство молитвъ, особенно утреннихъ, представляютъ какой-то странный, удручающій мартирологъ. Возникающая сторона въ этихъ молитвахъ состоитъ въ томъ, что онѣ всегда обвиняютъ собой весь народъ и весьма-весьма рѣдко имѣютъ личный характеръ.

«Братья наши, весь домъ Израиля, стонущіе въ несчастіи, въ изгнаніи, гдѣ бы вы ни были, на морѣ или на сушѣ, да

* Молитвенникъ для женщинъ, съ переводомъ на еврейскій жаргонъ.

скажется Господь надъ вами, да избавитъ Онъ васъ отъ горя, и да наступитъ для васъ свѣтъ вмѣсто тьмы, свобода вмѣсто угнетенія, скоро, въ ближайшемъ будущемъ, и скажемъ мы—аминь» *.

И подобнаго рода молитвъ множество.

Само собою разумѣется, что чувства огромнѣйшаго большинства молящихся очень далеки отъ возвышенности подобныхъ молитвъ, и что каждый, молясь даже о другихъ, желаетъ этимъ раздобыть у Бога что нибудь для самого себя.

Но не такова была Чарна. Къ матеріальнымъ благамъ она больше не стремилась, а если и стремилась, то вовсе не имѣя въ виду заботу о своей особѣ. Что же касается ея нравственныхъ страданій, которыя въ молитвѣ очень часто описывались точно такъ, какъ она ихъ испытывала, то читатель уже знаетъ, что они имѣли въ себѣ очень мало эгоистичнаго, хотя она сама ихъ и считала таковыми. И поэтому, если она горько плакала за молитвою, то это потому, что у нея душа искренно болѣла за другихъ, за всѣхъ «еврейскихъ дѣтей».

Она газетъ не читала, а потому о богатствѣ и благоденствіи евреевъ ничего не знала и не слыхала. То же, что она видѣла своими собственными глазами на каждомъ шагу, ничего утѣшительнаго не представляло. Видѣла она, что въ В. на пятьдесятъ семействъ—сорокъ бьется, какъ рыба объ ледъ, въ настоящемъ жизненномъ аду, что никто изъ нихъ не знаетъ сегодня, чѣмъ будетъ сытъ завтра. То же самое она видѣла и въ своемъ городѣ Т. и подобное же слышала и о другихъ ближайшихъ городахъ. Вездѣ она видѣла горе, слезы, на всѣхъ лицахъ она читала страшный роковой вопросъ при приближеніи конца недѣли: «Гдѣ взять на муку, гдѣ взять на субботу?» Другихъ страданій, кромѣ матеріальныхъ, насмотрѣлась она также немало.

Видѣла она наборы, видѣла страшныхъ «ловчиковъ», похищеніе десятилѣтнихъ ребятишекъ у матерей, видѣла глумленіе пановъ и перваго встрѣчнаго уличнаго мальчугана, видѣла становаго, выжимавшаго послѣдніе соки съ каждымъ наѣздомъ,

* Молитвы послѣ чтенія Торы въ будніе дни.

видѣла, какъ онъ почтеннѣйшихъ стариковъ рвалъ за пейсы, за бороду, плевалъ имъ въ лицо, сбрасывалъ ихъ шапки и ермолки въ грязь, врывался въ синагогу и ее осквернял своей руганью.

Она, посему, вмѣстѣ со всею еврейскою массою всю эту жизнь считала страшнымъ «гулысомъ» *, которому когданибудь долженъ наступить конецъ, согласно обѣщанію пророковъ. И съ какимъ жаромъ, съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ читала она всѣ молитвы, говорившія о восстановленіи дорогой, все еще не забытой, хотя уже двѣ тысячи лѣтъ потерянной родины, о «возвращеніи въ страну Израиля», о собраніи его разсѣянныхъ остатковъ «со всѣхъ четырехъ концовъ міра» и т. д.! Не успѣетъ она покончить молитвы и усѣсться за завтракъ, который почти всегда, исключая сезона арбузовъ и дынь, состоялъ изъ хлѣба и накрошеннаго въ тарелкѣ лука, политаго каплею оливковаго масла или куринаго сала, какъ явится какая нибудь женщина.

— Доброга утра вамъ, Чарна.

— Доброга года вамъ, Сося. Что скажете доброга?

— Да вотъ; понимаете-ли меня... О, черные годы мои... очень горько, понимаете-ли вы меня, когда надо, когда надо прибѣгать... о, горе моимъ годамъ, когда надо прибѣгать къ человѣческой ругѣ...

И Сося, вмѣсто дальнѣйшаго объясненія, залетѣлъ въ три ручья.

— Да Богъ съ вами, Сося, присядьте, успокойтесь,—начнетъ сильно вволнованная, хотя и привычная къ подобнымъ сценамъ, Чарна.—Скажите же, что такое случилось?

— Да вотъ этотъ разбойникъ Нухимъ, чтобъ онъ не ступалъ на хорошее мѣсто, шкуру съ насъ деретъ за эти три рубля, знаете, что мужъ у него занялъ въ прошлый мѣсяцъ на товаръ, когда отправлялся на ярмарку въ Б. Сегодня мы всѣ еще были въ постели, а онъ прибѣжалъ, какъ разбойникъ какой, сталъ кричать на всю улицу, грозить, что подушки продастъ наши, стучалъ кулаками по столу, словомъ—

* Пгѣномъ, изгнаніемъ.

поднявъ крикъ, какъ будто его рѣжутъ. Мой мужъ ему показывается, что товаръ не проданъ, что полотно и ситецъ почти всѣ остались. А онъ слушать ничего не хочетъ, все кричить, и дѣтей на-смерть перепугалъ. Мой маленькій Годеле и безъ того невдоровъ, со вчерашняго дня жалуется на боль въ головкѣ, весь такъ и пылаетъ,— да падеть на меня все, что ему присуждено, Господи! Такъ вотъ этого перепугу еще не доставало!—И Сося опять заливается.

— Да перестаньте же, Сося, не ребенокъ же вы маленький. А вотъ что. Денегъ, видитъ Богъ, у меня теперь нѣтъ ни одного гроша. Только не пугайтесь такъ, Бога ради. Что вы такъ поблѣднѣли? Уже я все устрою съ Нухимомъ. Больше онъ къ вамъ не придетъ и больше васъ трогать не будетъ. А когда вамъ Богъ поможетъ, то эти три рубля принесете ко мнѣ.

— Что мнѣ вамъ сказать, Чарна, — начинаетъ Сося, вся дрожа отъ волненія.—Что могу я, слабая, ничтожная женщина?.. Только Богъ, одинъ Богъ можетъ вамъ воздать, какъ вы заслуживаете.

И несчастная, осчастливленная на время женщина поспѣшить къ мужу—подѣлиться радостнымъ извѣстiемъ о томъ, что она устроила.

А съ Нухимомъ Чарна вотъ какъ поладить. Пойдетъ она къ нему этапъ вечеркомъ, когда онъ уже закрылъ свою лавку, въ которой продается все, отъ дегтя до лимоновъ, отъ веревочныхъ возжей до шелковыхъ платковъ. Зайдетъ и, пожелавъ добраго вечера всѣмъ, прямо обратится къ хозяину, который сейчасъ же пойметъ, зачѣмъ она пришла.

— Скажи, пожалуйста, Нухимъ, ты, видно, думаешь, что такъ-таки уже Бога на свѣтѣ нѣтъ, что все *сефнеръ*?*

Нухимъ дѣлаетъ видъ, что ничего не понимаетъ.

— Ахъ, уже не корчъ изъ себя «простодушнаго ангела». Ты отлично знаешь, о чемъ я говорю.

— Право, какъ я еврей, что я ничего не знаю.

* Произволь.

Чарна измѣрить его съ ногъ до головы, покачаетъ нѣсколько разъ презрительно головой и скажетъ:

— Такой-таки ты еврей, да! Много можно положиться на твою клятву! Пускай же хоть твоя жена знаетъ, каковъ ты.— И Чарна рассказываетъ все, что услышала отъ Соси.

— Ой, ой, разбойникъ, таки побѣжалъ туда,—начинаетъ жена Нухима:—вѣдь ты же обѣщалъ не идти и прождать еще мѣсяць!

— Хорошо тебѣ сказать—жди. Что это, у меня колодезь какойнибудь? Да и колодезь можно исчерпать. Дѣлаешь собаку добро, а она еще лаеетъ. Понимаешь, пошелъ жаловаться Чарнѣ. Что мнѣ Чарна сдѣлаетъ? Буду я знать, какъ оказывать услуги этимъ грабителямъ.

— Ну ужъ, пожалуйста, ты, Нухимъ, не говори объ услугахъ,—отвѣчаетъ Чарна.—Знаю хорошо твои услуги, какъ онѣ бокомъ всё выходятъ. Вѣдь за то, что ты Авруму (мужъ Соси) далъ въ долгъ три рубля, онъ тебя возилъ туда и назадъ въ Б., откуда ты еще привезъ пудовъ десять товару на его несчастной клячонкѣ, которая и такъ еле тащится.

— Да я за это ему огромную связку сѣна далъ,—защищается Нухимъ.

— Много оно стоитъ, твое сѣно—десять копѣекъ. А вотъ за повадку ты всякому мужику заплатилъ бы полтора рубля...—

Эта горькая, съ такою безцеремонностью высказанная правда совѣмъ приводитъ въ ярость Нухима, и онъ начинаетъ неистово кричать.

— Скажите, пожалуйста, что вы за «габете» * на чужой счетъ! Понимаете! Что это, у меня деньги на кучь сору растутъ, что-ли! Кто это раздаетъ свои деньги первому встрѣчному! И что это вы за богача такого нашли! Я вотъ уже двадцать пять лѣтъ работаю кровью, и заработалъ себѣ капиталець въ какихънибудь триста несчастныхъ карбованцевъ, такъ уже въ богачи попалъ, и всё меня облѣпили какъ мухи. Нухимъ, дай для бѣдной сироты, Нухимъ, дай для бѣдной невѣсты, Нухимъ, дай для бѣдной родильницы. Тому дай, тому

* Сердобольная, посредница.

одолежи. Да, Господи, вѣдь эдакъ можно скоро начать съ женою и дѣтьми «по домамъ расхаживать».

— Насколько я знаю, отъ тебя не очень много достается этимъ сиротамъ, бѣднымъ невѣстамъ и т. д.,—перебьетъ его съ насмѣшкой Чарна.

— Оттого-то я еще, слава Богу, и состою хозяиномъ. Если бы васъ послушать, то уже давно бы по міру пошелъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Нухимъ, — говоритъ покачивая печально Чарна головой;—нѣтъ, ты горько ошибаешься. Къ Богу еще никто не доложилъ. Онъ хероній должникъ—со всѣми хореппе расплачивается. И кто *Ему* дастъ, тотъ по міру никогда не поидеть...

И Чарна кинетъ на ребъ-Нухима долгій, провзительный взглядъ, котораго онъ не въ состояніи вынести, и онъ въ смущеніи опуститъ голову, словно осужденный.

— Однако, что же вы хотите, Чарна?—скажетъ онъ уже куда мягче.

— Да то, чтобъ ты Аврума совсѣмъ оставилъ въ покоѣ. А когда ты будешь сильно нуждаться въ этихъ трехъ рубляхъ, то явись ко мнѣ, и я уже все уплачу.

— Такъ бы сказали съ самаго начала. А то стали стыдить при женѣ и дѣтяхъ, ну, я и погорячился. Теперь опять миръ, не правда ли? Да садитесь, куда вы сѣшите? Вотъ чаю выпьете съ нами.

— Нѣтъ, нѣтъ, спасибо, спасибо. Такъ улажено, вамъ я сказала?

— Что тутъ еще спрашивать. разумѣется, улажено.

— Доброй вамъ ночи всѣмъ.

— Добраго вамъ года, Чарна, идите здоровыми.

И Чарна отправится дальше, улаживать подобную же исторію.

Уйдетъ Сося, придетъ другая и т. д. И Чарна никому не отказываетъ, для всѣхъ сдѣлаетъ все, что въ ея силахъ, Но такъ какъ средствъ ея не могло хватать и на сотую долю того, что ей приходилось раздавать, то она должна была прибѣгать къ другимъ, и такимъ образомъ, мало по малу, всѣ болѣе или менѣе достаточные жители городка сдѣлались ея постоянными данниками.

Очень многіе, завидя ее издали и зная, зачѣмъ она идетъ, старались поскорѣе исчезнуть или же говорили злобно:

«Вотъ она уже идетъ, эта «габете».

Само собою разумѣется, что Чарна должна была имѣть не мало враговъ среди людей, которыхъ она эксплуатировала въ пользу покровительствуемыхъ бѣдняковъ. Но эти враги были временные, минутные, только когда раскрывался кошелекъ волей-неволей. За то были и многіе такіе, преимущественно среди женщинъ, которые ее радостно встрѣчали и еще радостнѣе отдавали свою лепту. Уваженіемъ же она пользовалась абсолютно у всѣхъ, ибо было невозможно не преклоняться передъ этой энергической натурой, передъ этимъ самоотверженіемъ и отдаваніемъ себя цѣликомъ своему ближнему.

Безъ Чарны не обходилось ни одно болѣе или менѣе крупное событіе въ городѣ. Случались-ли свадьба, обрѣзаніе, обрученіе, все равно—у бѣднаго или богатаго, Чарна заправляла всѣмъ, дѣлала все, помогала во всѣхъ приготовленіяхъ, сама варила и подавала во время свадебнаго ужина, или во время торжественнаго обѣда по случаю обрѣзанія; усаживала гостей, ухаживала за родильницей, проводя у нея дни и ночи. И на той свадьбѣ, на томъ обрѣзаніи, гдѣ всѣмъ заправляла Чарна, все шло отлично, какъ заведенная машина, и всѣ гости уходили довольные приѣмомъ, что такъ рѣдко удается въ маленькихъ мѣстечкахъ, гдѣ въ такихъ случаяхъ сильно пробуждается мелкое тщеславіе. «Аврума, молъ, съ его подслѣпаватою Ханцею посадили около самого жениха, а мнѣ пришлось сидѣть около портнаго Юсице, вмѣстѣ съ сапожникомъ Дуделемъ. Что это я не такой же хорошій еврей, какъ Аврумъ, этотъ мужикъ, что еле читать можетъ по древне-еврейски!» Подобнаго рода жалобы всегда услышите на другой день послѣ еврейской свадьбы, если не въ тотъ же вечеръ. Но Чарна никогда къ нимъ не подавала повода. Болѣе всего были довольны родители и родительницы невѣсты *. Если же родители жениха или невѣсты были люди очень бѣдные, то Чарна, разумѣется, участвовала не въ однихъ только трудахъ и не въ теченіе одного только свадеб-

* Свадебный пиръ всегда устраивается въ домѣ невѣсты.

наго вечера. Тогда свадьба составляла предметъ ея заботъ цѣлый годъ. Доставка гардероба всецѣло лежала на ея обязанности. И она его всегда доставляла не какъ нибудь, а какъ слѣдуетъ, чтобы ни родителямъ, ни брачующимся не приходилось краснѣть, чтобы у нихъ было все, «какъ у всѣхъ евреевъ».

Но никогда ея плодотворная дѣятельность не обнаруживалась съ такою непреодолимою силою, какъ при больномъ. Тутъ Чарна становилась не только доброю, благородною, но истинно великою душою. Какъ бы ни была велика опасность, она никогда не теряла головы и умѣла поддерживать и ободрять не только больного, но и его родню, что гораздо труднѣе. Будучи педантично чистоплотною и брезгливой во всемъ, она въ такихъ случаяхъ откладывала въ сторону всю свою брезгливость и возилась съ такими вещами, одна мысль о которыхъ въ обычное время перевернула бы ея внутренности.

Въ домѣ у нея постоянно водились разные сорта варенья, до которыхъ она никогда не касалась. Готовила же она и хранила все это специально для больныхъ, для родильницъ, чтобы было чѣмъ «оживить душу». Она также обзавелась нарочно коровою, «тоже для того, чтобы было чѣмъ «оживить душу» бѣднымъ. Тому отнесеть горшечекъ молока для дѣтокъ; другому блюдечку сметаны, третьему немного только что приготовленнаго сыра, четвертому только что выбитаго масла и т. д.

Помимо всего этого, она постоянно платила меламену ребъ Эхарии за двухъ бѣднѣйшихъ учениковъ, и это уже изъ своихъ собственныхъ денегъ. Ко всему этому надо еще прибавить ея постоянные дары въ «бесъ гамедрашъ». Каждую пятницу она передавала шамесу * фунтъ большихъ четвериковыхъ свѣчей для зажитанія ихъ на самомъ амвонѣ.

Въ годовщину же смерти мужа она постоянно давала пять фунтовъ. Но это далеко не все. Самыя лучшія украшенія, какъ красивые шелковые занавѣсы на священномъ кіотѣ, дорогая скатерть на «балъ-меморѣ» ** и т. д., все это было работы Чарны.

* Синагогальному служкѣ.

** Каеэдра, гдѣ происходитъ чтеніе свитковъ, собственно—аль-меморѣ.

Только одну свою мечту она никакъ не могла осуществить. Эта мечта была для нея идеаломъ всёхъ ея задушевнѣхъ стремленій на попримъ благочестія. Состояла она въ томъ, чтобы подарить въ бесѣ-гамедрашъ *Тору*.

Много разъ принималась она копить для этой цѣли, даже купила себѣ нарочно жестяную кружку съ замочкомъ. Но каждый разъ, когда тамъ накоплялась болѣе или менѣе значительная сумма, она сейчасъ же переходила въ руки какого нибудь отчаяннаго бѣдняка. Тутъ ея обычная сила воли ей измѣняла. «Господи,—говорила она мысленно, нарушая въ сотый разъ данное себѣ обѣщаніе не коснуться этихъ денегъ:—Господи, я знаю, Ты мнѣ это простишь, ибо вѣдь не для себя я дѣлаю это.

Напередни такимъ образомъ дѣятельность, поглощавшую ее всю, Чарна мало-по-малу успокоилась и стала свыкаться съ своимъ одиночествомъ, которое даже полюбила.

Къ тому же она вступила въ тотъ возрастъ, когда уже думать о какомъ либо будущемъ—смѣшно. Въ рѣдкія минуты постигала ее вѣчная ужасная мысль о предстоящемъ истребленіи ея съ лица земли безъ всякаго слѣда. Но она уже давно привыкла мириться съ этимъ, и только сосредоточила всё свои стремленія на томъ, чтобы явиться не съ пустыми руками туда, передъ Великимъ Судьей.

Такова была вдова Чарна, такова была въ общемъ ея жизнь, которая потекла наконецъ мирно и правильно, по твердо установленному пути. Но теченіе этой жизни должно было вдругъ нарушиться совершенно внезапно и неожиданно.

Богъ-Ами.

(Продолженіе будетъ).

ПРЕДАНИЕ.

Не знаю, преданье народа-ли это,
Изъ усть перешедшее къ намъ;
Алмазь-ли талмуда, цвѣтокъ-ли, привитыи
Къ завѣтнымъ библейскимъ вѣнкамъ?
А, можетъ быть, няня, старушка сѣдая,
Сказанье подъ реню сложивъ,
Мнѣ гѣла—и тихо, и грустно, и сладко
Звучалъ этотъ стройный мотивъ.
Но часто, когда въ непогодную полночь
Унылая вьюга поетъ,
Мнѣ грустно—и въ памяти тѣнь прозрачной
Преданье былого встаетъ:
Далеко за гранью святой Палестины,
Гдѣ пѣлъ о любви бедуинъ,
Лежать, что кольчуги, сотканныя вѣтромъ,
Пески золотые пустынь.
Ни прежнихъ шатровъ, ни слѣдовъ ихъ не видана
Не носятъ зыбучій пески.
И Богъ вѣсть откуда, куда, безъ дороги,
Идетъ вдохновенный пророкъ.

Прозрачны его посѣдѣвшія кудри
 Въ дрожащемъ сіяньи луны;
 Подъ тѣнью бровей застарѣлыя складки,
 Глубокія складки видны.
 Напрасно въ пространство арабской пустыни
 Вперяетъ онъ жаждущій взоръ;
 Нигдѣ не облѣбютъ шатры бедуиновъ,
 Нигдѣ не сверкаетъ костеръ;
 Не слышно созвучья стиховъ Зендавесты,
 Затихъ и недвижимъ Исламъ.
 И, мнится, вкругомъ, поднимаясь до неба,
 Встаетъ заколдованный храмъ.
 Когда же, подъ зноемъ палящаго солнца,
 Горитъ раскаленный песокъ,
 И призраки чудныхъ миражей пустыни
 Толпой застилаютъ востокъ,
 Пророкъ исполняется силою тайной,
 Какъ арфа подъ тѣнью вѣтвей,
 Когда подъ раскатами грома сверкаютъ
 Зигзаги небесныхъ мечей.
 Пытливое онъ смотритъ туда, гдѣ мечети
 Главами сврываютъ развѣтъ,
 Гдѣ слышится: „Нѣтъ, кромѣ Бога, другого;
 Избранникъ его Магометъ!“
 Туда, гдѣ, подымаются куполы храма,
 Гдѣ колоколъ гулко звучитъ,
 Гдѣ новой эмблемой смѣняютъ безвозвратно
 Давида возлюбленный щитъ.

И грозно вѣщаетъ пророкъ вдохновенный:

„Какой вамъ народъ передать,

Что Богъ есть зерно безграничнаго міра,

Что Богъ есть начало началъ?

Зачѣмъ же вамъ колоколъ въ волнахъ широкихъ

Такъ грозно вѣщаетъ о Немъ?

Зачѣмъ же полиѣсяць предъ Нимъ не погаснетъ,

Но дерзко блеститъ серебромъ?

Зачѣмъ ваши куполы къ небу поднялись?

Зачѣмъ эти башни каабъ?

О, какъ ты далекъ отъ высокаго Неба!

О, какъ ты ничтоженъ и слабъ!

Извѣдай впередъ, что извѣдалъ Исая,

И смѣло промолвишь слова:

Ни въ туфъ сожженъ, ни въ миррѣ душистой—

Но въ сердцѣ моемъ Іегова!

Такъ гдѣ жъ ты, народъ, испытавшій всѣ муки,

Не знавшій мечетей такихъ,

Оглухшій отъ этого зычнаго звона,

Ослѣпшій отъ серповъ нѣмыхъ,

Несущій въ груди своей Бога Давида

И храма незыблемый сводъ?..

Зову тебя! Гдѣ ты? Ужели свершилось

Мое предвѣщанье, народъ?

Ужели не слышишь, не видишь пророка,

Затѣмъ, что въ полуденный зной

Идешь ты, какъ я, безответной пустыней,

Какъ я, съ посѣдѣвшей главой?

Иди! Утѣшайся, народъ неустанный,
Поверни къ гнетущей судьбѣ,
И вѣщи пергаментъ свободы великой
За то возвращу я тебѣ!“
И снова идетъ онъ пустыней безмолвной,
И снова онъ ищетъ слѣдовъ:
Онъ. вѣрить въ грядущее счастье народа,
Въ свободу завѣтныхъ сыновъ.

Вл. Жуковский.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЕЖЕГОДНИКИ Г. СОКОЛОВА И Г. РАВИНОВИЧА.

---

1) **Гаасифъ** (האסיף): Еврейскій историко-литературный и промышленный Сборникъ. Годъ III. Изданіе *Н. Соколова*. Варшава, 1886.

2) **Гамаасефъ** (המאסף), т. е. Сборникъ литературныхъ статей. (Прибавленіе къ «Гаасифу»). Варшава, 1886.

3) **Киссетъ Нероэль** (קיסת נרואל): Еврейскій научно-историко-литературный и общественно-промышленный Сборникъ. Годъ I. Изданіе *П. Рабиновича*. Варшава, 1886.

Довольно странное явленіе замѣчается въ настоящее время въ ново-еврейской литературѣ. Самостоятельная литература крайне оскудѣла, отдѣльных, сколько нибудь выдающихся сочиненій появилось въ прошломъ году очень мало, но за то умножилась и развилась литература періодическая, на аренѣ которой тѣснится теперь почти вся еврейская пишущая братія. Въ самой періодической литературѣ мы также замѣчаемъ двѣ крайности: ежедневныя газеты и ежегодные сборники. Въ теченіе истекшаго 1886 года возникли вдругъ три ежедневныхъ «политическихъ» газеты на древне-еврейскомъ языкѣ (изъ нихъ одна новая, и двѣ преобразованныя изъ еженедѣльных) и прибавился новый литературный ежегодникъ. Еженедѣльные газеты и ежемѣсячныя журналы какъ-то вдругъ сошли со сцены *, словно еврейскіе издатели стоворились не признавать никакихъ иныхъ сроковъ для періодическихъ изданій, кромѣ двухъ крайнихъ — дня и года, и подвергнуть опалѣ средіе — недѣльный и мѣсячный сроки. Не беремся объяснить здѣсь это явленіе, тѣмъ болѣе, что такого объясненія пришлось бы,

---

* Не считаемъ заграничнаго „Гамагада“, подающаго весьма слабые признаки жизни послѣ смерти своего редактора, и Готлоберовскаго „Габокеръ Оръ“, о которомъ неизвѣстно, существуетъ-ли онъ или нѣтъ.

можетъ быть искать не столько въ области чисто-литературной, сколько за ея предѣлами... Мы не намѣрены также остановиться на вопросѣ о значеніи и необходимости нынѣ столь модной еврейской ежедневной «прессы». Цѣль настоящей статьи есть лишь разборъ болѣе солидной части новѣйшей періодической литературы, — той части, которая появляется въ формѣ ежегодниковъ.

Обозначенное нами сейчасъ явленіе наводитъ, однако, на нѣкоторыя мысли, которымъ не можемъ не дать мѣста въ началѣ настоящей «Лѣтописи». Оно напомнило намъ про другое аналогичное явленіе, имѣвшее мѣсто лѣтъ семь тому назадъ, — и сопоставленіе этихъ двухъ явленій показало намъ крайне поучительнымъ и интереснымъ. Это было въ концѣ 1879 года. Тогда также возникли вдругъ, одинъ за другимъ, два еженедѣльных еврейскихъ органа на русскомъ языкѣ. Спустя годъ къ нимъ прибавляется третій — ежемѣсячный научно-литературный журналъ съ недѣльнымъ публицистическимъ приложеніемъ. То было совсѣмъ другое время, время полное надеждъ и свѣтлыхъ упованій. Свѣжіе и бодрые вышли русско-еврейскіе писатели на работу — на трезвую, просвѣтительную работу, на борьбу съ предрасудками внѣ и внутри еврейства. Они вѣрили и надѣялись, вѣрили въ плодотворность своей работы и ждали ея плодовъ... Всего семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ — и какая перемена въ умственной и литературной атмосферѣ. Два русско-еврейскихъ органа успѣли уже сойти со сцены, послѣ долгой мучительной борьбы и метанія изъ стороны въ сторону. Осталось одно только изданіе — то, на страницахъ котораго пишутся сіи слова.. И вотъ 1886 годъ является въ нѣкоторомъ родѣ антитезою 1879 году. Опять возникаютъ новыя изданія — уже на древне-еврейскомъ языкѣ, но совсѣмъ иного свойства и направленія, чѣмъ предъидущія, русско-еврейскія. Изъ вызвалъ къ жизни уже не тотъ духъ, которымъ были воодушевлены еврейскіе писатели семь лѣтъ тому назадъ. Не бодрый, юношескій духъ реформаціи и обновленія, а стремленіе къ духовной реставраціи составляетъ существенную черту новѣйшей періодической литературы и, до извѣстной степени, причину ея возникновенія. Это — серьезное знаменіе времени. Мы безспорно живемъ въ эпоху реакціи, реставраціи, послѣдовавшую за эпохою 60-хъ и 70-хъ годовъ, которая въ русско-еврейской жизни — а слѣдовательно, и въ литературѣ — играетъ роль бурной революціонной, освободительной эпохи. Мы присутствуемъ при реставраціи старой литературной династіи, старыхъ преданій, изъ которыхъ многія прежде единогласно отвергались... Новѣйшее «палестинское» движеніе есть

лишь внѣшняя форма этой духовной реставраціи. Духомъ послѣдней цѣликомъ проникнуты два изъ существующихъ періодическихъ изданій (новый ежегодникъ г. Рабиновича и преобразованный въ ежедневную газету «Гамелиць») и въ большей или меньшей степени—всѣ остальные.

Печальнымъ или радостнымъ слѣдуетъ считать такое явленіе—это вопросъ, на которой весьма трудно дать рѣшительный отвѣтъ, по крайней мѣрѣ въ короткихъ словахъ. Безспорно лишь одно: это явленіе *естественно*, вполне объяснимо событіями послѣдняго времени—событіями безусловно печальными. Трудность же оцѣнки самаго явленія обуславливается тѣмъ, что въ немъ печальное и отрадное, серьезное и утопичное, хорошее и дурное—такъ тѣсно соединены, что потребовалось бы не мало времени на разложение и разборъ всѣхъ этихъ элементовъ. Излишнее реставраціонное рвеніе принадлежитъ несомнѣнно къ печальнѣйшимъ сторонамъ разсматриваемаго явленія; пробужденіе же интереса къ изученію еврейской исторіи, долготѣ находившемуся въ полномъ пренебреженіи, составляетъ одну изъ немногихъ отрадныхъ его сторонъ. Въ слѣдующемъ разборѣ читатели отчасти найдутъ примѣры того и другого.

Начнемъ со сборника г. Соколова.

Въ лежащемъ передъ нами третьемъ томѣ этого сборника мы не находимъ уже тѣхъ обширныхъ руководящихъ статей, которыя красовались во главѣ предыдущихъ двухъ томовъ и которыя въ общемъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить *, отличались серьезностью взглядомъ и трезвостью направленія. Новый томъ «Гаасифа» открывается скромнымъ обзоромъ событій, происшедшихъ въ жизни еврейства, русскаго и заграничнаго, за истекшій еврейскій годъ (5646). Г. Соколовъ ограничивается перечисленіемъ важнѣйшихъ событій этого года и кончаетъ свой перечень замѣчаніемъ, что «обсужденіе всѣхъ этихъ фактовъ предоставляется будущему историку». Этотъ короткій обзоръ находится во главѣ перваго отдѣла разсматриваемаго нами тома,—отдѣла, озаглавленнаго «Современное Обзорѣніе» (Binah le'itim). Тутъ кстати замѣтить, что на этотъ разъ г. Соколовъ отлично размѣстилъ нѣтъшійся у него разнообразный матеріалъ и ввелъ въ свой сборникъ внѣшній порядокъ, совершенно отсутствовавшій въ предыдущихъ томахъ его изданія. Настоящій томъ «Гаасифа» состоитъ изъ шести отдѣловъ: 1) Современное обзорѣніе, 2) литература и наука, 3) романы и по-

* См. „Восходъ“, 1885, кн. XI.

вѣсти, 4) стихотворенія, 5) естествовѣдѣніе, 6) практическія свѣдѣнія и календарь. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ мы находимъ, кромѣ упомянутого сейчасъ обзора, статью о статистикѣ евреевъ въ различныхъ странахъ, статью о синагогахъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ Палестины (Я. Гольдмана), критическій очеркъ В. Шура о голландскихъ евреяхъ и годичный некрологъ. Статья г. *Гольдмана* о палестинскихъ синагогахъ написана весьма обстоятельно и съ знаніемъ дѣла: но авторъ, повидимому, болѣе знакомъ съ современнымъ состояніемъ Палестины, чѣмъ съ ея исторіею. Такъ онъ, напримѣръ, утверждаетъ (стр. 69, прим. 1), что «въ прошлыхъ столѣтіяхъ евреи вовсе не селились въ нынѣ населенныхъ небольшихъ городахъ Палестины, какъ, напр., Сафетъ, Хевронъ, Тиверія». А между тѣмъ извѣстно, что больше трехъ вѣковъ тому назадъ, въ XV вѣкѣ, въ Сафетѣ была значительная еврейская колонія, и городъ этотъ въ теченіе довольно долгаго времени игралъ роль важнаго духовнаго центра, ибо тамъ жили и учили творцы практической каббалы, Лурье и Виталь, а также столпы раввинизма—Я. Беравъ, Л. Хавива, Юсифъ Каро и ин. др. *—Маленькій очеркъ г. *Шура* «Голландскіе евреи» не лишень интереса. Мы узнаемъ изъ него, что голландскіе евреи, въ общемъ, очень ортодоксальны, что общинное устройство у нихъ образцовое и что наиболѣе распространенное между ними занятіе—особенно въ Амстердамѣ—это ювелирное мастерство и торговля драгоценными камнями.

Самый большой и разнообразный отдѣлъ въ новомъ томѣ «Гаасифа»—это отдѣлъ научно-литературный (стр. 125—480). Къ наиболѣе выдающимся статьямъ этого отдѣла принадлежатъ: «Постановленія кастильскихъ еврейскихъ общинъ отъ 1432 года» *Изидора Лэба*, «Исторія Воложинскаго ешибота» *М. Г. Бердичевскаго*, «Войны Божіи» *С. Бернфельда* и «Жизнеописанія крупнѣйшихъ еврейскихъ поэтовъ новаго времени» *С. Манделькерна*. Въ статьѣ г. *Изидора Лэба* впервые обнаружена рукопись, хранящаяся въ парижской «Национальной библиотекѣ» и заключающая въ себѣ постановленія еврейскихъ общинъ въ Кастиліи отъ 1432 года. Постановленія эти проливаютъ свѣтъ на внутренній бытъ испанско-еврейскихъ общинъ въ XV вѣкѣ. Мы узнаемъ изъ нихъ о томъ, что кастильскіе евреи пользовались очень широко общинною автономіею, ниѣли свои собственные уголовные и гражданскіе суды, рѣшенія которыхъ были

* См. Graetz В. IX, Кагане „Эвенъ Незефъ“, стр. 4 и сл., и „Восходъ“ 1886 г., кн. XII, въ „Лѣтописи“.

обязательны и приводились въ исполненіе въ силу общихъ законовъ страны. На эти рѣшенія можно было апеллировать только «генеральному раввину», назначавшемуся королемъ (онъ носилъ титулъ Juzgador), и приговоръ этого раввина считался окончательнымъ. «Генеральный раввинъ» игралъ роль посредника между еврейскими общинами и правительствомъ * распределялъ подати, заботился объ аккуратности ихъ взносовъ въ казну, рѣшалъ внутренніе споры еврейскихъ общинъ, утверждалъ или отменялъ общинные выборы и т. п. За эти свои «привилегіи» кастильскіе евреи платили правительству весьма щедро. Они должны были вносить самыя разнообразныя подати и въ королевскую казну, и въ пользу владѣльцевъ городовъ, и въ пользу католическаго духовенства. Эти общіе налоги вѣстѣ съ специальными налогами, покрывавшими расходы по общинному самоуправленію, лежали тяжелымъ бременемъ на кастильскихъ евреяхъ. Такихъ интересныхъ свѣдѣній можно еще немало найти въ статьѣ И. Леба.

Родственная съ этою статьею по содержанію небольшая статья проф. *Д. Кауфмана*, въ которой напечатанъ съ рукописи уставъ «Общества Мира», учрежденнаго евреями въ Анконѣ, въ 1586 г., для цѣлей религиозныхъ и умственныхъ. Члены этого «общества» обязывались собираться ежедневно для «изученія торы» и вѣстѣ съ тѣмъ подчинялись ряду условій, регулировавшихъ ихъ личную и общественную жизнь (стр. 214—218). Нельзя не упомянуть здѣсь и о другой, однородной съ предыдущими, статьѣ д-ра *М. Гидемана*, озаглавленной «О порядкѣ обученія у караимовъ». Въ ней приведено изъ рукописи, находящейся въ вѣнской «Императорской библіотекѣ», мнѣніе великаго караимскаго ученаго Соломона Троки (жилъ около 1700 г.) о воспитаніи и обученіи дѣтей. Главными предметами изученія должны быть, по мнѣнію Соломона Троки, древне-еврейскій языкъ, его грамматика и стилистика, св. писаніе въ простомъ и удобопонятномъ переводѣ, катихизисы и религиозные своды старыхъ караимскихъ авторитетовъ; если же ребенокъ обладаетъ хорошими умственными способностями, то его можно обучать и свѣтскимъ наукамъ, какъ-то: логикѣ, естествовѣдѣнію, философіи и т. п. Если мы вспомнимъ, въ какой ужасной онагѣ находились въ то время у еврей-раввинистовъ не только свѣтскія знанія, но даже простое изученіе библіи и еврейской грамматики, то мнѣніе караимскаго ученаго приобретаетъ особенное значеніе и поучительность...

* Аналогичное явленіе было, какъ извѣстно, и у насъ въ XVI в. („Старшіе раввины“ въ Польшѣ и Михель Іевофовичъ въ Литвѣ).

Впрочемъ, почти за три столѣтія до Соломона Трои высказался въ томъ же смыслѣ и съ большею еще опредѣленностью авторитетный караиискій ученый Эліягу Вашейци, авторъ религіознаго свода законовъ «Адеретъ Эліягу». Этотъ знаменитый ученый даетъ въ своемъ кодексѣ весьма рациональную систему школьнаго воспитанія, основанную главнымъ образомъ на знаніи еврейскаго языка и внимательномъ изученіи библейскихъ произведеній,—причемъ считаетъ необходимымъ и даже богоугоднымъ одновременно съ этимъ изучать логику, науку чиселъ, теоретическую и прикладную, астрономію, естественныя науки, метафизику, музыку, философію, «дабы учащійся могъ сопоставлять выводы всѣхъ этихъ наукъ съ истинами св. писанія и провѣрять одни другими». На это мнѣніе ссылается также авторъ разсматриваемой статьи, г. Гидеманъ.

Историческій очеркъ г. Бердичевского о «Воложинскомъ ешиботѣ» довольно интересенъ по своему содержанію, но могъ бы быть гораздо интереснѣе и лучше, еслибъ авторъ вмѣсто воспѣванія дифирамбовъ «главамъ ешибота» — дифирамбовъ, далеко не всегда заслуженныхъ — занимался простымъ изложеніемъ фактовъ, относящихся къ исторіи воложинскаго расадника талмудистовъ. Авторъ не находитъ словъ для прославленія послѣдняго и въ своемъ восторгѣ наивно восклицаетъ: «Любовь къ талмуду, глубоко коренящаяся въ сердцахъ ешиботниковъ, почти сверхъестественна. Всякій изъ нихъ готовъ пожертвовать для нея жизнью. Потому-то ученіе для нихъ такъ плодотворно» (стр. 236). Всякій, даже по наслышкѣ знакомый съ воложинскимъ «расадникомъ», пойметъ всю неосновательность этого обобщенія: многимъ изъ насъ, вѣроятно, приходилось видѣть бывшихъ воложинскихъ ешиботниковъ въ роли жалкихъ искателей приключеній, отличающихся тупоуміемъ и невѣжествомъ даже въ специальныхъ предметахъ ешиботскаго преподаванія. Невѣжество же въ предметахъ общеобразовательныхъ, вопреки увѣренію г. Бердичевского въ другомъ мѣстѣ разсматриваемой статьи, почти обязательно для всякаго ешиботника, потому что—какъ не разъ сообщалось въ еврейскихъ газетахъ—ни нынѣшній «глава ешибота», ни его предшественники никогда не мирволили «еретическимъ» свѣтскимъ наукамъ. Только въ самое послѣднее время стали проникать въ среду воложинскихъ учащихся «свѣтъ знанія» — и втихомолку читаются тамъ ново-еврейскія и русско-еврейскія книги и періодическія изданія.

Наиболѣе популярными въ литературномъ отдѣлѣ показались намъ статьи г. Мандельерна, заключающія въ себѣ біографіи крупнѣйшихъ

еврейских поэтов послѣдняго столѣтія—Гартвига Вессели, А. Лебенсона, М. Лебенсона и А. Готлобера. Нужно только жалѣть, что онѣ слишкомъ коротки, слишкомъ протокольны и сухо-фактичны.

Г. Вернфельдъ въ своей коротенькой статейкѣ «Войны Божіи» дѣлаетъ слѣдующее историко-философское обобщеніе. Черезъ всю духовную исторію еврейства проходить, по его мнѣнію, борьба іуданамъ—ученія Бога и духа—съ эллинизмомъ—ученіемъ міра и человѣка. Столкновеніе этихъ двухъ мировоззрѣній особенно рѣзко выступаетъ въ слѣдующіе три историческіе момента: 1) въ эпоху македонскаго владычества и Маккавеевъ, когда эллинизмъ хотѣлъ самою подчинить себѣ еврейство; 2) въ періодъ арабско-испанскій, завершившійся борьбою между приверженцами перенесенной арабами въ Испанію эллинской мудрости и защитниками исключительнаго талмудизма, между сторонниками и противниками Маймонида; 3) въ новѣйшее время, когда эллинскій духъ воплотился въ «германскомъ просвѣщеніи», стремящемся подкопать основы іудазма. Читатели «Восхода», можетъ быть, помнятъ, что и нами высказано было подобное этому обобщеніе (см. «Лѣтопись» ноябрьской кн. прошлаго года), хотя въ иной формѣ и отчасти даже въ иномъ смыслѣ. Мы тамъ установили синтезъ, что «черезъ всю духовную исторію еврейскаго народа проходятъ параллельно два главныхъ направленія мысли: національное и универсальное». Изъ этой формулы видны уже черты и сходства и несходства между обобщеніемъ г. Вернфельда и нашимъ. Мы говорили не о іуданизмѣ и эллинизмѣ, а въ болѣе обширномъ смыслѣ—о національномъ и универсальномъ, религиозномъ и свѣтскомъ, вѣрѣ и знаніи; говорили мы также не о *борьбѣ* между этими направленіями мысли, но о «параллельномъ развитіи» ихъ, ибо были продолжительныя эпохи въ еврейской исторіи, когда оба эти направленія мирно уживались, были эпохи, когда почти исключительно преобладало одно изъ нихъ, борьба же проявлялась только въ рѣдкіе моменты. Мы расходимся также съ г. Вернфельдомъ во взглядѣ на значеніе того и другого направленія для еврейства. Г. Вернфельдъ считаетъ побѣду іудазма надъ эллинизмомъ цѣлью и завѣтомъ еврейства; мы же полагаемъ, что идеалъ духовной жизни заключается въ гармоническомъ сочетаніи обохъ этихъ мировоззрѣній—вѣры и знанія, разумнаго преданія и свободной мысли, духа и формы, ученія неба и ученія міра—разумѣется, по столько, по сколько мировоззрѣнія эти могутъ быть примиримы и путемъ взаимныхъ уступокъ согласимы. Разумную вѣру и вѣрующій разумъ мы

считали-бы духовнымъ идеаломъ какъ для еврейскаго народа, такъ и для всѣхъ другихъ культурныхъ народовъ.

Къ крупнымъ—по объему—статьямъ принадлежатъ: переводъ сочиненія *Теллмека*: «Еврейское племя въ пословицахъ и поговоркахъ другихъ народовъ», статья г. *Раковского* объ остаткахъ палестинскихъ народовъ (составленная преимущественно по классической, хотя въскольکو устарѣлой, книгѣ Вольера «*Voyage en Syrie et en Egypte*»), да еще этюдъ г. *Мане* о духѣ и цѣли поэзии. Кроме этихъ и вышеупомянутыхъ статей, литературный отдѣлъ «Гаасифа» наполненъ мелкими замѣтками историческаго и экзегетическаго свойства. Наиболѣе интересными изъ нихъ являются замѣтки *А. Вейса* объ отношеніи гаона Гая къ свѣтскимъ наукамъ (авторъ доказываетъ, что отношеніе это было преимущественно отрицательное) и о «Талмудической апологетикѣ» («*Sanegor*») г. Цвейфеля. По поводу этого сочиненія г. Вейсъ, глубокий знатокъ талмуда и еврейской исторіи, разумно замѣчаетъ, что еврейскія книги должны имѣть цѣлью защищать талмудъ не отъ его хулителей, которые или не могутъ или не хотятъ читать апологіи на еврейскомъ языкѣ, но отъ тѣхъ слѣпыхъ его обожателей, которые, пренебрегая исторією и жизнью, придаютъ ему болѣе важное значеніе, чѣмъ то, которое онъ имѣетъ, и возводятъ его на степень неизмѣннаго и непривоскожденнаго религіознаго кодекса наравнѣ съ книгами св. писанія. Этихъ-то чрезвычайныхъ обожателей талмуда нужно, по мнѣнію Вейса, показать истинное историческое значеніе этого произведенія и разъяснить, что въ немъ важно и что второстепенно, что сохранило жизненность и что слѣдуетъ отбросить, какъ отжившее (стр. 158—159). Послѣ замѣтокъ г. Вейса слѣдуетъ упомянуть о двухъ статейкахъ д-ра *Х. Оттенгейма*: «Критика библейскихъ книгъ на основаніи ассири-вавилонскихъ надписей» и «Ходъ преній въ агадѣ». Не лишены также интереса статьи г. *М. Ашкенази*—«О двѣнадцати малыхъ пророкахъ», *Я. Рейфмана*—«Отрывки изъ введенія къ апокрифамъ», *М. Рабиновича*—«Аиорагъ Самуилъ и его медицинская система» (авторъ старается доказать курьезную мысль, что Самуилъ держался системы нивѣнскихъ гомеопатовъ), *М. Виткина*—«Еврейскія древности въ Прагѣ» и *И. Бендерскаго*—«Объ исторіи ростовщичества». Замѣтка *Г. Ш.* «Объ изученіи талмуда пѣвцами-христианами въ XVII в.» много теряетъ вслѣдствіе своей излишней краткости и сводится къ скучной номенклатурѣ. То же самое можно сказать и о замѣткѣ г. *Я. Топровера*, не нашего возможномъ удѣлить біо-

графин известнаго радикала-философа XV вѣка Моисея Нарбони больше трехъ страничекъ, въ которыхъ авторъ ограничивается описаніемъ родословной М. Нарбони, обозначеніемъ года его рожденія и смерти и голымъ перечнемъ его сочиненій. Весьма печально, что наши еврейскіе писатели до сихъ поръ не научились писать полныя и систематическія монографіи, хотя бы такія, какія сплошь и рядомъ появляются въ нѣмецко-еврейской печати: все какъ-то у нихъ отрывочно, бессистемно, казуистично...

Критическій отдѣлъ, отличавшійся такимъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія въ первыхъ томахъ «Гаасифа», въ рассматриваемомъ нами томѣ сведенъ почти къ нулю. Вмѣсто обзора литературы за цѣлый годъ, мы находимъ разборъ эфемернаго журнальца г. Цедербаума «Гамицца», просуществовавшаго всего нѣсколько мѣсяцевъ и не обратившаго на себя ничего вниманія ни при жизни, ни послѣ своей преждевременной смерти. Самый разборъ, впрочемъ, написанъ очень толково и талантливо (онъ принадлежитъ перу г. Соколова).

Разобравъ отдѣлъ научно-литературный, мы сдѣлали главную часть нашей задачи. Всѣ прочіе отдѣлы уступаютъ ему и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Большая часть беллетристическаго отдѣла занята переводомъ известнаго историческаго романа д-ра Филипсона «Испанія и Іерусалимъ» и «вольнымъ переводомъ» одной повѣсти (безъ указанія имени автора), сдѣланнымъ г. Шапиро. Группа оригинальныхъ рассказовъ, помѣщенныхъ въ этомъ отдѣлѣ, носитъ скромное заглавіе «Пробные листы»—и надобно признаться, что эти «пробы пера» совсѣмъ дѣтскія и неудачныя. Въ трехъ рассказахъ г. Рейза («По дѣломъ», «Жезузы» и «Давидъ и Іонасанъ»), при бѣдности и необыкновенности фабулы, замѣтна хоть нѣкоторая наблюдательность; рассказы же г. Переса («Хоть согрѣшилъ, но остался евреемъ», «Оборотень и сумасшедшій», «Оправданіе»), написанные, повидимому, съ претензіею на юморъ и съ болѣе стараніемъ пооригинальничать, не только безсодержательны и бездарны, но просто даже непонятны: кромѣ потока фразъ и какихъ-то волшебныхъ бредней—ничего тамъ не видать. Не знаешь, разумѣли-ли авторъ, о чемъ рассказывалъ: читатель навѣрное ничего не пойметъ.

Отдѣлъ стихотворный относительно большой и разнообразный. Обращаютъ на себя вниманіе, среди массы посредственныхъ вещей, стихотворенія А. Готлобера, Мане (молодого художника, недавно безвременно умершаго), переводъ «Двухъ Каръ» С. Г. Фруга, и отличный переводъ Шиллеровской «Resignation», сдѣланный г. К. Шапиро. Въ длиннѣй-

пемъ стихотвореніи упомянутого уже г. *Переца* «Пѣсни Дня» мы, признаться, ничего не поняли: тамъ есть и о страдавіяхъ еврейскаго народа, и о могиллахъ, и о нечистыхъ силахъ и колдовствѣ, и какія-то проповѣди, и многозначія, и пророчества—но никакого опредѣленнаго содержанія, ни одной ясной мысли. Ужъ такъ, видно, на роду написано г. Перецу писать такъ, чтобы никто его не понималъ.

Приложенные къ стихотворному отдѣлу «Афоризмы для практической жизни, ума и сердца» г. *З. Гурвича* (въ 27 главахъ) написаны хорошииъ библейскимъ языкомъ и въ формѣ «Притчей Соломоновыхъ». Въ нихъ есть много поучительнаго и полезнаго, но по оригинальности и глубомыслию они уступаютъ афоризмамъ В. Мандельштама (имѣя покойнаго), помѣщеннымъ въ предыдущихъ двухъ томахъ «Гаасифа».

Не останавливаясь больше на двухъ послѣднихъ отдѣлахъ—на естественно-научномъ и промышленномъ (въ которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, помѣщены нѣкоторыя небезынтересныя вещи),—скажемъ нѣсколько словъ объ особомъ прибавленіи къ сборнику г. Соколова, подробно озаглавленномъ: «Гамеасефъ: Сборникъ литературныхъ статей, издаваемый отдѣленіемъ для распространенія древне-еврейскаго языка и литературы при Обществѣ распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи». Эгогъ сборникъ, какъ видно изъ предисловія къ нему, имѣлъ издаваться періодически названнымъ «Отдѣленіемъ», возникшимъ по инициативѣ г. Л. Розенталя; но пока передъ нами только первый небольшой его выпускъ, изданный въ видѣ приложения къ «Гаасифу». Три крупныя статьи и нѣсколько мелкихъ отрывковъ исчерпываютъ все содержаніе «Гамеасефа». Къ крупнымъ относятся: «Эпоха собирателей» д-ра *Л. Кантора*, «Сивиллины книги» еврейскихъ александрійскихъ поэтовъ, переведенныя *О. Штейнбергомъ*, и переводъ Рейневскаго «Іегуда Галеви», сдѣланный *С. Лурье*. Первая изъ этихъ статей трактуетъ о литературно-общественной дѣятельности «Мендельсоновской школы» въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, и составлена преимущественно по Грецу (по 4-й главѣ XI тома «Исторіи»), отъ котораго авторъ, по собственному его выраженію, «уклонялся лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣнія Греца казались ему несоотвѣтствующими истинѣ». «Уклоненіе», насколько мы замѣтили, состоитъ главнымъ образомъ въ болѣе отрицательномъ отношеніи автора къ дѣятельности «собирателей»—радикаловъ. Въ концѣ статьи авторъ дѣлаетъ слѣдующее обобщеніе: «Однимъ словомъ,—говоритъ онъ,—борьба между ортодоксами и просвѣщенными въ ту эпоху шла только изъ-за ре-

лигіозныхъ обрядовъ, которыхъ первые цѣлко держались, а послѣдніе хотѣли совсѣмъ сбросить съ себя; о духѣ же іудазма не было и рѣчи, ибо ни одна, ни другая изъ борющихся сторонъ не понимала его вполне» (стр. 33). Это обобщеніе кажется намъ неполнымъ; борьба шла не столько изъ-за религіозныхъ обрядовъ, сколько изъ-за свободы мысли и совѣсти — и въ частности изъ-за свѣтскихъ знаній, занятіе которыми «просвѣщенные» считали обязательнымъ, ортодексы же — преступнымъ. Борьба же изъ-за религіозныхъ обрядовъ возникла лишь къ концу рассматриваемой эпохи — и открылъ эту борьбу «первый реформаторъ» Израиль Яковсонъ, во второмъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка, когда поколѣніе «собрателей» смѣнилось уже новымъ литературнымъ поколѣніемъ.

Переводъ еврейско-александрійскихъ «Сивиллиныхъ Книгъ» исполненъ г. Штейнбергомъ превосходно; жаль только, что переводчикъ допустилъ нѣкоторые значительные пропуски (особенно большой пропускъ — больше 200 строкъ — сдѣланъ въ третьей книгѣ «Сивилль»). Переводъ снабженъ историческимъ предисловіемъ и примѣчаніями. Переводъ «Іегуды Галеви» также исполненъ очень хорошо г. Лурье: близость къ подлиннику и плавности стиха поразительныя. Эта плавность куплена, однако, дорогою цѣною: г. Лурье перевелъ поэму Гейне тоническимъ разиѣромъ подлинника (четырёхстопнымъ хореемъ и бѣлыми стихами) — разиѣромъ, нѣсколько чуждымъ еврейскому языку и заставляющимъ то и дѣло прибѣгать къ поэтическимъ вольностямъ, въ родѣ перемѣщенія ударенія etc. Изъ небольшихъ статей «Гамаесефа» слѣдуетъ назвать «Трактатъ врача Іегуды» д-ра *Каценельсона*: это — химія и фізіологія питанія, изложенныя въ формѣ мишнаитскихъ положеній. Подражаніе языку и манерѣ мишны удалось автору какъ нельзя лучше — и мы съ истиннымъ удовольствіемъ прочли его маленькій пятистраничный «трактатъ», весьма полезный также и въ научномъ отношеніи.

Вообще, и въ «Гаасифѣ», и въ приложеніи къ нему мы находимъ на этотъ разъ весьма большой и преимущественно доброкачественный литературный матеріалъ, но, къ сожалѣнію, весьма мало крупнаго, выдающагося, оригинальнаго... Въ научно-литературномъ отдѣлѣ преобладаютъ отрывочныя мелкія замѣтки, представляющія часто незначительный интересъ, и чувствуется сильный недостатокъ въ обработанныхъ систематическихъ монографіяхъ; въ беллетристической же части нѣтъ ни одного достойнаго вниманія оригинальнаго бытового разсказа, не говоря уже о романахъ. Это, конечно, объясняется недостаткомъ крупныхъ силъ въ совре-

менной ново-еврейской литературѣ, а также тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдняя лишь съ недавняго времени стала (или стремится стать) органомъ не только религіозной, но также общественной и духовной жизни въ широкомъ, европейскомъ смыслѣ этого слова. Во всякомъ случаѣ, такіа серьезные и солидные изданія, какъ «Гаасифъ», могутъ значительно способствовать развитію еврейской литературы и умноженію литературныхъ силъ, сами по мѣрѣ того развиваясь и обогащаясь...

Переходимъ теперь къ ежегоднику г. Рабиновича.

Тутъ уже пахнетъ новымъ духомъ—духомъ палестинофильства и того, что мы назвали выше духовною реставраціей. Этихъ духомъ проникнуты всѣ принципиальныя статьи, помѣщенныя въ сборникѣ г. Рабиновича. Въ передовой статьѣ, озаглавленной «Взглядъ на прошлое и на будущее» и принадлежащей перу самого издателя, мы находимъ изложеніе главнѣйшихъ догматовъ нашей «національной партіи». Самобытность, благоговѣніе передъ прошедшимъ, прогрессивное развитіе, но не иначе какъ въ духѣ прошлаго и на почвѣ строгой религіозной традиціи, наконецъ палестинофильство не только практическое (поощреніе колонизаціи etc.), но и мечтательное, теоретическое—вотъ основныя догматы этой партіи. Г. Рабиновичъ пессимистически смотритъ на все просвѣтительное движеніе среди русскихъ евреевъ въ послѣднія десятилѣтія. Современное умственное развитіе русскихъ евреевъ, по его мнѣнію, основано только на отрицаніи всѣхъ національных чертъ еврейскаго народа, на стремленіи къ слиянію съ другими народами; это—развитіе революціонное, потрясающее основы іудаизма. Въ новѣйшемъ просвѣщеніи все отрицательное и ничего положительнаго. Нужно поставить передъ собою непремѣнно положительный идеаль. Такой идеаль нужно искать въ прошломъ еврейства, въ его историческихъ и національныхъ преданіяхъ. Современное же либеральное просвѣщеніе надо отвергнуть, какъ безусловно ложное (стр. XXIII и сл.). Въ этихъ сѣтованіяхъ, какъ и въ заключеніяхъ, весьма мало, по нашему мнѣнію, основательнаго и очень много преувеличеннаго, несправедливаго. Жалобы на отрицательный характеръ новѣйшаго просвѣщенія русскихъ евреевъ неосновательны, ибо хотя самый фактъ отрицательнаго направленія мысли у насъ въ новѣйшее время справедливъ, но это—фактъ естественный, необходимый, на который нельзя сѣтовать. Въ жизни всякаго народа бываютъ эпохи критическія, переходныя, когда стремленіе къ движенію, къ разрушенію стараго сильнѣе нежели стремленіе въ порядку, къ созиданію новаго. Это бы-

вость всегда послѣ продолжительнаго зстоя, послѣ долгаго плѣвенія мысли. Когда же этотъ критическій, переходный моментъ кончается, вновь наступаетъ время органическое, когда стремленія положительныя—статическія и отрицательныя—динамическія взаимно уравновѣшиваются. Сѣтовать на отрицательный духъ въ переходное время—все равно, что сѣтовать на кризисъ въ болѣзни. Что же касается мнѣнія о необходимости искать положительныхъ идеаловъ только въ прошломъ и только въ своемъ, саомытномъ, то намъ уже не разъ приходилось доказывать односторонность этого мнѣнія — и мы считаемъ излишнимъ вновь возвращаться къ этому старому спору.

Г. Рабиновичъ въ своей руководящей статьѣ выражается еще, однако, довольно утѣренно, и съ нѣкоторыми изъ его заключеній (напримѣръ, о необходимости пробужденія самосознанія посредствомъ распространенія знанія древне-еврейскаго языка и исторіи) можно согласиться. Не то мы видимъ въ обширной статьѣ г. В. Ябеца подъ заглавіемъ «Столѣтняя Башня», — статьѣ, сводящей итоги умственному развитію евреевъ за послѣднія сто лѣтъ. Здѣсь ретроградный пылъ проявился во всей своей необузданности. Факты всѣмъ намъ извѣстные являются здѣсь совсѣмъ въ новой и очень «саомытной» окраскѣ. Моисей Мендельсонъ особенно дорогъ сердцу автора не столько за тѣ качества, которыя обуславливаютъ его историческое значеніе, сколько за тѣ, которыя кажутся наименѣе объяснимыми въ такомъ человѣкѣ и которыя навлекли на него нареканія людей свободомыслящихъ, въ родѣ Соломона Маймона: г. Ябець восклицаетъ Мендельсона за то, что онъ въ личной жизни никогда не уклонялся отъ дѣдовскихъ преданій, не нарушалъ ни одного мельчайшаго раввинскаго обряда, не пилъ, напримѣръ, не-еврейскаго вина, не чесалъ волосъ въ субботу etc. (стр. 97). «Между всѣми еврейскими философами,—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—не было такого, который бы, подобно Мендельсону, былъ убѣжденъ, что *центр тяжести иудаизма заключается скорѣе въ устномъ ученіи (въ талмудѣ), чѣмъ въ писанномъ (въ библіи)*. И дѣйствительно, *все значеніе писаннаго ученія заключается лишь въ томъ, что оно послужило основаніемъ для устнаго*. Первое есть тѣло, второе же—душа, жизненная сила этого тѣла» (стр. 109). Такія недѣльныя и—скажемъ прямо—дерзкія мнѣнія (не говоря уже объ ихъ невѣрности по отношенію лично къ Мендельсону, которому авторъ ихъ навязываетъ) едва-ли кто другой позволилъ бы себѣ высказывать, за исключеніемъ самыхъ отъявленныхъ фанатиковъ и раввиновѣ-

ретроградовъ. Нечего говорить, что, стоя на такой ложной точкѣ зрѣнія, г. Ябець рѣзко осуждаетъ все просвѣтительное движеніе еврейской мысли въ новѣйшее время. Всякій свободомыслящій реформаторъ является у него шарлатаномъ (какъ, напримѣръ, Маркусь Герць, Гомбургъ etc.). Великій Гете признается лишь «распространителемъ разврата и нравственной распущенности» (стр. 104). Титанъ поэзіи находится въ немилости у ретрограднаго карлика за то, что Генриетта Герць, которую г. Ябець отъ души ненавидитъ и всячески поноситъ, была въ числѣ поклонницъ Гете и развивала его идеи въ своемъ салонѣ. Величайшимъ и идеальнѣйшимъ двигателемъ мысли въ новѣйшее время является у г. Ябеца,—кто бы вы думали?—виленскій гаонъ Илія. Авторъ не можетъ имъ нахвалиться и указываетъ на него, какъ на «esse homo!» (стр. 131). На Греца авторъ сердится потому, что онъ часто порицаетъ польскихъ евреевъ въ своей исторіи за ихъ невѣжество и ненависть къ свѣтскимъ наукамъ (стр. 132)... Впрочемъ, довольно заниматься бреднями г. Ябеца. Мы остановились на нихъ нѣсколько дольше, чѣмъ слѣдовало, для того лишь, чтобы показать, до какого delirium tremens доходитъ иногда модное ретроградное рвеніе.

Въ разсматриваемой нами первой части «Кнесетъ Исраель» мы не находимъ никакихъ другихъ крупныхъ и оригинальныхъ статей, кромѣ двухъ, сейчасъ названныхъ. Говоримъ: «оригинальныхъ», ибо есть еще одна крупная статья, но переводная. Это монографія о Іегудѣ Галеви д-ра А. Гаркави, помѣщенная въ «Восходѣ» за 1881 г. и, слѣдовательно, знакомая нашимъ читателямъ (Г. Рабиновичъ помѣстилъ переводъ этой монографіи, не назвавъ, однако, ея источника). Кромѣ этого, мы находимъ еще въ первой части мелкія біографическія замѣтки о С. Финнѣ, д-рѣ Рюльффѣ, депутатѣ австрійскаго рейхсрата д-ра Влохѣ, парижскомъ раввинѣ Цадокѣ Кофѣ и о Самуилѣ Монтегю, да еще нѣсколько мелкихъ экзегетическихъ замѣтокъ.

Второй отдѣлъ посвященъ критикѣ новыхъ литературныхъ произведеній. Въ общемъ онъ весьма разнообразенъ и интересенъ; разборы отличаются серьезностью и обстоятельностью. Весьма интересна также статья г. М. Кагана о П. М. Смоленскомъ и его дѣятельности, помѣщенная въ концѣ отдѣла. Статья написана толково, съ знаніемъ дѣла и въ тонѣ довольно утѣренномъ—обстоятельство, которое слѣдуетъ выдѣлать въ особую заслугу для сторбнника воинствующаго палестинифильства...

Отдѣлъ научно-литературный («Вегъ га-индрашъ», стр. 289—400)

отличается крайне однообразнымъ и подчасъ весьма скучнымъ содержаниемъ. Это — исключительно сухіе экзегетическіе отрывки, толкованія и объясненія къ разнымъ мѣстамъ талмуда и библіи, написанныя раввинскимъ стилемъ и въ раввинскомъ духѣ. Статья г. Ябеца о агадическомъ трактатѣ «Тана дебе-Эліягу» могла бы быть интересной, если бы была короче и толковѣ написана.

Въ стихотворномъ отдѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе переводъ Гейневскаго «Іегуда Галеви», сдѣланный г. *Манделькерномъ*. Особенности этого перевода прямо противоположны указаннымъ нами выше особенностямъ перевода той же поэмы, сдѣланнаго г. Лурье въ «Гамеасефѣ». Послѣдній крайне близокъ къ подлиннику и въ передачѣ содержанія и по стихотворной формѣ; первый же, — переводъ г. Манделькерна, — далекъ отъ подлинника въ обоихъ отношеніяхъ. Г. Манделькернъ позволяетъ себѣ очень часто значительныя уклоненія отъ подлинника и даже прибавленія къ нему. Стихотворная форма у него совсѣмъ иная, чѣмъ въ оригиналѣ. Эта форма хотя болѣе свойственна духу еврейскаго языка, но отличается крайнею шероховатостью и неблагозвучностью, не смотря на оковы рифмы, добровольно наложенныя на себя переводчикомъ. — Кромѣ этого, обращаютъ еще на себя вниманіе два прекрасныхъ лирическихъ стихотворенія г. *Іеалеля*: «Скитальцы» и «Молатва», содержаніе которыхъ взято поэтомъ изъ печальныхъ событій послѣдняго времени... Всѣ же прочіе стихотворенія, помѣщенныя въ разсматриваемомъ отдѣлѣ, не заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Беллетристическій отдѣлъ открывается переводомъ повѣсти г. Л. Леванды: «Гибѣ и милость магната», помѣщенной въ книжкахъ нашего журнала за 1885 г. За нимъ идетъ оригинальный рассказъ г. *Левонтина*: «Свѣтъ и тѣни: эпизодъ изъ жизни первыхъ палестинскихъ колонистовъ». Авторъ рассказываетъ о своихъ похожденияхъ, съ цѣлью покупки земли для колонистовъ, по населенной бедуинами части Палестины. Рассказъ самъ по себѣ довольно интересенъ, но да проститъ намъ авторъ, если мы позволимъ себѣ усомниться въ его достовѣрности, какъ «историческаго эпизода»; по крайней мѣрѣ, кромѣ Wahrheit, тамъ есть и Dichtung. Къ области вымысла мы относимъ, наприимѣръ, разговоръ автора съ однимъ вліятельнымъ англійскимъ миссіонеромъ, — разговоръ, въ которомъ г. Левонтинъ является уже слишкомъ храбрымъ, а миссіонеръ (пріютившій его и оказавшій ему очень важную услугу) — слишкомъ трусливымъ (стр. 582—583). — Не лишена интереса и пародія г. *Брилла*

«Мегилаъ Таанитъ», изображающая въ агадической формѣ нѣкоторыя современныя событія въ жизни русскихъ евреевъ. Разсказъ «Дѣтство» г. *Эпштейна*, не смотря на сквозящую въ немъ тенденцію, тѣмъ не менѣе написанъ тепло и искренно: это — лирика въ прозѣ. Содержаніе еѳу—картины хедерной жизни. Наиболѣе же характеренъ для разбираемаго нами «сборника» разсказъ г. *В. Ябца*, озаглавленный «Въ дорогѣ. Быль». Все содержаніе разсказа окрашено рѣзкою и далеко не симпатичною тенденціей. Авторъ съ нескрываемымъ самодовольствомъ разсказываетъ о цѣломъ рядѣ совершенныхъ имъ благонамѣренныхъ подвиговъ. Во первыхъ, онъ, остановившись на вокзалѣ желѣзной дороги, съ негодованіемъ отказался отъ употребленія не-еврейской пищи, которую вздумалъ угостить его попавшійся ему на встрѣчу старый пріятель. Это—первый подвигъ. Второй подвигъ былъ совершенъ авторомъ въ вагонѣ желѣзной дорогѣ, гдѣ онъ отказался уступить свое мѣсто просившей его о томъ дамѣ, предпочитая сохранить его для больного старика, вовсе не просившаго его о томъ. Сіе учинено г. Ябцомъ не спроста, а съ великою цѣлью—дабы «вѣдали языцы», что благонамѣренный еврей-талмудистъ, какинъ авторъ себя то и дѣло величаетъ, слѣдуетъ болѣе высокой и чистой нравственности, нежели супостаты, непризнающіе талмуда. Тутъ же онъ прочитываетъ своему сосѣду въ вагонѣ длинную лекцію о положеніи женщины по ученію талмуда etc. Третій подвигъ совершенъ былъ въ томъ же вагонѣ: авторъ, не стѣсняясь окружающихъ, повернулся къ стѣнѣ и прочелъ вечернюю молитву, причемъ непрестанно объяснилъ своему собесѣднику-христіанину, что, не сдѣлавъ этого, онъ не можетъ уснуть. Четвертый подвигъ учиненъ въ гостинницѣ, въ коей авторъ на время остановился. Тутъ онъ «надѣлъ филактеринъ» и совершилъ утреннюю молитву, а затѣмъ и омовеніе передъ обѣдомъ. Пятый подвигъ... но довольно: всѣхъ не счтешь. Разсказъ кончается ни съ того, ни съ сего... дифирамбомъ въ честь палестинскихъ колонистовъ партіи «Ваду», къ концѣ авторъ прямо обращается и призываетъ на ихъ головы благословеніе Вошіе. Неправда-ли, замѣчательный художественный и, главное, выдержанный разсказъ? Читая его, мы искренно жалѣли объ его авторѣ: это, повидимому, кающійся грѣшникъ, нѣкогда кушавшій и трэфное, и молитвами пренебрегавшій, и свободомысліемъ соблазнявшійся, теперь же исполняющій строгую эпитемію, состоящую въ исполненіи всѣхъ мельчайшихъ религіозныхъ обрядовъ, и не только исполненіи—но и прославленіи ихъ, въ публичномъ ихъ демонстрированіи, во посрамленіи

субстативъ и новѣрныхъ. Видно, грѣхи г. Ябеца были уже слишкомъ велики, если эпитетія такая строгая...

Слѣдующій отдѣлъ сборника г. Рабиновича представляетъ собою на-
лейдоскопъ самыхъ разнородныхъ статей. Тутъ есть и обширная корреспонденція изъ различныхъ городовъ, и очеркъ дѣятельности «Alliance Israélite» (весьма дѣльный, впрочемъ), и историческія статьи (г. Д. Казана о «Партіи Іугуды Хасида», и переводъ лекціи д-ра Берлинера объ исторіи еврейскаго гетто въ Римѣ — объ довольно интересныя), и біографіи нѣкоторыхъ знаменитостей, и воспоминанія объ И. Г. Оршанскомъ, написанныя его хедернымъ товарищемъ д-ромъ Ямпольскимъ. За этимъ идутъ опять мелкія замѣтки и объясненія по части талмуда, послѣ чего слѣдуетъ отдѣлъ, озаглавленный «Исслѣдователь Сіона», въ которомъ помѣщено нѣсколько очень интересныхъ статей объ исторіи палестинской колонизаціи и о нынѣшней ея состояніи. Въ слѣдующемъ затѣмъ «Отдѣлѣ искусствъ» обращаетъ на себя вниманіе обширная статья г. Танненбаума «Объ архитектурѣ синагогъ», снабженная многими рисунками.

Въ приложеніи къ сборнику, носящемъ названіе «Оротъ ме-офель», помѣщены нѣкоторыя небезынтересныя рукописныя рѣдкости. На первомъ мѣстѣ красуется грамматическій и лексикографическій комментарий къ первой главѣ книги Бытія, написанный «Виленскимъ гаономъ» Илию. Значеніе этого комментарія обусловливается скорѣе личностью его автора, чѣмъ собственными своими достоинствами. Далѣе помѣщено длинное стихотвореніе неизвѣстнаго поэта Нехеміа Каломини, жившаго въ началѣ XV вѣка. Стихотвореніе перепечатано съ рукописи, найденной въ бібліотекѣ Ватикана д-ромъ Берлинеромъ. Произведеніе средневѣковаго еврейскаго поэта имѣетъ характеръ философско-нравоучительный, но лишено поэтическихъ достоинствъ. Если мы назовемъ еще «Элизодъ изъ исторіи еврейской общины въ Ковнѣ», въ которомъ напечатана съ историческими поясненіями грамота, данная ковенскимъ евреямъ въ 1782 г. польскимъ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ, — то содержаніе «рукописнаго приложенія» къ «Кнесетъ Исраель» будетъ почти исчерпано.

Вобщемъ, по научно-литературному своему содержанію, сборникъ г. Рабиновича значительно уступаетъ «Гаасифу» г. Соколова; но онъ также имѣетъ и свои достоинства, къ числу которыхъ принадлежитъ разнообразіе статей по современнымъ вопросамъ. Съ другой же стороны, рѣзкая тенденціозность нѣкоторыхъ статей составляетъ одинъ изъ существенныхъ

недостатковъ ежегодника г. Рабиновича. Будемъ надѣяться, что въ слѣдующихъ томахъ своего изданія г. Рабиновичъ постарается по возможности устранить замѣченные нами недостатки, и что какъ его сборникъ, такъ и ежегодникъ г. Соколова, обогатятъ нашу литературу действительно серьезными трудами въ области еврейской исторіи и науки, которую до сихъ поръ почти совершенно пренебрегали наши періодическія изданія на древне-еврейскомъ языкѣ.

Критикусь.

НОВЫЙ КАТАЛОГЪ ЕВРЕЙСКИХЪ РУКОПИСЕЙ.

Catalogue of the Hebrew Manuscripts in the Bodleian Library and in the College libraries of Oxford, compiled by *Ad. Neubauer*, M. A., with forty Facsimilies. Oxford. MDCCCLXXXVI.

(Каталогъ еврейскихъ рукописей, содержащихся въ Бодлеянской библиотекѣ и въ библиотекахъ коллегій въ Оксфордѣ, составленный магистромъ *Адольфомъ Нейбауеромъ*, съ 40 таблицами факсимиле. Оксфордъ. 1886).

Всѣ, хоть немного знакомые съ еврейскою исторіей и литературой, навѣрно знаютъ, какое важное значеніе имѣеть богатѣйшее собраніе еврейскихъ рукописей, находящихся въ Оксфордѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ началось критическое изученіе еврейской исторіи и литературы, т. е. съ 20-хъ и 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія, взоры всѣхъ еврейскихъ ученыхъ были преимущественно устремлены на Бодлеянскую бібліотеку, и Оксфордъ сталъ чѣмъ-то въ родѣ Мекки для паллигриновъ еврейской науки, такъ что счастливы были тотъ изъ нихъ, кто хоть разъ въ жизни могъ попасть въ этотъ рай для ученыхъ. *Соломонъ Мункъ*, *Іосифъ Деранбургъ*, *Гиршъ Эдельманъ*, *Леопольдъ Дукесъ*, *Беръ Гольдбергъ* и мн. др. изъ евреевъ. *Гезеніусъ*, *Эвальдъ*, *Нётъ* и др. изъ христіанскихъ гебраистовъ—полными прогоршнями черпали изъ богатыхъ сокровищъ, собранныхъ въ Оксфордѣ. Къ основному фонду еврейскихъ рукописей, составленному изъ коллекцій оксфордскихъ собирателей и ученыхъ Бодлея, Гонтингтона, Лауда, Поккока и др., въ теченіе нынѣшняго столѣтія прибавились еще богатые собранія извѣстнаго раввина *Давида*

Оттенейма изъ Праги (чешской) *, отличнаго знатока-библіофила *Хаима Михеля* изъ Гамбурга **, извѣстнаго писателя *Исаака Самуила Реджіо* изъ Италіи и др. Рядомъ съ рукописными сокровищами славное Бодлеянское книгохранилище постоянно пріобрѣтало также и еврейскія печатныя книги лучшихъ и старѣйшихъ изданій, зная очень хорошо, что для удовлетворительнаго описанія первыхъ необходимо имѣть подъ рукой возможно полное собраніе послѣднихъ. Научный каталогъ печатныхъ книгъ, находящихся въ Оксфордѣ, составленный ветераномъ еврейской бібліографіи М. Штейншнейдеромъ и вышедшій въ 1860 году, показали, какими богатствами обладаетъ Бодлеяна въ этомъ отношеніи ***. Въ томъ же каталогѣ Штейншнейдеръ представлялъ также сжатый обзоръ (Conspectus) рукописей, который во многихъ отношеніяхъ исправлялъ и дополнялъ прежнія неудовлетворительныя описанія Урія, Николая и Пюзера, и еще усилилъ желаніе специалистовъ поскорѣе имѣть обстоятельное описаніе означенныхъ рукописей. Въ концѣ 60-хъ годовъ ученый трудъ этотъ былъ порученъ *д-ру Адольфу Нейбауеру*, который тогда уже хорошо отрекомендовалъ себя ученому міру нѣсколькими дѣльными трудами, между прочимъ, обзоромъ караимскихъ рукописей, находящихся въ здѣшней Императорской публичной бібліотекѣ †. Что попечители (Trustees) Бодлеяны не ошиблись въ своемъ выборѣ, бластательно доказываетъ появившійся въ концѣ прошлаго года каталогъ, заглавіе коего мы выписали выше, который составленъ весьма умѣло и удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ науки. Конечно, каждый ученый специалистъ найдетъ тамъ и сямъ нѣкоторыя мелкія погрѣшности по своему предмету, но иначе и быть не можетъ при такомъ обширномъ трудѣ, обхватывающемъ всѣ отрасли литературы. Впрочемъ, большую часть этихъ погрѣшностей авторъ самъ

* Каталоги этого собранія были навѣстаны въ Ганноверѣ 1764 (амонинно), въ Гамбургѣ 1782 Иер. Бресселая, въ Гамбургѣ 1826 Айзика Мена, и дополнение въ Лейпцигѣ 1843 Якова Гольденталя, но всѣ они неудовлетворительны. Подробности о судьбѣ этой бібліотеки у Цунца (Zur Geschichte, 235 сл.) и Гретца (Gesch. der Jud. X, 345).

** Описаніе этой бібліотеки появилось въ 1848 году въ Гамбургѣ подъ заглавіемъ: *Очеркъ Хаима, Katalog der Michael'schen Bibliothek*. Біографія собрата помѣщена Цунцомъ въ предисловіи каталога.

*** *Catalogus librorum Hebraeorum in Bibliotheca Bodleiana etc.*, Berolini 1860.

† Aus der Petersburger Bibliothek. Beiträge und Documente zur Geschichte des Karäerthums und der Karäischen Literatur, Leipzig. 1866.

исправилъ въ концѣ своего громаднаго труда. Въ обширномъ предисловіи авторъ даетъ сначала обзоръ всѣхъ публичныхъ и частныхъ коллекцій, вошедшихъ въ оксфордскія собранія, затѣмъ объясняетъ планъ, которому онъ слѣдовалъ въ своемъ сочиненіи, представляетъ перечень источниковъ, которыми онъ часто пользовался, и въ нѣсколькихъ таблицахъ сопоставляетъ старыя ММ всѣхъ собраній съ ихъ новыми номерами. Собственное же описаніе распределено по слѣдующимъ рубрикамъ: *Библейскія рукописи*, сперва описываются рукописи, содержащія одна только текстъ св. писанія, затѣмъ переводы библіи на разныхъ языкахъ. *Мидрашима* съ ихъ объясненіями. *Комментаріи и Суперкомментаріи* (важнѣйшіе библейскіе комментаторы, какъ, напр., Раши, Ибъ-Эзра и др., нѣтъ въ свою очередь многихъ толкователей) на библію. *Талмудъ*, галахическія и агадическія рукописи. *Литургія* по различнымъ ритуаламъ (по обрядамъ разныхъ странъ) съ комментаріями и переводами молитвъ. *Богословскія, философскія и этическія сочиненія*. *Маоретскія, грамматическія и лексикографическія книги*. *Каббалистика*, такъ называемыя теоретическая и практическая каббала. *Поэзія и ромоватная проза*. *Математика, астрономія и космографія*. *Медицина*. *Полемическая литература*. *Историческія рукописи*. *Эпистолярніи* и формуляры разныхъ документовъ. *Каталоги* и библиографическія записки. *Сборники* разнообразнаго содержанія. Всего въ Бодлеяѣ и въ другихъ мелкихъ оксфордскихъ бібліотекахъ, описаніе коихъ авторъ весьма кстати присоединилъ къ своему труду, свыше 2,600 рукописныхъ кодексовъ, а такъ какъ многіе кодексы содержатъ по нѣскольку рукописей, то количество всѣхъ рукописей—около 6,000.

Что касается библейскаго отдѣла, а именно рукописей, содержащихъ одна только текстъ св. писанія, то такъ какъ въ Оксфордѣ не нѣются особенно древнія рукописи, да крѣпомъ еще онъ достаточно извѣстенъ изъ сочиненій Кемпвелота и Бруна, то описаніе ихъ кратко; остальные же рукописи описаны г. Нейбауеромъ довольно обстоятельно. Къ тому, въ концѣ каталога помѣщены нѣкоторыя извлеченія изъ интереснѣйшихъ въ какомъ либо отношеніи рукописей. Конечно, весьма жаль, что этихъ извлеченій такъ мало, и при чтеніи описанія того и другого кодекса каждый ученый былъ бы очень благодаренъ за болѣе или менѣе объемистое извлеченіе изъ этихъ кодексовъ, выдающихъ въ кругъ его спеціальныхъ занятій. Но, во первыхъ, такая громадная работа, не относя-

ицая притомъ къ своимъ обязанностямъ каталогста, затянулъ бы на многое годы возмѣненіе съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемаго каталога. Во вторыхъ, д-ръ Нейбауеръ дѣлательно пополняетъ этотъ недостатокъ многочисленными сообщеніями изъ оксфордской сокровищницы въ разные еврейскія періодическія изданія. Эти сообщенія его печатались когда-то въ *Гамандъ*, *Галанонтъ*, *Ben-Chananja* Лева, *Jüdische Zeitschrift* Гейгера, *Orient und Occident* Бенфея, *Monatsschrift* Гретца, *Hebräische Bibliographie* Штейншнейдера, а въ настоящее время они печатаются преимущественно въ *Israelitische Letterbode* Руста и въ *Revue des études juives*, издающейся въ Парижѣ. Не желая утруждать вниманія читателей приѣздами, итѣющими интересъ только для специалистовъ, представимъ здѣсь перечень рукописей, итѣющихъ какое либо отношеніе къ Россіи и русскимъ евреямъ, разумѣется, насколько это явствуетъ изъ каталога д-ра Нейбауера.

Эти рукописи значатся въ каталогѣ подѣ №№ 213 (комментарій на Пятикнижіе, составленный въ *Руссін* въ 1122 году; см. нашу заѣтку въ «Восходѣ», январь 1882 г., стр. 245, гдѣ, на основаніи сообщенія г. Штейншнейдера, невѣрно напечатано въ 1124 году). 245 (Караимская рукопись съ приѣваніями на поляхъ Мордехая Трокскаго и Сянки-Исаака Луцкаго; приводятся *Халме Литва*, литовскіе учелы). 249 (рукопись принадлежала какому-то врачу *Соломону Маймону изъ Руссін*). 388 (примѣрка 1691 года Мейра бенъ Барухъ изъ *Вшиница* близъ *Брестъ-Литовска*). 413 (Комментарій на *Мишну* Р. Файшуна изъ *Замостья*). 738 (приѣванія и *Тешуботъ* на соч. *Туримъ* Р. Мордехая изъ *Брестъ-Литовска*). 740¹ (приѣванія на *Торе Деа* Р. Моисея изъ *Гродны*). 758 (приѣванія того-же, повидимому, Р. Моисея, Р. Мордехая Зискинда Ротенбурга, раввина города *Гродны*, и Р. Гарша изъ *Люблина*). 761² (0 *Халмиъ* Р. Замона изъ *Бреста*). 833 (*Тешуботъ* Р. Натана Ната изъ *Острога* и его современниковъ). 856 (примѣрка о продажѣ рукописи А. Фирковичемъ Юлию Беру изъ *Дубны* въ 1836 году). 891—893 (знаменное полемически-историческое сочиненіе *Амуріонъ* Караима Селемона изъ *Трока*). 923 (авторъ упоминаетъ своего учителя Р. Моисея изъ *Бреста*). 941 (сочиненіе Р. Беналея изъ *Кобрина*). 950 (соч. Р. Давида Клейфа изъ *Газенпота* въ *Курляндіи*). 947 (приѣванія, посланная авторомъ изъ *Заблудова* своему отцу Р. Іегудѣ Лейбу въ *Гродну* въ 1682 году). 989 (проповѣди Р. Израиля изъ *Бельгича*, впоследствии раввина въ *Люблинѣ*, читанныя между 1632 и 1678 годами, гдѣ много

касается современнѣмъ событій). 1106 (приписанъ Р. Монаха Мошея изъ Гомеля). 1185 (авторъ приводитъ слышанное имъ отъ раввина въ Слуцкѣ, Р. Нафтали Горца). 1311 (иного замѣтокъ, между ними и историческiя, крымскiя и трокскiя каранновѣ). 1321 (продажныя записи крымскiя и трокскiя-же каранновѣ). 1577 (упоминаетъ Р. Менра Бааль-Шема изъ Брестъ-Литовска). 1584¹ (писанъ рукою Р. Ильи бенъ-Менра изъ Вильны въ 1775 году; не автора-ли энциклопедическаго соч. Сеферъ Габеритъ?) 1623² (извѣстный италiанскiй каббалистъ Р. Матагiа Делакрутъ рассказываетъ какъ онъ со своими книгами спасся «въ страну Руссiю, въ городъ Брестъ», куда онъ переселился). 1649 (скопированъ въ Сандомирѣ въ 1467 году?). 1656 (соч. Р. Мошея изъ Литвы). 1669 (приписанъ копияста Р. Элканы изъ Люблина). 1674 (скопированъ съ рукописи Р. Зискинда, раввина въ Люблинѣ). 1737 (писанъ Р. Яковомъ изъ Тышовецъ въ Подольскѣ). 1756⁴ (замѣтки Р. Исаака Бiали изъ Литвы). 1758² (притѣчанiя Р. Лейба изъ Прилуки? см. также № 1912). 1794 (замѣтки Р. Мердекай Оверра и Р. Исаака изъ Люблина). 1805 (соч. Р. Юея Серкеа, раввина въ Брестѣ и автора соч. Байитъ Хаданъ—а не Перъ Хаданъ, какъ ошибочно напечатано въ каталогѣ,—и замѣтки Р. Самсона изъ Острополя). 1808 (скопированъ Р. Авраамомъ изъ Шебржешина, близъ Люблина, въ 1541 году). 1819⁵ (замѣтки Р. Исаака Бера изъ Кременица). 1863⁴ (соч. Р. Гееда, раввина въ Люблинѣ; скопирована въ Вильнѣ, въ 1651 году). 1913¹ (замѣтки, представленныя авторомъ Р. Исаид, раввиномъ въ Острогѣ). 1914 (соч. Р. Исаака Бера бенъ Р. Израиль Левн; въ предисловiи авторъ рассказываетъ о своемъ изгнанiи изъ Вильны русскими—въ 1648⁸ году или до время шведскихъ войнъ?). 2024² (послание Р. Давида Маковера противъ хасидской секты). 2061¹ (соч. Соломона изъ Нисвижа, т. е. извѣстнаго философа С. Маймона—въ каталогѣ ошибочно бенъ-Иезуда см. бенъ-Иезуша;—какъ это соч. Таалумотъ Хохма, такъ и упомянутое въ немъ Хешекъ Шеломо пропущены въ перечатѣ соч. Маймона у г. Ф. Мизеса, Geschichte der neueren Philosophie, стр. 98 прим., послѣднее соч. не упоминается также у Веникоба въ библиографическомъ лексиконѣ, о первомъ-же см. тамъ-же стр. 658, № 670). 2180² (авторъ рассказываетъ, что въ 1590 году онъ имѣлъ диспутъ съ Каранномъ въ Вильнѣ). 2237 (соч. Р. Іекутiаля бенъ-Іегуды, врача изъ Вильны; извѣстенъ какъ равносильный примеромецъ Р. Мошея Хаима Луццатто). 2277³ (замѣтки Р. Якова Темерльса изъ

Люблина). 2289⁹ (защитный ученика Р. Соломона Луря, между прочимъ отъ имени Р. Матаи изъ *Бреста*; *Делакруа*? См. выше къ № 1628). 2313 (въ концѣ рукописи наводятся названія растеній по латыни и *норусски*; любопытно было-бы видѣть хоть образчики, если они писаны еврейскими шрифтомъ). 2313 (защитанію и генеалогія Р. Пинхаса Кичелленбогена, гдѣ много данныхъ объ известномъ представителѣ еврейской общины въ *Брестъ-Литовскіи*, Р. Саулъ Валъ, котораго легенда сдѣлала чѣмъ-то въ родѣ альфа на часъ, королемъ польскимъ на ночь. Отрывки изъ этого соч. приведены въ соч. *Гедулатъ Саулъ Эдельманъ*). 2345 (соч. Р. Авраама изъ *Солхата*, въ *Крымѣ*). 2353 (соч. Каранна Самуила бенъ-Иосифа изъ *Чуфутъ-Кале*, также въ *Крымѣ*). 2369⁴ (железника Каранна противъ Р. Моисея изъ *Литвы*, гдѣ некоторыя данныя для біографіи послѣдняго; ср. мою статью объ изгнаніи евреевъ изъ Кіева, въ 1495 году; въ журналѣ *Гамиза*) *. 2386—1388 (сочиненія и монетныя крымскіе парайновъ). 2412 (соч. Трокскихъ, Луцкихъ и Крымскихъ Каранновъ). 2419 (каталогъ книгъ известнаго литовскаго бібліофила Р. Юсепа Вазенера). 2424⁷ (соч. Р. Пинхаса бенъ-Ильи изъ *Неснеца*). 2430 (стихотворное переложеніе кн. Эсэири вышеупомянутаго врача Р. Искутіоля изъ *Вильны*; г. Нейбауеръ не знаетъ, что оно было напечатано Иер. Беперомъ). 2494 (въ припискѣ идетъ рѣчь о *Киркертъ*, т. е. *Чуфутъ-Кале* въ *Крымѣ*).

Я представилъ здѣсь краткій и далеко неполный перечень *Russica*. Между тѣмъ въ Оксфордѣ, относительно говоря, немного соч. о Россіи и русскихъ евреяхъ, а объ остальныхъ странахъ Европы тамъ гораздо больше. Изъ этого читатель легко можетъ составить себѣ понятіе о богатствѣ содержанія рукописей, описанныхъ въ каталогѣ д-ра Нейбауера. Мы должны еще замѣтить, что особенно старательно и полно авторъ описываетъ литургическія сочиненія разныхъ ритуаловъ, равно какъ и поэтическія сборники (диваны) славныхъ еврейско-испанскихъ поэтовъ, чѣмъ идетъ на встрѣчу настоятельнымъ потребностямъ современной еврейской науки. Большое спасибо слѣдуетъ сказать г. Нейбауеру за весьма полезныя ука-

---

* Д-ръ Нейбауеръ мнѣ писалъ, что онъ убѣдился своими доводами и беретъ назадъ свое утвержденіе въ каталогѣ, будто этотъ Р. Моисей не одно лице съ известнымъ литовскимъ авторомъ.

затели, гдѣ особенно географическій обращаетъ на себя вниманіе тщательной обработкой.

Наконецъ, прекрасный подарокъ еврейской палеографіи составляютъ 40 роскошно и тщательно изданныхъ таблицъ факсимиле, которыя представляютъ наглядные образцы еврейской письменности различныхъ странъ Европы, Азии и Африки. Между ними находится (на 4-й таблицѣ) собственноручная приписка славнаго Маймонида съ подписью его имени, равно также автографы другихъ извѣстныхъ въ литературѣ лицъ. Таблица 39-я представляетъ снимокъ съ одной изъ изданныхъ мною слишкомъ два года тому назадъ фототипическихъ таблицъ неизвѣстнаго дотоле рода еврейской письменности по рукописямъ, находящимся въ Керчи.

Нельзя также не поблагодарить сердечно почитателей Бодлеяны и представителей *Clarendon Press* за большія затраты и роскошное изданіе столь полезной для еврейской науки книги.

Январь 1887.

А. Гаркави.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Donkiszot żydowski. Szkic z literatury żargonowej żydowskiej. Przez Klemensa Junoszę. Warszawa, 1885.

Szkapa (Die Klatsche); z oryginału, napisanego w żargonie żydowskim przez S. Abramowicza, przełożył i objaśnieniami uzupełnił Klemens Junosza. Warszawa, 1887.

Нигдѣ вопросъ объ улучшеніи участи еврейскаго населенія съ одной стороны, и отношеній его къ христіанскому населенію, съ другой, не имѣеть такого важнаго значенія, какъ въ Царствѣ Польскомъ и его бывшихъ литовскихъ провинціяхъ. Представляя собою весьма замѣтную часть всего населенія края, втиснутое теченіемъ исторіи въ тѣсныя рамки исключительнаго занятія торговлею, еврейское населеніе, почти цѣликомъ овладѣвшее этою важною отраслью народнаго труда, составляетъ нѣчто въ родѣ касты, въ рукахъ которой находится одно изъ важнѣйшихъ средствъ къ благосостоянію народа; въ то же время оно остается, какъ и пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, чуждымъ и нерѣдко даже враждебно настроеннымъ къ коренному христіанскому населенію, по прежнему говорить инымъ языкомъ, имѣеть иные идеалы и стремленія, даже отличается отъ него костюмомъ. Люди, дѣды и прадѣды которыхъ родились на одной землѣ, которые живутъ вмѣстѣ, дышать однимъ воздухомъ и имѣють полное право называться братьями, не только не пытаются 'другъ къ другу никакихъ <братскихъ> чувствъ', но хорошо даже, если относятся къ себѣ только, какъ къ <чужимъ>, а не какъ къ врагамъ. А между тѣмъ <чужими> оставаться не приходится: живя вмѣстѣ, сталкиваясь на каждомъ шагѣ, надо или брататься, или бороться. Едва-ли какойнибудь благомыслящій чело-вѣкъ усумнится въ томъ, что только первое полезно для обѣихъ сторонъ; но братьями могутъ быть только хорошо знающіе другъ друга. Эту истину сознавали многіе польскіе писатели; они неоднократно пытались изобра-

жить евреевъ, знакомить своихъ соотечественниковъ съ ихъ нравами, обычаями, мировоззрѣніемъ; — къ числу ихъ принадлежали наиболее выдающиеся таланты, начиная съ Нѣмировича, который въ своемъ романѣ «Lejbe i Sioga» изобразилъ борьбу прогрессистскихъ идей между польскими евреями, и кончая г-жею Оржешко, которой, несомнѣнно, лучше другихъ удалось воссоздать обликъ еврея. Въ послѣднее время, мелодичный, талантливый писатель, г. Шаянскій, именуемый подъ псевдонимомъ Юноши, поставилъ себѣ задачей изучить бытъ евреевъ какъ можно точнѣе, чтобы затѣмъ ознакомить съ ними польскую публику. Съ этою цѣлью онъ научился хорошо употребляемому евреями жаргону и сталъ читать написанныя на немъ сочиненія. Его поразило, что въ этой литературѣ есть авторы «съ крупнымъ талантомъ, превосходные наблюдатели, основательно изучившіе жизнь своихъ единовѣрцевъ и отличающіеся глубиною мыслей». Съ произведеніями этихъ авторовъ, которые «часто изображаютъ съ фотографическою точностію образъ жизни евреевъ, ихъ достоинства и недостатки, пороки и добродѣтели», онъ рѣшился ознакомить польскую публику, дабы «открыть до нѣкоторой степени завѣсу, скрывающую евреевъ, и дать возможность узнать не купца, не фактера, но еврея». Въ результатѣ явились двѣ поименованныя выше книжки, изъ которыхъ первая («Еврейскій Донъ-Кихотъ») представляетъ собою частью переводъ; частью пересказъ одной изъ повѣстей Абрамовича (Кандуръ масозей Бенъяминъ Гамлинникъ, десь гейстъ ди нойнъ одеръ а райзебешрайбуингъ фунъ Бенъяминъ денъ дриттенъ и т. д.), а другая — точный переводъ другой повѣсти.

Въ примѣчаніяхъ къ «Еврейскому Донъ-Кихоту», г. Юноша излагаетъ подробно какъ побужденія, заставившія его приняться за изученіе еврейской жаргонной литературы, такъ равно и свои взгляды на значеніе этой литературы.

«Если, глядя на рѣку, у насъ явится желаніе узнать, откуда берется такая масса воды, то мы отправляемся вверхъ, противъ теченія, до ея истоковъ, и такимъ образомъ удовлетворяемъ нашу любознательность; подобнымъ же образомъ, если намъ желательно изучить такъ называемый «еврейскій вопросъ», то мы должны направиться къ его источникамъ, въ наши небольшія мѣстечки. Можетъ быть, кое мнѣніе покажется кому нибудь страннымъ, но я полагаю, что пережевываніе того, что пишется, напримеръ, Роллингъ, заядный антисемитъ, а равно того, что появляется въ-подъ пера д-ра Елисека, раввина и, пошатно, сейнтофила по принципу, не имѣетъ прямого отношенія къ нашему, мѣстному еврейскому во-

пресу. Какое намъ дѣло до всѣхъ этихъ политическнхъ и газетныхъ «Judenhetze», преисходившихъ изъ предѣловъ нашей страны, когда здѣсь, на нашей землѣ, нѣтъ такой массы невѣжественныхъ, погрязшихъ въ обскурантизмѣ евреевъ, когда въ нашей собственномъ общественномъ организмѣ существуетъ такая вѣчно гноящаяся рана! Можетъ быть, это эгоизмъ, но, право, своя рубашка ближе къ тѣлу и вмѣстѣ того, чтобы глядѣть на чужіе беспорядки, гораздо лучше и практичнѣе привести все къ порядку у себя, по крайней мѣрѣ настолько, насколько это возможно. И вотъ, вмѣстѣ того, чтобы витать въ сферѣ теоретическихъ утопій и иллюзій, проклиная евреевъ, ихъ ловкость, пронырливость, способность ко всякаго рода гешефтанъ, да разводить жалобы на нашу неспособность, не лучше-ли приближаться къ нимъ и хорошо узнать ихъ? Точное знакомство съ врагомъ (хотя, правда, ихъ не хотѣлось назвать евреями врагами), съ его силами и средствами, можетъ считаться половинною побѣдой.

«Что же мы сдѣлали въ этомъ направленіи? Хорошо-ли мы знаемъ евреевъ? Скажемъ правду. Съ евреями (я говорю только о невѣжественной еврейской массѣ) насъ связываетъ только гешефтъ. Мы обращаемся къ нему только тогда, когда намъ нужно продать что нибудь или занять денегъ; мы знаемъ его, какъ дѣльца, лодкаго, юркаго, подчасъ эксплуатирующаго насъ, но имъ вовсе незнакомы съ нимъ, какъ съ человѣкомъ. Мы нѣдемъ для него улыбку сожалѣнія или презрѣнія, но мы не заглядываемъ глубже въ его жизнь, не спрашиваемъ, отчего онъ такой, какинъ мы его видимъ, и какинъ способно можно сдѣлать его такинъ, какинъ онъ долженъ быть. Мы говоримъ, что еврей—обманщикъ, эксплуататоръ, ростовщикъ, пьяжка, паразитъ—это по большой части правда, но, говоря это, мы не подумаемъ, что еврей—тоже человѣкъ.

«Да, человѣкъ, прежде всего человѣкъ, точно такой же «сынъ земли», какъ и всѣ мы, съ такими же способностями и склонностями, какъ и мы, только съ другой исторіей, съ особеннымъ воспитаніемъ. Едва лишь онъ началъ ползать, на него стали дѣйствовать вліянія иного рода, чѣмъ на насъ, и отъ этого онъ не похожъ на насъ, онъ намъ чужой. Онъ обскурантъ и фанатикъ, какъ улитка, сидящая въ своей раковинѣ, неспособный къ производительному труду, потому что его не приучили къ нему; не знающій своихъ ближайшихъ сосѣдей, такъ какъ его отдѣляютъ отъ нихъ воздвигнутая столѣтіями китайская стѣна религіи, языка и предразсудковъ; онъ эксплуататоръ, кабатчикъ, ростовщикъ или факторъ, потому

что онъ не умѣетъ зарабатывать нинѣшъ способомъ куска хлѣба *, жить же ему нужно. Да; наши города и мѣстечки — это источники еврейскаго вопроса, мѣстопробываніе этихъ «паразитовъ» или, точнѣе говоря, нищихъ послѣдняго разряда, гнѣздящихся въ отаратительныхъ перлахъ — по три семьи въ одной комнатѣ, — живущихъ картофелемъ и лукомъ, только одинъ разъ въ недѣлю выдающихъ кусокъ говядины. А между тѣмъ, они тоже люди и, какъ всѣ остальные, живутъ право жить».

«Не знаю, есть-ли другой вопросъ, о которомъ говорили бы и писали у насъ столько, сколько объ еврейскомъ вопросѣ; къ сожалѣнію, то, что говорятъ и что пишутъ, приноситъ весьма мало пользы. А между тѣмъ, это крайне важный предметъ. Сотни тысячъ людей живутъ между нами, на одной землѣ, изолированными, въ значительной степени непродуцируемо, принося вредъ обществу. Что съ ними сдѣлать? Вѣдь малая же истребкѣ до единого, или же нагрузить на какую нибудь исполнскую телегу и затѣмъ опрокинуть во владѣніяхъ сосѣда; не такими образомъ въ XIX столѣтіи разрѣшаютъ соціальныя вопросы. Необходимо просвѣтить ихъ, образовать, проинструктировать и нѣкоторыми образомъ заставить приняться за продуктивный трудъ».

Авторъ видитъ крайнія трудности въ достиженіи этой цѣли, такъ какъ влияние христіанъ на еврейскія массы совершенно ничтожно, просвѣщенныя евреи не больше, а между тѣмъ необходимо, чтобы молодое поколѣніе получило надлежащую подготовку къ продуктивному труду, а не къ мазериному, какъ бывало до сихъ поръ, прозябанію, которое, вдобавокъ, съ каждымъ годомъ становится все труднѣе, «во-первыхъ, потому что еврейскій пролетаріатъ все увеличивается, а во-вторыхъ, потому, что въ настоящія, трудныя времена и христіанское населеніе больше считается съ копѣйкой и не только туго поддается факторамъ и торговцамъ, но и само берется за торговлю, которая до сихъ поръ почти исключительно находилась въ еврейскихъ рукахъ». Вслѣдствіе этого, «въ мѣстечкахъ, среди еврейскаго населенія, постоянно возрастаетъ страшная нищета, заставляющая еврейское населеніе въ отчаяніи хвататься за не всегда позволительныя средства для поддержанія своего существованія. Смѣло можно утверждать, что если бы еврей не умѣли питаться «геомпатически», то

---

* Г. Юнша съ чистою совѣстью могъ бы здѣсь прибавить «еще и потому, что ему навѣи и не дадутъ возможности иначе зарабатывать», но не надо забывать, что г. Юнша—все же сотрудникъ пресловутой «Roly». *Ред.*

трья ихъ уже уверла бы голодною смертыю. Это вовсе не парадоксъ, но частая правда; кто хочеть убѣдиться въ этомъ, пусть заглянетъ въ наши грязныя, замотѣвшія нѣсточка и собственными глазами увидить эту ужасную нищету. Горшокъ картофеля съ солыю, кусокъ хлѣба, лукъ и рѣдька— вотъ что составляютъ дневную пищу семейства, состоящаго изъ нѣсколькихъ человекъ. Карен ѣдятъ вообще мало, изумительно мало, и живутъ въ такой нищетѣ, что тотъ, кто не видѣлъ ея собственными глазами, не можетъ имѣть о ней ни малѣйшаго понятія»...

«Поэтому все, что направлено къ просвѣщенію этихъ несчастныхъ, къ разсвѣнію окружающей ихъ тьмы, воощренію ихъ къ труду, ремесламъ и т. п., слѣдуетъ считать полезнымъ дѣломъ, которое надо отнести въ разрядъ общественнымъ заслугъ».

По мнѣнію автора, такимъ полезнымъ дѣломъ слѣдуетъ считать литературу, писанную на жаргонѣ и созданную образованными евреями, которые, искренно любя своихъ единовѣрцевъ, желаютъ посредствомъ ея провести въ массу здравыя идеи, искоренить предрасудки и поощрять ихъ къ честному труду. Полемизируя съ варшавскимъ «*Izraelitą*», г. Юбша доказываетъ, что его сѣтованія по поводу существованія и даже развитія жаргонной литературы, должествующей, якобы, укрѣпить употребленіе еврейско-нѣмецкаго жаргона, волюнъ неосновательны, такъ какъ это «развитіе полезно и оно же спешествуетъ уничтоженію жаргона», и такъ какъ литература на жаргонѣ «въ настоящее время представляетъ единственное орудіе въ борьбѣ съ невѣжествомъ», которыми могутъ пользоваться отдѣльныя личности. Авторы, пишущіе въ жаргонѣ, пріогочиваютъ евреевъ къ труду... Въ жаргонной литературѣ можно найти поразительно гѣрныя картины нищеты, въ какой живетъ семья еврея, проводящаго всю жизнь въ мезельнѣ, и ѣдную сатиру на такихъ отцовъ, а также поученіе, что религія обязываетъ родителей заботиться объ участи дѣтей. Нѣтъ такого еврейскаго суевѣрія и предрасудка, съ которыми не боролись бы эти авторы, котораго они не опровергали бы, доказывая его нелѣпость. Они борются систематически и неутомно съ системою воспитанія дѣтей, принятою въ настоящее время невѣжественною массою. Невѣжество меламедовъ, ужасное состояніе хедеровъ, невозможный, съ педагогической точки зрѣнія, способъ изложенія предмета, безчеловѣчное обращеніе съ дѣтьми, подавленіе въ нихъ всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ—все это представлено въ книгахъ, существующихъ на жаргонѣ, до такой степени правдиво и рельефно, что невозможно повѣрять, чтобы еврей, прочитавъ подобный

рассказъ, не ужаснулся и не созналъ бы печальной участи своихъ дѣтей. Эти писатели вовсе не скрываютъ недостатковъ своего племени; они говорятъ свободно обо всякомъ подломѣ, низкомъ поступкѣ, яркими красками описываютъ шпионовъ, мошенниковъ, ростовщиковъ и прочихъ эксплуататоровъ чловѣческаго несчастія, бросаютъ имъ въ лицо тяжкія обвиненія и, сравнивая соблюдаемыя ими до малѣйшихъ подробностей релігіозныя обрядности съ ихъ дурными дѣлами, говорятъ имъ безъ церемоній: «вы—набожные разбойники, «кошпрные» живодеpy и воры».

«Всякій долженъ признать, что нельзя не обращать должнаго вниманія на эти голоса; напротивъ, необходимо содѣйствовать ихъ распространенію. Одна хорошая, съ честною тенденціей, книжечка, написанная на жаргонѣ, можетъ принести пользы больше, чѣмъ сотни прекрасныхъ статей объ «еврейскомъ вопросѣ», статей, которыя могутъ быть весьма дѣльными, но которыхъ не станетъ читать ни одинъ еврей, нуждающійся въ реформѣ»...

«Для насъ, христіанъ, жаргонная литература имѣетъ еще то значеніе, что даетъ возможность познакомиться со многими сторонами еврейской жизни, совершенно неизвѣстными; при ея помощи возможно будетъ опровергнуть не одно предубѣжденіе, разъяснить не одинъ темный вопросъ и вообще выработать болѣе точное понятіе объ евреѣ, какъ чловѣкѣ»...

«Жаргонные писатели желаютъ поучать евреевъ: я же, пользуясь ихъ трудами, хочу познакомить съ жизнью евреевъ наше христіанское общество. Вотъ какую цѣль я избралъ и, насколько имѣю позволять силы, буду стремиться къ ней, такъ какъ я убѣжденъ, что трудъ мой принесетъ пользу. Пусть идеалисты носятся въ сферѣ утоній и изучаютъ разныя теоріи; я желаю занять мѣсто, не занятое до сихъ поръ, желаю посвятить время и трудъ спеціально изученію нашихъ польскихъ Мошекъ и Давидовъ, такъ какъ я убѣжденъ, что принесу хоть небольшую пользу и христіанскому населенію, и этимъ Мшкамъ».

Эти слова вполне характеризуютъ тенденцію труда г. Ювѣши, которая проводится послѣдовательно, въ особенности на страницѣхъ «Донкихота», представляющаго собою, какъ было упомянуто выше, сокращенный пересказъ повѣсти Абрамевича. Въ притѣчаніяхъ, которыми г. Ювѣша снабдилъ свой трудъ, видно превосходное пониманіе и крайне симпатичное отношеніе къ автору, краткая біографія котораго помѣщена въ предисловіи.

Повѣсть «Кадуръ масозейсъ Беньяминъ гаплиши» нѣсколько напоминаетъ собою знаменитое твореніе Сервантеса: то же самоотверженное служе-

не героя повѣсти оладѣвшей имъ идеѣ, тотъ же практичный оруженосецъ-сигитникъ, тѣ же, наконецъ, симпатичныя черты характера героя, которыя, не смотря на всю нечѣвность его поступковъ, все-таки заставляютъ читателя сочувствовать бѣдному, непрактичному нечтателю, который, не замѣчая ни прелеостей, ни опасностей, стремится къ заветной цѣли, сіяющей вдали подобно путеводному огню, и падаетъ, подобно ночной бабочкѣ, опалившей себѣ крылья, въ грязь, изъ которой обыкновенно вытаскиваетъ его практичный оруженосецъ. Абрамовичъ, по опредѣленію г. Юноши, является въ этой повѣсти превосходнымъ жанровымъ писателемъ, реалистомъ съ благороднымъ (*szlachetnie pojęciem*) направленіемъ; въ-за заплаканнымъ капотомъ, грязнымъ домомъ, рѣдкя, лука и пастернаковыхъ цимесовъ проглядываетъ трогательное чувство поэта, который жемаль бы облагородить этихъ, осифиваемыхъ имъ жалкихъ людей, возмыслить ихъ, прижать къ груди; онъ сибѣтся и страдаетъ; азвить, по «азвить сердцемъ»; будучи въ умственномъ отношеніи несравненно выше всей этой толпы, этихъ дипломатовъ, подвергающихъ строгой критикѣ политику Кира и Александра Македонскаго, этихъ ученыхъ, разсуждающихъ о «рѣкѣ Самбатин» и несуществующемъ звѣрѣ «Пиннеротерѣ», онъ старается снизойти до толпы, заговорить понятнымъ, доступнымъ ей языкомъ и такимъ путемъ оказать на нее полезное воздѣйствіе».

Въ повѣсти «Ди Кляче» * подъ видомъ аллегоріи изображенъ весь еврейскій вопросъ. Полуумный Сруликъ понимаетъ языкъ животныхъ и бесѣдуетъ съ несчастной тощей клячей, которую бьютъ и гонять ото всюду; кляча эта—это еврейскій народъ, разсыянный и столько столѣтій странствующій по лицу земли. Въ этой аллегоріи, изоблающей юморомъ и сарказмомъ, читатель встрѣчаетъ ясныя, трезвыя идеи. Форма этого сочиненія нѣсколько старомодна, но этотъ недостатокъ вознаграждается несравненнымъ юморомъ и глубиною мысли, которую слѣдуетъ искать подъ личною аллегорію.

Трудъ г. Юноши весьма симпатично встрѣченъ польскою читающею публикой. Оба вышеупомянутые перевода были напечатаны сначала въ журналѣ «*Wędrowiec*» и затѣмъ изданы отдѣльными книжками. Критика выразила желаніе, чтобы г. Юноша продолжалъ знакомить польское общество съ подобными своеобразными и въѣтъ съ тѣмъ талантливыми произведеніями еврейскихъ писателей.

А. Онуфровичъ.

* Ди Кляче одеръ Цааръ баали ханьмъ.

ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ.

Современные евреи и древній Іовъ.—Человѣколюбіе среднихъ вѣковъ и великодушіе Гамана относительно „души“ евреевъ.—Бессмертіе этой души.—Вожделѣніе о Таннеровской воздержности евреевъ.—„Земскій“ характеръ борьбы съ евреями.—Причины ея интенсивности.—Замѣна въ ней однихъ мотивовъ другими.—Услуга въ этомъ дѣлѣ науки.—Необыкновенная ладкость къ статистическимъ даннымъ.—Заступничество русскихъ людей за евреевъ.—Одинаковые мотивы вражды и дружбы.—Характеръ официальныхъ распоряженій.—Проведеніе его въ разныхъ вѣдомствахъ.—Roug la bouche: о харьковскихъ гуманистахъ и бѣшеныхъ собакахъ.

Одно изъ самыхъ глубокомысленныхъ сказаній Ветхаго Завѣта повѣствуетъ о благочестивомъ и счастливомъ Іовѣ, котораго, по наущенію сатаны, Богъ рѣшилъ испытать полною чашею горя. Сатанѣ дана была власть надъ всѣмъ, что принадлежитъ Іову, *кромя души его*,—и праведникъ лишается одного за другіе всѣхъ благъ жизни, любимыхъ дѣтей и всего добра, нажитаго имъ,—тѣло его покрывается самими злокачественными язвами, но Іовъ остается живымъ и крѣпкимъ въ своей вѣрѣ въ добро, чтобъ въ концѣ концовъ дожидаться справедливой награды за свою правду и перенесенныя страданія.

Сказаніе это вспоминаешь не разъ, когда подумаешь о современной жизни русскихъ евреевъ. Слѣдя за непрерывной цѣпью стѣсненій, которыя подвигаются теперь евреи, у которыхъ отнимаютъ одно за другіе самые дорогія блага жизни—кажется, будто чья-то невидимая, но тяжелая рука производитъ мучительные опыты надъ народомъ, уже такъ много испытаннымъ, на чьемъ тѣлѣ не осталось, можетъ быть, уже ни одного живого мѣста, но который все-таки сохранилъ свою душу для лучшихъ дней далекаго будущаго. Въ средніе вѣка виѣсть со всѣмъ добромъ очень часто у евреевъ забирали и душу,—вѣрно изъ жалости, чтобъ избавить несчастныхъ отъ такой непосильной ноши, какъ мыслящая и чув-

ствующая душа. Въ такомъ же человеколюбивомъ духѣ была выработана антисемитическая программа внутренней политики первымъ министромъ короля Агасвера, Гаманомъ, откровеннымъ, прямодушнымъ и смѣлымъ человекомъ. Кромѣ того, въ средніе вѣка страданія нашихъ предковъ, смягчались живою вѣрою, за которую они охотно умирали, и несомнительными надеждами на будущее блаженство. Но во сто кратъ горше участь нашего маловѣрнаго поколѣнія, безъ помощи и утѣшенія истиннаго религіознаго чувства, безъ твердаго упованія на будущее, часто недоумѣвающаго, *за что* его причисляютъ къ лицамъ, подлежащимъ гоненію? При такихъ условіяхъ жизнь дѣйствительно становится непосильнымъ бременемъ. Но—бессмертна душа еврейскаго народа, и онъ хранитъ историческимъ завѣтомъ—существовать во что бы то ни стало, на зло всѣмъ врагамъ, до той поры, когда всѣ народы забудутъ и престать другъ другу свои прежнія преступленія и ошибки, чтобъ заключить вѣчный братскій союзъ труда, мира и любви.

Въ этой-то непоколебимой нашей надеждѣ мы потеряемъ новую силу, необходимую для того, чтобы устоять противъ всѣхъ многочисленныхъ, со всѣхъ сторонъ направленныхъ ударовъ на нашу народную и частную жизнь и настойчивыхъ стараній отнять у евреевъ осѣдность и образованіе, земледѣліе и ремесла, торговлю и промышленность, словомъ — всѣ необходимыя условія къ существованію. Въ наше время мало кто вѣрять въ чудеса; свѣдущіе въ этомъ дѣлѣ богословы даже увѣряютъ, будто нашъ грѣховный вѣкъ не достоинъ зрѣть чудеса, которыя потому и не совершаются, — что весьма правдоподобно. Тѣмъ не менѣе наши антисемиты, повидимому, охотно допускаютъ, что евреи, лишенные всѣхъ источниковъ къ жизни, превзойдутъ доктора Таннера въ искусствѣ долго обходиться безъ пищи и питья и будутъ все-таки сыты и довольны, будутъ безъ недоумковъ исправлять всѣ общественныя и государственныя повинности, мечтая лишь о сладкой, — по словамъ Горация, — смерти за отечество на полѣ брани. Только при такомъ предположеніи и возможно осуществить ту программу по еврейскому вопросу, которая теперь выработана нашими антисемитами, и которую на нинио-законныхъ основаніяхъ стараются осуществить разные наши провинціальныя дѣятели. Читатели припоминаютъ, конечно, тѣ безподобные примѣры истолкованія законовъ, которые мы приводили во множествѣ и предъ которыми всѣ хитросплетенія талмудистовъ отличаются дѣтскою простотою и незатѣяливостью. Если такъ, кинь образомъ юридическая сторона вышеозначенной программы упрощена

до крайности полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ истинной законности и правотѣрности, то и осуществленіе ея облегчено совокупными трудами самихъ гражданъ. Въ этомъ и заключается вся горечь нынѣшняго положенія евреевъ. Въ старину гоненіе евреевъ было дѣломъ приказнымъ, чиновничьимъ, и какъ всё дѣла, вѣдомыя приказами и канцеляріями исполнялись безъ увлеченія, больше для вѣщности, чѣмъ во существу, допускало просьбы, вліянія, подмазыванія и всевозможные другіе отводы тѣхъ ударовъ, которые направлялись на голову евреевъ, но не всегда достигали цѣли. Совсѣмъ не те теперь, когда «борьба съ евреями» сдѣлалась «земскимъ дѣломъ», перешла изъ столицы въ провинцію, изъ приказовъ и канцелярій въ мѣстныя общественныя и сословныя учрежденія, которыя взялись за новое дѣло съ рвеніемъ, отличающимъ вольныхъ дѣятелей отъ чиновниковъ, людей заинтересованныхъ отъ незаинтересованныхъ. А вотъ и другая весьма важная причина столь сильнаго преуспѣванія жидовства въ наши дни. Въ былое время вражда къ евреямъ питалась соображеніями преимущественно религіозными и національными, правда, довольно возвышенными, но не дѣйствующими такъ сильно и непосредственно на чувства и поступки гражданъ. Теперь же, вполне сообразно корыстному духу нашего времени, жидовство имѣетъ болѣе низменныя, но за то болѣе дѣйствительныя побужденія и цѣли, — именно «порадѣть родному теловѣку», а еще лучше самому себѣ, вѣсто еврея. Неравная борьба за существованіе между вооруженнымъ съ ногъ до головы, столь многочисленнымъ общимъ населеніемъ и почти беззащитнымъ, малочисленнымъ населеніемъ еврейскимъ, ведется итъ-за *хлебныхъ* интересовъ. Во имя ихъ, сосѣди евреевъ рѣшились шагъ за шагомъ отвоевать у нихъ всѣ позиціи, завоеванныя немощными трудами дѣлаго ряда поколѣній, въ теченіе вѣковъ пребыванія въ Россіи. Если въ старину руководствовались началомъ, что отъ евреевъ, какъ враговъ Христовыхъ, нежелательна интересная прибыль, — то предполагалось, что такую прибыль можно будетъ извлечь только изъ дружбы съ евреями. дозволявъ имъ заниматься торговлею и промышленностью. Теперь же научились извлекать еще болѣе интересную прибыль изъ вражды съ евреями, отнятая у нихъ, подъ тѣми или другими предлогами, плоды вѣковыхъ трудовъ, все, что ими достигнуто послѣ страшныхъ усилій въ общественномъ и государственномъ положеніи, въ образованіи и матеріальной обезпеченности. Ни одно земское и народное дѣло не идетъ у насъ такъ успешно, какъ вытѣсненіе евреевъ изъ равныхъ областей труда съ тѣхъ поръ, какъ оно перешло въ руки мѣстныхъ свѣдущихъ людей изъ гг.

представителей всѣхъ промысловъ. Сельскій кабатчикъ покушаетъ у общества приговоръ о высылкѣ соперника-еврея; гг. ремесленники изобрѣли новое цѣльное ремесло — «сѣдять» за евреями-ремесленниками и выискивать предлоги къ лишенію ихъ ремесла, оштрафованію и инымъ притѣсненіямъ; гг. торговые депутаты весьма охотно посвящаютъ свое служебное время и усердіе обшариванію еврейскихъ магазиновъ, составленію актовъ съ ихъ послѣдствіями: штрафами, закрытіемъ торговли и т. д.; городскія управы старательно выискиваютъ ищры къ сокращенію выдачи торговыхъ правъ и документовъ евреямъ; земства, дуны и частныя общества запираютъ двери своихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній предъ еврейскими дѣтьми и вообще всячески удаляютъ «еврейскій элементъ», въ видѣ врачей, ветеринаровъ, фельдшерницъ и т. п. Но зачѣмъ я стану приводить дальнѣйшіе прищры? Себялюбие и корытолюбие гораздо изобрѣтательнѣе и разнообразнѣе доблести, — мысли и перу не угнаться за ними. Я преимущественно упоминаю объ «автономныхъ» дѣятеляхъ жиждства, какъ о явленіи болѣе новомъ и знаменательномъ въ нашей общественной жизни... Впрочемъ, «автономія» въ дѣлѣ жиждства выражается не только въ дѣятельности нашихъ учреждений ищнаго самоуправленія, — но также и въ томъ содѣйствіи сверхъ своихъ обязанностей, которое добровольно принимаютъ на себя ищные представители и дѣятели разныхъ вѣдомствъ, наприщръ, учителя и воспитатели юношества, отъ руководителя сельской школы до ищкихъ ординарныхъ профессоровъ, которые всѣми неправдами удаляютъ «еврейскій элементъ» отъ науки и грамоты. Все это убѣждаетъ, какъ удачно было обращеніе въ обществу со стороны народныхъ политиковъ.

На помощь новымъ «дѣтелямъ» явилась наука, статистика, достигшая теперь въ Россіи такого развитія и разщвѣта, о которомъ не смѣлъ мечтать самъ основатель ея — Кетле. Правда, направленіе нашей нынѣшней статистики ищколко односторонне, такъ какъ, повидимому, главнѣйшая задача ея состоитъ въ томъ, чтобъ возможно точнѣе пересчитать число евреевъ, которые еще вѣдятъ хлѣбъ полнымъ ртомъ и, переписавши ихъ, довести о томъ немедленно до надлежащаго сщдвѣнія для принатія надлежащихъ ищръ къ прекращенію столь вопіющаго нарушенія порядка. Направленіе это односторонне, признаю я, — но зато исполнѣнѣе и блесообразно, а это главное. И вотъ, то и дѣло читаешь и удивляешься тому ненасытному любознанию, тому нестерпаемому терпѣнію, съ которыми собираются и сообщаются даже всякаго рода «справки», «сщдвѣнія», «статистическія данныя», «таблицы» и какъ тамъ

накъ еще называютъ—и все о тѣхъ же евреяхъ, въ разныхъ видахъ и съ безконечно-разнообразныхъ точекъ зрѣнія, складывающихся, однако, въ одномъ фокусѣ, въ коемъ сосредоточена упомянутая дѣль. Мыъ сдается, что въ настоящее время на всей русской землѣ уже не найдется ни одного еврея, который, съ той или другой «точка зрѣнія», не заключался бы въ одной или нѣсколькихъ изъ «статистическихъ данныхъ» или «таблицъ», и не входилъ бы въ планъ какой-либо будущей «реформы» или «уваженія». Право, русскіе евреи могли бы гордиться предъ лицомъ своихъ европейскихъ собратьевъ тѣмъ безпримѣрнымъ вниманіемъ, которымъ ихъ окружаютъ теперь любопытные взоры россіянъ еслибы, по крайней мѣрѣ, на одну минуту, можно было бы впасть въ забвеніе или ошибку на счетъ мотиваго такого любопытства. Къ сожалѣнію, иллюзія здѣсь немаловажна для лицъ, мало-мальски знакомыхъ съ исторіей статистики въ Россіи. Исторія сія весьма своеобразна и поучительна именно тѣмъ, что благодаря способу, которымъ ею пользовались, статистика была и считалась искони вѣрнымъ бичемъ для населенія. Извѣстно, какое значеніе имѣли переписи и другіе статистическіе опыты Петра Великаго въ дѣлѣ распада. И дѣйствительно, каждый статистическій опытъ обыкновенно приносилъ какую-либо новинку изъ области натуральныхъ или денежныхъ новинностей, — а въ глазахъ простаго народа — пакость, безъ которой было бы очень хорошо обойтись. Но едва-ли кому еще россійская статистика приносила столько невзгодъ, сколько еврейскому населенію: въ былыя времена каждая перепись, свѣдѣніе и т. п. означали лишь усиленную рекрутчину, поборы, либо новыя и новыя ограниченія и запрещенія. Но и новѣйшая статистика, повидимому, нисколько не дружественнѣе имъ; напротивъ, судя по широтѣ ея задачи, всеобъемлющей программѣ, свободнымъ пріемамъ и независимости отъ науки, — она весьма опасный врагъ. Впрочемъ, будемъ справедливы тамъ, гдѣ къ намъ высказывается хоть частичка справедливости. И во имя ея нужно прибавить, что и теперь иногда изъ среды русскаго общества раздаются одинокіе голоса въ защиту той или другой части евреевъ, противъ той или другой мѣры, обрушивающейся на нихъ. Читатели припомнятъ, вѣроятно, изъ прежнихъ нашихъ обзорѣвъ, о нѣсколькихъ случаяхъ ходатайства купеческихъ и торговыхъ обществъ въ пользу торговыхъ правъ евреевъ; о противодѣйствіи словомъ и дѣломъ, оказанномъ многими землевладельцами пріятію новыя ограниченія по арендѣ евреями недвижимости, и т. д.... Изъ случаевъ истекшаго года приведемъ лишь два-три примѣра. Московское ку-

печество, уже не въ первый разъ заступающееся за евреевъ, и теперь ходатайствовало предъ г. министромъ внутреннiй дѣлъ о дозволениі еврейяъ пріѣзжать на крещенскую ярмарку въ Харьковъ, какъ это водилось споконъ вѣка, но откуда нѣ въ прошломъ году начали усиленно удалять, благодаря почину харьковскаго городского головы. Московское купечество въ такомъ удаленіи евреевъ усматриваетъ неумолимый и тяжкій ударъ московской и вообще средне-русской торговли на югъ. Другое частное заступничество было болѣе неожиданно для евреевъ, такъ какъ заявлено въ Кіевѣ, кіевлянами. Именно, по случаю выселенія евреевъ изъ части города, подъ названіемъ Подола, христіане-демоуладѣльцы Подола обратились къ вѣстнымъ властямъ съ просьбой объ отиженіи этого выселенія, съ указаніемъ на крайнюю раззорительность его—для нихъ, демоуладѣльцевъ-христіанъ. Точно также выступили въ защиту притвороченныхъ къ выселенію изъ Одессы евреевъ-ремесленниковъ иностраннаго подданства—многіе русскіе мастера, связанные съ ними дѣлами и нежелающіе раззориться для «идеи». Приносимъ вамъ благодарность одиночнмъ русскимъ людямъ, отваживающимся среди всеобщаго лнкующаго хора жиждодовъ, вставить свое слово въ защиту тѣхъ, отъ которыхъ все такъ охотно отварачиваются. Но нельзя не пожалѣть о томъ, что дружба нашихъ друзей, какъ и вражда враговъ, покоится на чистомъ корыстномъ основаніи. Споръ, повидимому, идетъ лишь о томъ, изъ чего можно извлечь болѣе «интересную прибыль»,—изъ терпимости къ еврейямъ—или притѣвленіи ихъ? Но никто не допускаетъ мысли о томъ, что еврей—тоже «чужеродное», а не пришлецъ населенію, и имѣетъ все права на существованіе, наравнѣ съ обще-русскимъ населеніемъ...

„Vom Rechte, das mit uns geboren ist,
Von dem ist, leider! nie die Frage“.—

говорить Гете въ упоръ праву своего времени (Faust, 1 Theil).

Какъ негѣно и неестественно положеніе человѣка, который въ каждомъ дыханіи своемъ долженъ все оправдываться, извиняться и отдавать отчетъ предъ встрѣчнмъ и померчнмъ. «Зачѣмъ, спрашивалъ еще царемъ Лиръ, живутъ собака, лошадь, крыса»,—живутъ—и никто изъ не обвиняетъ за то, а еврей однимъ своимъ существованіемъ совершаетъ чуть-ли не государственное преступленіе! Нѣтъ надобности приводить дальнѣйшіе приѣры въ подтвержденіе того, что сказано о настроеніи русскаго общества и его руководителей, въ отношеніи евреевъ. Приѣры такъ много-

численны, разнообразны и хорошо известны всѣмъ, что достаточно обратиться къ читателямъ съ ссылкой на ихъ память и ежедневную жизнь.

Что касается официальныхъ распоряженій, узаконеній, разъясненій, предписаній и пр., то это также по большей части были—*меры противъ евреевъ*. Что ни день—предъ той или другой областью труда, осѣдлости или просвѣщенія вырастаетъ новая рогадка. При этомъ замѣчается что-то въ родѣ правильной очереди между различными вѣдѣствами, и тѣмъ ниже мы спускаемъ по лѣстницѣ административной іерархіи, тѣмъ все больше замѣчаемъ несправедливое отношеніе къ русскимъ подданнымъ Моисеева закона.

Прежде всего, конечно, вопросъ о правѣ жительства евреевъ по прежнему поглощалъ главное вниманіе, и на немъ преимущественно была сосредоточена борьба съ евреями. Последніе не безъ успѣха сдѣлали въ послѣднія или, лучше сказать, предпослѣднія нѣсколько лѣтъ прорвать цѣпи, протанутую вокругъ черты ихъ осѣдлости, и теперь употребляютъ все усиліе, чтобъ вытолкать навадъ прорывавшихся силъчаковъ. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, при исполненіи своей весьма не благодарной задачи, полиція являти выталкивающимъ вѣсть съ незаконно прибравшимися и много такъихъ сосѣднимъ съ ними лицамъ, которые имѣли вполнѣ законное право находиться вѣтъ черты. И какъ тоже верѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, что такіе натискомъ удается прорвать цѣпи, чтобъ свободно проникнуть въ заповѣдную область, — такъ, мы увѣремъ, евреямъ удастся прорвать и уничтожить тяжелую «черту» ихъ осѣдлости. Ибо не устоятъ теоріи прады слѣпо, творящее чудеса храбрости, привязанности человека къ жизни. Но пока — продолжается упорное выдвореніе евреевъ изъ всѣхъ мѣстъ вѣтъ постоянной осѣдлости, и изъ селъ и деревень въ предѣлахъ осѣдлости. Въ борьбѣ съ евреями—изъ-за черты, одинаково замѣчательны: и упорство полиціи въ преслѣдованіи своей цѣли, и чрезвычайная ловкость евреевъ въ противодѣйствіи ея достиженію. Можно было бы составить весьма забавную эпическую поэму, описывая странствованія евреевъ изъ черты вѣтъ ея и обратно, съ остановками въ полицейскихъ участкахъ, «указаніями» гражданъ всѣхъ наименованій, ночными облавами и пр.—еслибъ все это не касалось живыхъ людей, для которыхъ всякое такое передвиженіе чрезъ черту связано часто съ полнымъ раззореніемъ, съ лишеніемъ семьи «преступника» крова и хлѣба и вверженіемъ въ нищету. Предоставляемъ читателямъ сообразить хоть приблизительно громадный ущербъ, нанесенный евреямъ выселеніемъ изъ Кіева.

начавшимся въ усиленныхъ разширахъ въ 1881 г. и все болѣе и болѣе усиливавшимся, воснувшимъ въ одномъ истекшемъ году *болѣе двухъ тысячъ* семействъ! И это тѣмъ болѣе оскорбительно и тяжело для сознания еврейскаго народа, что послѣднее усиленное до безпримѣрности изгнаніе изъ Кіева было вназано, какъ многіе увѣряютъ, частною ссорой одного богатаго еврея съ одною аристократическою особою. Еще болѣе прискорбными послѣдствіями грозить евреямъ предположенное присоединеніе городовъ Ростова и Таганрога къ области войска Донскаго. При этомъ замѣчательна и глубоко присмербна та легкость, съ которою всякія комиссіи и дѣятели относятся къ основнымъ законамъ Россійской Имперіи и всякаго гражданскаго общагитія. Не гласитъ ли одна изъ первыхъ статей нашихъ «Основныхъ государственныхъ законовъ», что «Имперія Россійская управляется на *твердыхъ основаніяхъ* положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ», и—другая: «Законъ дѣйствуетъ *только на будущее время*. Никакой законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія, и сила оного не распространяется на дѣянія, совершившіяся прежде его обнародованія» (ст. 47 и 60; т. I, ч. 1. св. зак.). Между тѣмъ, когда рѣчь заходить о евреяхъ, то забывается самое помятое о значеніи и силѣ приобретенныхъ правъ, лично, по состоянію и ниществу, и немногіе задумаются, ради угожденія дуку времени, ниспровергнуть, вѣхами и тяжкими трудомъ, на совершенно законныхъ основаніяхъ основанное гражданско-нищественное положеніе тысячъ и сотенъ тысячъ пасивномъ Россіи, какъ будто они объявлены извѣ воекривительства законовъ... Не надо забывать, что изгнаніе и разореніе десятковъ тысячъ евреевъ изъ Ростова и Таганрога самымъ плачевнымъ образомъ отразится на жизни южнорусскихъ евреевъ вообще,—но кому до этого дѣло? Въ сравненіи съ такими широкими и тѣлными дѣйствіями и замыслами, какъ кіевскія выселенія и предположенія о Ростовѣ и Таганрогѣ, совершенно бѣднѣютъ исклія многочисленныя притѣсенія со стороны мѣстныхъ властей.

Переходя въ другое вѣденство, мы замѣчаемъ, что съ каждымъ днемъ все служивается приездъ еврейскихъ дѣтей въ учебныя заведенія, либо не формальными ограниченіями какими либо процентомъ, либо прости по стараніямъ самихъ наставниковъ и учебныхъ начальствъ. Въ низшихъ школахъ разныхъ наименованій еврейскихъ дѣтей уже почти совершенно закрытъ доступъ, тѣмъ отнято вѣрнѣйшее средство къ сближенію евреевъ съ кореннымъ населеніемъ. Къ тому же, повидимому, стремятся теперь на-

чальства средних и высших учебных заведений. Кроме обычных тендеръ отвѣтовъ о неимѣніи вакансій и кроме другихъ способовъ удалять еврейскій элементъ, стѣсненія ренегаторства: для бѣдныхъ, права выбора квартиръ и т. п.,—учебныя начальства внѣ черты осѣдлости пріобрѣли новое къ тому средство въ послѣдовавшемъ два года тому извѣдѣ, разъясненіи г. министра народнаго просвѣщенія о неимѣніи въ средних учебных заведеніяхъ дѣтей лицъ, не имѣющихъ постоянного права жительства. Такое же отношеніе къ еврейскому элементу обнаруживается и въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, напримеръ, превращенъ пріентъ евреевъ въ харьковскій ветеринарный институтъ, а для поступленія въ казанскій и дерптскій ветеринарные институты, отъ евреевъ требуются непремѣнно аттестаты зрѣлости, вмѣсто обыкновеннаго курса 6-ти классовъ гимназій или реальнаго училища. Предполагается-ли, что еврей, для воспріятія курса ветеринарныхъ наукъ, требуетъ гораздо болѣе зрѣлости ума и знаній, или опасаются какого-либо вреднаго вліянія евреевъ-ветеринаровъ, или просто желательно не допускать евреевъ конкурировать съ не-евреями,—положительно не знаемъ. Точно также неимѣнство, каинигъ, соображеніями руководствовались при распоряженіи о томъ, чтобы окончившіе съ успѣхомъ военно-медицинскую академію евреи были оставлены въ числѣ кандидатовъ при академіи не иначе, какъ каждый разъ съ особаго разрѣшенія г. военнаго министра. Не ясно также для насъ считать, побужденій медицинской департаментъ распоряжаться не назначать евреевъ-врачей въ учрежденныя на границахъ нашия карантинныя посты.

Въ вѣдомствѣ юстиціи годомъ раньше число евреевъ-присяжныхъ заседателей было ограничено процентнымъ отношеніемъ къ населенію, а въ этомъ году заговорили объ ограниченіи числа евреевъ, принадлежащихъ къ сословіямъ присяжныхъ и частнымъ повѣренныхъ тѣмъ же процентомъ. Такое ограниченіе едва-ли можетъ быть названо справедливымъ уже въ виду того, что еврейскіе *вынуждаются* быть повѣренными, чтобы найдти хоть какое-нибудь приложеніе своимъ многолѣтнимъ занятіямъ и какое-нибудь средство къ существованію, такъ какъ всѣ остальные пути для нихъ закрыты—ниieno всѣ виды государственной и общественной службы по судебному и административному вѣдомствамъ. Въ виду этого, да въ виду недопущенія евреевъ съ учеными юридическими степенями, не смотря ни на какія достоинства, къ носильному служенію наукъ, у насъ созданъ совершенно своеобразный типъ еврея *адвоката противъ воли*, изъ дѣлъ, которыя бы рады заняться всѣмъ инымъ, кроімъ адвокатуры. Въ ряду те-

перенннхъ вѣдѣстнѣйшихъ и даровитѣйшихъ евреевъ-адвокатовъ есть нѣсколько человекъ, которые, по окончаніи курса юридическихъ наукъ, желали посвятить себя отечественной наукѣ права или государственной службѣ. Одно время — это было именно въ началѣ шестидесятихъ годовъ — мечты молодыхъ евреевъ казались осуществимыми. Нѣкоторые изъ нихъ были оставлены при университетахъ и посланы за границу для приготовленія въ замѣну профессорскихъ кафедръ, — имена двухъ изъ нихъ читатели могутъ найти въ запискѣ, приложенной къ университетскому уставу 1863 года. Другіе были приняты на государственную службу. Но вѣснорѣ все это измѣнилось, и посвятившіе себя ученой и служебной дѣятельности евреи были предложены такимъ условіямъ для продолженія ея, отъ которыхъ они должны были отказаться, дорога чувствомъ личнаго и своего національнаго достоинства. Съ тѣхъ поръ нечего было и думать о какой-либо иной дѣятельности для евреевъ-юристовъ кромѣ адвокатуры. Спрашивается: кого послѣ этого слѣдуетъ считать въ томъ, что евреи «присяли» въ адвокатуру въ большинствѣ предантѣ, чѣмъ это желательнее ихъ товарищамъ — не-евреямъ, и кого именно слѣдуетъ считать за такой «нацимъ» евреевъ? Правда, ограниченіе числа евреевъ пока не состоялось. Но нѣкоторые еврѣйские суды уже установились въ зачисленіи евреевъ немощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ, утвержденіи послѣднихъ въ званіи присяжныхъ повѣренныхъ и выдачѣ евреямъ частнымъ повѣреннымъ свидѣтельствъ на веденіе чужихъ дѣлъ. Точно также и свободные соборы присяжныхъ повѣренныхъ, поведенію, очень охотно принимаютъ новую «идею», и — вѣснорѣ пока — проводить ее въ своей практикѣ. Это еще разъ до-свѣю показываетъ, какъ даже самые образованные классы общества не вѣрять евреевъ, когда могутъ изъ этого извлечь «интересную прибавку». И насколько русскому кабатчику интересно залучить къ себѣ покупателя своего конкурента-еврея, настолько же гг. русскимъ адвокатамъ интересно, *per fas et nefas*, избавиться отъ конкуренціи товарищей-евреевъ и получить ихъ практику... Да простятъ намъ жидоидеиствующая часть гг. присяжныхъ повѣренныхъ такое чересчуръ простое и несколько не возвышенное объясненіе ея нерасположенія къ евреямъ-товарищамъ. Другихъ причинъ мы положительно не находимъ, ибо главная наветъ гг. Омреицовъ, Ожидовыхъ и Суворовныхъ на евреевъ-адвокатовъ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, и за исключеніемъ единичныхъ случаевъ, евреи присяжные повѣренные ведутъ себя вполнѣ достойно и сообразно своему званію. Это могутъ подтвердить

наши совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, а также судебныя учрежденія, и они же могли бы удостовѣрить существованіе значительнаго числа недобросовѣстныхъ и безразличныхъ присяжныхъ повѣренныхъ не-евреевъ. Въ этомъ также легко убѣдиться, прислушиваясь къ жалобамъ публики на адвокатовъ и просматривая дисциплинарный отдѣлъ въ отчетахъ нашихъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ.— Возьму одинъ лишь примѣръ изъ лежащаго предо мною послѣдняго «Отчета о дѣйствіяхъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ при харьковской судебной палатѣ, за 188^{5/6} г.». Среди цѣлаго ряда дисциплинарныхъ взысканій, наложенныхъ на гг. присяжныхъ повѣренныхъ— все не-евреѣвъ,— мы читаемъ слѣдующій приговоръ о прис. пов. Ч. (русскій): ....«Совѣтъ призналъ, что дѣянія повѣреннаго, въ связи съ его оправданіемъ, обнаруживаютъ въ немъ отсутствіе необходимыя свойства человека просвѣщеннаго вообще и прис. пов. въ частности, а именно, отсутствіе чувства законности, уваженія къ человѣческой личности и чувства собственнаго достоинства, не говоря о недостаткѣ самообладанія и сдержанности. Крімъ того, разсмотрѣніе составленныхъ обвиняемымъ бумагъ убѣдило совѣтъ въ его великомъ неумѣнн владѣть дѣловыя бумаги связно и послѣдовательно, и даже въ безграмотности обвиняемаго, а со стороны содержанія, бумаги его правыми, заключающими объясненія неумѣстныя, неприличныя и грязныя. ...Онъ же виновенъ въ упущеніяхъ не веденію порученнаго ему гражданскаго процесса, и упущенія зависѣли отъ незнанія существенныхъ нравствъ и формъ процесса и отъ неумѣнья обставитъ доказательствами порученное ему дѣло. ...Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что обвиняемый повѣренный, въ виду обнаруженнаго имъ крайняго юридическаго невѣжества, при отсутствіи, кромѣ того, общаго образованія и достаточнаго умственнаго и нравственнаго развитія,— не можетъ быть терминъ въ сословіи». Присяжный повѣренный Ч. былъ исключенъ изъ сословія; онъ лично понесъ заслуженное имъ наказаніе, и никто больше отъ того не пострадалъ, какъ и слѣдуетъ по началамъ уголовного правосудія. Совѣтъ иное вышло бы, вѣроятно, еслибъ то былъ еврей: хотя и тогда всѣ его пороки составили бы личную особенность его характера и образованія,— но какой бы вы тогда крикъ подняли на всѣхъ евреевъ, гг. присяжные повѣренные! Мнѣ безспорными, чѣмъ присяжные повѣренные, являются евреи частныя повѣренные, но опять-таки въ среднемъ выводѣ не превосходятъ порочностью своихъ товарищей не-евреевъ. Общая же причина меньшей нравственной благонадежности частныхъ повѣренныхъ кроется въ самомъ этомъ учрежденіи, въ условіяхъ

образованія его состава, въ свойствѣ практикн, выпадающей преимущественно на его долю, и т. п.,—о чемъ не здѣсь мѣсто распространяться. Зато уже среди евреевъ не найдете спеціальнаго типа *кабацкого аблаката*, безграмотнаго, вѣчно пьянаго и грязнаго плута, лопачаго по кабакамъ своихъ тенныхъ и невѣжественныхъ кліентовъ, и опирющагося на друзей — кабацкихъ же наемныхъ лжесвидѣтелей. Кабацкій аблакатъ—отвратительный выродокъ обнищавшаго дворянства или чиновничества; въ этомъ сословіи нѣтъ евреевъ.

Итакъ, нѣтъ ни юридическихъ, ни нравственныхъ ассоціаній въ стѣсненію правъ евреевъ-юристовъ на судебную практику.

Въ томъ же вѣдомствѣ послѣдовало распоряженіе объ увольненіи всѣхъ *евреевъ-писцовъ* при нотаріусахъ, судебныхъ слѣдователяхъ и т. д. Распоряженіе это приводилось въ исполненіе съ такою ревностью, что, напримеръ, въ Екатеринбургѣ, предсѣдатель окружнаго суда распорядился уволить служившаго въ канторѣ нотаріуса, г. Х., уже одиннадцать лѣтъ состоящаго въ христианствѣ, женатаго на православицѣ и имѣющаго дѣтей—православныхъ.

Не менѣе усердныя, мѣта и въ другомъ отношеніи оказались гг. нивевскіе чиновники. Собрались для выработки устава своего клуба, первымъ дѣломъ постановили не допускать въ члены чиновниковъ-нехристианъ, т. е. евреевъ. Случай этотъ самъ по себѣ незначительный, но и онъ какъ нельзя лучше характеризуетъ духъ времени и его принципы.

Такой же характеристикой можетъ служить рядъ новыхъ уголовныхъ дѣлъ, которыя стали возбуждаться только въ послѣдніе два года, и о которыхъ уже было упомянуто нами годъ раньше. Это дѣла по призывенію ст. 1171 улож. о наказ. Читатели припомнятъ, что на основаніи этой, до сихъ поръ нашедшейся въ забвеніи, статьи въ некоторыхъ судахъ съ замѣчательной легкостью постановляли приговоры о высылкѣ обвиняемыхъ евреевъ изъ мѣстъ ихъ обшлости и промысла и конфискаціи всего принадлежащаго имъ товара, — наказаніе въ высшей степени суровое. Суровость такого приговора, который равняется полному разоренію, усиливается еще оттого, что наказаніе до крайности не соответствуетъ маловажности преступления, какъ-то: продажи ватм не своего нѣдѣля вѣсть съ таковою своего нѣдѣля, продажи кофе варенаго въ своей кондитерской, продажи ювелиромъ готовыхъ цѣпочекъ вѣсть съ нѣдѣлями собственными, или продажи жертвнымъ и нечистотинкою галантерейнаго товара, — все по законнымъ торговымъ документамъ. Очевидно, что

здѣсь сильно страдаетъ рекомендуемый Беккариёу принципъ права о соответствии между преступленіемъ и наказаніемъ. Однако, къ чести нашего правосудія вообще надо сказать, что московская и петербургская судебныя палаты отказались отъ утвержденія такихъ суровыхъ приговоровъ вѣдѣдомственныхъ и въ судовъ, и оправдали обвиненныхъ, признавъ совершенно правильно, что ст. 1171 не можетъ относиться къ тѣмъ евреямъ, которые имѣютъ право постоянного жительства внѣ черты осѣдлости и потому могутъ по надлежащимъ документамъ провозводить торговлю и не своими вѣдѣліями, — и еще по нѣкоторымъ соображеніямъ, которыя было бы долго приводить здѣсь. Прискорбно и знаменательно то обстоятельство, что предложеніе зерко и тайно слѣдитъ за евреями-ремесленниками, конкъ предавать уголовному суду по 1171 ст. ул. о зак. при первой возможности, было сдѣлано въ петербургской городской думѣ однимъ изъ гг. гласныхъ, не постыдившимся предложить эту неблагоприятную роль торговымъ депутатамъ столицы. Не знаемъ, чѣмъ рѣшило дѣло комиссія, на разсмотрѣніе которой была передана мысль г. петербургскаго гласнаго. Одно несомнѣнно, что все это воспитываетъ въ обществѣ самыя вредныя гражданскія пороки, какъ-то: ябедничество, сикофанство, алканіе чужого добра, неуваженіе къ человѣческой личности и т. д. Доказательствомъ тому могутъ также служить извѣстные органы нашей журналистики, которые добровольно, въ надеждѣ на лучшую продажу. М.М. среди читателей, ведутъ правильный и неустанный сыскъ евреевъ, уклоняющихся отъ высылки и изгнанія въ разныхъ городахъ, постоянно указываютъ полиціи на тѣ или другіе «обходы», на лучшія мѣста для *обласы*, гдѣ можетъ скорѣе быть обильный «ловъ» евреевъ и т. д. Явленіе совершенно безпримѣрное въ исторіи печатнаго слова, которое еще никогда не доходило до такого низкаго паденія.

Не нужды этого вліянія и тѣ слухи, которые и въ этомъ году слышались произвести погромы. Не смотря на всѣ предосторожности, на всѣ старанія мѣстныхъ властей не допускать до погромовъ, все-таки весной и лѣтомъ таковыя произошли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на югѣ и юго-западѣ Россіи, какъ, напр., въ Одессѣ — въ апрѣлѣ, мѣстечкѣ Делоговинѣ — въ юнѣ. Правда, погромы эти отличались роковымъ слабосиліемъ и скоро прекращались, но уже во всякомъ случаѣ не по винѣ погромщиковъ. Мѣстныя власти рѣшились не допускать погромовъ, и они не удаются. Теперь немногіе уже добросовѣстные люди будутъ спорить противъ высказаннаго нами нятъ лѣтъ тому назадъ обвиненія тогдашнихъ властей въ бездѣйствіи и малой энергіи при прекращеніи погромовъ, что, впрочемъ, было под-

тверждено и г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Д. А. Толстымъ, въ извѣстность его циркуляръ.

И такъ, власть можетъ сдѣлать много, даже очень много для предотвращения всякихъ насилій противъ евреевъ. Кое-что уже сдѣлано, но гораздо больше остается еще сдѣлать, и именно одними только бутузъ: твердымъ, не допускающимъ возраженій словемъ закона возмисить личность еврея до полноправнаго гражданина, охраняемаго полиціей и уголовными законами не только когда дѣло доходитъ до его жизни и имущества, но и отъ всякаго незаслуженнаго оскорбленія его чести. Но пока—артельщики какой-то дороги, по порушенію жандарма, дѣйствующаго на основаніи чьего-то предписанія, сватываютъ на вокзалѣ при стеченіи многочисленной и ликующей публики старика-еврея, и насильно обрѣзываютъ ему пейсы, яко противорѣчація «порядку и благочинію». И изъ всей публики, присутствовавшей при этомъ зрѣлищѣ глумленія и грубаго насилія надъ личностью беззащитнаго старца, не нашлось ни одного человѣка, въ которомъ пробудилось бы человѣческое чувство состраданія къ оскорбляемому, или хоть искра любви къ ближнему, чтобъ возстать противъ этого оскорбленія челоуѣческой личности, ни одного человѣка, кромя протѣжаго еврея, сообщившаго о томъ въ газеты... И подобные случаи вовсе не единичны въ западномъ и юго-западномъ краѣ, гдѣ въ послѣднее время почему-то освѣжили все правила и приемы «соромныхъ годовъ» (въ еврейскомъ смыслѣ слова ничего общаго не имѣющихъ съ именами Вѣлиискаго, Грамовскаго и т. д.) относительно крайки влатья и куафюры евреевъ, и гдѣ евреи насмѣшливо дѣлаются поддниками, больше, впрочемъ, для потѣхи или корысти низшихъ исполнителей закона, чѣмъ для достиженія предположенной цѣли. Вѣроятно также во имя благочинія, столечная полиція высылаетъ изъ Москвы въ 24 часа прѣжавшаго англійскаго баронета, члена парламента, извѣстнаго общественнаго дѣятеля и главу банкирскаго фирмы въ Лондонѣ, г. Монтегю, такъ какъ кромя всего этого онъ—еврей, точно этотъ племянникъ и преемникъ Монтефиоре опасенъ для бѣлокаменной, чѣмъ цѣлые легіоны мазуриковъ, проститутковъ, пьяницъ и всякаго рода негодяевъ, позорящихъ образъ Вошия на землѣ.

Рѣзкою исключительностью отличается и важнѣйшее узаконеніе прошлаго года о евреяхъ—шѣры противъ уклоненія евреевъ отъ воинской повинности. Читая одинъ за другимъ суровые 6 пунктовъ—внезапныя переосвидѣтельствванія, денежная отвѣтственность всей семьи уклонившагося и награда за поимку такового—вы чувствуете себя отброшеннымъ

далеко назад на цѣлое полвѣка. Въ самомъ дѣлѣ, еврей, отбывавшій воинскую повинность по старому рекрутскому уставу, отбывалъ ее почти (за небольшими уклоненіями) наравнѣ со всеми остальными, подвергаясь въ случаѣ уклоненія отвѣтственности по общимъ уголовнымъ и дисциплинарнымъ законамъ, а по окончаніи службы получая право селиться повсемѣстно въ имперіи. Такая награда была весьма заманчива, въ виду крайне стѣснительныхъ правилъ объ осѣдлости, хотя она возвращала горсти евреевъ только то, что отнято у нихъ закономъ же и чѣмъ пользуются въ Россіи, безъ всякой заслуги, всѣ другіе люди. Теперь же, начиная почти съ изданія воинскаго устава 1874 г., евреевъ и въ отбываніи воинской повинности все болѣе и болѣе обособляютъ цѣлымъ рядомъ узаконеній и мѣръ, какъ во время призыва, такъ и во время прохожденія службы и на театрѣ войны, ибо евреевъ не назначаютъ на пограничныя мѣста, не назначаютъ въ передовыя, а только въ *тыловыя* части. Всѣ эти старанія отдѣлить евреевъ тѣмъ болѣе обидны, что, кажется, никто еще не рѣшился открыто обвинить евреевъ-солдатъ въ трусости или измѣнѣ, даже не припомнитъ ничего такого изъ «Новаго Времени» и «Луча». По отбытіи же евреемъ полного срока своей службы, онъ, быть можетъ, раненый или изувѣченный на войнѣ, отбившійся отъ своего семейства и круга родныхъ и знакомыхъ, возвращается, однако, назадъ въ ту безправную среду, изъ которой вышелъ, не имѣя права выбирать себѣ жительство внѣ черты осѣдлости, завидуя счастливымъ, служившимъ по воинскимъ уставамъ, дѣйствовавшимъ до 1874 г. И все это дѣлается въ такое время, когда несомнѣнно и очевидно для всякаго безпристрастнаго зрителя, что среди евреевъ произошелъ поворотъ въ пользу окончательнаго подчиненія воинской повинности, когда уклоненіе въ общемъ замѣтно уменьшается. Теперь болѣе чѣмъ когда либо спасительны и обоудно полезны были бы мѣры поощренія и привлеченія, а не укрощенія.

Гг. читатели! я усталъ повѣствовать о вещахъ столь мало утѣшительныхъ, чувствую, что утомилъ и васъ. И потому кончаю. Только, что называется, «*pour la bonne bouche*» закончу маленькимъ, но поучительнымъ случаемъ изъ послѣднихъ дней 1886 г. Въ г. Харьковѣ, на улицѣ, бѣшеная собака укусила трехъ дѣтей; городъ заволновался, тронутый до глубины своей чувствующей души и, по почину г. городского головы, рѣшено отпривить на бактериологическую станцію въ Одессу *deux* изъ уку-

шенинхъ, оставивъ третьяго на произволъ яда бѣшеной собаки... Почему—вы, конечно, догадываетесь: третій несчастный мальчикъ происходитъ отъ лицъ, исповѣдующихъ законъ Моисея! Это невѣроятно, но вѣрно. Харьковскіе гуманисты очевидно хотѣли этимъ выразить, что евреевъ и отъ бѣшенныхъ собакъ защищать не слѣдуетъ...

М. Ө.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

4466

Издаваемый А. Е. Ландау

Февраль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1887

1144

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ИЗЪ ТАЛМУДИ- ЧЕСКОЙ ЭПОХИ *.

(Посвящается еврейской молодежи).

II.

Р а б б и М е и р ь

(Просвѣтитель).

Рабби Меиръ выступилъ на поприще ученой дѣятельности послѣ того, какъ Іудея пережила грозную эпоху преслѣдованія іудаизма въ самомъ его основаніи.

Онъ былъ современникомъ римскаго императора Адриана и свидѣтелемъ ужасающихъ гоненій на евреевъ, вызвавшихъ замѣчательное въ лѣтописяхъ еврейской и римской исторіи возстаніе *Баръ-Кохвы*. Героизмъ евреевъ, которые поднялись за святую вѣру отцовъ и сражались какъ львы противъ римскихъ легионовъ подъ предводительствомъ вдохновеннаго героя, напоминалъ собою храбрые подвиги Маккавеевъ. Будучи ученикомъ рабби Акибы, одного изъ десяти великомучениковъ, погибшихъ за народную вѣру, рабби Меиръ уже въ юной душѣ своей глубоко запечатлѣлъ воспоминанія бурной эпохи, когда люди тайно должны были исповѣдывать свою религію и, зарывшись въ пещеры, питаться трупами своихъ единовѣрцевъ, лишь бы избѣгнуть преслѣдованія, воздвигнутаго Адрианомъ и его послушными намѣстниками въ Іудеѣ, превосходившими его своею жестокостью.

* См. «Восходъ», кн. 1.

Послѣдствія Адриановыхъ гоненій были тяжелѣе потери политической самобытности: Адриановы эдикты посягали не на матеріальныя блага народа, а на его священнѣйшее достояніе—духовное развитіе: запрещались изученіе закона, чтеніе молитвы о единобожіи, преподаваніе науки и всякія ученныя собранія. Крайне развитое честолюбіе Адриана, привыкшаго къ скорому подавленію возстаній, охватившихъ въ его время восточныя провинціи, не могло мириться съ мыслью о продолжительной борьбѣ съ горстью воиновъ, предъ которыми римскіе легіоны въ теченіи 2½ лѣтъ очищали поле битвы и уступали городъ за городомъ, укрѣпленіе за укрѣпленіемъ. Вотъ почему послѣ усмиренія Баръ-Кохвистскаго возстанія Адрианъ энергически началъ подавлять внутренній міръ евреевъ. Такой взглядъ онъ отчасти почерпнулъ изъ бесѣдъ съ нѣкоторыми авторитетами евреевъ еще во времена своего къ нимъ расположенія, и пришелъ къ заключенію, что могущество евреевъ заключается не въ политической независимости, не въ матеріальномъ благосостояніи, а въ національномъ ихъ духѣ, въ ихъ вѣрѣ въ прошлое и упованіи на будущее.

Печальная эпоха Адриана оставила глубокіе слѣды въ народной жизни: многіе великіе авторитеты народа частью были казнены, частью умерли и частью оставили свою родину; экономическій бытъ народа доведенъ былъ до крайней степени разоренія; всѣ упали духомъ, — и трудно, очень трудно было вновь поднять народную бодрость. Въ эту тяжелую годину собрались остатки народныхъ силъ и, учредивъ новую академію наукъ въ Ушѣ, стали придумывать мѣры къ возстановленію благосостоянія народа.

Эти воскресители народнаго духа состояли главнымъ образомъ изъ послѣдователей великомученика Акибы, между которыми выдвигается рабби Меиръ—*просвѣтитель*. Онъ отличался глубокимъ аналитическимъ умомъ, поразившимъ всѣхъ его слушателей и современниковъ. Заимствовавъ методъ изслѣдованія закона у своихъ учителей, изъ которыхъ онъ отдалъ предпочтеніе рабби Акибѣ, онъ развилъ его до совершенства. Нѣкоторые думаютъ, что онъ ввелъ въ старый методъ новый элементъ—сильно развитую *діалектику*. Но этотъ взглядъ, по

справедливому замѣчанію г. Вейса, представляется ошибочнымъ. Анализъ, основанный на логикѣ и разумѣ, уже употреблялся и учителями рабби Меира; но онъ, будучи знаткомъ греческой философіи, довелъ этотъ анализъ до такого утонченнаго развитія, что современники его не въ состояніи были подняться до глубины его мысли. Очень часто въ аудиторіи, касаясь положеній галахи (закона), рабби Меиръ увлекалъ слушателей своими сопоставленіями и логическими формулами, при помощи которыхъ онъ изъ однихъ и тѣхъ же основаній выводилъ совершенно противоположные результаты.

О немъ поэтому говорили: *«Кому приходилось слушать разсужденія рабби Меира въ аудиторіи, тому представлялось, что онъ вырываетъ горы изъ основаній и разбиваетъ ихъ одну объ другую»*. Такъ говорили объ его умѣ ученые академики, а въ народѣ сила ума рабби Меира отразилась въ томъ, что считали достаточнымъ дотронуться до палки рабби Меира, чтобы сдѣлаться умнымъ человѣкомъ. Такимъ образомъ, по глубинѣ мысли, рабби Меиръ стоялъ выше всѣхъ своихъ современниковъ, и такимъ умомъ онъ отличался еще въ юности *. Противъ отрицанія авторитета юности, рабби Меиръ говорилъ: *не смотри на сосудъ, а на то, что въ немъ содержится: часто новый сосудъ содержитъ въ себѣ старое вино, и очень много старыхъ сосудовъ не содержатъ въ себѣ и молодого вина*. Не смотря, однако, на такой авторитетъ, которымъ онъ пользовался въ глазахъ ученыхъ и народа, не всѣ его положенія получили силу закона, потому что къ его выводамъ и способу мышленія относились съ нѣкотораго рода недоверіемъ. Его характеръ и образъ дѣйствій также носили на себѣ слѣды противорѣчія: онъ былъ ученикомъ-поклонникомъ Акибы, а въ аудиторіи раскрывалъ несостоятельность его метода. Въ жизни онъ проповѣдывалъ скромность, а между тѣмъ допускалъ и возстаніе противъ авторитетовъ. Въ аудиторіи онъ доказывалъ, что одно изученіе закона доставляетъ *человѣку жизнь* (будущую), выводя это положеніе изъ текста закона, въ которомъ говорится

---

* Когда онъ уже успѣлъ удостоиться великой чести посвященія въ санъ законовѣда учителемъ своимъ рабби Акибой.

человѣкъ, а не еврей, левитъ или жрецъ, а между тѣмъ саркастически относился къ сектантамъ своего времени, дозволяя себѣ и хулу, а подчасъ и рѣзкія порицанія. Относясь съ злобой ироніей къ сектантамъ, онъ въ то же время питаетъ симпатію къ одному изъ главныхъ отступниковъ іудейства, который поддерживалъ противъ евреевъ враждебное настроеніе римлянъ. Будучи однимъ изъ главныхъ дѣятелей Ушинской академіи, большая часть установленій которой, имѣвшихъ цѣлю поднятіе народнаго благосостоянія, принадлежали ему, — онъ въ то же время презрительно отзывался о простолюдинѣ, когда рѣчь заходитъ о брачныхъ отношеніяхъ и т. п. Эту массу противорѣчій въ жизни и характерѣ рабби Меира очень многіе отказываются объяснить. Но намъ кажется, что она объясняется эпохою, въ которую жилъ рабби Меиръ. Онъ былъ современникомъ эпохи, въ которую три великія силы находились въ состояніи скрытной борьбы за существованіе. Язычество, іудейство и христіанство вели между собою внутреннюю ватаенную борьбу, въ которой язычество, обращаясь попеременно то къ іудейству, то къ христіанству острою своею стороною — политическимъ могуществомъ, на которое оно опиралось, еще болѣе развивало и укрѣпляло въ нихъ духъ независимости и упорную борьбу за ея сохраненіе. Побѣдить язычество можно было только его собственнымъ орудіемъ, но представители іудейства не могли знать ни о какой другой власти, кромѣ власти чисто-духовной, власти убѣжденія. Они должны были направить всѣ свои духовныя силы на то, чтобы вся система морали іудейства получила широкое распространеніе въ массѣ путемъ усвоенія на доприщѣ практической жизни, а не сохранить ее въ отдѣльномъ кружкѣ, подчиненномъ особымъ, специальнымъ условіямъ.

Съ другой стороны, внутри самаго іудейства происходило броженіе умовъ. Только что закончилась эпоха тяжелыхъ преслѣдованій Адриана и наступила эпоха возрожденія при первыхъ Антонинахъ. Измѣнчивость римскихъ влѣстителей въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ то къ язычеству, то къ христіанству, поддерживали въ умахъ опасеніе за возвращеніе страшныхъ временъ Адриана. Это опасеніе требовало укрѣпле-

ніа народнаго духа въ іудаизмѣ съ цѣлью создать твердую опору противъ враждебно-разрушительныхъ силъ Рима. Въ то же время испытанныя трудности свѣжей, только что ушедшей эпохи поддерживали въ умахъ сознание необходимости поступиться наслѣдіемъ отцовъ. Въ этомъ смыслѣ влияла на всѣхъ соблазнительность примѣра самихъ популярныхъ учителей, отрекшихся отъ своего прошлаго и перешедшихъ въ лагерь враговъ. Такое направленіе угрожало іудеизму еще большею опасностью, чѣмъ внѣшнія преслѣдованія, потому что оно подрывало самыя основы его.

Стоя на порогѣ двухъ такихъ эпохъ, рабби Меиръ долженъ былъ выработать въ себѣ непреодолимую силу нравственнаго убѣжденія и еще большую устойчивость воли, чтобы явиться достойнымъ примирителемъ двухъ противоположныхъ воззрѣній и, сдерживая страстность односторонняго направленія, стоять на стражѣ дѣйствительныхъ народныхъ интересовъ, не наклоня вѣсовъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Это задача трудная, но она была не плечу именно рабби Меиру, который отличался всестороннимъ знаніемъ, глубокимъ пониманіемъ народной идеи и высокаго значенія уравниванія борющихся народныхъ силъ. Симпатизируя нарождающимся условіямъ жизни и лучше другихъ понимая ихъ значеніе для будущаго, р. Меиръ, заглядывая въ даль событій, имѣющихъ явиться результатомъ современныхъ ему теченій, старался лучше скрывать свое дѣйствительное настроеніе, лишь бы вѣрнѣе достигнуть начертаннаго идеала. Исторія часто представляетъ прищры тому, какъ въ острые моменты трудно переживаемыхъ эпохъ вырабатываются стоящіе на національной почвѣ типы, готовые жертвовать всѣмъ, даже своими внутренними идеалами для народнаго блага. Однимъ изъ такихъ типовъ, въ самомъ возвышенномъ смыслѣ слова, былъ для своей эпохи рабби Меиръ.

Освѣтивъ съ этой точки зрѣнія личность рабби Меира, мы сдѣлаемъ попытку объяснить его дѣятельность. Въ методѣ своего великаго учителя р. Акибы, р. Меиръ, кромѣ сближенія и сопоставленія, ознакомился также съ логикою разума (севура); но во время Акибы, который первый выдвинулся на поприщѣ

Галахи съ необыкновенною силою, еще невозможно было чаще прибѣгать къ объясненію источника закона однимъ разумомъ. Поэтому свободный методъ Акибы преимущественно ограничивался сближеніемъ и сопоставленіемъ, которыя были болѣе доступны и убѣждали въ томъ, что выводы Акибы сдѣланы изъ разума древняго закона. Приложение же отвлеченнаго разума къ объясненію источника закона употреблялось Акибою съ нѣкоторою осторожностію. Р. Меиръ, будучи посвященъ и въ этотъ послѣдній методъ, сдѣлалъ весьма удачную попытку выдвинуть его, какъ единственный въ дѣлѣ разъясненія истиннаго разума закона, удаляясь отъ традиціи и отъ почвы древняго закона. Онъ находилъ къ тому основаніе въ новыхъ условіяхъ жизни, когда, вслѣдствіе упадка народнаго духа и усиленія авторитета оставшихся законоучителей, сдѣлалось возможнымъ всецѣло воспользоваться своимъ положеніемъ и убѣдить современниковъ въ плодотворности началъ чистаго разума. Желая достигнуть этой цѣли, р. Меиръ задался мыслію раскрыть несостоятельность какъ логическихъ формулъ своего учителя, рабби Ишмаэля, такъ и метода сближенія и сопоставленія другого своего наставника, р. Акибы. Внося разумъ, какъ усовершенствованное имъ начало, въ примѣненіе метода своихъ учителей, р. Меиръ возбуждалъ удивленіе аудиторіи, доказывая, что, при помощи этого метода, можно приходиться къ совершенно противоположнымъ результатамъ по одному и тому же предмету изслѣдованія и по однимъ и тѣмъ же основаніямъ. Онъ поднялъ надъ Галахой ту завѣсу, которую такъ искусно опустилъ на нее р. Акиба, руководствуясь духомъ своего времени; онъ доказалъ своимъ современникамъ силу разума въ истолкованіи закона, и не даромъ имъ казалось, что онъ вырываетъ горы изъ основаній и разбиваетъ ихъ одну объ другую. Онъ возбуждалъ въ умахъ скептицизмъ и критическое отношеніе къ прошлому, и вотъ почему современники его относились къ нему и къ его Галахѣ съ недоувѣріемъ, полагая, что онъ не искренно убѣжденъ въ ней, а лишь желаетъ убѣдить ихъ въ превосходствѣ и глубинѣ своего ума. Онъ будилъ въ аудиторіи крити-

ческую мысль, которая должна была впоследствии принести свои плоды.

Точно также, отличаясь самъ скромностью, которая заставляла его вставать предъ старикомъ-простолюдиномъ, онъ въ то же время велъ войну съ патриархомъ синедріона, гдѣ самъ занималъ одну изъ видныхъ должностей. Онъ вставалъ противъ ранговаго величія, установленнаго въ его время: стоя по уму и по учености гораздо выше верховнаго главы синедріона, онъ не могъ мириться съ мыслью, что въ верховномъ судилищѣ, пользующемся такимъ высоко-нравственнымъ авторитетомъ, создаются градаціи по внѣшнему ранговому величію, а не по внутреннимъ достоинствамъ. Что онъ имѣлъ право на отрицаніе такого порядка вещей, вполне доказывается тѣмъ, что, съ выступленіемъ его изъ синедріона, по поводу столкновений съ патриархомъ, тамъ затруднялись разрѣшать важные вопросы Галахи. Въ такихъ случаяхъ тамъ говорили: «мы здѣсь, а законъ внѣ аудиторіи», т. е., что р. Меира, который могъ-бы разъяснить законъ, здѣсь нѣтъ. И дѣйствительно, затрудненіе въ правильномъ рѣшеніи вопросовъ было настолько ощутительно, что необходимо было вновь пригласить рабби Меира въ синедріонъ. Но, вступая туда, онъ не подчинился горделивому обращенію патриарха, и когда тотъ сталъ угрожать ему анаемой, онъ гордо и съ увѣренностію заявилъ, что не подчинится ей до тѣхъ поръ, пока патриархъ не выяснитъ, когда, по какому поводу и при какихъ условіяхъ она можетъ быть наложена. Очевидно, что рабби Меиръ не сочувствовалъ ни традиціи о рангахъ, ни традиціи объ анаемахъ, и своимъ примѣромъ желалъ имъ положить конецъ, вполне убѣжденный, что никто, кромѣ него, не въ состояніи будетъ выяснитъ эти вопросы, которые самую жизнь ставились на очередь.

Этимъ же самымъ объясняется и его отношеніе къ сектантамъ. Жизненный принципъ его заключался въ томъ, что будущая жизнь достанется каждому *человѣку*, изучающему законъ; но этотъ принципъ онъ проповѣдывалъ народу въ аудиторіи; чтобы тотъ укрѣплялъ въ себѣ это воззрѣніе въ отношеніи къ другимъ людямъ. Но сектантамъ ему нечего было проповѣдывать этотъ принципъ, которому противорѣчила ихъ соб-

отвенная жизнь. Кму памятна была эпоха Адриана, котораго сектанты настроили враждебно къ евреямъ, сдѣлавшись чрезъ это виновниками всѣхъ ихъ преслѣдованій. Ихъ жизненный принципъ былъ совершенно другой: ненависть къ членамъ не своей партіи, разрушеніе всѣхъ ихъ матеріальныхъ и духовныхъ благъ. При такомъ явномъ отношеніи сектантовъ къ другимъ, было-бы лицемѣріемъ внушать имъ любовь къ ближнему, а потому рабби Меиръ, проповѣдуя другимъ гуманное отношеніе къ каждому чловѣку, лично не могъ относиться къ сектантамъ иначе, какъ съ ироніею. Если разъ чуть не сорвалось съ устъ его рѣзкое о нихъ слово, то онъ былъ въ-время остановленъ своею замѣчательною женою, приобрѣвшею себѣ также громкую популярность своимъ высоконравственнымъ пониманіемъ закона и смиреніемъ. Останавливая его, жена сказала: «вѣдь не сказано (въ псалмѣ), что исчезнуть *грѣшники*, а сказано: исчезнуть *враги*, а потому ты гораздо лучше сдѣлаешь, когда помолишься за ихъ обращеніе» Но личное свое отношеніе къ сектантамъ, какъ отношеніе духовнаго представителя народа, страданій котораго р. Меиръ былъ свидѣтелемъ, онъ не переносилъ въ аудиторию, гдѣ, какъ въ святыхъ, проповѣдывалъ только чловѣколюбіе. Въ личныхъ же своихъ отношеніяхъ къ сектантамъ и въ своемъ семейномъ кругу, въ присутствіи такой жены, какъ Берурія, онъ не могъ не разрѣшить себѣ сарказма и рѣзкихъ оценокъ.

Если допустить, что различіе въ убѣжденіяхъ могло вліять на перемѣну выработанныхъ воззрѣній въ отношеніи своихъ противниковъ, то ничѣмъ нельзя объяснить себѣ ту трогательную привязанность р. Меира къ своему учителю Ахеру (Елиша-бень-Абра), о которой сохранилось нѣсколько свидѣтельствъ. Ахеръ, будучи коллегой р. Акибы и однимъ изъ извѣстныхъ законоучителей-галахистовъ, до того перемѣнилъ свое направленіе, что сталъ враждебно относиться къ іудаизму, и, какъ гласитъ мойва, былъ интеллектуальнымъ пособникомъ римлянъ въ преслѣдованіи евреевъ въ духѣ адриановыхъ эдиктовъ. Не смотря, однако, на это, р. Меиръ не перемѣнилъ своихъ отношеній къ своему бывшему учителю. Ахеръ, будучи однимъ изъ четырехъ законоучителей, которые разрѣшили себѣ изуче-

ніе метафизики, злоупотреблялъ ея направлеиіемъ и вмѣсто того, чтобы наравнѣ съ р. Акибой пользоваться ею не во вредъ интересамъ народа, позволилъ себѣ самое опасное ея примѣненіе въ жизни. Этими онъ возмутилъ всѣхъ противъ себя, но не возмутилъ своего ученика, р. Меира.

Поведеніе р. Меира слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что онъ былъ глубоко убѣжденъ въ искренности убѣжденій Ахера, въ возможности раскаянія и обращенія его на путь истины. Вотъ въ чемъ слѣдуетъ искать ту равницу, какую мы замѣчаемъ въ отношеніяхъ р. Меира къ Ахеру и другимъ отступникамъ. Эти послѣдніе оставили еврейство не по убѣжденію и относились къ нему враждебно. Въ эпоху преслѣдованій и гоненій евреевъ, отступничество является результатомъ безразличія убѣжденій и безчестности поступковъ. Такому человѣку, какъ р. Меиръ, нельзя было не относиться съ полнымъ пренебреженіемъ къ партіи людей, которые переходятъ въ лагерь дѣйствующихъ насиліемъ и жестокостью и съ безстыднымъ фарисействомъ не только отрекаются отъ своего прошлаго, но стараются своимъ усердіемъ убѣдить новыхъ друзей въ томъ, что не имѣютъ съ этимъ прошлымъ ничего общаго и готовы на всякія средства въ полному его искорененію и разрушенію. Эткихъ людей ничѣмъ нельзя убѣждать, потому что безпринципность не поддается никакимъ убѣжденіямъ: грубость матеріальныхъ интересовъ никакъ не можетъ подняться до высоты духовныхъ благъ человѣка. Не такимъ былъ Ахеръ: онъ былъ человѣкомъ убѣжденія, дѣйствовалъ въ силу принциповъ, — и вотъ почему предположеніе о возможности переубѣжденія такъ крѣпко засѣло въ головѣ р. Меира, что оно не оставляло его до самой смерти Ахера. Изъ тѣхъ лаконическихъ бесѣдъ между ученикомъ и учителемъ, которыя сохранились въ талмудѣ, видно, что р. Меиръ не ошибся. Въ этихъ бесѣдахъ достойны вниманія осторожность и деликатность, съ которыми ученикъ подходилъ къ своему учителю съ цѣлью сохранить подобающую скромность. Сохранилось сказаніе, что въ школѣ, въ которой р. Меиръ въ субботній день говорилъ проповѣдь, подыкалъ верхомъ Ахеръ. Ученики р. Меира доложили ему объ этомъ. Онъ вышелъ и, слѣдуя за Ахеромъ, вступилъ съ нимъ въ бе-

сѣду, примѣнивъ содержаніе своей проповѣди къ неоставлявшей его ни на минуту мысли объ обращеніи своего учителя. — «Я въ рѣчи своей, — говоритъ р. Меиръ, — только что объяснилъ слушателямъ стихъ Іова: «Богъ благословилъ Іова въ концѣ больше, чѣмъ въ началѣ», что Богъ удвоилъ его имущество. На это Ахеръ отвѣчаетъ: «Твой учитель р. Акиба объяснялъ этотъ стихъ совершенно иначе: «Богъ подъ конецъ благословилъ Іова за его старыя добродѣтели, которыя у него сохранились». «Далѣе, — говоритъ рабби Меиръ, — я объяснялъ: «лучше конецъ дѣла, чѣмъ начало» — тѣмъ, что, если у человѣка умерли дѣти, рожденные въ первое время послѣ брака, и на старости родились новыя, которыя остались въ живыхъ, то его конецъ лучше, чѣмъ начало». — «Но учитель твой Акиба иначе объяснялъ это мѣсто: «если кто въ юности учился закону и забылъ его, но на старости возобновляетъ ученіе и сохраняетъ его, того конецъ лучше, чѣмъ начало». Р. Меиръ продолжаетъ затѣмъ объясненіе другого стиха Іова: «Ученіе не можетъ быть оцѣниваемо на золото и стекло; не на золотую посуду совершается обмѣнъ его». Слова ученія приобрѣтаются такъ же трудно, какъ и золото, и теряются легко, какъ стекло. Но какъ золотая и стеклянная посуда, послѣ разбитія, могутъ быть возстановлены вновь посредствомъ сплавленія, точно также бываетъ и со старикомъ, который согрѣшилъ». Различныя толкованія, въ формѣ бесѣды, однихъ и тѣхъ же стиховъ различными учеными чрезвычайно удачно отражаютъ состояніе духа бесѣдующихъ: одинъ доказываетъ, что возможно благословеніе Божіе и въ концѣ, и что оно еще лучше, а другой — что такое позднее благословеніе дается за старыя добродѣтели. Одинъ доказываетъ, что новыя живыя дѣти на старости лучше умершихъ въ юности, а другой — что ученіе, сохраненное въ старости, лучше забытаго ученія юности. Рабби Меиръ отлично зналъ толкованіе стиховъ со стороны р. Акибы и зналъ также, что Ахеръ, какъ collega его, также хорошо знаетъ его толкованіе, — но нашель болѣе приличнымъ форму наведенія Ахера на мысли, касающіяся его лично, и услышать отвѣты, характеризующіе сознаніе его объ этомъ. Какъ только р. Меиръ убѣдился въ сознательности от-

вѣтовъ, онъ уже не прибѣгаетъ къ способу наведенія, а прямо заявляетъ о новомъ самостоятельномъ толкованіи стиха, не-истолкованнаго р. Акибой,—и тутъ же Ахеръ, пораженный въ самую глубь души, уже не защищается тѣмъ, что у него есть добродѣтель юности, что онъ возобновилъ ученіе на старости, словомъ, что и юность и старость даютъ ему право на благословленіе,—а обрываетъ рѣчь на слѣдующемъ: «стой, довольно, ты не долженъ идти далѣе», какъ будто указывая, что р. Меиръ уже прошелъ все пространство, какое въ субботу дозволяется проходить, а въ сущности — чтобы онъ далѣе не затрогивалъ этого жгучаго вопроса. На это р. Меиръ отвѣчаетъ: «Возвратись и ты, мой учитель!» Но Ахеръ считалъ это невозможнымъ. На смертномъ одрѣ къ Ахеру вновь явился р. Меиръ и умолялъ его принести покаяніе, и Ахеръ спрашиваетъ: «принимаются-ли кающіеся грѣшники?» Въ отвѣтъ на это р. Меиръ процитировалъ ему стихъ псалма: «человѣкъ можетъ каяться до самаго уничтоженія», т. е. до уничтоженія жизни смертію. Послѣ этого Ахеръ заплакалъ и умеръ. Р. Меиръ вынесъ убѣжденіе, что Ахеръ умеръ раскаявшимся. Легенда продолжаетъ эту связь между р. Меиромъ и Ахеромъ послѣ смерти послѣдняго. Она передаетъ, что, послѣ похоронъ Ахера, изъ могилы его показались пламя и дымныя облака. Узнавъ объ этомъ, р. Меиръ явился туда, распростеръ надъ могилою свою мантию, сказавъ: «Переночуй здѣсь, а завтра онъ тебя искупитъ, а если нѣтъ, я тебя искуплю». Другая легенда какъ бы объясняетъ смыслъ первой. Послѣ смерти Ахера рѣшено было, что его не накажутъ, но и не вознаградятъ: не накажутъ потому, что въ юности онъ былъ праведенъ; не вознаградятъ потому, что въ старости былъ грѣшенъ. Но р. Меиръ за него помолится, и надъ нимъ начался Небесный Судъ, эмблемою котораго явилось пламя изъ могилы.

Вотъ какимъ ореоломъ легенда окружила интимность отношеній между учителемъ и ученикомъ. Она свидѣтельствуетъ о томъ, что Ахеръ оставилъ своимъ ученіемъ глубокіе слѣды въ сердцахъ и умѣ р. Меира; что этотъ послѣдній глубоко сочувствовалъ своему учителю, что онъ ученіе его сохранялъ въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ души своей, считая только

примѣненіе его современными и не желая вызвать порицаніе, отъ какихъ народное сознаніе относилось къ Ахеру, утверждая, что онъ «связывается въ самую паслужденія», т. е. подрываетъ основы народныхъ возрѣній. Не смотря, однако, на такую сдержанность, у р. Меира, въ общихъ чертахъ, не могло не прорываться наружу направленіе учителя; всѣ чувствовали неуловимую особенность, которою вѣяло отъ его неумолимой, безпощадно-логичной рѣчи, вырывающей Галаху изъ ея основанія. Съ нимъ также современники не могли мириться, его также презвали Ахеромъ, но только въ смягченной формѣ; нѣкоторыя галахи его упоминаются подъ именемъ «Ахеримъ»; но онъ былъ настолько великъ, что заглушилъ въ себѣ свою внутреннюю борьбу ради народныхъ интересовъ, не хотѣлъ внести новаго раздора въ безъ того разрозненную событіями и раздраемую по временамъ врагами народную жизнь. Продолженіе своей связи съ учителемъ-отступникомъ онъ оправдывалъ для народа тѣмъ, что замѣствуетъ у него только ядро, а скорлупу выбрасываетъ; но, въ сущности, возрѣнія его учителя были отраженіемъ другой эпохи, нашедшей примиреніе въ самомъ р. Меирѣ. Народное возрѣніе не могло представить себѣ примиренія духа Ахера съ будущею жизнію прежде, чѣмъ не выйдетъ изъ жюглы эта борьба между пламенемъ и дымными облаками, и рѣшило, что борьба эта можетъ разрѣшиться въ лицѣ р. Меира, который доставилъ успокоеніе праху Ахера. И дѣйствительно, на нашъ взглядъ, только великій, всѣми признанный умъ р. Меира могъ установить дадь между чистымъ пламенемъ, согревающимъ истинную вѣру въ судьбу народной жизни, и тѣмъ вулканическимъ огнемъ, который прорываетъ неокрѣпшую кору и разливается лавой, разрушительно дѣйствующей вокругъ себя. Такимъ образомъ ясно, что рѣзкое отношеніе р. Меира къ сектантамъ и интимное отношеніе его къ Ахеру-отступнику не составляютъ противорѣчія, а находятъ себѣ объясненіе въ цѣльной, всеобъемлющей натурѣ р. Меира, стоявшаго на высотѣ своей задачи, какъ народный представитель, и сознававшаго, что въ эпоху его дѣятельности предстала настоятельная необходимость дѣйствовать въ духѣ созидательномъ, а не разрушительномъ.

Остается объяснить еще одно противорѣчіе въ отношеніи къ простолюдинамъ. Въ разъясненіи закона мы видимъ неуклонное стремленіе р. Меира къ улучшенію народнаго быта, не оставляющее никакого сомнѣнія относительно его народолюбія. Это уже доказывается «Ушинскими установленіями», направленными къ благу народа. Онъ, кромѣ того, всегда возставалъ противъ процентовъ, считая весь договоръ, въ которомъ содержится условіе о процентахъ, недѣйствительнымъ. Онъ же требовалъ также, чтобы снимающій жатву у краевъ полей * и смѣшивающій ее съ другою, снятою съ того же поля, подвергался чувствительному наказанію, состоящему въ конфискаціи всей жатвы. Онъ, далѣе, требовалъ, чтобы всякій обходъ закона, даже въ гражданской сдѣлкѣ, влекъ за собою недѣйствительность ея. При такихъ возрѣніяхъ и положительно выразившейся дѣятельности р. Меира, нельзя допустить и мысли о томъ, чтобы онъ относился враждебно къ простолюдину. Его взглядъ противъ простолюдиновъ объясняется его любовью къ наукѣ, которую онъ ставилъ очень высоко, его увѣренностію въ плодотворности ея результатовъ. Все, что въ жизни противорѣчило интересамъ науки, не вызывало съ его стороны одобренія: *невъжество*, стало быть, было въ его глазахъ тормозомъ къ достиженію высшихъ цѣлей жизни, и простолюдинъ, въ этомъ смыслѣ, не могъ имѣть общенія съ представителями науки. Р. Меиръ требовалъ науки во имя науки: «Кто занимается наукою съ чистымъ намѣреніемъ, утверждаетъ р. Меиръ, тотъ достигаетъ многого: такого человека называютъ «другомъ», «излюбленнымъ»; такой человекъ любитъ Бога и людей; онъ можетъ обрадовать Бога и людей. Ученіе даетъ человѣку скромность и страхъ Божій; оно дѣлаетъ человека правдолюбивымъ, благочестивымъ, честнымъ и довѣрчивымъ; оно удаляетъ его отъ грѣха и приближаетъ къ добродѣтели; оно доставляетъ человѣку возможность давать совѣты, оказывать помощь, а другимъ—пользу отъ его разсудительности и нравственной мощи; оно способствуетъ ему въ изслѣдованіи права

* Известно, что по закону библіи необходимо оставить для бѣдныхъ жатву на краяхъ полевыхъ участковъ.

и посвящаетъ его въ откровеніе тайнъ науки. Ученый человѣкъ подобенъ месячному источнику и безконечной рѣкѣ; онъ скромнъ, долготерпѣливъ и прощаетъ обиды; ученіе подымаетъ и возвышаетъ его надъ всѣмъ въ мірѣ». Вотъ какихъ обильныхъ результатовъ р. Меиръ ожидалъ отъ ученія. Если мы прибавимъ къ этому, что онъ на вопросъ: «кому подобаетъ имя учителя?»—отвѣчалъ: «Тому, кто занимается наукой, а не тому, кто занимается библіей и Мишной»,—то мы составимъ себѣ ясное понятіе о томъ, что р. Меиръ науку понималъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Притомъ, наука, дающая желательные р. Меиру результаты, не можетъ быть иною, не можетъ отличаться ни узкостью взглядовъ, ни замкнутостію. Р. Меиръ пропагандировалъ занятіе наукою, онъ вмѣнялъ въ обязанность учиться и учить; онъ взывалъ къ самостоятельности: *«Кто самъ учится, говоритъ р. Меиръ, и не обучаетъ другихъ, тотъ оскверняетъ слово Божіе»*. Обязательность обученія дѣтей родителями была его принципомъ, который онъ ставилъ выше всего. Онъ выводилъ ее изъ того, что, при передачѣ евреямъ на горѣ Синаѣ закона, Господь Богъ потребовалъ отъ евреевъ ручательства въ знаніи его и не соглашался ни на какое ручательство, кромѣ заложниковъ—дѣтей. Дѣти должны ручаться за родителей, что законъ будетъ сохраненъ. *«Учиться,—по мнѣнію р. Меира,—никогда не можетъ быть довольно: научился многому у одного учителя, ищи другихъ»*. Самъ р. Меиръ такъ и дѣлалъ: учился у рабби Ишмаэля, у р. Акибы и у Ахера, и потому умъ его отличается многосторонностію. Въ жизни онъ дѣйствовалъ совершенно согласно со своимъ ученіемъ: *третью часть своихъ заработковъ отдавалъ на поддержку ученыхъ*.

При такомъ высокомъ взглядѣ на науку и ея представителей, при такихъ многообъяснимыхъ наукою результатахъ, при такомъ настоящемъ проведеніи своихъ идей въ жизнь, не покажется страннымъ въ устахъ р. Меира слѣдующее: «Кто свою дочь отдаетъ замужъ за простолюдина, тотъ отдалъ ее въ рабство и бросилъ въ когти льва». Онъ считалъ такой бракъ несчастливымъ, потому что женщина въ семьѣ простолюдина, котораго р. Меиръ отождествляетъ съ человѣкомъ невѣжествен-

нымъ, въ противоположность ученому, превращается въ рабыню и роиаетъ свое человѣческое достоинство. Невѣжественный человѣкъ не можетъ отличатся такими добродѣтелями, какія бываютъ результатомъ знанія, а потому, не имѣя ни благородства души, ни скромности, онъ не только не можетъ доставить счастья такому слабому существу, какъ женщина, но, напротивъ, становится ея властелиномъ и дѣлаетъ ее несчастною на всю жизнь. Этотъ взглядъ р. Меиръ подтверждаетъ тѣмъ, что допускаетъ возможность обратнаго явленія: выходъ дочери простолюдина замужъ за молодого ученаго, если она заранее соглашается къ исполненію обязанностей, связанныхъ съ его положеніемъ, такой бракъ, очевидно, можетъ доставить счастье, потому что женщину, бывшую прежде въ средѣ невѣжественной, ожидаетъ облагороживаніе болѣе нравственной среды. Легенда рассказываетъ, что жена одного простолюдина прилежно и внимательно слушала лекціи р. Меира въ его аудиторіи и разъ она поздно возвратилась домой. Въ видствіе этого мужъ грозилъ дать ей разводъ, если она не плюнетъ въ лицо своему учителю семь разъ. Узнавъ объ угрожающемъ его слушательницѣ несчастіи, р. Меиръ настаивалъ на исполненіи ею приказанія мужа. Можно представить себѣ положеніе женщины, жаждущей науки, въ семьѣ простолюдина, который готовъ на все, лишь бы отомстить ученому, развращающему, по его мнѣнію, жену его наукой. Должно быть, что р. Меиръ черпалъ въ самой жизни матеріалъ для своихъ убѣжденій. У самого р. Меира, какъ извѣстно, была жена—дочь одного изъ десяти великомучениковъ—извѣстнаго законсучителя, и его бракъ доставилъ ему истинно-счастливую жизнь. Его жена, еще за сколько столѣтій до Бенкари, указала на великій общественный принципъ, что надобно преслѣдовать *морокъ*, а не *морочилка*, или, другими словами, что въ обществѣ необходимо обратить вниманіе на условія, вызывающія порочныя наклонности и стремиться къ ихъ искорененію, а къ самымъ преступникамъ, составляющимъ жертву этихъ общественныхъ условій, необходимо относиться снисходительно, необходимо,—какъ говоритъ она,—молиться за нихъ, или, говоря иначе, общество должно искупить ихъ преступленія. Эти взгляды были высека-

заны женщиною еще во II-мъ столѣтїи послѣ Р. Х. и эта женщина была женою р. Меира: онъ могъ на дѣлѣ испытать, что такое бракъ дочери ученаго съ ученымъ.

Отсюда ясно, что особенность воззрѣнія р. Меира на простолюдина обнимаетъ собою только навѣстную сферу отношеній, въ которыхъ онъ не желалъ бы его сближенія съ ученымъ классомъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда оно можетъ вредно отразиться на судьбѣ человѣка, а этотъ взглядъ вытекаетъ изъ болѣе общей идеи гуманности, которою былъ проникнутъ р. Меиръ.

Такимъ образомъ, эта какъ бы, новидимому, исключительность взгляда подтверждаетъ только общее правило какъ проявленіе основныхъ, характеристическихъ чертъ р. Меира.

Въ отношеніяхъ своихъ къ язычникамъ р. Меиръ выработалъ возвышенный взглядъ, уничтожающій различіе между людьми и облегчающій уравненіе ихъ въ сферѣ общественной. Какъ мы видѣли выше, его толкованіе о равноправности относительно будущей жизни выводится изъ понятія о человѣкѣ, взятомъ не въ видовыхъ его различіяхъ. Такое воззрѣніе дало новый толчокъ въ развитіи мысли о равенствѣ людей, и р. Меиръ сталъ допускать переходъ язычниковъ въ иудейство лишь подъ условіемъ отреченія отъ язычества въ присутствіи трехъ, посвящающихся наукъ, людей, безъ совершенія какихъ бы то ни было обрядовъ перехода. Въ такомъ видѣ переходъ совершенно достаточенъ для приобрѣтенія язычникомъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Р. Меиръ пользовался у язычниковъ высшимъ уваженіемъ за его глубокой умъ. Изъ бесѣды его съ ними сохранилось исполненное остроумія объясненіе язычнику его вопроса: «почему Яковъ, почитаемый евреями какъ человѣкъ праведный, позволилъ себѣ удѣлить въ видѣ десятины Господу Богу только одно колѣно Левино, тогда какъ у него было двѣнадцать сыновей?» Отвѣтъ р. Меира слѣдующій: «У Якова было не двѣнадцать, а четырнадцать сыновей, такъ какъ онъ усыновилъ еще двухъ сыновей Иосифа—Ефраима и Манассію. Но дѣло въ томъ, что всѣ дѣти Якова происходили отъ четырехъ женъ, которыхъ четыре первородныхъ сына, въ силу рожденія, посвящены Богу; а потому онъ совершенно

правильно выдѣлилъ десятину изъ оставшихся десяти сыновей». Легенда говоритъ, что этотъ отвѣтъ понравился язычнику.

Особенно же выдвинулся р. Меиръ на поприщѣ Гагады (легендарной части талмуда). Такъ какъ р. Меиръ первымъ достоинствомъ педагогическаго метода считалъ краткость и сжатость изложенія, то онъ, для распространенія въ народѣ нравственныхъ правилъ, прибѣгалъ къ изложенію ихъ въ формѣ басенъ. Извѣстно, что онъ составилъ 300 басенъ, въ которыхъ фигурируетъ лисица. Изъ нихъ сохранилось всего нѣсколько. Приведемъ изъ нихъ двѣ басни, которыя должны были объяснить народу библейскіе стихи: *«Отцы ѣдятъ кислый виноградъ, а дѣти набиваютъ оскомины»* и *«Справедливое стем—справедливая мри»*. Первый стихъ онъ объясняетъ слѣдующею баснею Лисица, которая чуть не вползла въ когти льву, начала его уговаривать: *«Посмотри,—говоритъ она,—я вовсе не такого роста, чтобы могла утолить твой голодъ, но я могу тебя повести къ человѣку жирному и тучному, которымъ ты вполне насытишься»*. Левъ согласился, пошелъ за лисцей, которая повела его къ краю закрытой сверху ямы. На противоположной сторонѣ ея сидѣлъ человѣкъ, на котораго напасть можно было, сдѣлавъ прыжокъ черезъ яму. Но левъ, взглянувъ на человѣка, немного струсиль. Я боюсь,—говоритъ онъ,—его молитвы, она можетъ мнѣ повредить». Лисица же его ободряетъ библейскимъ стихомъ, гласящимъ: *«Твои грѣхи вѣдь будутъ искуплены лишь дѣтми и внуками»*. Левъ, одуренный этимъ ободреніемъ, бросился черезъ яму и упалъ въ нее. Лисица взглянула въ яму ко льву, а тотъ кричитъ оттуда: *«Какъ, развѣ ты не сказала мнѣ, что наказаніе нестигнетъ: не меня, а внука?»* *«Такъ же оно и есть,—отвѣтила ему лисица:—твой дѣдушца уже ссѣрѣшилъ, а потому ты теперь долженъ искупить его грѣхи»*. Тогда левъ вскрикнулъ: *«Отцы ѣдятъ кислый виноградъ, а у дѣтей оскомина набивается»*. *«Объ этомъ,—сказала лисица,—тебѣ слѣдовало подумать въ самомъ началѣ»*.

Для объясненія другого стиха р. Меиръ рассказываетъ слѣдующую басню. Лисица развѣ повела волка къ колодезю, у котораго было коромысло съ двумя бадьями. Она быстро прыгнула въ одну изъ нихъ и опустилась въ колодець, послѣ чего

другая бадья поднялась вверхъ. — «Что такое у тебя тамъ внизу?» — спросилъ любопытный волкъ. — «Мясо и сыръ въ обилии», отвѣчаетъ лисица, и въ доказательство показала ему на отраженіе въ водѣ луны, которая казалась большимъ кругомъ сыра. Голодный волкъ быстро вскочилъ на другую бадью и опустился въ глубь, вслѣдствіе чего поднялась другая бадья съ лисицей. Волкъ, понявъ обманъ, кричитъ оттуда: «Какъ бы добраться вверхъ». Лисица же отвѣтила: «Праведникъ избѣгаетъ бѣды, а нечестивецъ заступаетъ его мѣсто. Справедливые вѣсы — справедливыя гири». Мы привели эти басни, какъ образцы удобопонятныхъ для народа объясненій библейскихъ стиховъ съ цѣлю привитія средѣ простолюдиновъ извѣстныхъ нравственныхъ понятій на почвѣ иудаизма. Но Гагада была гораздо шире области басенъ, она обнимаетъ собою различныя теченія еврейской мысли. Мы удѣлимъ общей характеристикѣ Галахи и Гагады мѣсто въ очеркѣ о р. Авибѣ и болѣе подробной — въ характеристикѣ всей талмудической эпохи, которая послѣдуетъ по окончаніи всѣхъ очерковъ. Теперь же мы ограничимся только указаніемъ на то, что самая важная заслуга р. Меира какъ въ Галахѣ, такъ и въ Гагадѣ, заключается въ осуществленіи на дѣлѣ великаго принципа обязательности обученія другихъ. Эта обязательность могла бы превратиться въ пустой, бессодержательный принципъ, если бы ученіе продолжало быть устнымъ. Многое могло бы погибнуть, если бы оставалась въ силѣ устная традиція безъ переложенія на письмо того, что составляло достояніе народа. Если бы даже по условіямъ того времени и можно было рассчитывать на силу современныхъ ученыхъ, которая составляла бы прочную гарантію въ сохраненіи устнаго закона, то и тогда могло бы явиться другое опасеніе, что знаніе сдѣлается достояніемъ людей профессіи и лишится способности широкаго распространенія. Р. Меиръ и въ этомъ отношеніи сдѣлалъ шагъ впередъ: онъ первый пошелъ на-проломъ узкому протесту современниковъ противъ составленія сборниковъ и первый сталъ записывать, собирать Галаховыя постановленія. Въ особенноти же велики его заслуги предъ Гагадою, противъ распространенія которой были почти всѣ современники, такъ какъ ея область затрагивала

высшее знаніе метафизики, которое должно было остаться въ тѣсномъ кружкѣ людей, не способныхъ злоупотреблять ея выводами. Рабби Меиръ и здѣсь пошелъ впередъ и сталъ записывать въ сборники идеи Гагады. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи на своего великаго ученика, р. Йегуду Ганасси, составившаго сборникъ Галаховыхъ положеній, подъ названіемъ «Мишна», которая и способствовала быстрому развитію школы и направленій и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалась достояніемъ всего народа.

Но самое замѣчательное, что мы нашли въ воззрѣніи р. Меира, это — взгляды, имѣвшій такое глубокое, утѣшительное вліяніе на примиреніе евреевъ съ своею страдальческою судьбою. По мнѣнію р. Меира, довольно ясно сформулированному, Богъ страдаетъ въ самомъ человѣкѣ: *«Страданія людей суть страданія Бога»*. Богъ ни въ какую человѣческую эпоху не можетъ искупить человѣческихъ страданій, и покуда человѣкъ на землѣ только будетъ жертвою страданій, до тѣхъ поръ Богъ будетъ страдать вмѣстѣ съ человѣкомъ, будетъ страдать за него. Богъ никогда не можетъ отдѣляться отъ человѣка, какъ отъ своего образа и подобія, и раздѣляетъ съ нимъ его судьбу. Такое начало гораздо выше начала Моисеева, по которому Богъ является силою, уравнивающею людей между собою въ личныхъ и матеріальныхъ благахъ. По закону Моисея, всѣ еврей—рабы Божіи, вся земля принадлежитъ Господу, и отсюда—полное равенство людей между собою. Богъ пророковъ идетъ далѣе, дѣлаетъ первую попытку приближенія людей къ себѣ, обращая ихъ отъ формы религіи къ дѣйствительному ея содержанію. Рабби Меиръ идетъ еще далѣе, онъ доводитъ равенство до союза человѣка съ Богомъ, и если «страданія многихъ составляютъ половину утѣшенія», то насколько утѣшеніе должно сдѣлаться полнымъ при убѣжденіи, что съ человѣкомъ страдаетъ самъ Богъ!

Богъ, такимъ образомъ, по воззрѣнію р. Меира, ведетъ человѣка на путь страданій, но не бросаетъ его одного на этомъ трудномъ пути: онъ страдаетъ вмѣстѣ съ нимъ и будетъ страдать до тѣхъ поръ, пока не выведетъ человѣка на свѣтлую дорогу, гдѣ не будетъ ни горя, ни мученій, когда люди дой-

дутъ до сознанія, что необходимо освободить отъ страданій свой первообразъ, свое первоподобіе. Сколько великаго смиренія вносить такое возрѣніе въ жизнь народа и сколько вмѣстѣ съ тѣмъ оно придаетъ ему нравственной силы, чтобы выждать лучшей участи. Такой взглядъ могъ выработаться только въ эпоху безчеловѣчныхъ страданій евреевъ, въ эпоху адриановыхъ эдиктовъ, и лучшаго утѣшенія не могъ великій учитель дать своему народу, какъ сказавъ ему, что съ нимъ вмѣстѣ страдаетъ и Богъ.

Самъ р. Меиръ, очевидно, въ этой своей мысли черпалъ сознаніе роковой необходимости оставаться въ народной средѣ, въ особенности въ критическую эпоху исторической жизни, когда возвышенныя условія ума и сердца обязываютъ къ страданію вмѣстѣ съ народомъ, а не оставить его безъ нужнаго руководства. Какъ великій носитель идеи своего времени, р. Меиръ сознавалъ, что необходимо вести тяжелую борьбу съ взглядами, господствующими внѣ еврейства, необходимо считаться съ внутреннимъ направленіемъ въ самомъ іудействѣ. Благодаря необыкновенной силѣ ума и еще болѣе энергической дѣятельности, отличавшейся практическимъ смысломъ, р. Меиръ вышелъ побѣдителемъ въ самую трудную эпоху еврейской исторіи, въ эпоху возрожденія и столкновенія самыхъ разнообразныхъ возрѣній, и, при этихъ исключительныхъ условіяхъ, онъ успѣлъ подготовить довольно солидную почву для дальнѣйшаго развитія іудаизма.

М. Моргулисъ.

ДОЧЬ ПРЕДАТЕЛЯ.

(Историческое преданіе).

I.

Ночь глубокая надъ Прагой.
Мирнымъ, вѣвѣкимъ сномъ объята
И старинная обитель
Чудотворнаго Мартына.
Спать сады и спать капеллы;
Везмятежно дремлютъ вельи—
Эти сумрачныя гнѣзда
Старыхъ, сумрачныхъ монаховъ.

Лишь въ одной, въ углу двора,
Робео свѣтится окошко,
Словно тусклый глазъ мерца
Межъ вѣтвей столѣтнихъ буковъ.
Въ этой кельѣ, весь охваченъ
Роковымъ огнемъ чахотки,
На убогомъ, жесткомъ ложѣ
Дико мечется отшельникъ.

Влѣдный лобъ избороздили
 Неподвижныя морщины,
 И застыли капли пота
 Въ ихъ изгибахъ перемежныхъ.
 Изъ глубокихъ, темныхъ впадинъ
 Смотрять жалобныя очи,
 Обращаясь поминутно
 Въ двери кельи. Онъ кого-то
 Ждетъ съ надеждой и тревогой..

За окномъ шумять деревья,
 И надломленною вѣткой
 Бьетъ порой по стекламъ вѣтеръ...
 Дичь и страшень видъ больного,
 Но въ очахъ его сверкаетъ
 Лишь одинъ порывъ тревожный,
 Лишь одна горитъ надежда:
 „О, скорѣй... скорѣй!—онъ шепчетъ:
 Приходи!...“

И вотъ—онъ вздрогнулъ,
 Притаился... За стѣною
 Раздается шумъ глухой...
 Дверь тихонько отворилась,—
 И сѣдой, высокій старецъ,
 Въ длинный, черный плащъ одѣтый,
 На порогъ появился.

Съ громкимъ крикомъ: Равви! Равви!—
 Вмигъ вскочилъ большой и съ воплемъ,
 Задыхаясь и рыдая,
 Палъ къ ногамъ сѣдаго старца.
 —Равви! Равви!—вослицаетъ
 Онъ съ горячею мольбою:
 Богъ воздастъ тебѣ сторицей
 За великій подвигъ твой!

Слушай, старецъ! Мнѣ недолго
 Жить осталось... скоро, скоро
 Эти губы онѣмѣютъ
 И погаснутъ эти очи...
 Такъ внемли-же мнѣ: Ты помнишь...
 Помнишь Базель? Ночь глухая,
 Звукъ набата надъ толпою...
 Помнишь?—Зарево пожара...
 Раздирающіе воли
 Жертвъ, ведомыхъ на закланье...
 Крики дѣвушекъ и женщинъ...
 Лязгъ ножей и стонъ, и хохоть...
 Помнишь, равви?... Въ эту ночь
 Мой отецъ былъ брошенъ въ пламя,
 Въ то ужасное мгновенье,
 Какъ рукою безоружной
 Онъ въ отчаяньи пытался
 Вырвать мать мою изъ рукъ

Опьянённаго солдата...
 Той же участи подверглась
 И сестра моя... Милютка.
 Обнаженная валялась
 Въ грудѣ пещи и обломковъ
 Въ ручкѣ маленькой зажавши,
 Клокъ съдыхъ волосъ монаха...
 Какъ во снѣ теперь мольнасть
 Предо мной кровавый призракъ
 Этой ночи... Всѣ погибли...
 Я одинъ, одинъ остался
 На позоръ и муку... Равви!
 Мнѣ сказали, что я долженъ
 Все забыть, что искупленье
 Я найду подъ этой рясой,
 Въ этой мрачной, душной кельѣ.

. . . . .
 Тридцать лѣтъ я прожилъ въ этой
 Душной кельѣ... Тридцать лѣтъ
 Я носилъ одежду эту...
 Но въ душѣ моей угрожей
 Подъ нѣмымъ, холоднымъ пепломъ
 Тлѣла искорека живая;
 Что-то смутно шевелилось
 Тамъ порой и жгло, и ныло...

Тридцать лѣтъ прошло... Но вотъ
 Въ роковомъ огнѣ недуга
 Догораеть мозгъ усталый,
 Смерть дохнула въ эту грудь,
 И зажглась и разгорѣлась
 Подъ ея дыханьемъ страшнымъ
 Эта искра... Равви, равви!
 Я хочу туда, гдѣ тлѣють
 Кости матери моей!..
 Посмотри, передъ тобою
 Подъ одеждою монаха,
 Въ мукахъ, въ скорби покаянной
 Бьется сердце іудея...

Не монахъ и не отступникъ—
 Предъ тобой дитя больное,
 Истекающее кровью...
 Слышишь хрипъ въ груди моей?—
 Это смерть поетъ, рыдая,
 Мнѣ напутственную пѣсню...
 Дай же мнѣ сойти въ могилу
 Тѣмъ, чѣмъ была я въ колыбели...
 И въ своей молитвѣ жаркой
 Помани съ любовью братской
 Душу грѣшную мою!..“

II.

Съ душой скорбной и тяжелой
 Пробирался старый равви
 Въ свой пріютъ, гдѣ были въ сборѣ
 Всѣ старѣйшины общины...
 „Боже!—мыслилъ онъ: не вправдѣ
 Я отринуть эту душу,
 Всю излившуюся въ скорби
 И въ раскаянныя глубины...
 Но Ты знаешь, Боже правый!
 Не за свой удѣлъ страшусь я,
 Не своей жалѣю жизни...

Съ первыхъ лѣтъ Тебѣ, Господь мой,
 Посвятилъ я умъ и сердце...
 Много разъ я шелъ на встрѣчу
 Смерти лютой, много разъ
 Принималъ я скорбь и муки
 За Твое святое имя...
 Но теперь... теперь, о Боже,
 Слишкомъ страшень и великъ
 Этотъ подвигъ!..“

Да, не даромъ
 Такъ скорбѣлъ и плакалъ старецъ:

Не своей жалѣлъ онъ жизни,
 Нѣтъ!.. Но старый равви зналъ,
 Что за нимъ слѣдить незримо
 Глазъ предательскій—увы! —
 Глазъ отступника-еврея:
 Безсердечный временщикъ,
 Рабъ чужого произвола—
 Зорко онъ слѣдитъ за каждымъ,
 Каждымъ шагомъ іудеевъ,
 Каждый мигъ предать готовый,
 Не пада ни женъ, ни старцевъ,
 Ни младенца въ колыбели...

„Онъ узнаеть, онъ предасть—
 Размышляя старикъ: о, Боже!
 Укрѣпи меня на этотъ
 Страшный подвигъ!.. Боже правый,
 Осѣни крыломъ священнымъ
 Это дѣло роковое!...

Я пойду на этотъ подвигъ,
 Я пойду! И если... если
 Кровь нужна Тебѣ, Господь мой!—
 До послѣдней капли въ жертву
 Пусть моя прольется кровь,

Но спаси мою общину,
Милосердный, правный Боже!..“

* * *

Вдоль стѣны монастыря
Чудотворнаго Мартына
Мимо стражи задремавшей,
Торопливо пробирались
Двѣ высокія фигуры,
Унося съ собою тѣло
Бездыханнаго монаха...

Тихо было на кладбищѣ.
Только вѣтеръ, глухо воя,
Пронеслся по могиламъ,
Листья желтые срывая
Съ вѣтокъ старыхъ, мрачныхъ кленовъ,
Да въ одношь углу виднѣлись
Два могильщика, склоненныхъ
Надъ глубокой, свѣжей ямой.

Не звучали кружки Братства
Предъ таинственной могилой,
Ни единымъ скорбнымъ звукомъ
Ночь кругомъ не оглашалась

Въ ту минуту, какъ въ могилу
 Былъ опущенъ трупъ холодный.

Лишь порой съ небесъ далекихъ
 Сквозь разорванныя тучи
 Робко звѣздочки глядѣли
 И мигали боязливо
 И тревожно, словно глаза
 У испуганныхъ малютокъ,
 Да съ протяжнымъ стономъ вѣтеръ
 Надъ могилами носился,
 Съ вѣтокъ старыхъ, мрачныхъ еленовъ
 Листья желтые срывая...

Съ легкимъ скрипомъ затворились
 Обветшалыя ворота.
 Изъ сторожки къ уходящимъ
 Подошелъ безмолвно равви:
 — Братъ — тихо онъ промолвилъ —
 Дѣло славное, святое,
 Вы свершили, и да будетъ
 Милость Господа надъ вами.
 Я одинъ...“

И вдругъ, не кончивъ,
 Задрожалъ и зашатался
 Старый равви... Тихій шорохъ
 Онъ слышалъ за собою...

Оглянулся онъ и видитъ—
Въ отдаленнѣи промелькнула
Чья-то тѣнь и быстро скрылась
Въ темнотѣ угрюмой ночи...

С. Фругъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АВРААМЪ ГЕЗОФОВИЧЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI-ГО ВѢКА *.

IV.

Метаморфоза съ брестскимъ «илуїнимомъ».

1507-й годъ—годъ начала нашего разсказа.

Въ судьбѣ литовскихъ евреевъ наступила большая перемѣна къ лучшему. На польско-литовскомъ престолѣ сидитъ монархъ новый, король Сигизмундъ I, болѣе гуманный, болѣе либеральный, болѣе просвѣщенный, чѣмъ предшествовавшіе ему братья его—Янъ-Албрехтъ и Александръ, которые таки не продолговенствовали на царствѣ, — всего оба вмѣстѣ управляли тринадцать лѣтъ. Надъ еврейскимъ горизонтомъ взошла новая заря.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ молодой король взиралъ на богатый отъ природы край, разоренный, опустошенный нашествіемъ непріятелей, повальными болѣзнями, пожарами и изгнаніемъ изъ его предѣловъ живого, умнаго и дѣятельнаго населенія, выносившаго на своихъ плечахъ почти всю экономическую жизнь края, когда-то призвавшаго его для этой культурной функціи. Куда ни обращался его меланхолическій взоръ, когда онъ вмѣстѣ съ своей молодой супругой, иностранкой Боной, гулялъ въ экипажѣ по низменнымъ, узкимъ, извилистымъ улицамъ и возвышеннымъ окрестностямъ своей резиденціи Вильны, онъ вездѣ встрѣчалъ груды развалинъ, жалкія пенелища, зіяющія пропасти и страшное безлюдство тамъ, гдѣ

* См. Восходъ кн. I.

Восходъ, кн. 2.

два-три десятка лѣтъ тому назадъ кипѣла жизнь и веселіе среди стотысячнаго зажиточнаго и довольнаго населенія.

— Нѣтъ, такъ быть не должно, — думалъ про себя юный король, чуя въ себѣ приступы творческихъ силъ и пламенное желаніе утилизировать эти силы. — Твореніе рукъ Гедимина и Ольгерда не должно лежать во прахѣ; я сооружу его изъ пепла на зло завистливой Москвѣ и хищнымъ рыцарямъ Ливоніи.

Но, кромѣ мирныхъ плановъ, король замышлялъ походъ противъ Москвы, куда скрылся государственный измѣнникъ Михаилъ Глинскій, помышлявшій, какъ всѣ увѣряли, не болѣе, не менѣе, какъ о литовскомъ велико-княжескомъ престолѣ. Все это, разумѣется, требовало денегъ, много денегъ, а казна была пуста, государственные финансы въ высшей степени разстроены. Откуда-же взять средства?

Первымъ дѣломъ, онъ отмѣнилъ декретъ объ евреяхъ, позволилъ имъ свободно селиться во всемъ литовскомъ краѣ и обѣщаль имъ покровительство и многія льготы. Евреи, разумѣется, не заставили себя долго просить и стали прибывать большими партіями. Прибыль и Езофовичъ послѣ десятилѣтняго скитальчества по иностраннымъ землямъ, гдѣ онъ занимался торговлей, а также совершенствованіемъ себя въ европейскихъ познаніяхъ, къ которымъ онъ пристрастился: еврейскій ламданъ сталъ уступать мѣсто схоластику тогдашняго времени.

Онъ поселился въ Вильнѣ, сталъ осматриваться и обдумывать, что ему дѣлать, и возобновлять свое старое знакомство со шляхтой и магнатами, чрезъ посредство которыхъ онъ надѣялся получить отъ казны какой нибудь откупъ, которымъ онъ былъ бы вполне доволенъ. Но быстрое осуществленіе его надеждъ превзошло самыя смѣлыя его ожиданія. Судьба, какъ видно, рѣшилась выдвинуть его на недосыгаемую для еврея высоту.

Дѣло въ томъ, что о пребываніи въ Вильнѣ Езофовича какъ-то узналъ самъ король, знававшій и уважавшій умнаго купца еще съ прежнихъ временъ. Какимъ-то экспромптомъ или по какому-то вдохновенію, король намѣтилъ себѣ въ умѣ своемъ Езофовича какъ то лицо, въ услугахъ котораго онъ теперь

крайне нуждался. Онъ потребовалъ его къ себѣ и Езофовичъ явился, не мало тревожась внезапно выпавшей на его долю великой честью или... большой бѣдой. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, руки его тряслись, а зубы стучали. Шутка-ли, внезапная аудіенція у всемогущаго монарха! Не интрига-ли? Не клевета-ли? Долго-ли отъ дворца попасть въ темницу или на эшафотъ.—и притомъ беззащитному еврею.

— Ошамти, богадти, гозальти,—твердилъ онъ на ходу во дворецъ слова исповѣди, бія себя въ грудь.

Аудіенція происходила въ частномъ кабинетѣ короля, въ нижнемъ замкѣ, неподалеку отъ берега Вилии.

— Ты, Езофовичъ, какъ я вижу, состарѣлся или возмужалъ,—сказалъ Сигизмундъ, добродушно улыбаясь, сидя возлѣ письменнаго стола на мягкомъ креслѣ, обитомъ малиновымъ бархатомъ съ серебрянымъ шитьемъ.

— Не трудно было, ваша королевская милость, состарѣться, скитаясь по міру десять лѣтъ, гдѣ день, гдѣ ночь,—отвѣтилъ Езофовичъ довольно твердо, прійдя въ себя отъ добродушной улыбки и простыхъ словъ всемогущаго монарха.

— Теперь ты скитаться не будешь, ни ты, ни соплеменники твои. Я издалъ декретъ, отмѣняющій декретъ покойнаго брата моего Александра,—продолжалъ король, глядя въ упоръ въ нѣсколько оживившееся лицо стоявшаго въ шести шагахъ отъ него еврея.

— Наши божицы день и ночь возсылаютъ молитвы къ Царю небесному о долгоденствіи и благополучіи вашей королевской милости.

— Евреи—народъ умный,—продолжалъ король въ томъ же тонѣ,—они краю полезны и мнѣ нужны. Но всѣхъ мнѣ нужнѣе—ты, Езофовичъ. Отъ твоего ума, отъ твоей опытности, отъ твоей честности я ожидаю и требую большихъ услугъ.

— Я—рабъ вашей королевской милости,—отвѣтилъ еврей, кланяясь въ поясъ.—Извольте приказать—и я готовъ служить вашей королевской милости до послѣдней капли крови.

Король съ минуту молчалъ, потомъ, погладивъ свой красивый лобъ, опять началъ:

— Ты не думай, что я хочу попросить у тебя взаймы, хотя

казна моя сильно въ томъ нуждается. Да у тебя и у всѣхъ твоихъ нѣтъ и половины той суммы, въ которой государство теперь нуждается. Но ты можешь и долженъ оказать мнѣ услугу совершенно другого рода, да она и не трудна.

Езофовичъ, въ высшей степени озадаченный, навестило уши.

— Коротко говоря,—продолжалъ король, вперя въ еле державшагося на ногахъ Езофовича проницательный, почти строгій взглядъ,—хочу передать въ твое завѣдываніе государственную казну, хочу сдѣлать тебя подскарбіемъ*.

Езофовича такъ ошеломили эти слова короля, что онъ отшатнулся назадъ, выпучилъ глаза и молчалъ, онѣмѣвъ отъ удивленія.

— Да, подскарбіемъ, — повторилъ король еще съ большею увѣренностью. — Боговитиновичъ — добрый малый, хорошій охотникъ и еще лучшій гуслирь, но подскарбій плохой, о государственномъ хозяйствѣ понятія не имѣеть. Насадилъ вездѣ какихъ-то странныхъ сборщиковъ, которые, кромѣ недоимокъ, ничего въ реестрахъ не выводятъ, и за это жалованье получаютъ. Казна пуста и богата только долгами; вскорѣ не будетъ чѣмъ платить дворцовой стражѣ.

Король всталъ съ мѣста и два раза прошелся по кабинету взадъ и впередъ.

— Конечно,—продолжалъ онъ, опять садясь въ кресло, — противъ твоей номинаціи будутъ и Радзивиллы и Глѣбовичи, и Забржезинскій, и Сапѣга, и другіе члены совѣта, но я имъ объясню, я ихъ уломаю; съ этой стороны препятствіе будетъ устранено. А что, Езофовичъ, рѣшаешься ли ты взять казну въ свои руки?

— Какъ вашей королевской милости угодно будетъ,—отвѣтилъ Езофовичъ, приложивъ правую руку къ груди и низко поклонившись.

— Но тутъ есть еще одно препятствіе, не очень важное, устраненіе котораго зависитъ уже отъ тебя самого.

---

* Соответствуетъ нынѣшней должности министра финансовъ.

Езофовичъ недоумѣвающе и вопросительно взглянулъ на короля.

— Препятствіе это, — продолжалъ король, — что ты еврей! А по нашей конституціи еврей не можетъ быть государственнымъ сановникомъ. Но ты сдѣлаешься христіаниномъ.

— Христіаниномъ?! — воскликнулъ Езофовичъ не своимъ голосомъ, чуть не всплеснувъ руками.

— Развѣ это для тебя такъ трудно? Чего ты такъ испугался? Ты же человѣкъ умный и бывалый, — неужели еврейское суевѣріе тебѣ еще такъ дорого, что тебѣ жаль разстаться съ нимъ?

Езофовичъ, блѣдный какъ смерть, дрожа всѣмъ тѣломъ и съ опущенною головою стоялъ съ минуту молча. Потомъ онъ проговорилъ слабымъ, надтреснутымъ голосомъ:

— Ваша королевская милость! Клянусь вамъ Творцомъ неба и земли, нашимъ общимъ Богомъ, который равно святъ для христіанъ и для евреевъ, клянусь вамъ, что моя религія насколько не будетъ мѣшать мнѣ служить вашей королевской милости вѣрой, правдой, всѣми фибрами души моей. Напротивъ, чѣмъ больше я буду евреемъ, тѣмъ болѣе вѣрнымъ рабомъ буду вашей королевской милости. Нашъ законъ прямо говорить, что «царство земное все равно, что царство небесное», а законъ для насъ святъ, ненарушимъ. Я готовъ пожертвовать для вашей королевской милости всѣмъ для меня дорогимъ и святымъ: достояніемъ, семействомъ, жизнью моею, но измѣна религіи отцовъ—выше силъ моихъ.

— Это предразсудокъ и ничего больше, — сказалъ король. — Я увѣренъ, что когда ты хорошенько подумаешь, то отъ него освободишься.

— Никогда! — внезапно вырвалось изъ устъ совершенно растерявшагося еврея, забывшаго, гдѣ онъ и съ кѣмъ говорить.

— Что?! — воскликнулъ король, и лицо его запылало гнѣвомъ. — И ты смѣешь прекословить своему монарху? Стало быть, еврейское суевѣріе для тебя важнѣе гнѣва и милости монарха, въ рукахъ котораго жизнь и смерть твоя и всѣхъ твоихъ братьевъ по суевѣрію?

Минута была въ высшей степени опасная. Потерявшій со-

знание Езофовичъ повалился пластомъ къ ногамъ короля, который отодвинулся въ креслѣ и поморщился

— Встань!—скомандоваль король,—и выслушай резолюцію.

Езофовичъ вскочилъ на ноги.

— Велю изготавить два декрета: о твоей номинаціи и о возобновленіи декрета 1495 года. Даю тебѣ срокъ на размышленіе семь дней. По истеченіи этого срока, отъ тебя будетъ зависѣть, какому декрету дать ходъ.

Онъ махнулъ рукой въ знакъ, что аудіенція кончилась.

Ошеломленный, уничтоженный, перепуганный Езофовичъ съ трудомъ дотащился до своей квартиры на Нѣмецкой улицѣ. На порогѣ уже давно дожидалась его жена, его Анна, сгоравшая отъ нетерпѣнія скорѣе знать о результатѣ аудіенціи. Взглянувъ на блѣдное, разстроенное лицо мужа, она не могла уже сомнѣваться, что стряслась бѣда. Она подскочила къ мужу, схватила его за обѣ руки и, вперивъ въ него блуждающій, изступленный взглядъ, простонала упавшимъ голосомъ:

— Бѣда? Опасность? Говори скорѣе!

— Не совсѣмъ, — отвѣтилъ Езофовичъ, направляясь къ спальнѣ. — Но оставь меня пока въ покоѣ; нуждаюсь въ отдыхѣ; послѣ расскажу тебѣ все.

Онъ, какъ спомъ, повалился на кровать и, давъ рукой знакъ женѣ, чтобы она оставила его одного, закрылъ глаза и забылся. Прележавъ съ часъ, во время котораго жена сидѣла въ другой комнатѣ и плакала, онъ призвалъ ее къ себѣ и рассказалъ ей всѣ подробности аудіенціи, ничего не утаивая. Замѣчательно было, что рассказъ не произвелъ на нее особенно подавляющаго впечатлѣнія; она выслушала его довольно равнодушно, и когда онъ окончился, въ душѣ повеселѣла даже, показывая, впрочемъ, мужу лицо притворно-встревоженное. Какъ женщина, въ особенности же простая, невѣжественная, смотрящая на все въ свѣтъ преимущественно съ матеріалистической точки зрѣнія, она находила, что угрожающая мужу и семейству бѣда совсѣмъ не такъ страшна, такъ какъ дѣло идетъ не о жизни и смерти, не о потерѣ свободы или имущества, а о какой-то мудреной перемѣнѣ, о которой можетъ судить только Богъ. Хотя она была вообще

очень набожной еврейкой, усердно и аккуратно исполнявшей всё еврейскіе религиозные обряды, но, какъ и всё прочія невѣжественныя еврейскія женщины тогдашняго и нынѣшняго времени, дѣлала это по привычкѣ, по принятому обычаю, механически; убѣжденія въ томъ не было никакого, такъ какъ невѣжественнымъ еврейскимъ женщинамъ изъ всей еврейской религіи только обрядъ и понятенъ. Блестящая же перспектива, что мужъ ея будетъ сановникомъ, подскарбіемъ, а она — сановницей, тѣмъ болѣе примирила ее съ неизбежнымъ грѣхомъ перемѣны религіи, за который на самый худой конецъ придется помучиться нѣсколько долѣе въ аду, что туда, какъ извѣстно, и безъ того попадешь. Стало быть, ничего въ сущности не теряешь.

— Что ты на все это скажешь, Анна?—спросилъ Езововичъ, когда онъ окончилъ рассказъ свой.

— Что же мнѣ сказать?—отвѣтила Анна хитро и уклончиво, стараясь не смотрѣть мужу въ глаза.—Я баба, ничего въ этихъ дѣлахъ не понимаю, никакого совѣта я тебѣ дать не могу. Ты самъ долженъ лучше знать, что дѣлать. А какъ ты порѣшишь, такъ и будетъ; я буду согласна на все. Ты же человекъ умный, учить тебя не надо. Какъ ты рѣшишь, такъ и будетъ.

Этотъ простой отвѣтъ крайне удивилъ Езововича; онъ не того ожидалъ отъ своей набожной Анны. Равнодушіе, съ которымъ она выслушала рассказъ его, и этотъ отвѣтъ произвели большой переворотъ въ его собственныхъ мысляхъ и онъ взглянулъ на предложеніе короля, такъ ошеломившее, такъ испугавшее его, нѣсколько хладнокровнѣе и съ болѣе эгоистической точки зрѣнія. Видны же на блестящую карьеру, на роль, которую онъ будетъ играть въ государствѣ, стали усыплять его встревожившуюся было совѣсть и пошатывать его твердыя убѣжденія. Въ немъ началась внутренняя борьба, но она подавлялась заговорившимъ въ немъ чувствомъ честолюбія, властолюбія и жажды славы, особенно сильной въ даровитыхъ натурахъ непривилегированнаго происхожденія. На сцену выступила съ услугами и софистика.

— Жертвой, которую принесу, — думалъ онъ про себя, — обез-

печу себя и всёхъ своихъ и буду тѣмъ болѣе полезенъ моему народу, съ которымъ фактически никогда не разстанусь. Обращеніе мое будетъ внѣшнее, формальное, внутри же я останусь тѣмъ же евреемъ, какимъ былъ, а Богъ смотритъ на сердце.

Успокоивъ такимъ образомъ свою совѣсть, онъ рѣшилъ про себя принять предложеніе короля, не сообщивъ, впрочемъ, жене о принятомъ имъ рѣшеніи. Она и не допытывалась, найдя, что такъ будетъ лучше, спокойнѣе, разумѣется, для нея: эгоизмъ не перестаетъ играть свою роль даже въ отношеніяхъ между любящими и уважающими другъ друга супругами.

— Онъ, какъ мужчина, какъ ученый, лучше меня знаетъ, что можно и чего нельзя, что дѣлать и чего нѣтъ; моя обязанность — повиноваться мужу, — думала она про себя, въ свою очередь успокоивая свою совѣсть.

Хотя дѣло это еще составляло большой секретъ, о которомъ, кромѣ Анны, никто не зналъ и, повидимому, и знать не могъ, однакожь оно на слѣдующій же день, неизвѣстно какими путями, проникло въ городъ и подняло на ноги всю виленскую еврейскую общину. Улицы Еврейская, Нѣмецкая, Ятковая, Жмудская и переулки, ведущіе къ площадѣ костела св. Николая, покрылись большими группами и сплошными массами людей разнаго пола и возраста, шумѣвшихъ и голосившихъ на равные лады.

— Слышали?—стояло въ воздухѣ.—Р. Авраамъ Исседесъ!.. Возможно-ли?.. Конецъ свѣта насталь... Войны Гога и Магога... То-то календаръ и пишетъ, что будетъ затмѣніе луны... Это добра не предвѣщаетъ... Такой гвирь!.. Такой муфдегъ!.. * Это клипша... ** Возвращался утромъ изъ миквы и встрѣтился у костела съ сатаной... Его арба-канфесъ *** не въ порядѣ... На его головныхъ тефилинъ стерся «Шаддай»,—клипша и влѣзла въ голову.

— Я же тогда тотчасъ сказалъ, что какъ только онъ сталъ называться Езофовичемъ, то онъ записался въ другую *ситру* (категорію),—выставляя кто-то въ одной группѣ свою предуд-смотрительность.

* Превосходный ученый. ** Дьявольское навожденіе. *** Укороченный подиръ.

— Я очень хорошо помню, что не вы это сказали, а р. Нафтоли-Герць это сказалъ,—замѣтилъ тутъ же кто-то.

— Это ложь!—протестовалъ предусмотрительный.—Я это сказалъ раньше, а р. Нафтоли-Герць повторилъ за мною.

— Или наоборотъ,—не унимался авторъ поправки.

— Я оборочу тебя ногами вверхъ за дерзость считать меня лгуномъ,—вспылилъ предусмотрительный, сжавъ кулаки.

— Попробуйте.

Предусмотрительный попробовалъ, вцѣпившись руками въ бороду своего оппонента. Пошла потасовка.

Первыми явились къ Езюфовичу его родные братья Михель и Айзигъ, которые тоже узнали объ угрожающемъ имъ скандалѣ.

— Авраамъ! Вѣнецъ нашъ! Свѣтъ нашъ!—заголосили они съ пѣной у рта и ломаая руки.—Возможно-ли? Знаешь-ли, о чемъ говорить весь городъ? Мы ушамъ своимъ не вѣримъ.

— Пусть болтають,—отвѣтилъ Авраамъ уклончиво.

— Но когда звонять въ колокола, значить—праздникъ. Попусту болтать не будутъ. Авраамъ! Ты же былъ нашимъ утѣшеніемъ, нашей гордостью, гордостью всего Израиля. Неужели ты рѣшишься покрыть вѣчнымъ позоромъ честный родъ нашъ? Что скажетъ отецъ нашъ, мать наша, на томъ свѣтѣ? Кости ихъ въ гробу переворачиваться будутъ и не будутъ находить покоя. Для того-ли они родили тебя, возростили, возлелѣяли, чтобы ихъ чистыя души со стыдомъ были прогнаны со ступеней престола Всевышняго? Чего тебѣ не достаетъ? Ты же имѣешь все: и богатство, и ученость, и доброе имя. Авраамъ! Авраамъ! Чего ты молчишь? Говори, правда-ли это или вымыселъ?

— Правда,—глухо произнесъ Авраамъ, понуривъ голову.

— Правда?!—воскликнули братья въ изступленіи, ломаая руки и забѣгавъ по комнатѣ, какъ шальные.—О, Боже, до чего мы дожили! Земля, разверзись! Анна! дѣти! гдѣ вы? Отецъ хочетъ зарѣзать васъ, зарѣзать всѣхъ насъ.

Въ комнату вбѣжали жена и дѣти, испуганныя, встревоженныя, не зная, что отъ нихъ требуется, что имъ дѣлать.

— Авраамъ! Авраамъ! — еще громче заголосили братья, съ плачемъ и рыданіемъ бросаясь къ ногамъ Авраама и

обнимаю и цѣлую ихъ. — Не губи себя, не губи насъ всѣхъ. Неужели ты уже вычеркнулъ изъ твоего сердца нашего стараго Бога, Бога Авраама, Исаака и Иакова? Жена, дѣти! Чего вы стоите вдали, какъ истуканы? Плачьте, просите, умоляйте! Если ты королю уже далъ слово, то убѣдимъ въ землю Израильскую, на край свѣта, гдѣ не достигнетъ тебя рука его. О, Авраамъ, Авраамъ! Неужели слезы наши—вода, а сердце твое—камень? Ты же былъ всегда такой хорошей, съ такими теплыми чувствами!

Произошла невообразимая суматоха. Плакали, рыдали, ломали руки всѣ, не исключая и Авраама. Когда суматоха нѣсколько улеглась, Авраамъ, осушивъ свои слезы, подошелъ къ братьямъ и, положивъ одну руку на плечо одного, а другую на плечо другого, сказалъ:

— Милые братья! Не торопитесь осужденіемъ меня, потому что я, можетъ быть, вовсе не такъ виноватъ, какъ вамъ кажется. Вы не знаете всѣхъ обстоятельствъ дѣла; когда я современемъ сообщу вамъ ихъ, то вы убѣдитесь, что я рѣшаюсь на такой роковой шагъ не изъ личныхъ интересовъ, а изъ видовъ болѣе высшихъ. Будетъ ли однимъ евреемъ больше или меньше — это все равно; важно то, чтобы существовалъ весь народъ еврейскій, а это требуетъ нѣкоторой жертвы, и этой жертвой избранъ я, братъ вашъ Авраамъ. Богъ вырвалъ Иосифа изъ благочестивой семьи и заставилъ его жить между язычниками, дабы уцѣлѣлъ домъ Иаковлевъ, отъ котораго произошло вѣчный народъ нашъ. Коротко вамъ скажу, каковымъ я ни буду въ глазахъ міра, вѣрно то, что какъ я былъ евреемъ, такъ и останусь имъ—въ душѣ, и я это докажу на дѣлѣ. Другихъ объясненій вы пока отъ меня не требуйте. Коротко вамъ скажу: я былъ Авраамомъ и останусь Авраамомъ.

Но если это объясненіе нѣсколько успокоило братьевъ Езофовича, то оно очень мало успокоило всю виленскую кегилю, въ особенности же ея старѣйшинъ. Послѣдніе, не вникая въ обстоятельства дѣла, ни за что не соглашались на *жертву*, считая ее слишкомъ тяжелой, слишкомъ соблазнительной. «Если р. Авраамъ Иоселесъ,—разсуждали они,—то что же прочіе? Его примѣръ найдетъ многихъ подражателей—и конецъ Израилю».

А потому они считали своимъ священнымъ долгомъ дѣлать все отъ нихъ зависящее, дабы жертва не была принесена. «Время стараться для Господа»,—говорили они, совѣщаясь въ кагалъной палатѣ день и ночь.

Съ этою цѣлью они, прежде всего, объявили по всему городу строгій постъ; потомъ отправили къ Езофовичу депутацію изъ раввиновъ и представителей кагала. Но Езофовичъ депутаціи не принялъ, выславъ сказать, что онъ всѣ кагалъные налоги платитъ исправно и другихъ дѣлъ съ кагаломъ не имѣетъ. Тогда рѣшено было вызвать изъ Кракова въ Вильну знаменитаго раби Моше Ландо, бывшаго учителя Езофовича, къ которому и отправили спеціального посланца, чѣмъ и начался разговоръ нашъ.

Братья Езофовичи, Михель и Айзикъ, уступая просьбѣ кагала, тоже подписали посланіе къ краковскому раввину, хотя они знали, что дѣло все равно, что кончено, такъ что и р. Моше Ландо ничего тутъ не поможетъ.

V.

Объясненіе краковского раввина съ подскарбіемъ.

Послѣ длиннаго и утомительнаго пути, краковскій раввинъ прибылъ, наконецъ, въ Вильну. Къ нему вышли на встрѣчу за городъ виленскій раввинъ и старѣйшины общины. Грустная была встрѣча. Встрѣчавшіе, еле передвигая ноги, шли безмолвно, съ поникшими головами и разстроенными лицами, не глядя другъ на друга. Можно было подумать, что они кого-то провожаютъ на вѣчный покой, а не идутъ на встрѣчу дорогому, желанному гостю. И это потому, что гость прибывалъ въ городъ уже *post festum*: за двѣ недѣли до его прибытія, въ одно воскресенье, метаморфоза съ Езофовичемъ была совершена къ неопикуемой скорби и глубокому отчаянію всѣхъ евреевъ города Вильны.

Метаморфоза эта была совершена съ необыкновенною пышностью и торжественностью, причемъ имѣлось въ виду придать «торжеству религіи» возможно больше блеску и публичности.

Съ самаго утра, колокола всѣхъ виленскихъ костеловъ гу-

дѣли, не умолкая ни на одну минуту. Костель св. Яна, гдѣ совершалась церемонія, былъ убранъ персидскими коврами, живыми цвѣтами и освѣщенъ тысячами огней, какъ въ великіе праздники. Служилъ самъ виленскій епископъ, при ассистенціи канониковъ и всѣхъ парафіальныхъ ксендзовъ. Въ костелѣ присутствовали важнѣйшіе сановники съ виленскимъ воеводой во главѣ, а также много магнатовъ съ ихъ семействами. Хотя магнатамъ весьма не нравилась вся эта процедура, поднимавшая какого-то жида до никогда небывалой высоты, тѣмъ болѣе, когда они ожидали отъ этого возвышенія очень много дурного, такъ какъ они считали Езофовича хитрымъ, пронырливымъ интриганомъ, «какъ всѣ жида», однакожь ради публичнаго торжества католической церкви они пока мирились со всѣмъ происходящимъ, зная, что имъ удастся осадить «выскачку» во всякое время. А потому они держали себя на церемоніи съ полнымъ достоинствомъ и серьезностью, не нарушая даже гримасой церковнаго благочинія.

Но въ то время, когда въ костелѣ церемонія шла чинно и въ полномъ порядкѣ, въ городѣ было не совсѣмъ тихо и благополучно. На улицахъ, примыкающихъ къ еврейскому кварталу, начались тѣ пресловутые tumulta на żydów (еврейскіе беспорядки), которые, начинаясь обыкновенно внезапно, неожиданно и по поводу какого нибудь пустого случая, оканчивались зачастую весьма печально для евреевъ. Такой случай имѣлъ мѣсто и теперь.

Дѣло въ томъ, что наканунѣ въ христіанскомъ населеніи города кѣмъ-то пущенъ былъ слухъ, что завтра, когда кортежъ съ неофитомъ будетъ отправляться въ костель, кагалъ со всѣми евреями города, вооружившись чѣмъ попаало, нападетъ на кортежъ и станетъ отбивать неофита, котораго тутъ же и убьютъ. Этого было достаточно, чтобы возмутить всю чернь, которая, воспламенившись религиознымъ усердіемъ, условилась дать жидамъ надлежащій отпоръ, дабы они не въ свое дѣло не мѣшались. Кромѣ religiosaго усердія, немалую, а, можетъ быть, самую главную роль въ этомъ рѣшеніи играла надежда пожиться на счетъ «невѣрныхъ» или, по крайней мѣрѣ, полатиться въ даровщину въ еврейскихъ питейныхъ заведеніяхъ,

безъ чего дѣло не обходилось никогда. А потому, какъ только настало утро, ремесленная челядь всѣхъ городскихъ цеховъ, со старшинами во главѣ, вооруженная дрекольемъ, ножами, молотками и чѣмъ кто могъ, загородила живой стѣной всѣ входы въ еврейскій кварталъ, никого изъ евреевъ не впуская и не выпуская. Евреи, не зная, что это значить, стали высыпать изъ своихъ жилищъ и съ любопытствомъ глазѣть на свою неожиданную стражу.

Сначала дѣло шло довольно мирно. Христіане смотрѣли на евреевъ, евреи на христіанъ—молча, не заговаривая другъ съ другомъ. Но когда на колокольняхъ костеловъ загудѣли колокола, христіанская чернь вдругъ зашевелилась, засуетилась, выражая жестами свое нетерпѣніе отъ бездѣйствія. Мало-по-малу она стала дѣлать гримасы, высовывать языки, выставлять шиши и плевать по направленію евреевъ, которые смотрѣли и беззаботно улыбались, не предвидя ничего серьезнаго.

— А что, жидки,—началь кто-то изъ черни, стоявшій впереди, — гдѣ вашъ шейне-морейна? Не ма. Фарфалленъ. Онъ ѣсть теперь казеръ съ цицелями.

Евреи разсмѣялись и ничего не отвѣчали.

— Шаббесъ гуть!—заоралъ кто-то, хлопая въ ладоши и прыгая, какъ козель. Его примѣру послѣдовали многіе.

Шутки, прибаутки, задиранія со стороны христіанской черни дѣлались все злѣе, ядовитѣе, но евреи отмалчивались, находя, что для святаго спокойствія такъ будетъ лучше.

— Жидове!—пропищаль поросенкомъ какой-то мальчуганъ, который, выскочивъ изъ толпы и сложивъ кончикъ полы своего казакина, подскочилъ къ евреямъ и, махая кончикомъ полы, проговорилъ:—не хотите ли свиного уха?

— Если ты отдашь намъ свое ухо, то при чемъ же останешься ты?—отозвался кто-то изъ стоявшихъ впереди евреевъ.

Мальчуганъ, понявъ смыслъ этихъ словъ, ударился въ амбицію и, поднявъ руки и сжавъ кулаки, бросился на евреевъ. Евреи поддались назадъ. Это поощрило христіанскую чернь начинать дѣло, потому что трусость одной стороны будить храбрость другой. Съ гикомъ, крикомъ, она врѣзалась въ сплошную массу евреевъ, стала мять, толкать и работать кулаками.

Гоняя оторопѣлыхъ евреевъ впередъ, она врывалась въ находившіяся на пути питейныя заведенія и дѣлала въ нихъ большія опустошенія, что еще больше воодушевляло ее. Суматоха и безчинства увеличивались съ каждой минутой: христіане напирали и колотили, а евреи ретировались и кричали гвалтъ. Стали штурмовать еврейскія жилища, выбивать оконныя рамы, ломать двери, грабить, насиловать. Появились избитые, раненые, изувѣченные. Въ воздухѣ плачь и стонъ травимыхъ евреевъ смѣшивались съ побѣдными кликами пьяной и разбушевавшейся толпы. Бросились за защитой къ войту, но тотъ отказалъ въ защитѣ подѣ предлогомъ, что ему некогда, ему нужно въ костелъ на «набоженство». Бросились къ бургомистру. Тотъ въ защитѣ не отказалъ, но пока онъ собралъ городскую стражу и сталъ дѣйствовать, толпа уже совершила то, что ей надобно было. Такъ что, когда въ костелѣ св. Яна обѣдня пришла къ концу, еврейскій кварталъ г. Вильны представлялъ собою унылое пространство послѣ большого пожараща. Евреи плакали и ломали руки надъ жалкими остатками своего разграбленнаго и уничтоженнаго имущества.

Прямо изъ костела новообращенный проѣхалъ Большой улицей во дворецъ Ходкевичей, гдѣ любезностью хозяина ему отведено было обширное помѣщеніе, роскошно меблированное, дабы ему не нужно было жить въ еврейскомъ кварталѣ, что считали не совсѣмъ безопаснымъ, хотя къ этому не было ни малѣйшаго основанія.

Очутившись среди своего семейства, принявшаго крещеніе тихо, безъ шума, въ костелѣ св. Рафаила на Снипишкахъ, Езофовичъ съ отнюдь не праздничнымъ лицомъ проговорилъ своей женѣ:

— Дѣло сдѣлано. Такъ Богу угодно было! Мы теперь новые люди. О прошломъ не вспоминать.

Сказавъ это, онъ удалился въ свой кабинетъ, гдѣ, облокотившись на столъ и подперевъ руками голову, просидѣлъ до самаго вечера въ нѣмомъ раздумьи и съ закрытыми глазами. Ему было о чемъ думать...

Встрѣчавшіе р. Моше Ландо не сразу сообщили ему, что онъ своимъ прїѣздомъ опоздалъ. Сопровождая его на квартиру виленскаго раввина, они всячески избѣгали говорить объ интересовавшемъ всѣхъ дѣлѣ. Когда дали ему отдохнуть съ дороги и сообщили всю горькую правду, онъ вскочилъ съ кресла, поблѣднѣлъ и попросилъ ножа. Сдѣлавъ надрѣзъ на лацканѣ своего жупана въ знакъ траура, онъ попросилъ письменныхъ принадлежностей. Онъ сѣлъ и сталъ писать письмо. Окончивъ его, онъ его запечаталъ и, передавая раввину, проговорилъ.

— Вы постараетесь, чтобы письмо это было доставлено новѣйшему *Ахеру* *. Шлю ему свое раввинское проклятіе, — да сотрется его имя и память. А теперь, раббойсай, — обратился онъ къ присутствующимъ, — позвольте мнѣ распроститься съ вами, такъ какъ я сію же минуту уѣзжаю. Мнѣ здѣсь больше дѣлать нечего, да и не хочу дышать однимъ воздухомъ съ этимъ оскорбителемъ Израіля. Гдѣ мой мешуресъ?

Но тутъ виленскій раввинъ и всѣ старѣйшины бросились къ нему, прося, умоляя, заклиная, чтобы онъ не торопился отъѣздомъ, что это будетъ большой обидой для всей виленской общины; что если городъ уже сподобился счастья имѣть въ своихъ стѣнахъ знаменитаго р. Моше Ландо, то онъ не успокоится, пока онъ не услышитъ отъ него слова Божія; что послѣ такого утомительнаго путешествія весьма рискованно для чело-вѣка его лѣтъ опять пуститься въ путешествіе безъ надежнаго отдыха, и что на это они никогда не согласятся, боясь страшной ответственности предъ Богомъ и Израілемъ. Эти доводы, подкрѣпленные усиленными просьбами, подѣйствовали на р. Моше Ландо, и онъ остался.

Три дня спустя, часу въ одиннадцатомъ вечера, когда р. Моше Ландо въ отведенной ему на квартирѣ виленскаго раввина угловой комнатѣ съ отдѣльнымъ входомъ, сидѣлъ надъ фольантомъ какого-то богословскаго сочиненія, дверь тихонько отворилась и на порогѣ появилась высокая и плотная фигура, вся закутанная въ широкій плащъ съ капюшономъ. Широкія поля черной поярковой шляпы съ высокой тульей

---

* Псевдонимъ одного талмудиста-вѣроотступника.

итальянскаго фасона совершенно покрывали физиономію фигуры, такъ что, кромѣ кончика черной, какъ смоль, бороды, ничего не видно было. Раввинъ, погруженный въ лежавшую предъ нимъ книгу, нѣсколько минутъ не замѣчалъ появившейся на порогѣ фигуры; но нечаянно поднявъ глаза, онъ ее замѣтилъ и невольно вздрогнулъ.

— Кто тутъ?—спросилъ онъ не безъ нѣкоторой тревоги въ голосѣ.

Фигура нѣсколько секундъ молчала. Потомъ, сдѣлавъ два шага въ комнату, она сняла шляпу, откинула за плечи борты плаща, отчего выступилъ наружу плотно застегнутый на всѣ петлицы кунтушъ малиноваго цвѣта, обложенный по бортамъ и обшлагамъ серебрянымъ позументомъ. Погладивъ правой рукой свои длинные, черные съ просѣдью волосы, фигура проговорила густымъ басомъ:

— Тотъ, котораго великій р. Моше Ландо, не выслушавъ, осудилъ и проклялъ, чего отъ такого благочестиваго мужа невозможно было ожидать.

— Авраамъ?!—воскликнулъ раввинъ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ и чуть не заскрежетавъ зубами. — Чтò привело тебя ко мнѣ? Между нами нѣтъ теперь ничего общаго, мы теперь чужіе, стоящіе на противоположныхъ путяхъ, ведущихъ къ противоположнымъ цѣлямъ. Что привело высокаго сановника въ скромную обитель бѣднаго затворника?

— Привело меня то, что приводитъ бѣднаго ученика къ своему великому учителю: глубокое уваженіе и вѣчная благодарность.

— Не въ прокъ тебѣ, какъ видно, пошло мое ученіе, — проговорилъ раввинъ со вздохомъ, — а потому тебѣ не за что благодарить меня. Мнѣ пріятнѣе было бы думать, что ты никогда не былъ моимъ ученикомъ. Ты осрамилъ меня не только на всю жизнь, ты осрамилъ мою память для всего дальнѣйшаго потомства, которое не проститъ мнѣ твоего поступка.

— Отъ великаго р. Моше Ландо я не ожидалъ этого строгаго приговора; отъ великаго р. Моше Ландо я ожидалъ больше справедливости. На томъ свѣтѣ тоже не осуждаютъ грѣшника, не выслушавъ его, хотя дѣянія человѣка и намѣ-

ренія, побуждавшія его въ этомъ дѣянiи, тамъ извѣстны въ совершенствѣ.

— Не кощунствуй!—крикнулъ раввинъ въ сердцахъ.— Не ссылайся на тотъ мiръ, въ который ты уже больше не вѣруешь.

— Почему?—спросилъ Езофовичъ съ нѣкоторою живостью въ голосѣ.— Во первыхъ, христіанство тоже вѣруетъ въ загробную жизнь, въ возмездіе; во вторыхъ, вѣщная переменна ничего не значить: я евреемъ былъ, евреемъ остался, евреемъ и буду до гробовой доски.

— Что?—воскликнулъ раввинъ, не вѣря ушамъ своимъ.— Ты остался евреемъ? Ты крестился — и остался евреемъ? Ты поклоняешься кресту—и вѣренъ Богу Израилеву? Ты или шутишь, или хочешь меня морочить. Шутить можешь, но морочить тебѣ не удастся.

— Богъ мнѣ свидѣтель, что я не шучу и не морочу, — проговорилъ Езофовичъ, кладя руку на грудь. — Благоволите меня выслушать, и раби убѣдится, что я говорю правду.

— Говори.

И Езофовичъ сталъ рассказывать медленно, плавно и елебно, не пропуская ни одного изъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ сдѣланному имъ шагу и принудившихъ его поступить такъ. Смыслъ его разсказа былъ тотъ, что онъ совершилъ этотъ шагъ не изъ какихъ нибудь личныхъ, эгоистическихъ цѣлей, а изъ пламеннаго желанія быть полезнымъ еврейскому народу, отвратить отъ него угрожающую ему бѣду, доставить ему хоть сколько нибудь спокойное существованіе послѣ столькихъ лѣтъ скитальчества и отчаянной борьбы съ жизнью.

— Стало быть, ты сдѣлалъ этотъ шагъ, чтобы сдѣлаться спасителемъ Израиля?

— Клянусь Богомъ, что преимущественно ради этого.

— Но, грѣшный человѣкъ, кто тебѣ сказалъ, что ты призванъ быть спасителемъ Израиля? Да народъ еврейскій ни въ какомъ спасителѣ не нуждается. Его единственный спаситель и защитникъ—Господь, Богъ Авраама, Исаака и Иакова. Онъ насъ караетъ за грѣхи наши и предковъ нашихъ, но Онъ насъ хранитъ по Своему обѣтованію, что мы будемъ существовать

пока будутъ существовать небо и земля, солнце, луна и прочія свѣтила небесныя. Вавель, Ассуръ, Порась, Модай, Яванъ, Римъ—погибли, исчезли, стерлись съ лица земли, а мы существуемъ и существовать будемъ, пока имя Господа нашего не будетъ славиться всѣми тварями земли, отъ восхода солнца до его заката, отъ сѣвера до юга. Ты это знаешь?

— Знаю; я нашего ученія еще не забылъ.

— Во вторыхъ, спасители Израиля, для спасенія своего народа, всегда приносили большія жертвы, но не религію свою, которая не имъ принадлежитъ, а жизнь свою, кровь свою, которая составляетъ единственную собственность человѣка, пока промыселъ Божій не лишаетъ его этой собственности. Баръ-Кохба, раби Акиба и другіе мученики не сдавались кесарямъ, а воспріяли мученическую смерть, — вотъ чѣмъ они доказали свою любовь къ святой религіи отцовъ нашихъ, а не принятіемъ государственныхъ должностей и почестей. Да что говорить о древнихъ? Въ наше время, слава Богу, Израиль тоже не вдовствуетъ. Живъ еще великій мужъ, великій въ еврейской наукѣ и великій въ мудрости народовъ земли, по имени донъ-Исаакъ Абарбанель. Ты про него слышалъ?

— Слышалъ, когда я проживалъ въ Римѣ по изгнаніи нашемъ изъ Литвы.

— Онъ былъ сперва совѣтникомъ у короля Португаліи, а потомъ хранителемъ казны у короля Испаніи; но лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда король Испаніи, разсердившись на евреевъ, издалъ декретъ объ ихъ изгнаніи изъ страны, если они не измѣнятъ вѣрѣ отцовъ своихъ, и когда дону-Исааку не удалось склонить короля на милость, онъ сложилъ съ себя свой санъ, оставилъ королевскій дворъ и роскошныя палаты и отправился въ изгнаніе вмѣстѣ со всѣми евреями. Живетъ онъ теперь, какъ слышно, въ Венеціи. Вотъ каковы были и есть истые іудеи, настоящіе спасители Израиля! Похожъ ли ты на нихъ? Спасешь ли ты своихъ братьевъ или нѣтъ, удастся ли тебѣ вызвать къ нимъ милость со стороны монарха и вельможъ, это еще неизвѣстно, потому что сердце царей и князей ни въ чьей рукѣ, а въ рукѣ Божіей. Но что ты съ легкомысліемъ

Исава продалъ за чечевичную похлебку свое первородство, такъ это несомнѣнно. И если въ тебѣ еще тлѣетъ хоть искра іудейства,—а она не тлѣть не можетъ, потому что въ одну ночь человекъ не мѣняетъ всего своего существа,—то твоимъ наказаніемъ въ семь мѣсяцевъ будетъ то, что, при всемъ твоёмъ земномъ величіи, ты будешь чувствовать себя несчастнымъ, безпокойнымъ, ты въ тайникахъ сердца своего будешь блуждать, какъ Каинъ, съ печатью отверженія на челѣ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать тебѣ. Теперь оставь меня въ покоѣ. Уходи!

Раввинъ былъ такъ увлеченъ своею рѣчью, которую онъ, согласно предписанію талмудистовъ: «не вглядывайся въ лицо нечестиваго», произнесъ не глядя на Езофовича, что совсѣмъ не замѣтилъ, что послѣдній стоитъ на колѣняхъ и, понуривъ голову, плачетъ. Замѣтивъ же нечаянно эту позу Езофовича, раввинъ произнесъ, все еще не глядя на него:

— Преклоняютъ колѣна предъ Богомъ, а не предъ плотью и кровью. Уходи! Мнѣ больше говорить съ тобою нечего! Уходи!

— Неужели раби отпугутъ меня безъ одного слова утѣшенія и снисхожденія? — проговорилъ грустно Езофовичъ, вставъ на ноги. — Я же былъ вашимъ ученикомъ и вы меня любили, какъ сына. Неужели чувства, сердце человека могутъ такъ скоро мѣняться?

— Ты не имѣешь права говорить о сердцѣ, чувствахъ. Ты самъ насмѣялся надъ ними, — проговорилъ раввинъ, придвигая къ себѣ лежавшій на столѣ фолиантъ. — Мнѣ время дорого. Уходи! Я больше съ тобою говорить не буду.

И онъ погрузился въ чтеніе. Езофовичъ, тяжело вздохнувъ, тихо вышелъ изъ комнаты. Онъ былъ такъ разсѣянъ, что вмѣсто того, чтобы идти направо, дабы выбраться изъ еврейскаго квартала, пошелъ налѣво, еще болѣе углубляясь въ него. Долго бродилъ онъ въ темнотѣ ночи по разнымъ закоулкамъ, не отдавая себѣ отчета—гдѣ онъ, куда и зачѣмъ идетъ. Наконецъ, послѣ двухъ часовъ бессознательнаго шатанія, онъ вдругъ очутился на берегу Вили. Повѣявшая на него «ночная свѣжесть» рѣки немножко привела его въ сознаніе. Онъ вспомнилъ

о своемъ свиданіи съ р. Моше Ланде и о заключительной рѣчи его. Сердце его затосковало съ невыразимою болью.

— А что, не покнчить ли совсѣмъ съ собою?—мелькнуло въ его головѣ.—О, ты правъ, великій раввинъ! Ты своимъ пронизывающимъ взглядомъ глубоко проникъ въ самые сокровенные тайники моего сердца. Отъ тебя ничего не скроешь. И какимъ ничтожнымъ я долженъ казаться тебѣ,—тебѣ, чище, святѣ кого я ничего не знаю на свѣтѣ! И не ничтоженъ, не жалокъ ли я въ самомъ дѣлѣ? Ибо что я въ сущности выигралъ отъ своего рокового шага? Защитить евреевъ мнѣ едва-ли удастся. Да они въ моей защитѣ не особенно нуждаются: ихъ больше изгонять не будутъ, ихъ часто изгоняли и опять призывали, потому что край существовать безъ нихъ не можетъ. Есть край, но нѣтъ народа. Магнаты и шляхта, кромѣ кутежа; ничего знать не хотятъ; паробки для этого кутежа и работаютъ, землю обрабатываютъ. А тамъ дальше жри хоть сырье: ни промышленности, ни торговли, ни ремесла, ни денегъ. Хотя нѣмцы и занимаются всѣмъ этимъ, но занимаются — когда мы здѣсь, изъ соревнованія. Насъ не будетъ, такъ и они облянутся. Правительство это знаетъ и трогать евреевъ не будетъ. А что до меня, то я, въ сущности, на волоскѣ держусь. Магнаты ко мнѣ не благоволятъ; одна интрига—и я погибъ. Милость короля — прихоть, капризъ, и изъ-за меня онъ съ магнатами ссориться не будетъ. Что же я выигралъ? Не совершилъ ли я такой громадной ошибки, за которую мнѣ не должно быть спасенія ни въ семь, ни въ будущемъ мѣрѣ? О, Авраамъ Иселестъ! Гдѣ былъ умъ твой?

— Не угодно ли пану покататься немножко по рѣкѣ?—окликнулъ Иозефовича лодочникъ, причалившій къ берегу, гдѣ стоялъ Авраамъ.

Ночь была тихая, теплая, майская. Иозефовичъ машинально послѣдовалъ приглашенію лодочника, сѣлъ въ лодку и поплылъ. Когда лодка подплыла къ тому мѣсту рѣки, на одномъ изъ береговъ которой находилось еврейское кладбище, Иозефовичъ велѣлъ лодочнику остановиться и вышелъ на берегъ по направленію къ кладбищу. На кладбище онъ не пошелъ, а, опустившись на скамейку у воротъ его, погрузился въ думу. Проси-

дѣвъ въ этомъ положеніи около двухъ часовъ, онъ всталъ, приободрился и проговорилъ почти громко:

— Рѣшено! Иначе и не будетъ.

Онъ поплылъ назадъ и вышелъ на берегъ, примыкающій къ району нижняго королевскаго замка. Расплатившись съ лодочникомъ, онъ пошелъ домой. Заря уже вошла—и на колокольняхъ костеловъ стали звонить къ ранней обѣднѣ.

Л. Леванда.

(Продолженіе будетъ).

Ж Е Н Н И

Романъ Фанни Левальдъ.

Часть первая *.

IV.

Въ одинъ изъ вечеровъ, слѣдовавшихъ за этой бесѣдой Женни съ своей матерью, г-жа Мейеръ, Женни и пасторша сидѣли въ абонированной своей ложѣ. Въ этотъ вечеръ знаменитая Джіованолла впервые выступала въ роли Сузанны въ оперѣ „Фигаро“. Во время перваго антракта Эдуардъ, Іосифъ и Гюгесъ вошли въ ложу, причемъ первые двое желали представить послѣдняго своему семейству. Обмѣнявшись обычными привѣтствіями, всѣ заговорили о сегодняшнемъ представленіи, о пѣвицѣ, о текстѣ оперы, и наконецъ о музыкѣ вообще. Эдуардъ порицалъ вообще манеру вводить въ операхъ поочередно діалогъ и пѣніе. Онъ находилъ страннымъ и даже смѣшнымъ, что то или другое лицо вдругъ, въ моментъ сильнѣйшаго волненія, внезапно останавливается чуть не на половинѣ фразы, спокойно выжидаетъ нѣсколько времени, пока оркестръ исполнитъ вступительные такты, и затѣмъ продолжаетъ выражать свое волненіе пѣніемъ.

— Ты правъ, — сказалъ Іосифъ; — но только для этого нужно предварительно научить нашихъ пѣвцовъ пѣть настолько внятно, чтобы ихъ можно было понимать; теперь же, въ большинствѣ случаевъ, только

---

* См. «Восходъ», кн. I.

изъ вставныхъ діалоговъ можно составить себѣ понятіе о томъ, что собственно происходитъ на сценѣ.

— Къ тому же эти діалоги ведутся такъ небрежно, — вставилъ свое слово Гюгесъ, — что даже противно бываетъ ихъ слушать. Однажды мнѣ пришлось слышать въ одной изъ германскихъ столицъ одного тенора, который, пропѣвъ на очень сноскомъ языкѣ нѣсколько арій изъ Фра-Діаволо, заговорилъ вдругъ такимъ чистѣйшимъ швабскимъ діалектомъ, что трудно было удержаться отъ смѣха.

— А по моему, — замѣтила пасторша, — въ оперѣ музыка составляетъ главное, а слова — лишь нѣчто второстепенное; вѣдь инструментальная музыка, и въ особенности звуки органа, способны произвести такое же впечатлѣніе на наши чувства, какъ и пѣніе.

— Я не раздѣляю этого мнѣнія, — сказалъ Іосифъ. — Инструментальные концерты для меня какъ нельзя болѣе скучны, и кажется, никакія силы въ мірѣ не въ состояніи были бы заставить меня выслушать духовный концертъ.

— Это происходитъ отъ того, что ты — человѣкъ разсудочный, — воскликнула Женни, всегда готовая соглашаться съ пасторшей и противорѣчить Іосифу, — и что ты не въ состояніи понять ощущеній другихъ.

— Ну, вѣтъ, твои ощущенія, напр., я отлично понимаю, — возразилъ Іосифъ какъ бы шутливо, но такимъ голосомъ и съ такимъ взглядомъ, что Женни вся вспыхнула. Она сконфуженно помолчала нѣкоторое время, но затѣмъ оправилась и обратилась къ Гюгесу съ вопросомъ:

— А вы развѣ не полагаете тоже, что музыка можетъ обойтись безъ словъ?

— Конечно, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что люди пѣли раньше, чѣмъ стали соединять пѣніе съ словами. Однако, мнѣ кажется, что музыка и поэзія находятся въ такой тѣсной между собою связи, что врядъ-ли можно было бы утверждать, чтобъ одна могла обойтись безъ другой. Хотя каждый изъ этихъ видовъ искусства можетъ существовать и приводить въ восторгъ самъ по себѣ, однако, несомнѣнно и то, что оба

они, соединясь и взаимно дополняя другъ друга, образуютъ стройное цѣлое, способное одушевить насъ.

— Я, съ своей стороны, охотнѣе согласился бы выслушать Тасса безъ музыки, чѣмъ Фигаро—безъ словъ, — смѣясь замѣтилъ Иосифъ.

— Не понимаю я этого спора, — сказалъ Эдуардъ, бесѣдовавшій до сихъ поръ съ своей матерью и не принимавшій участія въ общемъ разговорѣ. — Вѣдь какъ часто ты самъ, Иосифъ, съ величайшимъ удовольствіемъ выслушивалъ именно увертюру Фигаро по два раза къ ряду. Но вы должны знать, любезный Гюгесъ, что сестра моя и мой двоюродный братъ, повидимому, поставили себѣ цѣлью выискивать каждый удобный и неудобный случай для взаимныхъ пререканій.

— Это происходитъ отъ того, — прервалъ его Иосифъ, — что Женни опасается, какъ бы въ противномъ случаѣ у насъ не изсякъ матеріалъ для бесѣды; впрочемъ, я въ дѣйствительности не особенно до-ступенъ для музыки, хотя въ общемъ я ее и люблю.

— Тебѣ этимъ нечего хвастать, — шепнула ему Женни на ухо, какъ разъ въ ту минуту, когда оркестръ заигралъ интродукцію ко второму акту. — Помнишь слова англійскаго поэта: „Тотъ, кто не восторгается сладкими звуками, созданъ для измѣны, коварства и насилія. Остерегайтесь его!“

Иосифъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и вышелъ изъ ложи; остальные внимательно стали слушать арію дивы. Когда Женни, перегнувшись немного черезъ барьеръ ложи, мелькомъ взглянула въ партеръ, чтобы отыскивать знакомыхъ, взоры ея встрѣтились съ устремленными на нее взорами Рейнгарда.

Послѣ послѣдняго урока она въ теченіи нѣсколькихъ дней не видѣла его, такъ какъ онъ, какъ это тяжело для него ни было, рѣшилъ всячески избѣгать ее. Но она желала по крайней мѣрѣ слышать о немъ, говорить о немъ, и потому она настояла на томъ, чтобы пасторшу пригласили въ ихъ ложу. Когда г-жа Мейеръ и Женни заѣхали за пасторшей, Женни надѣялась, что онъ, по обыкновенію своему, проводитъ свою мать до экипажа, — но онъ не выходилъ: старушку проводила

только горничная, а слуга Мейеровъ посадилъ ее въ карету. На вопросъ г-жи Мейеръ, не собирается-ли и Рейнгардъ быть сегодня въ театрѣ, его мать отвѣтила, что у него очень спѣшная работа и что онъ на-отрѣвъ отказался отъ приглашенія ея отдохнуть и прослушать оперу. Эти слова пасторши отняли у Жюлли всякую надежду относительно сегодняшняго вечера. Это ее очень огорчило, и потому она теперь лишь съ трудомъ удержалась отъ возгласа радостнаго удивленія, увидѣвъ вдругъ въ театрѣ любимаго человѣка; а то обстоятельство, что онъ такъ пристально смотрѣлъ на нее, убѣдило ее въ томъ, что онъ явился въ театръ только ради нея.

И оно дѣйствительно такъ и было. Онъ пробовалъ было работать дома, но стоявшій передъ его умственнымъ взоромъ образъ любимой дѣвушки мѣшалъ ему заниматься. Она какъ живая стояла передъ нимъ въ изящномъ и блестящемъ туалетѣ, который она такъ любила; онъ видѣлъ передъ собою это блѣдное и милое личико, обрамленное черными локонами, на которое обращены были все взоры. Ему не сидѣлось у письменнаго стола. Онъ сталъ ходить по комнатѣ, вспомнилъ, что и Эрлау, поклонникъ Джюваноллы, и Штейнгейтъ — навѣрное въ театрѣ, что Эрлау теперь, по всей вѣроятности, сидитъ въ ложѣ возлѣ Жюлли. Того, чего не въ состояніи была достигнуть одна любовь, достигло чувство ревности: онъ быстро схватился за пальто и шляпу, а четверть часа спустя онъ былъ уже въ театрѣ.

Изъ груди его ворвался вздохъ облегченія, когда онъ убѣдился въ томъ, что возлѣ нея не было никого изъ мужчинъ. Въ этотъ разъ, когда въ теченіи двухъ дней онъ ее не видѣлъ, не переставая, однако, непрерывно думать о ней и душою стремиться къ ней, — она показалась ему прекраснѣе и желательнѣе, чѣмъ когда либо. Но все ихъ раздѣляло: и религія, и общественныя отношенія, и прежде всего ея холодность. Да, еслибъ онъ былъ для нея чѣмъ нибудь инымъ, кромѣ учителя, котораго она высоко ставила, еслибъ онъ былъ для нея интереснѣе въ какомъ нибудь другомъ отношеніи, еслибъ она любила его! Съ этими мыслями онъ смотрѣлъ на нее, когда взоры ея упали на него, и радость,

осарившая лицо ея, яркій румянецъ, внезапно покрывшій ея щеки, дали ему отвѣтъ, который заставилъ его сердце еще сильнѣе забиться. Теперь между ними были сотни людей, и признаніе, которое онъ никогда не осмѣлился бы сдѣлать ей, будучи съ нею наединѣ, помимо его вырвалось изъ его сердца; увѣренность въ любви Женни, на которую онъ до сихъ поръ не смѣлъ надѣяться, теперь сдѣлалась достоинствомъ его въ присутствіи сотни свидѣтелей.

Въ томъ-то и заключается секретъ любви, что она соединяетъ два сердца вмѣстѣ, отдѣляя ихъ въ то же время отъ тысячъ другихъ; что чувство раздѣляемой любви не нуждается въ признаніи, даже во взорѣ, для того, чтобы проявиться вполне. Любовь какъ-бы, подобно летучему зѣвру, отдѣляется изъ одного сердца для того, чтобы наполнить и оживить другое. Но только любимое, открытое сердце ощущаетъ это вѣяніе жизни, изливаемое для него. Остальныхъ это теченіе изъ другого міра не затрагиваетъ и они спокойно продолжаютъ вдыхать холодный воздухъ земли, не подозрѣвая того, какъ легко и быстро бьются два сердца въ ихъ близи.

Рейнгардъ и Женни были одни среди переполненнаго людьми зала. Только для нихъ одна изъ гѣла графиня, только для того, чтобы выразить въ словахъ ихъ душевное ощущеніе и какъ-бы принося другъ другу нѣмую клятву, они серьезно и благоговѣнно смотрѣли ей въ глаза и повторяли про себя: „Дай мнѣ умереть, богъ любви, или облегчи мою боль“.

Женни, едва вышедшая изъ дѣтскаго возраста, обрадовалась какъ ребенокъ, когда сила перваго впечатлѣнія нѣсколько улеглась. Она была счастлива сознаниемъ, что она любима; ей хотѣлось крикнуть на всю публику: „Онъ пріѣхалъ въ театръ ради меня! Онъ любитъ меня!“ — и все-таки у нея не хватало духа сказать матери его, что онъ здѣсь и что она его видитъ. На устахъ и на всемъ лицѣ появилась плутовская улыбка, когда Керубинъ лукаво спросилъ: „Скажите, не любовь-ли это, которая здѣсь такъ жжетъ?“ Рейнгардъ не отрывалъ глазъ отъ возлюбленной, и въ душѣ его разцвѣла-цѣлая весна счастья и бла-

женства, когда Женни, на повторенный вопрос: „Скажите, не любовь-ли это, которая здѣсь такъ жжетъ?“—рѣзво взглянула на него и, совершенно незамѣтно для всякаго другого, кивнула ему своими красными глазами ласковое: „да“.

Окончился финалъ второго акта съ своимъ шумнымъ „prestissimo“. Рейнгардъ покинулъ свое мѣсто и поспѣшилъ къ своей возлюбленной. Ему казалось, что ему слѣдуетъ разоблачить передъ нею только въ одною словѣ всѣ страданія и надежды послѣднихъ мѣсяцевъ, что ему слѣдуетъ прижать ее къ своему сердцу и поблагодарить ее за то счастье, которое доставилъ ему этотъ часъ. Ему слѣдовало бы унести эту милую дѣвушку на своихъ рукахъ, борясь съ цѣлымъ міромъ препятствій, для того, чтобъ одному обладать этимъ драгоценнымъ сокровищемъ, чтобъ отнести его въ такое мѣсто, гдѣ не упадетъ ничей жадный взоръ на ту, которая была для него одна и вся.

Но когда онъ отворилъ дверь ложи, когда Женни обернулась и онъ услышалъ шепотъ ея шелкового платья,—то онъ не сумѣлъ произнести ни единого слова. Онъ обмѣнялся съ ея матерью нѣсколькими незначащими словами, выслушалъ изъявленіе радости матери его, что онъ все-же пріѣхалъ, хотя и попозднѣе, и молча утѣлся возлѣ Женни. Она чувствовала всю неловкость его положенія, и она сама была смущеннѣе, чѣмъ когда либо. Наконецъ она, заикаясь, произнесла слова: „Я увидѣла г. Рейнгарда еще въ началѣ второго акта“.

— А почему-же намъ тогда ничего объ этомъ не сказала?—спросила ее мать.

— Я думала... я не знала,—прошептала смущенная Женни, затѣмъ нагнулась къ пасторшѣ, поцѣловала ей руку, и проговорила, какъ-бы желая замладить вину свою:—„Ахъ, не сердитесь пожалуйста“.

Обѣ женщины, улыбаясь, взглянули на это какъ на одну изъ капризныхъ выходовъ Женни, и не придали этому дальнѣйшаго значенія. Къ тому-же, какъ разъ въ это время взвился занавѣсъ и начался дуэтъ между графомъ и Сузанной.

Для Рейнгарда ивнїе графа имѣло особое значеніе: „Такъ долго, долго я томился, любить тебя такъ безнадежно“. Въ душу его при этомъ слова закралось сознаніе безнадежности, испытывавшеся имъ за послѣдніе дни; Женни могла прочесть его въ его краснорѣчивыхъ взорахъ, и они легко могли обходиться безъ словъ. Она возликовала, вибѣтъ съ Рейнгардомъ, при словахъ ари: „И жадно я вдыхаю счастье... да, счастье любви“. Оба они, въ сознаніи своего счастья, погрузились въ сладкую задумчивость, знакомую всякому, кому доводилось достигнуть великаго, страстно желаннаго счастья.

Опера кончилась скорѣе, чѣмъ то было желательнo для влюбленной парочки. Рейнгардъ предложилъ свою руку г-жѣ Мейеръ, а Женни шла сзади нихъ съ его матерью. Въ сѣняхъ они встрѣтили Эдуарда, Гюгеса и Эрлау; послѣдніе получили приглашеніе прїѣхать въ Мейерамъ пить чай, равно какъ и Рейнгардъ и его мать. Молодой докторъ усѣлся въ карету вибѣтъ съ тремя дамами; когда карета, нѣсколько минутъ спустя, остановилась у подъѣзда Мейеровскаго дома и онъ протянулъ Женни руку, чтобы помочь ей выйти, онъ почувствовалъ, какъ ее маленькая ручка дрожала, и не могъ удержаться отъ того, чтобы не пожать потихоньку этой ручки и поддержать ее нѣсколько секундъ въ своей рукѣ, пока они поднимались на лѣстницу. Такъ обыкновенно удерживаютъ только что пойманную птичку, какъ бы желая удостовѣриться въ обладаніи ей, какъ бы опасаясь, чтобы она не выпорхнула; но Женни пугливо и проворно, какъ птичка же, высвободила свою ручку изъ его руки и торопливо поднялась по лѣстницѣ въ столовую, куда послѣдовалъ за нею и Рейнгардъ.

Г. Мейера въ этотъ вечеръ не было дома; дамы усѣлись за чайный столъ, къ которому тотчасъ же подошли и гости.

— Ну, что вы скажете сегодня о Джіованолѣ?—спросилъ Эрлау, какъ только онъ занялъ свое мѣсто. — Вѣдь вы должны будете согласиться, что нельзя и представить себѣ ничего болѣе очаровательнаго и прелестнаго. Я бы никогда не могъ представить себѣ, чтобы было возможно, при такой поразительной красотѣ, производить впечатлѣніе та-

бить „субреточнымъ“ кокетствомъ. Словомъ, она выказала себя сегодня въ роли Сузанны великой артисткой.

— А мнѣ кажется, — замѣтила г-жа Мейеръ, — что для такой роли не нужно особенно много искусства.

— Напротивъ! Въ этомъ-то и самая трудная задача — играть такъ, какъ будто остаешься самъ собой; впрочемъ, этой задачи Джіованноль не приходилось разрѣшать, такъ какъ она отнюдь не кокетка. Да, да, вовсе не кокетка! — повторилъ онъ, когда всѣ остальные засмѣялись. — Она сама сознаетъ, что она — идеалъ красоты, и настолько великодушна, что соглашается показываться взорамъ удивленной публики въ полнотѣ того совершенства, на которое она способна. Мнѣ приходилось сегодня сдерживать мой восторгъ при каждомъ ея движеніи, меня такъ и поднимало крикнуть на весь театръ, что мы имѣемъ предъ глазами классическій образецъ. О, я уже въ умѣ моемъ составилъ чудный этюдъ, и еще потомство будетъ наслаждаться образомъ этой женщины, если только талантъ мой окажется въ уровень съ моей доброй волей.

— А пока ты думалъ о потомствѣ, — произнесъ Эдуардъ, — я разсуждалъ о томъ, какъ неразумно допускать молодежь къ подобнымъ представленіямъ, въ которыхъ нравы испорченной, развращенной эпохи выставляются въ такомъ пріятномъ и привлекательномъ свѣтѣ.

— И я вполне раздѣляю это мнѣніе, — замѣтилъ Рейнгардъ. — Я не желаю отрицать того, что сегодняшній вечеръ былъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ моей жизни, что онъ доставилъ мнѣ величайшую радость; но все же мнѣ было тяжело видѣть, что ложи переполнены молодыми дамами.

— Этимъ вы дѣлаете косвенный укоръ мнѣ, любезный Рейнгардъ, — сказала г-жа Мейеръ. — Вы желаете сказать мнѣ то же, что неоднократно уже говорилъ мнѣ Эдуардъ, а именно, что мы, матери, относимся недостаточно внимательно къ воспитанію нашихъ дочерей. Но мнѣ кажется, что чистый умъ непорочной дѣвушки способенъ видѣть въ прекрасной картинѣ только красоту, а не пятна и недостатки,

которые портать ее. Поэтому мужъ мой и я — мы никогда не затруднялись давать иногда въ руки нашей дочери такую книгу, знакомить ее съ такими вещами, которыя обыкновенно сарываются отъ дѣвушекъ ея возраста.

— Понятно, что самымъ существеннымъ въ воспитаніи женщины, — замѣтилъ Гюгесъ, — это — домашніе примѣры и внутреннее развитіе души. Вѣдь въ противномъ случаѣ во Франціи, гдѣ дѣвушекъ до замужества ихъ держатъ въ монастырскомъ уединеніи, нравы были бы чинче, чѣмъ, напр., у насъ въ Англіи, или у васъ въ Германіи, гдѣ молодежи предоставляется гораздо больше свободн; а между тѣмъ именно въ данномъ случаѣ опытъ доказываетъ намъ, что французская замкнутость отнюдь не сопровождается желательными результатами.

— А это потому, что во Франціи общество вообще находится въ испорченномъ и распущенномъ состояніи, потому что тамъ ослабли супружескія узы, а домъ, семейство перестали тамъ быть средоточіемъ, изъ котораго все выходитъ. Что толку въ томъ, если вы воспитаете молодую дѣвушку въ самыхъ строгихъ принципахъ, когда первый же шагъ ея на жизненномъ поприщѣ приводитъ ее къ убѣжденію, что ни родители, ни супругъ ея не вѣрятъ въ эти принципы; если молодому, жаждущему любви сердцу тотчасъ же приходится видѣть, что ему измѣняютъ, быть можетъ, ради какой нибудь танцовщицы, недостойной развязать ремни у обуви безпорочной женщины! А если къ этому еще присоединить дурные примѣры, которыми такъ изобилуютъ современные романы и драматическія произведенія, то, право, нечего удивляться замѣчаемой во Франціи распущенности нравовъ, — горячился Эдуардъ.

— Но вѣдь у насъ, мой милый, — возразила его мать, — положеніе женщинъ и общества вообще совсѣмъ иное. Поэтому мнѣ кажется, что ты преувеличиваешь вредное вліяніе, оказываемое театромъ и романами на молодые умы, и мы, нѣмцы, съ спокойной совѣстью можемъ позволять нашимъ дочерямъ эти наслажденія.

— Напротивъ, матушка! Именно потому, что у насъ еще мужчины смотрятъ на свой домъ, какъ на очагъ семейнаго счастья, а въ женѣ

своей видитъ верховную жрицу этого послѣдняго; потому, что онъ подноситъ къ ногамъ этой жрицы и славу, и почетъ, и все, что дѣлается ему въ удѣлъ; потому, что всѣ надежды и опасенія его заключены въ этотъ замкнутомъ кругѣ, къ которому онъ постоянно возвращается, какъ только онъ находитъ свободную минуту отъ настойчивыхъ требованій жизни, — именно поэтому мы, германскіе мужья, ниѣмъ право требовать, чтобы къ чистой душѣ молодой дѣвушки, ради которой приносится столько жертвъ, не прикоснулось никакое нечистое дыханіе!

— А какъ высока, какъ священна для насъ любимая нами дѣвушка! — вдругъ воскликнулъ Рейнгардъ, до сихъ поръ молча слушавшій, какъ бы пробуждаясь изъ глубокой задумчивости. — Если бы дѣвушка знала, какъ трудна и тяжела борьба, которую долженъ выдержать самъ съ собою мужчина, прежде чѣмъ онъ добровольно и навсегда откажется отъ своей независимости, прежде чѣмъ онъ пожертвуетъ своей свободой! Можно подчиниться настолько, насколько того влечетъ за собою любовь къ женщинѣ, только существу, которое любишь больше самого себя, которое является для васъ божествомъ! Ну, а кто бы могъ спокойно допустить, чтобы взоръ такого существа поражался недостойнымъ его зрѣлищемъ? Я, кажется, пожертвовалъ бы жизнью моею, чтобы избавить любимую женщину отъ такого оскверненія; и дѣвушка, которая дѣйствительно любитъ, которая въ состояніи понимать любовь, самопожертвованную, обожающую любовь мужчины, которая въ самой себѣ уважаетъ также и возлюбленнаго своего, непременно, и притомъ добровольно, должна отказываться отъ всего, что одновременно оскорбляетъ и ее, и его. Тотъ, кто испыталъ на себѣ, какъ очищаетъ и просвѣтляетъ истинная любовь сердце человѣческое, не можетъ не скорбѣть о томъ, если молодая дѣвушка сама себя лишаетъ того ореола, которымъ окружаютъ ихъ нравственная чистота и которая именно и дѣлаетъ ихъ столь дорогими нашему сердцу.

Онъ еще не успѣлъ кончить фразы, какъ взоръ его упалъ на сидѣвшую подлѣ него Женни, старавшуюся скрыть лицо свое за китѣвскими самоваромъ и едва способную, отъ волненія, разливать чай. Онъ

въ душѣ понялъ тотъ горькій упрекъ, который онъ невольно высказалъ и любимой дѣвушкѣ; онъ хотѣлъ дать другой оборотъ своимъ словамъ, не не въ состояніи былъ этого сдѣлать, потому что онъ высказалъ только искреннее, глубокое убѣжденіе свое. Сколько ни доставилъ ему счастья этотъ вечеръ въ театрѣ, однако, ему было больно, что вѣстниками любви его къ Женни сдѣлались такая безнравственная пьеса, такіа легковѣсныя аріи. Между ними и ею и заключалась именно та разница, что она, воспитанная въ понятіяхъ такъ называемаго большого свѣта, не смотря на свою душевную чистоту, лишилась способности понимать безнравственность извѣстныхъ положеній и явленій жизни, или что она не знавала ихъ. „Фитаро“, „Донъ Жуанъ“ и многое другое — были для нея пьесы, которыми она наслаждалась еще съ дѣтства, не отличая въ нихъ хорошаго отъ дурного; но подобное отношеніе къ дѣлу было немислимо и для Рейнгарда, и для Эдуарда.

Рейнгардъ до самаго поступленія своего въ университетъ воспитывался въ глухомъ провинціальномъ городкѣ, въ полнѣйшемъ уединеніи, и потому впечатлѣнія, получаемыя имъ въ послѣдствіи въ обществѣ и въ театрѣ, оказывали на него совершенно особое вліяніе; онъ отлично сознавалъ несприятное ощущеніе этихъ вліяній. Эдуардъ, напротивъ, путемъ размышленія мало-по-малу пришелъ къ тѣмъ взглядамъ, которые онъ отстаивалъ и которые по особымъ обстоятельствамъ, которыя будутъ изложены ниже, онъ высказалъ сегодня съ особенною горячностью.

Оба они и не догадывались о томъ, съ какимъ удивленіемъ и г-жа Мейеръ, и пасторша выслушивали это изложеніе взглядовъ ихъ сыновей, и что обѣ онѣ глубже читали въ сердцахъ ихъ, чѣмъ, быть можетъ, то было бы желательнымъ для нихъ. Рейнгардъ не подумалъ также и о томъ, какъ тяжело долженъ былъ быть для Женни его рѣзкій отзывъ; она совершенно наивно отдалась наслажденію музыкой, а сегодняшняя опера понравилась ей вдвойнѣ, такъ какъ во время ея исполненія она убѣдилась въ томъ, что сердце Рейнгарда принадлежитъ ей.

Однако, отъ пасторши не укрѣлось впечатлѣніе, произведенное словами ея сына на Женни; она подиѣтила долгій, умоляющій взоръ, ко-

торый обратил на нее Рейнгардъ, когда онъ кончилъ говорить; она видѣла, какъ Женни наклонилась къ нему и шепнула ему нѣсколько словъ, повидимому, приведшихъ въ восторгъ ея сына, такъ какъ лицо его просіяло отъ счастья; но расслышать эти, очень тихо произнесенныя слова, она не могла. — Я никогда больше не пойду на представление „Фигаро“, — сказала Женни Рейнгарду, и пасторша тщетно старалась разгадать, почему выраженіе печали не сходило съ прекраснаго лица молодой дѣвушки, между тѣмъ какъ лицо Рейнгарда продолжало сіять счастіемъ.

Въ видахъ поддержанія оборвавшагося было на нѣсколько секундъ общаго разговора, пасторша замѣтила: „Можно, конечно, не одобрять нравственной стороны „Фигаро“, безъ сомнѣнія оставляющей желать многого, но все же нельзя отрицать того, что самый текстъ не лишенъ граціи, не говоря уже объ очаровательной музыкѣ“.

— Это-то и дѣлаетъ ее тѣмъ болѣе опасной, — вставилъ свое слово Гюгесъ, — если только вообще допустить теорію опасности пьесъ, только что развивавшуюся передъ нами.

— Ахъ, пожалуйста, господа, — смѣясь воскликнулъ Эрлау, — не увлекайтесь этими нелѣпыми ученіями. Вѣдь все то, чему желаетъ поучать насъ какой-нибудь докторъ, давно уже считающійся выгоднымъ женихомъ, или кандидатъ теологіи, давно уже помышляющій о пасторскомъ мѣстѣ, — отъ этого не становится болѣе вѣрнымъ. Пускай она оба поучаютъ себя, чему желаютъ; а я все же буду утверждать, что и въ „Фигаро“, и въ „Цирюльникѣ“, и въ „Донъ-Жуанѣ“, и въ совершенно забытой, но все же милой „Фаншонѣ“, кроется что-то веселое, граціозное, легкое, выработавшееся въ прошломъ столѣтіи, но, къ сожалѣнію, въ настоящее время утраченное.

— Такая легкость и веселость, — проговорилъ Эдуардъ, — которая, превратившись въ настоящую развращенность, легкомысленно плясала вплоть до ступеней эшафота, не смотря на всѣ предостерегающіе голоса, въ которыхъ не было недостатка.

— Да, до эшафота, — подхватилъ Эрлау, — на которомъ легко-

мысленныя плясуньи умирали съ такимъ снобойствіемъ, съ такимъ душевнымъ величіемъ, которымъ могла бы позавидовать любая римлянка. Принцесса Елисавета умерла такъ же спокойно, какъ Аррія или любая героиня вашей хваленной, но скучной римской эпохи; вся разница между ними только въ томъ и заключается, что французенки были любезны и счастливы, и умѣли и другихъ дѣлать счастливыми, между тѣмъ какъ древняя римлянка, или, если хотите, римская древность, сидѣла въ своемъ гнѣзекѣ, и была добродѣтельна, и прядла тоги. Нѣтъ, ужъ по моему французенки лучше!

Старыя дамы засмѣялись, а ободренный этимъ смѣхомъ Эрлау продолжалъ:

— Ну, скажите мнѣ по совѣсти, можетъ-ли хоть одинъ изъ васъ считать себя хотя бы наполовину столько же любезнымъ, какъ графъ Альмавива, или Донъ-Жуанъ, или Керубинъ, или аббатъ въ „Фаншонъ“?

— Нѣтъ, никто, кромя, быть можетъ, тебя, любезный Эрлау, — отвѣтилъ Эдуардъ.

— Ахъ, кабы это была правда! Я ежедневно стремлюсь къ тому, чтобы сравняться съ этими веселыми образцами веселаго стараго времени, но какъ этого добиться? Только что успѣешь влюбиться и начинаешь блаженствовать, какъ вамъ начинаютъ толковать о желѣзнодорожныхъ акціяхъ, или о дѣтскихъ садахъ, разсадникахъ будущихъ педантовъ и недотрогъ. Если начинаешь помышлять о томъ, чтобы высвободить свое сердце, въ твердомъ намѣреніи тотчасъ же опять отдать его въ плѣнъ, вамъ предлагаютъ поступить въ общество для освобожденія невольниковъ-негровъ или для покровительства собакамъ; и никто вѣдь при этомъ не подумаетъ, что мнѣ, напр., все это надоѣло гораздо больше, чѣмъ негру надоѣло таскать корзины съ сахарнымъ тростникомъ, или собакѣ — возить телѣжку.

— Конечно, не всякому дано смотрѣть на жизнь, какъ на веселый пикникъ, и отвергать всякіе высшіе интересы, какъ нѣчто скуч-

ное, — возразил Рейнгардъ, которому эти шутки Эрлау были тѣмъ не пріятнѣе, что Женни могло нравиться то, что не нравилось ему.

— Ну, а какъ же иначе смотрѣть на жизнь? — продолжалъ неутомимый Эрлау. — Вѣдь Богъ несомнѣнно создалъ насъ для радости; Богъ желаетъ, чтобы мы радовались, и потому съ вашей стороны смертный грѣхъ то, что вы и сегодня, какъ и наемни, ищете мнѣ радоваться и веселиться. И къ чему приводить васъ вѣчная ваша проповѣдь морали? Г-жа Мейеръ и г-жа пасторша слушаютъ васъ съ такимъ благоговѣніемъ, что ихъ чай совсѣмъ остынетъ, а барышня ииѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ начался этотъ налѣпный разговоръ, такой печальный видъ и до того разсѣяна, что даже забыла налить мнѣ чаю, въ которомъ я, однако, сильно нуждаюсь, для того, чтобы утопить ту досаду, которую вы причинили мнѣ. — Пожалуйста, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Женни, — положите мнѣ двойную порцію сахару, чтобы уравновѣсить ту горечь, которую причинилъ мнѣ братъ вашъ.

Небольшая компанія отъ души расхохоталась надъ этой веселой шуткой Эрлау. И Женни насильно оторвалась отъ размышленій, впервые возникшихъ сегодня въ умѣ ея въ совершенно новой формѣ. Одинъ только Рейнгардъ оставался погруженнымъ въ глубокую задумчивость и глядѣлъ влюбленными глазами на Женни, собирающуюся дать Эрлау отвѣтъ въ шутливой формѣ. Въ это время въ комнату вошли Штейнгеймъ и Юсифъ. Они пришли изъ театра пѣшкомъ, и Штейнгеймъ извинился что опоздалъ, продекламировавъ: „Прителеъ я поздно, но пришелъ; пусть дальній путь мнѣ служить извиненіемъ“.

— Не почему же вы шли пѣшкомъ, а не ѣхали? — спросила Женни.

— Потому что сегодня пятница, и я не желалъ огорчать мою матушку. Изъ благочестія и изъ сыновней любви я еще когда нибудь схвачу смертельную простуду при такой сырой погодѣ, что вовсе не такъ мудро, при стоящей въ театрѣ духотѣ и при моемъ первомъ состояніи. Но что прикажете дѣлать?

— А я думала, что ѣзда запрещается только по субботамъ, — сказала пасторша.

— О, нѣтъ! — отвѣтилъ Штейнгеймъ, — у насъ суббота начинается еще съ вечера пятницы, и всѣ постановленія, касающіяся субботнаго дня, должны соблюдаться и въ пятницу вечеромъ, и вплоть до тѣхъ поръ, пока въ субботу вечеромъ покажется вечерняя звѣзда.

Пасторша похвалила Штейнгейма за то, что онъ соблюдаетъ постановленія своей религіи.

— Я-то, собственно, отношусь къ нимъ индифферентно, — отвѣтилъ онъ; — я считаю ихъ закономъ, подвергшимся ложному толкованію, и соблюдаю ихъ только ради моей матери, которой я приношу немало подобныхъ жертвъ, хотя онѣ и подтачиваютъ мое здоровье.

— А я никогда и не воображала, что вы такой примѣрный сынъ, — сказала Женни, не будучи въ состояніи удержаться отъ некушения подразнить Штейнгейма. — Я и не подозрѣвала, что къ числу вашихъ добродѣтелей принадлежит и самоотреченіе.

— „Свѣтъ любить все блестящее чернить, и въ прахъ ввергать высокое“, — продекларировалъ Штейнгеймъ. — Но все же, сударыня, я не заслужилъ, чтобы вы сомнѣвались во мнѣ, и могъ бы воскликнуть, подобно Цезарю: „И ты, Брутъ!“ Впрочемъ, вѣдь вамъ извѣстно и то, что по субботамъ падаютъ лошадей нашихъ, но не падаютъ нашихъ ногъ.

— Это основной законъ покровительства животнымъ, — воскликнулъ Эрлау, — я, любезный Мейеръ, удивляюсь тому, что ты, будучи въ состояніи вдвойнѣ торжествовать тутъ, какъ еврей и какъ филантропъ, давно уже не обратилъ на это вниманія.

— Однако же, — замѣтила г-жа Мейеръ, — точное соблюденіе тихой субботней торжественности принадлежитъ къ числу тѣхъ установленій еврейской религіи, которыя мнѣ болѣе всего нравятся и симпатичны; — не смотря даже на то, что мы перестали уже исполнять ихъ.

— Мнѣ это также очень нравится, — сказала Женни; — но только вѣдь это не распространяется на всѣхъ людей, а исключительно на евреевъ; я сама видѣла, какъ у г-жи Штейнгеймъ ея христіанская слу-

жанка чистила въ субботу подсвѣчники, между тѣмъ, какъ она сама сидѣла, сложа руки.

— Значить, вы полагаете, — спросилъ Штейнгеймъ, услышавшійся возлѣ Женни, — что такъ какъ служанка можетъ чистить подсвѣчники, то и лошадь можетъ тащить экипажъ.

— Да, — вполголоса проговорила Женни, между тѣмъ какъ общій разговоръ перешелъ уже на другой предметъ; — да, конечно, и лошади могли бы работать: вѣдь онъ — не еврей.

— А кто же онъ? — спросилъ Штейнгеймъ тоже вполголоса, чтобы не мѣшать другимъ.

— Почему я знаю! — отвѣтила Женни; — быть можетъ, христiane... или язычники, — торопливо присовокупила она, замѣтивъ, что сидѣвшій возлѣ нея Рейнгардъ прислушивается къ каждому слову ихъ шутивлаго разговора и съ негодованіемъ отвернулся, когда Штейнгеймъ громко расхохотался, отказываясь, однако, по настоятельной просьбѣ Женни, объяснить причину своего хохота, сколько въ нему ни представляли, чтобъ узнать ее.

Послѣднія слова произвели въ душѣ Рейнгарда впечатлѣніе острой боли и уподобились струѣ холода, пронесшейся по первымъ, прекраснымъ, весеннимъ цвѣтамъ. Это легкомысліе, эта манера шутить со всѣмъ, что свято для другихъ, — вотъ это-то такъ часто и являлось помѣхой между Женни и его любовью. Онъ любилъ въ ней ея богато-одаренную, прекрасную природу, живость ея чувствъ, и въ то же время часто съ огорченіемъ подмѣчалъ, что умъ Женни, вслѣдствіе воспитанія ея и обстоятельствъ, среди которыхъ она выросла, принялъ такое направленіе, которое было ему крайне антипатично, котораго не одобрялъ и Эдуардъ, но устранить которое обоюдныя ихъ усилія оказались не въ состояніи. Рейнгардъ вѣрилъ въ ея сердце, онъ любилъ ее такъ, какъ только въ состояніи любить цѣльный характеръ, — и все же сознавалъ, какъ будто какая-то перегородка отдѣляетъ его отъ любимой дѣвушки; все же онъ не могъ отдѣлаться отъ чувства онаенія, что между нимъ и ею стоитъ что-то такое, отдѣляющее ихъ

другъ отъ друга. Теперь, при послѣднихъ словахъ Женни, это чувство вновь проснулось въ немъ, и притомъ съ болѣею, нежели когда либо, горечью. Когда всѣ стали расходиться, онъ печально простился съ любимой дѣвушкой и съ довольно мрачнымъ видомъ отправился вмѣстѣ съ матерью домой, между тѣмъ какъ Женни въ своей комнатѣ пролиwała самыя горькія слезы отчаянія. Она сознавала, какъ она его огорчила, а между тѣмъ она никогда не ожидала, что такъ разстанется съ нимъ сегодня. Онъ даже и не взглянулъ на нее, а между тѣмъ ему было извѣстно, что она его любитъ.

V.

Во время всѣхъ этихъ происшествій красавица-Нлара мучилась на одрѣ болѣзни. Будучи молода, красива и добра, будучи окружена роскошью и богатствомъ, она, однакоже, никогда не знавала того счастья, для котораго, казалось, исключительно была создана. Въ отцовскомъ домѣ несчастный бракъ ея родителей давно уже сдѣлался для нея источникомъ страданій. Только желаніе добиться успѣховъ въ свѣтѣ побудило когда-то отца ея посвататься за свою तेперешнюю супругу, принадлежавшую, какъ уже было упомянуто выше, къ одному изъ самыхъ выдающихся семействъ купеческой аристократіи. Жена его была на нѣсколько лѣтъ старше своего мужа; однако, когда она выходила за него замужъ, то имѣла еще полное основаніе гордиться своей правильной, хотя и холодной красотой, и считала себя въ правѣ требовать благодарности и преклоненія передъ нею мужа, въ виду того, что она рѣшилась вступить въ бракъ, который въ то время не могъ считаться блестящимъ для нея. Обѣ стороны не вносили любви въ свой брачный союзъ; а когда векоръ послѣ того властолюбивый характеръ жены превратилъ для молодого мужа домъ ихъ въ настоящій адъ, и онъ поэтому сталъ все болѣе и болѣе отдаляться отъ нея, настроеніе ея превратилось въ озлобленіе, въ ледяную холодность, которыя въ концѣ концовъ окончательно отдаляли супруговъ другъ отъ друга.

Рожденіе сына, казалось, на нѣкоторое время смятило сердце матери по отношению къ отцу ея ребенка. Но было уже слишкомъ поздно для того, чтобы возстановить миръ. Горнъ, увлеченный притѣренъ другихъ нужей и своимъ чувственнымъ темпераментомъ, предался образу жизни, который подалъ женѣ его поводъ къ справедливымъ жалобамъ, а когда нѣсколько лѣтъ спустя родилась Клара, у ея колыбели уже не оставалось и слѣдовъ улыбки блаженной родительской любви.

Сынъ былъ единственное существо на свѣтѣ, къ которому г-жа Горнъ привязалась всей душою. Какъ только онъ пришелъ въ такой возрастъ, что въ состояніи былъ проявлять свои желанія, каждое изъ этихъ желаній исполнялось безпрекословно, и будучи столь же слаба и енискодительна къ своему сыну, насколько она была строга по вѣсѣмъ другимъ, г-жа Горнъ сдѣлала изъ него того изнѣженнаго, холоднаго и надменнаго щеголя, каковы мы видѣли его въ началѣ нашего разсказа. О милостивой и доброй Кларѣ мать почти не заботилась. Ребенка сдали съ раннихъ лѣтъ на руки гувернантки, которая, къ счастью, оказалась женщиной, способной понять и развить душу молодой дѣвушки. Встрѣчая равнодушіе со стороны родителей, будучи постоянно предметомъ приставаній и придирокъ со стороны капризнаго брата своего, Клара еще съ дѣтскихъ лѣтъ привыкла къ искорности и безпритязательности, которыя впоследствии сдѣлались лучшимъ украшеніемъ молодой дѣвушки. Не безъ нѣкоторой гордости смотрѣлъ отецъ ея на всеобщій восторгъ, который вызвало первое появленіе Клары въ обществѣ. Увлеченія молодости улеглись въ немъ, къ сыну своему, любимцу матери, онъ относился довольно равнодушно; онъ сталъ ощущать какую-то пустоту вокругъ себя, желать семейныхъ привязанностей, и поэтому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что его притовали къ себѣ преданность и дѣтская привязчивость его дочери. И онъ полюбилъ ее, насколько былъ въ состояніи полюбить. Она сдѣлалась его гордостью, его сокровищемъ, и всѣ его пожеланія стали сосредоточиваться на томъ, чтобы найти для дочери своей возможно блестящую партію. Поэтому для него было чрезвычайно пріятнымъ сюрпризомъ, когда же-

на его, до сихъ поръ относившаяся къ нѣжности ея мужа къ ихъ дочери съ обычнымъ своимъ равнодушіемъ, какъ-то неожиданно обратилась къ нему съ вопросомъ — не пора-ли подумать и о замужествѣ Клары, которой шель уже двадцатый годъ. При этомъ она сообщила ему, что она и проживавшая въ Англии, въ замужествѣ за англичаниномъ Гюгесомъ, сестра ея давно уже составили планъ женить единственнаго сына послѣдней на Кларѣ. Она доказывала мужу, что зять ея Гюгесъ, привыкшій къ англійскимъ обычаямъ, дающій большое преимущество въ наслѣдствѣ старшему сыну, охотно согласится предоставить все отцовское наслѣдство Фердинанду, да и что безъ того, выйдя замужъ за Гюгеса, Клара будетъ пользоваться такимъ благосостояніемъ, на которое ей въ Германіи никогда нельзя было рассчитывать. Собственно, г-жа Горнъ имѣла при этомъ въ виду предупредить въ будущемъ возможность раздѣла наслѣдства и предоставить послѣднее дѣлкомъ Фердинанду; планъ этотъ, хотя и по другимъ причинамъ, встрѣтилъ одобреніе и со стороны мужа ея. Вилліамъ Гюгесъ, судя по всему, что о немъ было извѣстно, считался неглупымъ и дѣльнымъ молодымъ человекомъ. Кромѣ того, Горну было извѣстно, что отецъ Вилліама — миллионеръ; а то обстоятельство, что старикъ Гюгесъ былъ членомъ парламента, что впоследствии и Вилліамъ могъ сдѣлаться тѣмъ же и что затѣмъ передъ нимъ можетъ открыться блестящая карьера, — имѣло немалое вліяніе на рѣшеніе Горна, такъ что онъ предоставилъ своей женѣ полную свободу вести это дѣло по своему.

Не трудно было уговорить молодого, любившаго путешествовать, англичанина къ поѣздѣ въ Германію и къ посѣщенію его родныхъ, которыхъ онъ видѣлъ только будучи еще ребенкомъ; а ласковый приемъ, оказанный ему со стороны дяди и тетки, радость, выказывавшаяся Фердинандомъ, которому безъизвѣстны были планы отца и матери по поводу пребыванія въ ихъ домѣ его двоюроднаго брата, вскорѣ побудили послѣдняго продлить пребываніе свое въ семействѣ родныхъ.

Для Клары съ прибытіемъ Гюгеса началась новая жизнь. Мать и

брать соперничали между собою въ ласковомъ съ нею обращеніи, всё старались выставить ее въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ и всё вдругъ стали выказывать полнѣйшую готовность льстить всѣмъ ея взглядамъ и желаніямъ, въ надеждѣ склонить ее этимъ путемъ къ исполненію задуманнаго плана. Иня отъ природы мягкой и послушный характеръ, Клара въ первый разъ въ жизни почувствовала себя по-истинѣ счастливою, видя вокругъ себя это всеобщее благоволеніе; а такъ какъ счастье производило и на нее оживляющее вліяніе, то совершенно естественно, что Вилліамъ нанялъ кузину свою какъ нельзя болѣе милой. Онъ усердно сталъ за нею ухаживать, и вскорѣ между ними установились дружескія и добрыя отношенія, что не безъ радости было встрѣчено всѣмъ семействомъ.

И вотъ, въ тотъ самый вечеръ, съ котораго начинается настоящій рассказъ, съ Кларой приключилось то неспрiятное происшествіе, которое надолго удалило ее изъ общества, на нѣкоторое время отсрочило брачныя планы ея матери и приблизило къ ней Эдуарда. Послѣ перваго переполоха, вызваннаго этимъ случаемъ, въ семействѣ Горна все стало снова входить въ свою обычную колею, прежнія занятія и развлеченія снова вступили въ свои права, и мать по прежнему стала довольно небрежно относиться къ Кларѣ, что должно было тѣмъ неспрiятнѣе поразить ее послѣ краткой мечты о счастьи. Почти каждый разъ, когда навѣщала ее молодой докторъ, онъ заставлялъ ее одну въ обществѣ старухи-сидѣлки, и отъ опытнаго взора его не могло укрыться, что у его пациентки боль душевная сильнѣе боли тѣлесной. Терпѣніе, съ которымъ она переносила страданія, кротость и спокойствіе-ея и какая-то присущая ей тихая покорность дѣлали для него особенно дорогою его пациентку. Онъ старался завязать и оживить ее всяческими разговорами; онъ старался приходить къ ней по возможности чаще, старался длить свои посѣщенія и находилъ самую лучшую награду для себя въ той радостной благодарности, съ которою привѣтствовала его молодая дѣвушка, и въ томъ наслажденіи, которое онъ самъ вскорѣ сталъ при этомъ испытывать.

Часто, покинувъ ее утромъ въ совершенно сносномъ состояніи, онъ находилъ ее вечеромъ въ состояніи тревожномъ, взволнованномъ, и несколько не оправдываемомъ общими жедомъ болѣзни и которое онъ не безъ основанія долженъ былъ приписывать душевнымъ волненіямъ. Такъ, между прочимъ, онъ засталъ ее однажды вечеромъ всю въ слезахъ и до того взволнованною, что она едва въ состояніи была отвѣчать на его вопросы. Оказалось, что, къ сожалѣнію, въ комнатѣ больной между родителями ея возникъ горячій споръ по поводу расточительности Фердинанда и его безпутнаго образа жизни. Отецъ неодобрительно отозвался о томъ, что Фердинандъ въ послѣднее время почти совсѣмъ пересталъ появляться за семейнымъ столомъ, что онъ проводить время въ легкомысленной компаніи, что непростительная слабость матери развиваетъ въ немъ эти дурныя наклонности, причемъ старикъ объявилъ, что онъ, какъ отецъ, считаетъ нужнымъ положить конецъ всему этому. Раздраженная двойными упреками, падавшими и на нее, и на ее любимца, жена его отвѣтила, что она отнюдь не можетъ находить достойнымъ столь рѣзкаго порицанія такой образъ жизни ея сына, примѣръ которому онъ заимствовалъ у своего же отца и который ей самой такъ долго пришлось выносить со стороны своего мужа. Не смотря на просьбы и мольбы Клары не дѣлать ее свидѣтельницей этой тяжелой сцены, она все же продолжалась до тѣхъ поръ, пока мать въ крайнемъ раздраженіи, вышла изъ комнаты, а отецъ, оставшись одинъ, сталъ разливаться передъ дочерью въ жалобахъ на судьбу, созданную ему ея матерью.

Вскорѣ послѣ этой сцены къ Клэрѣ вошелъ Эдуардъ. Клара въ это время была едва въ комнатѣ. Сидѣлка дремала въ сосѣдней комнатѣ, сидя съ чулкомъ въ рукахъ возлѣ лампы съ темнымъ абажуромъ. Въ комнатѣ царилъ глубокая тишина, и Эдуардъ тѣмъ явственнѣе слышалъ прерывистое дыханіе больной, по которому ему стало очевиднымъ, что она только что перестала плакать. Онъ ласково спросилъ ее о состояніи здоровья и протянулъ руку, чтобы пощупать ей пульсъ; но она быстро отдернула свою руку и сказала: — „Ахъ, сегодня это

рѣшительно ничего не доказываетъ; правда, я страдаю, но въ этомъ вы мнѣ не можете помочь, любезный докторъ!“—И при этихъ словахъ она снова залилась слезами.

Докторъ не сталъ настаивать и началъ разспрашивать ее о состояніи ея ноги; но она была до того взволнована, что, выйдя изъ обычной своей сдержанности, прервала его словами: „Не заблуждайтесь, докторъ! Да и я сама не желаю вводить васъ въ заблужденіе: наружная рана не можетъ зажить до тѣхъ поръ, я до тѣхъ поръ не могу выздороветь, пока не исцѣлится душевная боль моя. Какъ часто я чувствую желаніе поскорѣе умереть!“

— А о родителяхъ вашихъ вы забываете? А развѣ вы не знаете, что и для душевныхъ страданій будущность скрываетъ часто въ своихъ недрахъ цѣлительный бальзамъ?—спросилъ Эдуардъ.—Именно такія существа, какъ вы, должны наситывать наслажденіе жизнью, потому что они созданы для того, чтобы причинять радость самимъ существованіемъ своимъ.

— Я никогда никому не причинила радости; я всегда, съ самаго дѣтства моего, всегда стояла одинокою среди моего семейства,—торопливо отвѣтила она ему;—и если бы не любовь отца моего, то я бы даже и не имѣла понятія о семьѣ. Мою смерть скоро позабыли бы и, быть можетъ, она сдѣлалась бы даже источникомъ счастья, средствомъ къ примиренію. Вы сказали, что у меня мягкое сердце; въ такомъ случаѣ вы должны сожалѣть о моей судьбѣ, поселившей меня въ самой холодной атмосферѣ, въ которой я ежедневно претерпѣваю тысячу смертей.

Произнеся эти слова, она въ утомленіи откинула голову на подушки. Пароксизмъ волненія прошелъ; она въ некоторое время тихо плакала, и докторъ не пытался остановить ея слезы, такъ какъ ему извѣстно было, что такіа слезы—самое лучшее успокаивающее средство; но онъ съ выраженіемъ сожалѣнія смотрѣлъ на красивую дѣвушку. Клара была одна изъ тѣхъ женскихъ натуръ, которыя, какъ онъ только что самъ сказалъ, благотворно дѣйствуютъ однимъ появленіемъ своимъ. Равно-

нѣрное развитіе всѣхъ душевныхъ силъ, вѣдетъ съ богато-одаренной природой — дѣлали то, что люди съ самыми разнообразными характерами чувствовали влеченіе къ ней. Умный называлъ ее умной, страждущій — участливой, веселый — веселою, и на всѣхъ дѣйствовали освѣжительно ея доброта и та привѣтливость, съ которою она относилась ко всѣмъ. Ея находили достойней любви, и всякій чувствовалъ себя расположеннымъ раздѣлить это мнѣніе еще прежде, чѣмъ она успѣла чтонибудь сдѣлать для подтвержденія его. „Такая дѣвушка можетъ и должна быть ангеломъ-хранителемъ всякаго дома“, — говорилъ самъ себѣ Эдуардъ, и ему было жаль, что это кроткое существо принадлежитъ къ семейству, въ которомъ оно не въ состояніи ни само пользоваться счастьемъ, ни доставлять счастье другимъ.

Когда Клара нѣсколько успокоилась, и молодой докторъ осматривалъ ея ногу, онъ сталъ убѣждать ее поберечь себя по возможности и быть какъ можно спокойнѣе. — „Подумайте, — сказалъ онъ, — что и тѣло ваше страдаетъ отъ душевныхъ волненій, потому что они нѣшаютъ ему запасаться необходимыми силами, и что, съ другой стороны, вы при этомъ возбужденномъ состояніи вашихъ нервовъ вдвое сильнѣе ощущаете всякую душевную боль“. — Съ этими словами онъ хотѣлъ было проститься съ нею, но она уже успѣла справиться съ собой и спросила его остаться.

— Забудьте то, что я сказала вамъ сегодня, — пресила она его; — вѣдь я больна, а болѣзнь усиливаетъ всякія ощущенія. И не будьте обо мнѣ дурного мнѣнія за то, что я въ минуту раздраженія обвинила своихъ. Повѣрьте, докторъ, — присовокупила она, стараясь улыбнуться, — что я вовсе не такая неблагодарная, какою должна была сегодня показаться вамъ, и не желала бы, чтобы вы считали меня такою.

— Ахъ, моя милая и добрая, — воскликнулъ Эдуардъ, — какъ вы можете думать, что я составляю себѣ о васъ такое ошибочное мнѣніе? Развѣ недостаточно того, что я васъ знаю, что я въ теченіи послѣднихъ недѣль привыкъ удивляться вашему терпѣнію, вашей покорности,

для того, чтобы въ умѣ моемъ могло составиться прекрасное, чистое представленіе о васъ? Повѣрьте мнѣ, прекрасныя стороны человѣческой природы столь же часто обнаруживаются передъ врачомъ, какъ часто неприятно поражаетъ его жалкая человѣческая слабость. Вамъ я обязанъ первымъ, и если бы даже я явился къ вамъ холоднымъ скептикомъ, то былъ бы обязанъ вамъ увѣренностью въ томъ, что въ человѣкѣ живетъ кроткій лучъ божества.

— О, вы, конечно, не настолько плохой христіанинъ, чтобы когда либо сомнѣваться въ божествѣ и чтобы нужны были мои поученія для обращенія васъ на путь вѣры, — воскликнула Клара, желая скрыть свое волненіе. Но тутъ же ей пришла на умъ вся необдуманность этого восклицанія, и ея смущеніе еще болѣе усилилось, когда Эдуардъ улыбаясь отвѣтилъ ей:

— Да, я дѣйствительно не отрицаю Бога; но тѣмъ не менѣе я очень плохой христіанинъ, такъ какъ я — еврей. Поэтому вы все же можете позволить мнѣ поучаться вашимъ приговорѣмъ. Если онъ и не обратитъ меня на путь истины, то все же можетъ радовать меня и дѣлать меня лучшимъ, а за то и другое я охотно приношу вамъ мою благодарность.

Съ этими словами онъ распростился съ Кларой, оставивъ ее въ довольно странномъ волненіи. Она полюбила своего доктора и почувствовала неограниченное довѣріе къ его манерѣ леченія, она уважала его какъ человѣка и сегодня даже дозволила ему глубоко заглянуть въ ея душу. Она раскрыла передъ нимъ то, что составляло несчастье всей ея жизни и что никому не было извѣстно; при этомъ онъ отнесся къ ней, какъ братъ, съ добротою и кротостью, она облизнулась съ нимъ больше, чѣмъ когда либо съ какимъ либо другимъ мужчиной, и — онъ былъ еврей. Она испугалась, и все же невольно улыбнулась, такъ какъ она знала это и раньше, и даже родные ея дразнили ее тѣмъ, что она непременно пожелала лечиться только у врача изъ „избраннаго народа“. Ее неоднократно разспрашивали объ истинной причинѣ такого выбора, но все же она до такой степени забыла этотъ фактъ, что онъ въ настоящую ми-

нугу испугалъ ее. Еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ Вилліамъ, появившійся довольно часто въ комнатѣ больной, говорилъ съ большинствомъ участіемъ о Мейеровскомъ семействѣ, подвергшимся за то упрекамъ со стороны своей тетки, противъ которыхъ онъ съумѣлъ, однако, возразить разумными доводами. Теперь Клара вполнѣ раздѣляла его взглядъ. Она въ душѣ своей называла Вилліама добрымъ, пресвѣщеннымъ человекомъ, — но Эдуардъ представлялъ для нея нѣчто большее. Она постоянно вспоминала о его умныхъ, добрыхъ глазахъ, о его красивомъ лбѣ, и его еврейское лицо казалось ей почти красивымъ. Ее занималъ вопросъ: были-ли и у Христа такія же черты лица; и, постоянно возвращаясь мыслями къ Эдуарду, она наконецъ заснула крѣпкимъ сномъ, причѣмъ въ сновидѣніяхъ ея сливались въ одно цѣлое и Вилліамъ, и Эдуардъ, и Христосъ, въ томъ видѣ, въ какомъ изображаютъ Его намъ старинныя картины. Она проснулась только рано утромъ, бодрою и овѣженою.

Месяцъ спокойно провелъ ночь бѣдный Эдуардъ. Между тѣмъ какъ Женни давно уже дразнила его красивою его пациенткой, и матери его въ тотъ вечеръ показалось даже, будто она открыла его сердечную тайну, и даже съ материнскою заботливостію сообщила объ этомъ открытіи своему мужу; самъ докторъ не замѣчалъ того, что онъ сталъ интересоваться Кларой больше, чѣмъ какою либо изъ своихъ пациентовъ.

Въ тотъ вечеръ онъ возвратился къ своимъ роднымъ позднѣе, чѣмъ обыкновенно. Онъ засталъ ихъ совершенно однихъ. Родители его и Женни сидѣли, мирно бесѣдуя, въ гостиной, и онъ сразу замѣтилъ, что его поджидали и что имъ не доставало его присутствія.

— Ну, мой милый, — встрѣтилъ его отецъ, — подсадь къ намъ поближе и рассказывай, гдѣ ты провадалъ.

Эдуардъ объявлялъ, что онъ счелъ нужнымъ еще разъ посѣтить вечеромъ Клару Горы. Женни спросила о состояніи ея здоровья, и онъ отвѣтилъ, что выздоровленіе подвигается впередъ крайне медленно

и что больно приходится сильно страдать. — Вотъ бы у кого, Женни, тебѣ научиться терпѣнiю и сповойствiю, — добавлялъ онъ.

— Мнѣ кажется, что Клара вообще хорошая учительница, — отвѣтила Женни, сдѣлавъ гримасу, — такъ какъ нельзя отрицать, что ты заннмствовала у нея разныя понятiя, которыхъ прежде не раздѣляла. Я еще не далѣе, какъ вчера, говорила мамѣ, что ты теперь замѣтно отвыкъ отъ прежней привычки вѣчно спорить и разсуждать, но за то сдѣлался до того разсѣянъ и мечтателенъ, что вовсе не слышишь даже того, что тебѣ говорятъ. Очевидно, что или тебя очень обезпокоиваетъ здоровье твоей пациентки, или же тебѣ скучно у насъ дома.

Эдуардъ сповойно выслушалъ эту тираду, а его мать замѣтила:

— Дѣйствительно, ты за послѣднее время что-то рѣдко сталъ бывать дома, и я тоже замѣчаю въ тебѣ какую-то переизмѣну, мой сынъ. Если ты можешь намъ сказать, отчего это происходитъ, то этииъ успокой насъ.

— Какiя вы, однако, обѣ странныя женщины! — воскликнулъ отецъ, улыбаясь. — Развѣ жизнь не представляетъ съ каждымъ днемъ чего нибудь новенькаго, природа не мѣняется съ каждымъ днемъ! А тутъ вдругъ вы требуете, чтобъ Эдуардъ неизмѣнно оставался однимъ и тѣмъ же! Развѣ вы можете знать, какiя новыя обстоятельства представляются его уму при исполненiи обязанностей и какими мелкими и незначительными часто должны ему казаться ваши интересы въ сравненiи съ его интересами? А вы тутъ витѣшиваетесь съ вашими домашними и семейными мелочами и удивляетесь, если о нихъ выслушиваютъ безъ участiя, и называете это холодностью, разсѣянностью! Эдуарду предстоитъ еще, когда онъ обзаведется своимъ домомъ, научиться искусству слушать только ухомъ, причемъ слышанное не проникаетъ до головы; но этому можно научиться только съ годами.

— Дай-то Богъ! — сказала г-жа Мейеръ, сразу сообразивъ, что ей подвертывается подъ руку доводъ въ пользу ея любимица; — дай-то Богъ, чтобы время это поскорѣе наступило для Эдуарда! Будучи сво-

бодень, какъ, напримѣръ, теперь, онъ впутывается въ дѣла, до которыхъ ему нѣтъ ни малѣйшаго дѣла; онъ, какъ говорится, не гѣзетъ за словомъ въ карманъ, онъ высказываетъ политическіе взгляды и надежды, которые безъ всякой надобности обращаютъ на него взоры правительства, а если начнешь его предостерегать, онъ каждый разъ отвѣчаетъ: „Что за бѣда! Вѣдь я человѣкъ независимый, ничѣмъ не связанный!“

— Другими словами, — замѣтилъ съ мужъ, — ты желала бы наложить на нашего сына, вмѣстѣ съ сладкими, розовыми узами Гименея, и крѣпкую цѣпь, и притомъ цѣпь по возможности короткую, которая мѣшала бы ему дѣлать большіе свачки. Нѣжная матушка поступаетъ, какъ Юлія у Шекспира: она, любя сына, желаетъ стѣснить его свободу.

Сынъ ласково взялъ руку матери и сказалъ:

— И все же сегодня мысли мои были больше заняты домашними дѣлами, чѣмъ общими интересами. Я имѣлъ случай заглянуть во внутреннюю жизнь одного семейства, въ которомъ одно прекрасное сердце истекаетъ кровью подъ вліяніемъ самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, и не могъ удержаться, когда я вернулся домой и на меня здѣсь нахнуло тепло и любовью, отъ мысли о томъ, какъ счастливо та бѣдная дѣвушка чувствовала бы себя въ такомъ семейномъ кругу, какъ нашъ.

— А кто же эта бѣдняжка съ такимъ прекраснымъ сердцемъ? — спросила Женни.

— Это — дѣвушка, которая никогда не предложила бы такого нескромнаго вопроса, — отвѣтилъ Эдуардъ очень рѣшительнымъ тономъ; затѣмъ онъ продолжалъ: — Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь практикую, меня не разъ поражае то обстоятельство, что счастливые браки, заботливость родителей о своихъ дѣтахъ — гораздо чаще встрѣчаются въ еврейскихъ семействахъ, чѣмъ въ христіанскихъ. Да и число разводовъ, какъ сообщалъ мнѣ одинъ пріятель, очень непропорціонально въ обихъ вѣроисповѣданійхъ, такъ какъ среди евреевъ разводъ является величайшею рѣдкостью.

— Это, конечно, очень странно, — замѣтила Женни, — именно потому, что у евреевъ бракъ является часто лишь семейною сдѣлкой, о которой женихъ и невѣста сами узнаютъ послѣдніе.

— Это очень часто встрѣчается не только у евреевъ, но и вообще, — возразилъ старикъ Мейеръ, — и міръ въ дѣйствительности вовсе не такъ романтиченъ, какимъ онъ рисуется въ твоей семнадцати-лѣтней головкѣ. Что же касается счастливыхъ браковъ у евреевъ, то нашъ народъ обязанъ этимъ, какъ и многимъ другимъ, гнету, подъ которымъ онъ прожилъ многіе вѣка. Человѣкъ, для котораго всюду недоступна была свободная дѣятельность, который ничего не могъ назвать своею собственностью, который не имѣлъ ни кола, ни двора, у котораго постоянно успѣвали все подъ новыми и новыми предлогами вырывать съ трудомъ добытыя деньги, — у такого человѣка не оставалось ничего болѣе, кромѣ жены и дѣтей его. Это было единственное достояніе его, котораго нельзя было у него похитить, они принадлежали ему даже тогда, когда онъ былъ разлученъ съ ними, они оставались его собственностью по вѣрѣ и, только отрекаясь отъ нея, переставали принадлежать ему. Поэтому вполне естественно, если для еврея-жена и дѣти замѣняли цѣлый міръ и если и до сихъ поръ въ ихъ средѣ встрѣчается столько примѣровъ счастливой домашней обстановки, не смотря на то, что внѣшнія обстоятельства въ настоящее время значительно измѣнились.

— Ахъ, папа, какой же твой міръ маленькій! — патетически воскликнула Женни, бывшая какъ разъ въ этотъ вечеръ въ очень игривомъ настроеніи духа. — У тебя нѣтъ никого, кромѣ мамы и миленькой, маленькой Женни. И весь-то твой міръ состоитъ изъ двухъ частей свѣта, между тѣмъ какъ у самаго бѣднаго христіанина — цѣлыхъ пять частей свѣта!

— А Эдуардъ? — спросилъ отецъ.

— Ахъ да! Но часть свѣта, называемая Эдуардомъ, имѣетъ въ настоящую минуту такой жалкій видъ, какъ будто надъ нею сейчасъ угрожаетъ разразиться новый потопъ. Или скорѣе — она имѣетъ такой видъ, будто внутри ея вмѣсто сердца кроется вулканъ, изъ котораго

вотъ-вотъ начнется изверженіе, угрожающее концомъ нашему міру. О, папа! — воскликнула она, бросаясь ему на шею, когда Эдуардъ взглянулъ на нее удивленнымъ и не совсѣмъ довольнымъ взглядомъ, — спаси меня! Вулканъ Эдуардъ уже начинаетъ извергать изъ себя огонь и пламя.

Отецъ обнялъ свою шаловливую дочку, и видно было, что родители пріятно и сладею быть въ обществѣ своихъ дѣтей. Одинъ только Эдуардъ оставался разсѣянъ и молчаливъ и подѣ какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ удалился въ свою комнату ранѣе обыкновеннаго.

— Воркотня Іосифа становится заразительной, — шутя замѣтила Женни, когда онъ вышелъ изъ комнаты. Но г-жа Мейеръ съ озабоченною миной покачала головой и произнесла, вздохнувъ: — Старикъ, что такое дѣлается съ Эдуардомъ? Я начинаю беспокоиться за него.

— А я нисколько, — возразилъ Мейеръ. — Эдуардъ не ребенокъ. Что бы тамъ съ нимъ ни творилось, оставьте его въ покоѣ. Онъ уже сѣмъ-бѣтъ выберется на надлежащую дорогу.

VI.

Эдуардъ, уйдя отъ родителей и очутившись въ своей отдѣльной квартирѣ, не находилъ надлежащаго покоя. Ему было душно въ тѣсныхъ комнатахъ; онъ распахнулъ окно, и хотя снѣгъ большими хлопьями сталъ вбиваться въ комнату, ему какъ-то стало лучше и легче, когда холодный вѣтеръ началъ обвѣивать его пылающую голову.

Домъ его родителей находился недалеко отъ гавани; садъ террасами спускался къ рѣкѣ, какъ разъ въ этомъ мѣстѣ впадавшей въ море. У него явилось желаніе прогуляться и, накинувъ на плечи шинель, онъ сталъ расхаживать по покрытымъ снѣгомъ дорожкамъ сада. По временамъ вмѣстѣ съ снѣжными хлопьями падали на землю пожелтѣвшіе листья; вѣтеръ гналъ передъ собою тучи и замедлялъ шаги Эдуарда. Онъ былъ совершенно одинъ на дорожкѣ, и тутъ только замѣ-

тить, что вышел из своей комнаты, не смотря на сильную вьюгу, бушевавшую вокруг него, не смотря на окутывавшую его тьму, ибо в дуплѣ его бушевала еще болѣе сильная буря и ее окутывала еще болѣе глубокая тьма.

Какъ онъ могъ преднамѣренно такъ заблуждаться относительно своихъ чувствъ и не обращать вниманія на вспыхнувшее въ его сердцѣ чувство любви? Теперь, оглядываясь назадъ болѣе спокойнымъ взоромъ, онъ почти со стыдомъ чувствовалъ, что съ первой же минуты, когда онъ былъ приглашенъ къ Кларѣ, увидѣлъ въ ней не только больную, страдалицу, но и красивую женщину и потомъ уже не переставалъ смотрѣть на нее такими же глазами. Ея любезность, ея спокойная разсудительность становились для него съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привлекательными, и онъ не могъ скрывать отъ себя, что Клара сдѣлалась для него идеаломъ дѣвушки.

Онъ именно такую воображалъ себѣ любимую женщину, именно такую желалъ себѣ жену, — и неужели же онъ не долженъ былъ считать себя стоящимъ на высотѣ счастья теперь, когда Клара его любила? Каждый взглядъ, каждое слово красивой дѣвушки обнаруживали въ ней, бессознательно для него самого, расположеніе къ нему, которое въ этомъ глубокомъ характерѣ не могло быть скоропреходящимъ, должно было отличаться глубиной. Сердце его забилось сильнѣе при мысли, что онъ встрѣтилъ взаимную любовь, которой сердце его такъ страстно домогалось. Онъ на одну минуту ощутилъ то счастье, которое вознаграждаетъ человѣка за многолѣтнія лишенія; но вслѣдъ затѣмъ сердце его судорожно сжалось, точно отъ ощущенія холода, при суровомъ прикосновеніи дѣйствительности. Онъ было вообразилъ себѣ, какъ Клара, отвѣчая на его любовь, явится вмѣстѣ съ нимъ къ его родителямъ, проситъ ихъ благословить ихъ союзъ. — но развѣ это было возможно?

— Безумецъ! — воскликнулъ онъ, — жалкій безумецъ! Куда ты осмѣлился зайти? — И онъ, остановившись, сталъ смотрѣть на пѣнящіяся волны, которыя колыхались не менѣе сильно, чѣмъ его измученное сердце. Въ эту самую минуту луна выплыла изъ-за темныхъ тучъ и отразилась въ

водяной змѣи, которая, казалась, усложилась и улеглась подъ кроткими лучами ея; и луна эта представлялась ему чѣмъ-то свѣтлымъ, яснымъ неизвѣданнымъ глазомъ, который успокаивающимъ взоромъ смотрѣлъ на взбаламученное море его жизни. Въ сердцѣ своемъ онъ ощущалъ нестерпимую боль, на глазахъ его выступали слезы. — Боже! Боже! — воскликнулъ онъ, — и почему это мнѣ суждено было родиться при такихъ обстоятельствахъ, которыя на каждомъ шагѣ являются мнѣ помѣхой? Почему мнѣ приходится лишаться всего того, чего душа моя пламенно всего просить? Почему мнѣ на долю выпала эта жизнь, полная борьбы и лишений?

Суда стояли передъ нимъ въ безмолвной тишинѣ; часовые, для того, чтобы согрѣться, беззвучно расхаживали большими шагами по палубамъ кораблей; тамъ и сямъ свѣтился огонекъ изъ оконъ каютъ. Онъ чувствовалъ близость людей, онъ видѣлъ, что и имъ приходилось исполнять тяжкій, утомительный трудъ, и все же завидывалъ ихъ судьбѣ и ихъ спокойному сну. На какое бы продолжительное время морякъ ни разлучался съ родиной, но все же когданибудь онъ да возвращается, какъ гражданинъ ея, какъ равноправный ея сынъ, и она признаетъ за нимъ всѣ его права; и жена, свободно избранная имъ изъ числа многихъ дѣвушекъ, упадаетъ на грудь его, причесть различіе вѣроисповѣданій не встаетъ между ними въ видѣ угрожающаго призрака и не разлучаетъ теплыхъ, любящихъ сердець своей ледяной рукой! А ему — что ему дала жизнь? Онъ подвергался оскорбленіямъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только началъ сознавать себя; ни труды, ни прилежаніе его не были вознаграждены такъ, какъ онъ того желалъ и какъ имѣлъ право рассчитывать. Теперь сердце его мало-по-малу освободилось отъ этого тормозящаго вліянія, оно снова оживилось и разцвѣло подъ созрѣвающимъ дуновеніемъ благородной любви, онъ наконецъ встрѣтилъ ту подругу, рука объ руку съ которой онъ желалъ бы совершить свой житейскій путь, — и вновь между нимъ и его счастіемъ вставалъ прежшій страшный призракъ. — Но неужели же невозможно отогнать этотъ призракъ? Почему бы и ему, какъ то дѣ-

дали тысячи другихъ, не отказаться отъ религіи, одна форма которой отдѣляла его отъ остальнаго человѣчества? Что привязывало его къ Моисею и къ его законамъ? Чѣмъ ученіе Моисея ему дороже, чѣмъ ученіе Іисуса? Почему не прощывать одну вѣру на другую, для того, чтобы вмѣстѣ съ любимой женщиной молиться Всемогущему и въ чистотѣ шествовать по путямъ Его?— Но развѣ ему пришлось бы отречься только отъ своей религіи? Развѣ ему вмѣстѣ съ тѣмъ не пришлось бы оторваться и отъ того народа, среди котораго онъ родился? отъ этого архидревняго народа, который въ тысячелѣтней борьбѣ сумѣлъ сохранить свою независимость и тѣмъ самымъ доказать свою внутреннюю мощь?— Возможно-ли оторваться отъ своего народа?— спрашивалъ онъ себя;— имѣю-ли я право ради собственнаго удовлетворенія отречься отъ моего народа только потому, что его несправедливо презирають, что его угнетаютъ?— Никогда! Безчисленное множество моихъ единоплеменниковъ оставались стойкими въ своей вѣрѣ, претерпѣли изгнаніе и самую смерть ради своей вѣры и своего народа,— а я, я былъ бы настолько трусливъ, чтобы не чувствовать въ себѣ силы противиться голосу моего сердца, между тѣмъ какъ мои родные живутъ и любятъ меня, между тѣмъ какъ мнѣ дано, на мнѣ лежитъ обязанность дѣйствовать, по мѣрѣ силъ и возможности, въ пользу того угнетеннаго народа, къ которому я принадлежу, освободить его изъ тѣхъ невольничьихъ оковъ, которыя давятъ его въ теченіи вѣковъ! Какое я имѣю право такъ высоко цѣнить мое счастье, счастье моей единичной личности, между тѣмъ какъ весь мой народъ несчастливъ! Нѣтъ, прежде чѣмъ я отступлюсь отъ моего народа и отъ моей чести, пускай это сердце скорбе разорвется отъ тоски по возлюбленной, по моей милой, прекрасной Кларѣ! — И все же это мужественное рѣшеніе колеблосъ при мысли о любимой дѣвушкѣ. Эдуардъ представлялъ себѣ, какую душевную боль испытаетъ Клара въ случаѣ разлуки, на которую онъ осудитъ ихъ обоихъ, какъ она будетъ сердиться на него за причиняемыя ей страданія, — и тѣмъ не менѣе, онъ не въ состояніи былъ допустить мысли о томъ, чтобы посредствомъ принятія крещенія избавить и ее, и себя отъ всѣхъ этихъ

страданій и соединиться съ нею на всю жизнь. Рѣшеніе его было принято, онъ покорился своей участи, но онъ былъ глубоко опечаленъ, медленными шагами возвращался къ своему дому. Онъ зрѣло обдумалъ, какъ установить будущія отношенія свои къ Кларъ, онъ твердо рѣшилъ, что ни единое слово, ни единый взглядъ не обнаружитъ того, что происходитъ въ душѣ его, — и бѣлесоватый свѣтъ зимняго утра заглянулъ уже въ его окно, а Эдуардъ и не думалъ ложиться спать. Утро застало его сидящимъ въ креслѣ, разбитымъ отъ усталости; но онъ радовался физическому утомленію, которое дѣлало его нѣсколько менѣе чувствительнымъ къ моральнымъ страданіямъ.

Перев. Э. Ватсонъ.

(Продолженіе будетъ).

КАРАИМЫ И ЕВРЕИ.

(Окончаніе) *.

V.

Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, если бы мы не разсмотрѣли еще здѣсь организацію духовенства у караимовъ.

3 марта 1837 г. высочайше утверждено было положеніе о таврическомъ караимскомъ духовенствѣ.

Въ именномъ указѣ, данномъ тогда же правит. сенату, сказано, что живущіе въ предѣлахъ Таврической губерніи еврей-караимы ходатайствуютъ объ устроеніи состоянія ихъ духовенства и о дарованіи ему нѣкоторыхъ изъ тѣхъ правъ, которыми пользуется тамошнее магометанское духовенство. Эта просьба была признана уважительной и вслѣдствіе этого составлено было министромъ внутреннихъ дѣлъ положеніе, которое, по разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ, повелѣно было привести въ исполненіе. Такимъ образомъ, инициатива организаціи караимскаго духовенства принадлежала самимъ караимамъ.

Первое, что бросается въ глаза въ этомъ положеніи—это сосредоточеніе духовной власти въ лицѣ одного представителя для всѣхъ караимскихъ обществъ Таврической губ. и г. Одессы, именуемаго гахамомъ. Послѣдній есть глава караимскаго духовенства, обитающаго въ Таврической губерніи и Одессѣ. Гахамъ лицо выборное. Его избраніе совершается въ Евпаторіи всѣми обитающими въ указанныхъ губерніи и городѣ караимскими обществами, изъ коихъ каждое отправляетъ на этотъ

* См. «Восходъ» кн. I.

конецъ отъ себя повѣреннаго въ Евпаторію. Избраніе производится посредствомъ баллотированія, подъ надзоромъ мѣстнаго городского начальства. По окончаніи же баллотировки избирательный актъ подписывается всѣми избирателями и потомъ чрезъ посредство мѣстнаго полицейскаго начальства и за его свидѣтельствомъ представляется губернатору, который о двухъ кандидатахъ, получившихъ наибольшее число балловъ, доноситъ чрезъ мѣстнаго генераль-губернатора министру внутреннихъ дѣлъ, присовокупляя о каждомъ изъ кандидатовъ свое мнѣніе. Министръ же объ утвержденіи одного изъ кандидатовъ представляетъ правит. сенату. Во время болѣзни гахама, отсутствія его и въ случаѣ смерти, до избранія новаго, мѣсто его заступаетъ одинъ изъ старшихъ газзановъ, по назначенію таврическаго губернатора. Впослѣдствіи же было оговорено, что, до такого назначенія, должность гахама исправляетъ старшій газзанъ или кандидатъ, по усмотрѣнію духовнаго правленія.

Содержаніе гахамъ получаетъ отъ караимскихъ обществъ, которыя актомъ 25 сентября 1835 г. обязались производить ему въ годъ по 2,000 рублей.

Приходское духовенство состоитъ изъ газзановъ и шамашей. Именно при каждой синагогѣ положено по два газзана—старцаго и младшаго, и одного шамаша или надзирателя имущества синагоги.

Газзаны и шамаша избираются обществами, испытываются въ знаніи закона гахамомъ и, по представленію его, утверждаются въ должностяхъ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, которое обязано утверждать въ должностяхъ лишь людей, извѣстныхъ доброю нравственностью и преданностью правительству; въ отвращеніе же распрей между членами караимскихъ обществъ, оно наблюдаетъ, чтобы опредѣляемые въ газзаны имѣли отъ своихъ обществъ надлежащія объ избраніи ихъ приговоры.

Далѣе, въ положеніи очерченъ кругъ правъ и обязанностей каждаго изъ указанныхъ духовныхъ лицъ.

Гахамъ: а) имѣетъ *надзоръ* за таврическимъ караимскимъ духовенствомъ и синагогами, печется о приличномъ сихъ по-

свѣдннхъ содержаніи, о сохраненіи надлежащаго порядка въ богослуженіи и объ учрежденіи училищъ при синагогахъ, наблюдая притомъ какъ за ученіемъ, такъ и за нравственностью учителей и учениковъ. Но учрежденіе новыхъ синагогъ или учебныхъ заведеній допускается не иначе, какъ съ утвержденія начальникомъ губерніи подлиннаго о томъ приговора караимскаго общества, по представленію гахама и по надлежащемъ удостовѣреніи какъ въ необходимости учрежденія новой синагоги, или учебнаго заведенія, такъ и въ достаточности средствъ для приличнаго ихъ содержанія; б) гахамъ снабжаетъ ежегодно приходскихъ духовныхъ шнуrowыми, за своею подписью, *тетрадьми*, для записыванія рождающихся, сочетающихся бракомъ и умирающихъ; в) имѣетъ вѣрный списежъ всѣхъ духовныхъ его вѣдомства и, при назначеніи приходскихъ духовныхъ, наблюдаетъ, чтобы въ нихъ была дѣйствительная надобность и чтобы назначаемые имѣли нужныя свѣдѣнія въ обязанностяхъ, съ сими должностями соединенныхъ, и были хорошей нравственности; г) разсматриваетъ возникающія въ приходахъ дѣла о порядкѣ богослуженія и обрядовъ, исправленіи духовныхъ требъ, заключеніи и расторженіи браковъ и назначеніи депутатовъ къ запискѣ имуществъ, принадлежащихъ синагогамъ и училищамъ.

Газзанамъ старшимъ предоставляется преимущественно: обрѣзаніе младенцевъ мужскаго пола, нареченіе именъ, совершеніе и расторженіе браковъ, а *младшимъ*—отправленіе молитвъ и исполненіе духовныхъ требъ для прихожанъ. Въ случаѣ же отсутствія или болѣзни старшаго газзана, обрѣзаніе и бракъ могутъ быть совершены его помощникомъ или младшимъ газзаномъ. Впрочемъ, по закону 8 апрѣля 1863 г., обрѣзаніе младенцевъ гахамъ предоставляетъ тому изъ караимовъ, который по этой части извѣстенъ своею опытностью, не возбраняя, однако, выборъ такого лица самимъ родителямъ младенцевъ. Обрѣзаніе совершается или въ присутствіи старшаго газзана или же съ особаго каждый разъ письменнаго его разрѣшенія. Отвѣтственность въ правильности отмѣтки въ метрической книгѣ о совершеніи сего обряда остается на старшемъ газзанѣ, кото-

рый ведетъ метрическія книги и въ концѣ года представляетъ ихъ гахаму.

На обязанности шамашей, или надзирателей, лежитъ: обученіе приходящихъ для сего въ синагогу дѣтей; управленіе хозяйственными дѣлами синагоги; смотрѣніе за ея имуществомъ и представленіе въ концѣ каждаго года гахаму отчета о суммахъ, поступившихъ, употребленныхъ въ расходъ и остающихся за онымъ.

Служба караимскихъ духовныхъ *безсрочна*. Поэтому они не иначе могутъ быть лишены своего званія за поступки, противные ихъ духовнымъ обязанностямъ, какъ по слѣдствію, ясно доказывающему ихъ вину, и по распоряженію власти, отъ которой зависѣло ихъ утвержденіе. Но, сказано въ законѣ 1863 г., обществамъ караимовъ, по истеченіи трехъ лѣтъ, предоставляется приговоромъ $\frac{2}{3}$ избирателей ходатайствовать объ удаленіи духовнаго лица. То же право предоставляется и губернскому начальству, если эти духовныя лица своимъ образомъ дѣйствій не заслуживаютъ полного одобренія. Въ дѣлахъ, относящихся къ обязанностямъ ихъ званія, караимскіе духовные подлежатъ суду своего начальства, въ дѣлахъ же гражданскихъ и уголовныхъ они, конечно, подлежатъ суду по общимъ законамъ государства.

Кромѣ единоличнаго духовенства рассматриваемымъ положеніемъ установлено и коллегіальное учрежденіе—*таврическое караимское духовное правленіе*, о которомъ сказано, что гахамъ въ управленіи духовными дѣлами караимскихъ обществъ соизнается съ газзанами евпаторійской синагоги. Для этого они каждую недѣлю, по назначенію гахама, приходятъ къ нему для совѣта и разсужденія о дѣлахъ. Составленное, такимъ образомъ, изъ этихъ трехъ лицъ присутствіе называется таврическимъ караимскимъ духовнымъ правленіемъ, которое имѣетъ свою печать съ изображеніемъ губернскаго герба. Дѣла въ духовномъ правленіи предлагаются къ слушанію гахамомъ. По выслушаніи дѣла и мнѣній газзановъ, гахамъ постановляетъ свое объ этомъ дѣлѣ заключеніе, которое приводится въ исполненіе предписаніями его подвѣдомственнымъ духовнымъ. Но еслибы газзаны нашли заключеніе гахама несогласнымъ съ об-

щими государственными узаконеніями или предписаніями высшаго начальства, то они обязаны, не позже трехъ дней, представить о своемъ мнѣніи таврическому губернатору.

На рѣшенія гахама допускаются жалобы, которыя разсматриваются губернскимъ начальствомъ. Последнее, встрѣтивъ затрудненіе въ рѣшеніи дѣла по представленію гахама или по вступившимъ на него жалобамъ, или по полученнымъ отъ сенаторійскихъ газзановъ донесенію, представляетъ объ этомъ дѣлахъ на разсмотрѣніе министра внутр. дѣлъ установленнымъ порядкомъ.

Что касается гражданскихъ правъ караимскаго духовенства, то объ этомъ постановлено въ положеніи, что караимы, занимающіе духовныя должности, освобождаются лично, на время нахождения въ сихъ должностяхъ, отъ всякихъ податей и повинностей, и пользуются какъ личными, такъ и относящимися къ собственности правами свободного состоянія. По закону же 1863 г. караимы, занимавшіе 12 лѣтъ должность гахамовъ, приобрѣтаютъ потомственное, а занимавшіе такое же время должности газзановъ и шамашей—личное почетное гражданство.

Если сопоставить организацію караимскаго духовенства съ еврейскимъ, то окажется слѣдующая отличительная черта. Въ то время, когда правительство не встрѣчало никакого неудобства въ созданіи центральной, такъ сказать, власти въ лицѣ гахама для всего караимскаго духовенства или, тоньше, всѣхъ караимовъ, какъ это выражено въ законѣ 8 апрѣля 1863 г., оно, въ отношеніи евреевъ, старалось раздробить духовную власть по отдѣльнымъ общинамъ въ лицѣ раввиновъ, поставленныхъ другъ отъ друга совершенно независимо и не имѣющихъ надъ собой никакого іерархическаго представителя. Такая разрозненность обусловливалась, повидимому, особымъ взглядомъ правительства на еврейскую вѣру. Въ высочайше утв. 11 января 1850 г. уставѣ о производствѣ девятой народной переписи сказано, напримѣръ, что *еврейская вѣра не имѣетъ особеннаго духовнаго сословія* и потому лица сего рода, кромѣ караимовъ, подлежатъ ревизіи на общемъ основаніи. Съ другой стороны, въ отношеніи караимовъ, занимающихъ духов-

ныя должности, сказано, что они вовсе изъемяются отъ внесенія въ перепись во время нахождения въ сихъ должностяхъ *. Удивительное дѣло! Еврейское духовное сословіе послужило основаніемъ и образцомъ для организаціи духовенства другихъ монотеистическихъ религій, въ особенности христіанской, а въ концѣ концовъ оказывается, что у евреевъ будто нѣтъ духовнаго сословія, когда извѣстно, что ни одна еврейская община не можетъ обойтись безъ раввина и другихъ нужныхъ для исправленія требъ духовныхъ должностныхъ лицъ.

Обращаясь теперь къ караимамъ западныхъ губерній, слѣдуетъ замѣтить, что духовная часть у нихъ была устроена лишь въ 1850 году, когда высочайше утв. 13 ноября 1850 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта положено было: всѣхъ караимовъ, поселенныхъ въ западныхъ губерніяхъ имперіи, причислить къ вѣдомству таврическаго караимскаго духовнаго правленія, съ распространеніемъ на нихъ въ полной силѣ положенія 3 марта 1837 года о караимскомъ духовенствѣ Таврической губерніи **.

Но, повидимому, такое причисленіе караимовъ западныхъ губерній къ вѣдомству таврическаго караимскаго духовнаго правленія оказалось на практикѣ неудобнымъ. Вслѣдствіе этого закономъ 2 мая 1863 г. учреждена должность двухъ гахамовъ, изъ коихъ одному назначенъ мѣстопробываніемъ г. Евпаторія, а другому—г. Троки (Виленской губ.). Каждый гахамъ избирается всѣми обществами караимовъ, входящими въ составъ его вѣдомства, на каковой конецъ каждое изъ этихъ обществъ, по принадлежности, отправляетъ своего повѣреннаго въ Евпаторію или Троки. Содержаніе гахамы тоже получаютъ отдѣльно: евпаторійскій гахамъ получаетъ то содержаніе, о которомъ мы говорили выше, трокскій же пользуется опредѣленнымъ количествомъ земли, отведенной близъ Трокъ на содержаніе тамошняго караимскаго духовнаго правленія, именно изъ казенныхъ земель опредѣлено 160 десятинъ, съ назначеніемъ гахаму 60, двумъ газванамъ по 40 и шамашу 20 десятинъ. Образовано

* П. С. З., т. 25, № 23817.

** П. С. З., т. 25, № 24634.

также два караимскихъ духовныхъ правленія: одно въ Евпаторіи—для караимовъ Таврической губерніи, а другое въ Троякахъ—для караимовъ губерній западныхъ *.

VI.

И такъ, въ то время, когда на евреевъ сыпались всевозможныя, какъ изъ рога изобилія, ограниченія, караимы взыскиваемы были всякими милостями, благодаря взгляду на нихъ правительства какъ на людей, не раздѣляющихъ талмудическихъ заблужденій и отличающихся строгими правилами жизни и трудолюбіемъ.

Каждому вѣроисповѣданію, конечно, свойственно считать другія исповѣданія заблужденіями, ересью, а себя истиннымъ и единоспасающимъ. Исключеніе изъ этого не составляютъ даже относительно другъ друга сами христіанскія исповѣданія: православіе, протестантизмъ и католицизмъ. Но доказывать и проповѣдывать истинность того или другого религіознаго ученія—это дѣло лицъ духовнаго чина, но никакъ не свѣтской власти, задача которой—регулировать мірскія отношенія, а не провѣрять совѣсть и оцѣнивать религіозные принципы подданныхъ, если только эти принципы не нарушаютъ общественнаго порядка. Поэтому представляется страннымъ это постоянное сопоставленіе въ законодательныхъ актахъ караимовъ и евреевъ, что первые слѣдуютъ ученію ветхаго завѣта, а вторые придерживаются талмуда, талмудическихъ заблужденій. Лица, дѣлавшія это сопоставленіе, наврядъ-ли имѣли даже ясное представленіе о содержаніи и характерѣ талмуда, который и большинству еврейской массы мало знакомъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ бібліотекарь Британскаго музея въ Лондонѣ, Дейтшъ, въ своемъ сочиненіи «Талмудъ», что еще никогда книга не была такъ часто цитируема всѣми и такъ мало изучаема. Что же касается публики вообще, то—продолжаетъ упомянутый авторъ,—«мы ни на минуту не сомнѣваемся, что какъ часто въ послѣднее время ни употребляли это слово, все-таки есть еще очень многіе, кото-

---

* П. С. З., т. 38, № 39460.

рые все еще раздѣляютъ мнѣніе ученаго капуцина Генриха Сейневия, что талмудъ—не книга, а человекъ. «Ut narrat Rabbinus Talmud (какъ раввинъ Талмудъ рассказываетъ), восклицаетъ онъ и торжествующимъ тономъ подтверждаетъ такимъ образомъ свой аргументъ» *.

Притомъ же сопоставлять талмудъ съ священнымъ писаніемъ и говорить о первомъ, какъ о чемъ-то обособленномъ отъ послѣдняго не представляется никакого основанія. «Кодифицированный въ талмудѣ традиціонный законъ,—говоритъ профессоръ богословія при лейпцигскомъ университетѣ, извѣстный христіанскій богословъ Францъ Деличъ,—представляетъ не созданіе произвола, а естественный плодъ потребности истолкованія часто слишкомъ сжатыхъ и въ продолженіе времени ставшихъ непонятными буквальныхъ законовъ Моисея» **.

Этика талмуда не далеко отстоитъ отъ морали евангелія. Въ этомъ отношеніи мы ссылаемся на цитированное уже сочиненіе Дейтша. «Нравственное ученіе въ талмудѣ и христіанствѣ,—говоритъ онъ,—въ общихъ его чертахъ, совершенно тождественно. Знаменитое изреченіе: «дѣлай другимъ то, чего ты желаешь, чтобы тебѣ другіе дѣлали», противъ котораго такъ рѣшительно возставалъ Кантъ съ философской точки зрѣнія, приводится президентомъ синедріона Гиллелемъ, при смерти котораго Иисусу Христу было всего только десять лѣтъ, не какъ что нибудь новое, а какъ древнее и давно извѣстное изреченіе, которое заключаетъ въ себѣ весь законъ. За христіанствомъ остается та великая заслуга, что оно чудесныя, драгоценныя начала, возлелѣянныя въ школахъ и «мирномъ обществѣ» ученыхъ, перенесло, такъ сказать, на рынокъ всего человѣчества. То «царствіе небесное», о которомъ говоритъ постоянно талмудъ отъ первой до послѣдней страницы, христіанство сообщило всей паствѣ, даже прокаженнымъ. Не наше дѣло,—продолжаетъ авторъ,—здѣсь разсматривать плоды, которые это принесло всему міру. Но нельзя достаточно часто и энергично не протестовать противъ того колоссальнаго заблужденія, будто Богъ любви

* Эм. Дейтшъ, Талмудъ, переводъ съ 7-го изданія, СПб., 1877 г., стр. 5—6.

** Францъ Деличъ, «Слово правды о талмудѣ», переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія, СПб., 1885, стр. 8.

в другъ послѣдовалъ за Богомъ мести. «Люби ближняго какъ самого себя,»—это предписаніе вѣчнаго завета, какъ этому самъ Христосъ училъ своихъ учениковъ. «Законъ», говоритъ Дейтши, какъ мы уже видѣли и какъ мы еще увидимъ въслѣдствіи, былъ развиваемъ до самыхъ крайнихъ — можетъ быть, даже весьма тягостныхъ мелочей, но все это только относительно внѣшнихъ дѣяній и поступковъ. Но «вѣра сердца»—догматъ, на который особенно налегалъ апостолъ Павелъ — было нѣчто такое, что фарисеи ставили гораздо выше этого закона» *.

Отсылая интересующихся этической системой талмуда къ сочиненію Дейтша, гдѣ можно найти очень много интереснаго, мы считаемъ нужнымъ указать еще на то, что если бы въ талмудѣ, кодифицированномъ болѣе 1500 лѣтъ тому назадъ, и встрѣчались нѣкоторыя законоположенія, несогласныя съ современными принципами гуманизма, то, съ одной стороны, вѣдь и въ богословскихъ сочиненіяхъ другихъ религій не мало найдется такихъ законоположеній, а съ другой—такія законоположенія могли быть продуктомъ лишь безчеловѣчнаго отношенія другихъ народовъ къ евреямъ. Профессоръ Соловьевъ въ статьѣ своей, напечатанной въ августовской книжкѣ «Русской Мысли» за 1886 г., говоритъ: «всякій, кто заглядывалъ, напримѣръ, въ такъ называемыя «Кормчія», по которымъ въ теченіе многихъ вѣковъ управлялась наша церковь, знаетъ, какими нелѣпыми и невѣжественными вымыслами питалась вражда православныхъ къ другимъ исповѣданіямъ. И если русское правительство въ новѣйшія времена нашло необходимымъ составить для руководства нашей церкви такъ называемую книгу «Правиль», изъ которой исключены всѣ дикія басни старыхъ «Кормчихъ», то подобнымъ же образомъ и въ правобѣрномъ еврействѣ устарѣвшія части талмуда теряютъ свой авторитетъ и обязательность». То же говоритъ и профессоръ Францъ Деличъ въ цитированномъ сочиненіи относительно законоположеній, о которыхъ мы упомянули. «Уже въ самомъ талмудѣ эти законоположенія встрѣчаютъ множество сильныхъ возраженій со стороны выдающихся учителей. Со времени открытія новой эры

* Дейтшъ, 55—57.

для еврейства Моисеемъ Мендельсономъ, эти законоположенія давно осуждены самими евреями, какъ несправедливыя. При чемъ нѣтъ никакого основанія къ подозрѣнью, чтобы евреи могли отвѣчать на уравненіе ихъ правъ черной неблагодарностью сохраненія этихъ законоположеній неравноправіа» *.

«Возобновились,—говорить профессоръ Соловьевъ въ приведенной статьѣ,—старинныя жалобы на то, что религіозный законъ евреевъ, содержащійся въ талмудѣ, предписываетъ избранному народу ненавидѣть всѣхъ иновѣрцевъ, въ особенности христіанъ, и наносить имъ всякій вредъ. Не было бы по-истинѣ ничего удивительнаго, если бы дѣйствительно въ религіозныхъ книгахъ евреевъ были такія предписанія. Нужно-ли припоминать все, что евреи претерпѣли отъ христіанскихъ народовъ въ средніе вѣка, когда гоненія на нихъ доходили до такого неистовства, что даже столь строгій ревнитель воинствующаго католицизма и столь рѣшительный противникъ іудейства, какъ папа Иннокентій III, долженъ былъ издать въ защиту евреевъ особое узаконеніе (*constitutio pro Iudaeis*), гдѣ онъ, между прочимъ, запрещаетъ христіанамъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, *разрушать еврейскія кладбища и вырывать погребенныя тѣла съ цѣлю вымогательства денегъ*. Намъ кажется,—продолжаетъ профессоръ,—что всѣ обвиненія евреевъ въ сребролюбіи и эксплуатаціи христіанъ блѣднѣютъ передъ такимъ свидѣтельствомъ. Многимъ изъ нашихъ читателей, вѣроятно, будетъ интересно, но едва-ли утѣшительно, узнать, что менѣе чѣмъ полутораго лѣтъ тому назадъ, въ 1738 г., въ Петербургѣ были сожжены на кострѣ еврей Лейба Баруховъ и флота капитанъ-лейтенантъ Возницынъ за то, что первый изъ нихъ обратилъ второго, посредствомъ разговоровъ, въ еврейство».

Обыкновенно ставятъ «еврейскую эксплуатацію» въ связи съ талмудомъ. Безпристрастные люди смотрятъ на это дѣло совершенно иначе. Профессоръ Деличъ говоритъ: «Самымъ рѣшительнымъ образомъ я долженъ протестовать противъ связи, устанавливаемой между талмудомъ и тѣми вампирами, которые высасываютъ крестьянъ, тѣми биржевыми игроками, которые

* Фр. Деличъ, стр. 9.

поднимаются вверхъ безъ работы и труда, тѣми аристократами кармана, которые увлекаютъ христіанскихъ дѣвушекъ для своихъ оргій, тѣми торговцами соблазнительными картинками, которые обогащаются отъ щекотанія сладострастія. Мораль талмуда чиста и достаточно строга, чтобы предавать полному осужденію и проклятію дѣятельность этихъ негодяевъ, которые безчестятъ еврейство и все человѣческое общество, и лишь снисходительность и терпимость современнаго государства возростили и воспитали это ехиднино порожденіе. Развѣ можно сдѣлать отвѣтственнымъ евангеліе за ужасы инквизиціи? Развѣ можно сдѣлать отвѣтственнымъ апостола Павла за ужасы николаитовъ? Развѣ можно сдѣлать отвѣтственною нѣмецкую реформацію за ужасы Крестьянской войны? И что сказалъ бы Роллингъ, еслибъ кто либо хотѣлъ вывести изъ наноновъ и декреталій все ужасы распутства и убійства, процвѣтавшіе подъ господствомъ папы Александра VI и его дочери Лукреціи? *

VII.

Читатели видятъ, что во всей предыдущей главѣ мы лично отъ себя ничего не высказали на счетъ талмуда, а цитировали отрывы о немъ авторитетныхъ ученыхъ. Признаться, мы такъ поступили потому, что считаемъ себя не компетентными ни порицать его, ни защищать, ибо не имѣли случая заняться изученіемъ его. Наша цѣль состояла лишь въ томъ, чтобы показать, что свѣтскому законодателю не подобаетъ увлекаться несвойственной ему ролью и пускаться въ дебри теологій, давать однимъ права потому, что они слѣдуютъ библии, и подвергать другихъ суровымъ ограниченіямъ потому, что они придерживаются какихъ-то проблематическихъ талмудическихъ заблужденій. Одно изъ двухъ: или талмудъ вреденъ, несомнѣтенъ съ общезнатіемъ, или онъ безвреденъ. Въ первомъ случаѣ надо его искоренить, во второмъ—оставить его и его приверженцевъ въ покоѣ. Люди должны пользоваться гражданскими правами не потому, что они придерживаются того или

* Фр. Деличъ, стр. 9—10.

Восходъ, кн. 2.

другого религіознаго кодекса, а потому, что они люди, созданные по образу и подобию Божію, и имѣютъ потребности, нуждающіяся въ удовлетвореніи. Наконецъ, всякія опасенія, по отношенію къ талмуду могли бы быть устранены тѣмъ способомъ, который уже испытанъ былъ Франціей при Наполеонѣ I, именно созваніемъ собранія еврейскихъ выборныхъ со всѣхъ вѣствъ имперіи, которымъ предложить нужные вопросы для уясненія—насколько религіозные принципы евреевъ совмѣстны съ обязанностями ихъ по отношенію къ государству, обществу и ихъ согражданамъ. При удовлетворительномъ отвѣтѣ должны устраниться опасенія на счетъ талмудическихъ заблужденій, тѣмъ болѣе, что, съ распространеніемъ просвѣщенія между евреями, господство талмуда сильно падаетъ.

Что же касается *строгихъ правилъ жизни и трудолюбія*, на которыя тоже указывается въ законодательныхъ актахъ, то это, конечно, качества весьма почтенныя, но наврядъ ли они составляютъ принадлежность однихъ караимовъ или даже всѣхъ ихъ. Въ средѣ каждаго народа, каждаго общества, какихъ бы религіозныхъ принциповъ они ни держались, есть люди и нравственные, и такіе, для которыхъ ни человѣческіе, ни божескіе законы не писаны. Есть трудолюбцы, но есть и бездѣльники. Но пользованіе гражданскими правами не поставлено для отдѣльныхъ лицъ въ зависимость отъ ихъ образа жизни или трудолюбія. И это понятно: законъ не можетъ подвергать ревншіи нравственные качества и трудолюбіе каждаго отдѣльнаго лица, а потому за каждымъ человѣкомъ признается пользованіе присвоенными его состоянію правами, до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ лишентъ ихъ по суду. Дѣлать изъ этого исключеніе для евреевъ не представляется справедливаго основанія. Если между ними встрѣчаются люди безнравственные, тунеядцы, то вѣдь есть же и евреи порядочные, трудолюбивые. Поэтому трактовать всѣхъ евреевъ какъ преступниковъ, и подвергать всѣхъ безъ разбора репрессивнымъ мѣрамъ—несправедливо и идетъ въ разрѣзъ съ основными принципами современнаго государства. Если между евреями встрѣчаются недостатки, привитые многовѣковыми гоненіями и стѣсненіями, то эти недостатки, къ искорененію которыхъ евреи и съ своей

стороны должны приложить всевозможныя старанія, могутъ быть устранены не ограничительными мѣрами, которыя ведутъ еще къ бѣльшей деморализаціи, наталкиваютъ на обходъ закона, на изысканіе недозволенныхъ средствъ существованія, а распиреніемъ гражданскихъ правъ, которыя возвышаютъ человѣка въ его собственныхъ глазахъ, заставляютъ его относиться строже къ своимъ поступкамъ и общественному мнѣнію, сбросить съ себя свою обособленность, и дѣлаютъ его полезнымъ членомъ общества. Ограничительныя мѣры приносятъ вредъ не только евреямъ, но и государству и другимъ гражданамъ. Дѣятельность правительственныхъ органовъ отвлекается отъ непосредственныхъ ихъ задачъ въ сторону — слѣдить за тѣмъ, чтобы евреи не обходили постановленныхъ для нихъ ограниченій. Высшія власти постоянно завалены жалобами на неправильное примѣненіе и толкованіе послѣднихъ низшими, которыя притомъ тоже деморализуются, дѣлая для себя изъ ограничительныхъ мѣръ источникъ дохода. Собственники недвижимыхъ имуществъ лишаются своихъ доходовъ, какъ, напри- мѣръ, въ Кіевѣ, отъ лишенія жильцовъ, вслѣдствіе массоваго выселенія, арендаторовъ—вслѣдствіе запрещенія евреямъ арендовать недвижимости. Да мало ли замѣшательствъ вызываетъ каждый ограничительный законъ! Оставаться при подобномъ положеніи наврядъ-ли возможно, а потому слѣдуетъ надѣяться, что высшая коммисія, въ рукахъ которой находятся теперь судьбы евреевъ, направить свои труды къ справедливому и гуманному разрѣшенію еврейскаго вопроса.

М. М.

НЕОЖИДАННОЕ СЧАСТЬЕ.

РАЗСКАЗЪ.

(Окончаніе) *.

Быль мѣсяць Тамузъ. На дворѣ стояла душная, жаркая погода. Ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ. Все было тихо, неподвижно, словно въ какомъ-то тягостномъ томленіи.

Вся природа какъ будто изнывала въ этомъ томительномъ зноѣ, и точно жадно искала тѣни и прохлады. Неподвижно, словно погруженные въ глубокую дремоту, стояли кругомъ обширные, необозримые лѣса, которыхъ безчисленные темные стволы казались колоннадою какого-то заколдованнаго гигантскаго храма или дворца, съ многочисленными залами, и все было такъ чудно, обаятельно-хорошо подъ этимъ причудливымъ, непроницаемымъ сводомъ зелени. Въ такую же глубокую дремоту казались погруженными окрестные холмы, сплошь покрытые яркими зелеными коврами. Неподвижнымъ, словно застывшимъ моремъ, стояли кругомъ нивы. Тихо, мертвенно тихо все кругомъ, и непрерывный гулъ запрятавшихся въ травѣ насѣкомыхъ какъ будто еще увеличиваетъ тишину. На улицахъ В. все словно вымерло. Ни одного признака жизни нигдѣ. Временами по верхушкѣ какой нибудь крыши, осторожно, словно что-то отыскивая и каждый разъ оглядываясь по вѣмъ сторонамъ, пробирается грязная, исхудалая, съ полинявшею, помятою шерстью, желтая кошка, жалобно, тоскливо промяукаетъ она и затѣмъ исчезнетъ, проскользнувъ на чердакъ черезъ какую нибудь щель, образовавшуюся

* См. «Восходъ», кн. 1.

въ камышѣ. Вотъ въ высокой, густой травѣ, сплошь покрывающей пустое пространство между домами, копошится нѣсколько «квочекъ» со своими многочисленными семьями, которыя онѣ нѣжно приютяли подъ своими распущенными нарусомъ крыльями. Немного дальше, огромная черная свинья, очевидно забредшая сюда изъ «села», забравшись въ яму съ водою, вырытою старухой Песей для своихъ возлюбленныхъ гусенятъ и уточекъ, старается зарыться въ ней по самыя уши, и наконецъ, успѣвши въ этомъ, издаетъ довольное хрюканье и въ полномъ блаженствѣ закрываетъ глаза. Вонъ тамъ, у запертаго сарая, понуро стоитъ тощая, страшно исхудалая, вся израненная бѣлая лошадка. Несчастливая ищетъ тѣни и съ отчаяніемъ отмахивается отъ злыхъ, навойливыхъ пчелъ и мухъ, которыя цѣлыми роями кишатъ на ея зіяющихъ ранахъ, чтобы высосать сочащуюся изъ нихъ кровь. Тутъ же, недалеко отъ сарая, въ разбросанную въ безпорядкѣ кучу мелкой, пожелтѣвшей отъ старости соломы, зарылась большая бѣлая собака, съ тупою мордой, выдвинутою впередъ, съ пораженнымъ, забрызганнымъ кровью, ухомъ. Поджавши подъ себя ноги и хвостъ, она дремлетъ съ полузакрытыми глазами, производящими крайне неприятное впечатлѣніе текущею изъ нихъ жидкостью, слѣды которой стоятъ на ея мордѣ двумя грязными полосками.

Во всѣхъ домахъ окна внутри завѣшаны, то дѣйствительными занавѣсками, то простынями, разноцвѣтными шалами, наволочками отъ подушекъ, различнаго рода одеждою, до женскихъ юбокъ включительно. Въ большей части домовъ такъ же мертво тихо, какъ и на улицахъ. Почти всѣ мужчины спятъ отъ нечего дѣлать и изъ желанія сократить такимъ образомъ безконечно тянущійся, длинный, знойный день. Спать также всѣ малыя дѣтки въ своихъ привѣшанныхъ къ потолкамъ подотняныхъ колыбелькахъ, а немного постарше — на полу, гдѣ попало. Всѣ же дѣти мужскаго, а отчасти и женскаго пола, достигшія 4 — 5 лѣтъ, наполняютъ своимъ шумомъ землянку и дворъ ребъ Эхаріи, меламеда города В. Кромѣ хедера, нѣкоторою оживленностью еще отличается бесъ-гамедрешъ, который служить домоу не только молитвы, но и науки,

чѣмъ-то въ родѣ высшей академіи, гдѣ юноши, женатые и неженатые, и нѣкоторые старики, посвятившіе себя торѣ, предаются самостоятельному изученію теолого-философской еврейской литературы. Но и эти горячіе адепты «науки ради науки» не въ состояніи устоять противъ снотворнаго вліянія томительнаго зноя, и добрая половина ихъ хранить, или сидя надъ толстыми фоліантами, или же растянувшись на деревянныхъ скамейкахъ бесъ-гамедреша. Тѣ же, которые не спятъ, какъ-то вяло и разсѣянно сидятъ надъ своими книгами, каждый разъ сильно позѣывая, потягиваясь и вытирая обильно льющейся потъ. Что касается женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, то, отыскавши гдѣ нибудь холодокъ въ темныхъ сѣняхъ, сараяхъ, на ступенькахъ погребовъ или же въ самыхъ погребахъ, онѣ сидятъ со всякаго рода питьемъ, вышиваніемъ и т. п. Повзды дома вдовы Чарны тоже собрались нѣсколько женщинъ въ группу, со своими работами. Этотъ домъ своею заднею стѣной прилегаетъ къ большому дугу, за которымъ на большомъ разстояніи тянутся хлѣбныя поля до самихъ чернѣющихъ вдаль дѣсовъ и дорога, теряющаяся въ густой линовою аллеѣ, а затѣмъ поднимающаяся по очень крутому холму, заросшему густымъ дѣсомъ. Видъ вдаль удивительный. Но на все это собесѣдницы Чарны не обращали особаго вниманія. Пришли онѣ тутъ искать тѣни и прохлады, а также покаянать о томъ — о семъ за работою, а не смотрѣть на виды, которые онѣ вовсе не считали заслуживающими вниманія, именно какъ «виды». Но онѣ только изрѣдка перебрасывались незначительными фразами или вопросами, тѣмъ болѣе, что сама ховайка вовсе не старалась поддерживать разговоръ. Усѣвшись на землѣ, съ вытянутыми скрещенными ногами, тщательно закрытыми ситцевымъ платьемъ до самихъ, торчавшихъ вверхъ, ступней, она съ удивительною быстротою вязала чулокъ, въ глубокой, сосредоточенной задумчивости, какъ и всегда. Къ болтовнѣ для болтовни она никогда не была охотница, а въ данную минуту она дѣлала въ головѣ разныя комбинаціи относительно субботнихъ распредѣленій, такъ какъ это былъ четвергъ. Она знала навѣр-

ное, что у портного Иосифе, у «сойфера» * ребѣ Тангума, у Соси, у той самой Соси; о которой рѣчь была выше, не говоря уже о многихъ другихъ, нѣтъ положительно ни одного гроша въ домѣ, что уже на муку они середня заложили все, что было въ домѣ цѣннаго, и что имъ предстоитъ ѣсть въ субботу тотъ же лукъ съ хлѣбомъ. При одной мысли объ этомъ сердце Чарны болѣзненно сжалось.

Лукъ съ хлѣбомъ въ субботу! Мало того, что по цѣлымъ недѣлямъ не видятъ ложки варенаго въ домѣ, такъ еще и субботу проводить такъ, безъ куска мяса! А дѣточки, которыя цѣлую недѣлю живутъ надеждой на то, что наконецъ въ субботу поѣдятъ чего нибудь вкуснаго! О, нѣтъ! она этого не допустить. Она подавилась бы своею нищею при мысли, что тамъ люди сидятъ въ священный день субботы за сухимъ хлѣбомъ и, быть можетъ, безъ свѣчекъ вечеромъ. Нѣтъ, нѣтъ, она имъ устроить такую же субботу, какъ и «у всѣхъ евреевъ». Только вотъ бѣда: съ этимъ Иосифе никакъ не поладишь. Онъ такъ-таки можетъ тебя прогнать со всѣми твоими предложениями, какъ уже разъ это сдѣлалъ. Надо дѣйствовать осторожно, хитро; если же все устроить черезъ его жену, и онъ потомъ пронюхаетъ, то будетъ еще хуже. Этотъ сумасшедшій «ман-коленикъ» ** можетъ выбросить на улицу весь «чулентъ» ***.

Затѣмъ пошли мысли о томъ, гдѣ достать необходимыя деньги, такъ какъ для удовлетворенія всѣхъ нужно было нѣсколько рублей. Въ это время маленькая дѣвочка, лѣтъ семи, босая, въ одной бѣлой юбочкѣ поверхъ желтой полотняной рубашки, подошла къ Чарнѣ и, протянувъ ей жестаную, надтреснувшую вверху кружку безъ ручки, сказала:

— Чарна, таки маме таки сказала, чтобы вы таки дали намъ за двѣ копѣйки дрожжей.

Чарна взяла изъ рукъ дѣвочки кружку, на днѣ которой лежалъ большой гладкій пятакъ и такой же большой старый, сильно варжавленный грошъ, и вошла въ домъ. Возвращаясь, она

* Писецъ, копирующийъ священные свитки.

** Маниакъ.

*** Субботній обѣдъ, вставляемый нагануи въ печь, гдѣ онъ варится самъ.

остановилась на порогѣ кухни. Взглянувъ случайно на дорогу, она какъ будто тамъ что-то замѣтила и стала пристально вглядываться въ даль, заслонивъ одну сторону лица раскрытою ладонью отъ солнечныхъ лучей.

— Какъ будто кто-то ѣдетъ къ намъ,—сказала она громко.

— Кто-то ѣдетъ!—воскликнули въ одинъ голосъ всѣ.— Не снова-ли этотъ «койлеръ»*, этотъ приставъ, что хочетъ доканать намъ наши годы? Сломалъ бы онъ лучше себѣ шею и всѣ кости прежде чѣмъ пріѣхать сюда.

— Нѣтъ, не приставъ,—успокоила Чарна.—Во первыхъ, не слышно колокольчика, во вторыхъ, кажется, всего одна лошадка.

Всѣ привстали и устремили напряженные взоры на отдаленный холмъ, гдѣ по крутой дорогѣ спускалась или подымалась телѣга—ясно нельзя было различить, такъ какъ до холма было версты двѣ.

— Можетъ быть, вовсе и не сюда ѣдутъ,—замѣтила одна изъ женщинъ.

— Нѣтъ, сюда,—сказала рѣшительно Чарна, у которой было превосходное зрѣніе:—я отлично вижу, что телѣга все приближается. Да и какъ это не сюда? Вѣдь другихъ дорогъ тамъ нѣтъ со стороны.

Въ это время телѣга исчезла въ густой липовой аллеѣ.

Женщины, однако, не присѣли, и стали ломать голову надъ тѣмъ, кто бы это ѣхалъ въ В. Онѣ знали, что всѣ в—скіе обитатели на мѣстѣ, а если кто и отсутствуетъ, то не съ этой стороны дороги, ведущей въ уѣздный городокъ О., онъ долженъ пріѣхать. Изъ постороннихъ же лицъ въ В. прямо никто никогда не пріѣзжалъ. Да и что кому было дѣлать въ этомъ мертвомъ захолустьѣ? Правда, пріѣзжали иногда родители, дѣти которыхъ брали жениховъ или невѣсты изъ В., пріѣзжали, чтобы опредѣлить срокъ свадьбы, уладить дѣло съ приданымъ и т. д. Но тогда ихъ ждали, и всѣ объ этомъ знали напередъ. Въ это же время никакихъ «михитуновъ» ** не ждали.

* Убийца.

** Родители жениха или невѣсты.

Неудивительно поэтому, что добрые сосѣдки Чарны, да и сама она, стали предаваться самымъ головоломнымъ догадкамъ и вышли на улицу, чтобы тамъ скорѣе увидѣть тельжку. Въ это время солнце послѣдними своими лучами пронизывало густую насаженную по дорогѣ аллею. Еще нѣсколько мгновений, и оно совершенно исчезло, словно потонувъ за необозримымъ лѣсомъ, тянувшимся полукругомъ на западъ. Улица стала быстро оживляться выходящими изъ хедера мальчуганами, возвращавшимися изъ стада коровами, козами, а также мужчинами и женщинами всѣхъ возрастовъ, выгнанными наконецъ изъ своихъ норъ, чтобы подышать свѣжимъ вечернимъ воздухомъ, большинствомъ же мужчинъ—для того, чтобы отправиться въ бесъ-гамедраштъ къ вечерней молитвѣ. Увидѣвъ группу женщинъ около дома Чарны, всѣ направились туда, и узнавъ, въ чемъ дѣло, вмѣстѣ стали дѣлать догадки вслухъ. Улица наполнилась отчаяннымъ глумомъ, такъ какъ и дѣтки держали себя далеко не спокойно, и кто рвалъ за полу мать, требуя кушать, кто просто кричалъ безъ всякой опредѣленной цѣли. Наконецъ, тельга медленнымъ шагомъ и сильно скрипя выползла изъ аллеи и вѣхала на улицу. Толпа, словно брошенная волна, направилась ей на встрѣчу, горя нетерпѣнiемъ увидѣть наконецъ этихъ чрезвычайныхъ феноменовъ, вадумавшихъ вдругъ, словно съ неба, упасть на благословенный, мирный городокъ В.

На тельжкѣ оказались два еврея, одинъ худенькій, маленький, съ рѣденькой черною бородкой, съ однимъ вывернутымъ глазомъ, одѣтый въ ужасныя лохмотья, на которыхъ было больше дыръ и разноцвѣтныхъ заплатъ, чѣмъ первоначальной матерiи; другой же почтенный старикъ, на видъ лѣтъ шестидесяти, съ большою, остроконечною сѣдою бородою, падавшею до груди, съ большими умными черными глазами, одѣтый довольно чисто въ позеленѣвшiй ластиковый длинный кафтанъ, въ плюсовый, немного потертый картузь, изъ-подъ котораго на затылкѣ виднѣлась такая же ермолка, значитiльно, впрочемъ, засаленная. Толпа, разсмотрѣвъ сѣдоковъ, немедленно хлынула къ тельжкѣ, которая была запряжена дряненькой, свѣтлогнѣдой лошадкой, съ сильно впалыми боками, съ виднѣвшимися наперечетъ ребрами. Самъ хозяинъ, впрочемъ,

свой экипажъ называлъ не иначе, какъ бричкою, и не безъ нѣкотораго основанія, такъ какъ кузовъ ея, весь сплетенный изъ тонкой лозы и выкрашенный зеленою краскою дѣйствительно когда-то принадлежалъ бричкѣ. Неудивительно поэтому, что когда мальчуганы стали прямо лѣзть на телѣжку, принимая ее просто за таковую, маленький еврей внушительно имъ крикнулъ: «Вонъ, вонъ, *шкучимъ* (шалуны), а то вы мнѣ совсѣмъ погубите бричку!» Мальчуганы, не принимая во вниманіе почтеннаго происхожденія телѣжки, подняли страшный хохотъ и стали другъ другу иронически кричать: «Зейликъ, Фавеле, Дудке, не подходи близко, а то, изъбави Богъ, еще выпачкаешь карету великаго пурица своими штанами». Это совсѣмъ, привело въ ярость маленькаго человѣчка, и онъ навѣрное принялся бы дѣйствовать кнутомъ, если бы, во первыхъ, не стоявшія вокругъ женщины, и, во вторыхъ, не будь онъ обезоруженъ смѣхомъ, который онъ, однако, старался подавить, чтобы не показать мальчуганамъ, что острота ихъ ему понравилась.

— Ну, огненные же у васъ въ городкѣ «шкучимъ», просто «міръ поджигаютъ», — обратился онъ къ стоявшимъ вокругъ женщинамъ. — Видно мало ихъ учите *дерекъ-эрецу* *.

Женщины, конечно, не преминули бы достойно отвѣтить на такое нелестное замѣчаніе объ ихъ наследникахъ и о нихъ самихъ, но въ это время старикъ обратился къ нимъ съ вопросомъ, — куда можно заѣхать.

— Что значить: куда можно заѣхать? — отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ. — Вѣдь вы, славу Богу, среди евреевъ: куда захотите, туда и заѣдете. Всѣ съ радостью васъ примуть.

— Я была бы очень рада, если бы вы могли заѣхать ко мнѣ, — замѣтила Чарна, — да только я — вдова, одна женщина въ домѣ.

— Какъ васъ зовутъ, любезная еврейка? — обратился къ ней старикъ.

— Меня зовутъ Чарной, — отвѣтила та. При этихъ словахъ старикъ быстро взглянулъ на нее.

* Приличію, обхожденію.

— Такъ это вы—Чарна! сказали онъ скорѣе про-себя, про-молчавъ нѣсколько секундъ.

Всѣ женщины съ недоумѣніемъ переглянулись, сильно озадаченные послѣдними словами пріѣзжаго. Не менѣе была озадачена и сама Чарна, которая уже рѣшилась было прямо спросить у старика, гдѣ онъ слыхалъ о ней, но что-то такое непонятное вдругъ остановило ее. Слухъ о прибытіи гостей, между тѣмъ, въ одно мгновеніе облетѣлъ весь городокъ, и вскорѣ къ толпѣ присоединилось еще нѣсколько десятковъ мужчинъ. Эти послѣдніе стали оспаривать другъ у друга старика, каждый настойчиво приглашалъ его къ себѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ихъ не отпущу, хоть кричите до завтра, — горячился ребъ Аврумъ-Беръ, высокій, толщій еврей въ длинномъ ситцевомъ халатѣ, распущенномъ, какъ парусъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дядя, вы должны завѣхать ко мнѣ, ибо вы остановились передъ моимъ домомъ! Я васъ, такъ сказать, пріобрѣлъ своими четырьмя локтями *.

— Да, да, — поддержалъ его старикъ, — вы совершенно правы.

— Ну, хорошо, — стали кричать другіе, видя себя побѣжденными. — За то будете моимъ гостемъ къ ужину въ пятницу.

— А ко мнѣ къ обѣду въ субботу.

— А ко мнѣ на «шалешъ сидосъ» **.

— Хорошо, хорошо, это мы увидимъ, — отвѣчалъ на всѣ эти приглашенія ребъ Аврумъ-Беръ, съ видомъ человека, овладѣвшаго своею добычею съ твердымъ рѣшеніемъ ни за что больше не выпускать ее изъ рукъ.

— Ну, заѣзжайте ко мнѣ на дворъ, — обратился онъ къ возникшій. Тотъ взялъ возжи и сталъ понукать лошадку. Но та, вкусивъ сладость отдыха и считая очевидно свою задачу исполненною, не обнаруживала никакого желанія тронуться съ мѣста, не смотря на энергическое дѣйствіе кнута и длиннаго конца веревочныхъ возжей по ея исхудалымъ бокамъ и хребту. Видя,

* Пространство четырехъ локтей играетъ очень большую роль въ талмудѣ въ законахъ о находкахъ и пріобрѣтеніяхъ.

** Субботняя трапеза, совершаемая въ сумерки, на исходѣ субботы.

что съ нею ничего не сдѣлаешь, возница слѣзъ, чтобы взять ее за уздечку.

— Уфъ, какой горячій жеребецъ! вскрикнулъ какой-то мальчуганъ.

— Берегитесь, берегитесь, дѣти,—крикнулъ другой,—а то сейчасъ понесетъ и всѣхъ васъ раздавить.

— Эй, «ребъ-идъ» *, крѣпко держите его, а то разнесетъ совсѣмъ вашу экипажь,—кричить третій.

— Чего смѣхъся, дуракъ,—кричить четвертый.—Разумѣется этого коня надо крѣпко держать, а то... а то онъ еще растянется посреди улицы.

Эта послѣдняя острота, самая близкая къ истинѣ, сильно понравилась даже старшимъ, которые, не смотря на все свое желаніе не одобрять шалости дѣтей, всѣ прыгнули со смѣху.

Ободренные общимъ взрывомъ хохота, мальчуганы стали продолжать: «Видно сегодня постилась бѣдная, лошадка—вѣдь сегодня четвергъ» **.—«Стаканъ холодной воды скорѣй, ей дурно! Смотрите, какъ она закрыла глаза». Подобныя остроты на счетъ несчастной клячки, еще долго оглашали улицу.

Наконецъ старикъ, поддерживаемый гостепріимнымъ хозяиномъ, слѣзъ съ телѣжки и вошелъ въ домъ.

Только послѣ этого маленькому возницѣ удалось завести свою телѣжку на дворъ, т. е. на большое пустопорожнее пространство, окружавшее домъ ребъ Аврума-Бера и заросшее густою травою.

Мальчики только тогда разошлись, когда лошадка была выпряжена и пущена на траву совершенно свободно, такъ какъ по видимому не было никакого основанія опасаться, чтобы она злоупотребила этой свободой. Между тѣмъ наступили густыя сумерки и улицы стали понемногу пустѣть, такъ какъ это былъ часъ ужина для в-скихъ жителей. Изъ нѣкоторыхъ трубъ потянулось густой дымъ, и въ воздухѣ распространился запахъ кипяченнаго молока, горѣлой соломы и горѣлаго навознаго кирпича, къ которымъ примѣшивался сильный ароматъ находившихся

* Господинъ еврей.

** Очень благочестивые евреи постятся по понедѣльникамъ и четвергамъ.

въ полномъ цвѣту лиць. Во многихъ домахъ черезъ тускляя стекла заблестали огоньки. Вотъ рыжій, всѣми ненавидимый за свою дикую жадность, Нухимъ вноситъ кадку съ дегтемъ, цѣлый день хранящуюся у дверей его лавочки; ватѣмъ начинаетъ онъ снимать разнообразный товаръ, украшавшій огромной величины ставень, свѣшанный горизонтально и подпертый двумя столбами. Вотъ на порогѣ одного дома показалась молодая худенькая женщина, одѣтая въ одну бѣлую юбку, съ грязнымъ капоромъ на головѣ, и кричить пискливымъ голосомъ:—Мойшеле, идешь ужинать!

— Я еще не хочу,—отвѣчаетъ Мойшеле.

— Говорю тебѣ: иди,— снова кричитъ мать,—а то пошлю отца.

На Мойшеле эта угроза мало дѣйствуетъ.

— Вотъ я тебя закопаю на девять футовъ въ землю, слышишь, или нѣтъ!

— Когда я не хочу,—полуслезливо отвѣчаетъ Мойшеле.

— Такъ будешь же болячки кусать сегодня,—сердито произноситъ она самую рѣшительную угрозу, и удаляется.

Но вотъ улицы на время почти совсѣмъ затихли, и весь шумъ перенесся во внутренности домовъ. Всѣ собрались съ семьями за ужинъ, какой Богъ далъ, и ведутъ громкія, шумныя бесѣды, предметомъ которыхъ на этотъ разъ вездѣ служатъ взволновавшіе весь городокъ пріѣздъ незнакомца и его загадочный вопросъ Чарнѣ.

Проклятый возница, къ великой досадѣ всѣхъ, тоже исчезъ сейчасъ въ домѣ ребѣ Аврумъ-Бера, и отъ него такъ-таки ничего не добились. Однако, почти одинаковая мысль о цѣли пріѣзда незнакомца засѣла во всѣхъ головахъ, преимущественно, въ женскихъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали разрѣшенія своей догадки, а потому торопили своихъ мужей покончить съужиномъ и идти отдать «шудомъ» * пріѣзжему, согласно обычаю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и узнать, кто онъ такой и зачѣмъ пріѣхалъ.

Что касается самой Чарны, то, хотя въ началѣ она и была сильно поражена обращеннымъ къ ней вопросомъ, но старалась придавать всему этому какъ можно меньше значенія.

* Т. е. привѣтствовать съ миромъ.

«Вотъ надъ чѣмъ вздумала я себѣ локать голову, — рѣшила она мысленно. — Вѣроятно, какой нибудь изъ моихъ родственниковъ, живущихъ въ О., узнавъ, что этотъ еврей ѣдетъ въ нашъ городокъ, сказалъ ему, что тамъ есть такая-то и такая-то Чарна». И рѣшивъ такъ, она перестала объ этомъ думать, ибо ей и некогда было много думать о такихъ пустякахъ. И, въ то время, какъ весь городокъ былъ занятъ обращеннымъ къ ней со стороны прѣзжаго вопросомъ, она, выдвинъ корову и совершивъ предвечернюю молитву, занялась, по своему обыкновению, разноскою молока по домамъ своихъ бѣдняковъ; для чего она всегда пользовалась временемъ; когда на улицахъ не было никого. Исполнивъ все это, она возвратилась домой и зажгла свѣчку, собираясь поужинать. Въ это время раздался стукъ въ окно. Чарна поднялась и вышла посмотреть.

— Вы еще не спите?—обратился къ ней стучавшій, который былъ никто иной, какъ ребъ Аврумъ-Беръ.

— А что такое?—спросила въ свою очередь Чарна.

— Мнѣ надо съ вами поговорить объ очень важномъ дѣлѣ, Чарна не особенно удивилась, зная отлично обыкновеніе ребъ Аврумъ-Бера: все называть «очень важнымъ дѣломъ», и попросила его зайти въ домъ, нисколько не смущаясь тѣмъ, что явившійся кавалеръ былъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Для нея это не было въ диковинку, такъ какъ в—скіе кавалеры изъ колѣна Такова очень часто разгуливали въ подобныхъ костюмахъ.

Дѣйствительнаго ничего пикаетнаго нечего было ждать отъ этого ночного rendez-vous, а занимались они не собою, а прѣзжимъ старикомъ.

Ребъ Исруэль-Дувидъ, такъ звали прѣзжаго старика, когда-то былъ состоятельнымъ человекомъ и велъ обширную торговлю лѣсомъ въ одномъ придиѣстровскомъ городкѣ. Но однажды пожаръ истребилъ три четверти этого городка и между прочимъ все состояніе ребъ Исруэля-Дувиды, не оставивъ ему даже пріюта для его многочисленнаго семейства въ девять душъ собственныхъ дѣтей, одного племянника и двухъ сестеръ жены, всегда жившихъ у него. Жена его Шейндель, которой тогда было лѣтъ сорокъ, не вынесла страшнаго несчастья, и вскорѣ умерла отъ горя и непосильныхъ трудовъ. Ребъ Исруэль-Дувидъ тогда

ожидательно потерялъ голову и рѣшился бросить навсегда всякія попытки на коммерческомъ поприщѣ. «У меня есть другой капиталъ, самый цѣнный,—сказалъ онъ себѣ,—и я его теперь пушу въ оборотъ».

Этотъ цѣнный капиталъ были его огромныя познанія въ талмудѣ и во всей богословской и философской еврейской литературѣ. И эти-то познанія онъ рѣшилъ примѣнить къ дѣлу, сдѣлавшись меламадомъ. Изъ всѣхъ его дѣтей, только трое старшихъ, двѣ дочери и одинъ сынъ, были пристроены при болѣе или менѣе выгодныхъ условіяхъ. Въ семьяхъ этихъ пристроенныхъ дѣтей своихъ ребѣ Исруэль-Дувидъ распредѣлилъ, по смерти своей жены, всѣхъ младшихъ дѣтей, четырехъ дѣвочекъ и двухъ мальчиковъ.

Меламедствовать въ своемъ родномъ городѣ онъ не рѣшился: этого не позволяло ему его самолюбіе. Онъ поэтому отправился въ густо-населенный евреями городъ Б, гдѣ при посредствѣ старыхъ друзей, съ которыми онъ раньше велъ торговныя дѣла, ему удалось найти очень выгодное мѣсто домашняго учителя у одного крупнаго богача. У этого послѣдняго былъ сынъ лѣтъ четырнадцати, который уже нѣсколько лѣтъ считался женихомъ, но бракъ котораго долженъ былъ состояться, когда ему наступитъ восемнадцать лѣтъ, согласно предписанію талмудическихъ мудрецовъ.

Вотъ для усовершенствованія этого сына въ талмудическихъ познаніяхъ, до свадьбы, онъ и нуждался въ учителѣ-знатокѣ. Ребѣ Исруэль-Дувидъ какъ нельзя больше пришелся ему по душѣ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ бывший богачъ, какъ человѣкъ большихъ знаній, большого ума и необычайнаго благочестія, въ которомъ была, впрочемъ, очень крупная доза ханжества и лицемерія.

Ребѣ Исруэль-Дувидъ, кромѣ того, еще отличался большимъ талантомъ рассказывать, преимущественно о цадикахъ-чудотворцахъ, которыхъ въ душѣ ненавидѣлъ, но передъ которыми наружно благоговѣлъ, чтобы не прослыть еретикомъ.

Вотъ въ этомъ-то домѣ ребѣ Исруэль-Дувидъ прожилъ четыре года, до самой свадьбы своего ученика, на которой онъ присутствовалъ въ качествѣ самаго почетнаго гостя. Не только

сами хозяева, но и вся семья окружала его почетомъ, уваженіемъ и самыми заботливыми ухаживаніями.

Помимо хорошей платы, онъ получилъ богатые подарки, какъ отъ своего патрона, такъ и отъ будущаго тестя своего ученика, человѣка тоже очень богатаго. Ребъ Исруэль-Дувидъ почти всѣ заработанныя деньги употребилъ прежде всего на то, чтобы выдать замужъ подростшую дочь, которой было уже около восемнадцати лѣтъ, а затѣмъ онъ оженилъ и слѣдовавшаго по своимъ лѣтамъ за старшею дочерью сына.

Но найти еще подобное мѣсто оказалось трудно, не смотря на всѣ старанія стараго патрона. Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, ребъ Исруэль-Дувидъ нашелъ мѣсто въ уѣздномъ городѣ О., находившемся недалеко отъ мѣста дѣйствія нашего разсказа. Три богача этого города отдали ему старшихъ своихъ дѣтей, съ платою по пятидесяти рублѣй за полугодіе за каждаго ученика. Заниматься съ ними онъ долженъ былъ цѣлый день, съ утра до вечера, а зимою и по вечерамъ до девяти часовъ, прерывая только занятія для молитвъ и трапезъ. Такое положеніе могло считаться сравнительно блестящимъ, ибо никакой меламедъ изъ обыкновенныхъ смертныхъ, хоть набирай онъ цѣлыхъ четыре десятка дѣтей, не зарабатываетъ такой суммы. Но ребъ Исруэль-Дувидъ былъ избалованъ жизнью въ домѣ своего перваго патрона, пробудившей въ немъ старыя привычки къ нѣкоторому жизненному комфорту и спокойствію, отъ которыхъ онъ уже было немного отучился.

Чтобы имѣть мѣсто для занятія со своими учениками, онъ долженъ былъ нанять комнату въ одной бѣдной семьѣ, гдѣ и столовался за небольшую плату. Семья оказалась необыкновенно многочисленная и въ домѣ царствовали вѣчный беспорядокъ и шумъ предоставленныхъ самимъ себѣ дѣтей, такъ какъ родители торговали въ своей лавочкѣ, далеко отъ дома. Тутъ только впервые ребъ Исруэль-Дувиду пришлось испытать всѣ неудобства жизни холостяка на старости лѣтъ.

Проживъ такимъ образомъ около двухъ лѣтъ, онъ задумалъ жениться, если встрѣтится хорошая женщина, безъ дѣтей. Ему было около пятидесяти-пяти лѣтъ, но онъ казался гораздо старше, хотя въ общемъ имѣлъ видъ очень бодрый. Женитьбой

онъ думать приобрести для себя спокойный пріютъ, чтобы было гдѣ склонить голову на старости лѣтъ, а также имѣть около себя живую, преданную душу. Ему также хотѣлось снова соединиться съ дѣтьми, такъ какъ разлука съ ними временами становилась для него очень тяжелою. И чѣмъ больше онъ объ этомъ сталъ думать, тѣмъ тяжелѣе становилась для него мысль—окончить свою жизнь среди чужихъ, словно безпріютный нищій, одинъ, безъ друга, вдали даже отъ собственныхъ дѣтей.

Въ одну прекрасную субботу ребъ Иеруэль-Дувидъ какъ-то проговорился объ этомъ своимъ хозяевамъ. Не успѣвъ онъ окончить первой фразы, какъ хозяйка радостно всплеснула руками и воскликнула, обращаясь къ своему мужу:

— Ну, Вени, что ты теперь скажешь о моемъ женскомъ разумѣ, а! Что я тебѣ говорила только эту ночь? Ну, скажи-же!

И съ торжественнымъ видомъ побѣдительницы она стала бросать кругомъ себя взгляды, полные сознанія своего великаго, проницательнаго ума; затѣмъ, достаточно насладившись своимъ торжествомъ, она стала рассказывать, какъ часто она говорила своему мужу, что жизнь холостяка, какую ведетъ ребъ Иеруэль-Дувидъ, не есть жизнь, и что ему слѣдовало бы жениться и жить, какъ всѣ евреи; что такому педченному, небожному и ученому, какъ онъ, очень легко найти хорошую жену; что она уже съ перваго момента намѣтила для него невесту, да такую, что, хоть до «края свѣта иди», такой не найдешь, и что она только наканунѣ ночью опять съ мужемъ объ этомъ говорила. Намѣченная невеста была нитя дная, какъ наша Чарна, приходившаяся двоюродной сестрою хозяйну ребъ Иеруэль-Дувидъ. Послѣдній внимательно выслушалъ все, что хозяйка говорила о проектируемой невестѣ, но какъ опытный купецъ, не давая, однако, нисколько замѣтить, что предлагаемый ему товаръ очень нравится.

— Не! замѣтилъ онъ съ видомъ равнодушія:—всѣ невесты всегда чистые перлы и брилліанты, а—когда дѣлаются женами, то оказываются самыми простыми камнями, даже безъ фальшиваго блеска.

Хозяйка обидѣлась и начала настаивать.

— Нѣтъ, вы меня извините, ребъ Иеруэль-Дувидъ, я не

«шандхенте» * какаянибудь, чтобы сводить двѣ противоположныя стѣны; и тутъ никакого интереса не шло и денегъ за сватовство ни отъ кого не прощу. А что правда, то правда; спросите перваго еврея, прѣзжающаго изъ В., о Чарнѣ, и вамъ ее будутъ хвалить еще въ тысячу разъ больше чѣмъ я, ибо такой святой, чистой души во всемъ свѣтѣ не сыскать. А что она за ховняка, что за чистеха! Изъ ничего сдѣлаетъ вамъ все. Пускай Богъ дастъ всѣмъ евреямъ такихъ женъ, какъ наша Чарна.

Ребъ Исруэль-Дувидъ, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ сталъ распространивать всѣхъ, кого только могъ, о Чарнѣ, и вель эти распросы такъ тактично, что спрашиваемымъ лицамъ и въ голову не приходило, что онъ тутъ имѣетъ какойнибудь личный интересъ.

Получивъ отъ всѣхъ единодушныя восторженные отзывы о ней лично и болѣе или менѣе удовлетворительныя о ея роднѣ, онъ твердо рѣшилъ на ней жениться. Затрудняло его еще немного то обстоятельство, что Чарна, по утверженію всѣхъ, ни за что не соглашалась выходить за человѣка съ дѣтми. Но потому онъ рѣшилъ, что о дѣтяхъ на первыхъ порахъ можно будетъ и не упомянуть. А тамъ, позже, все уладится. «Вѣдь чего съ женщинами не сдѣлаешь, — заключалъ онъ свою мысль. Другихъ же поводовъ къ отказу онъ и подозревать не могъ, такъ какъ считалъ себя блестящею партией во всѣхъ отношеніяхъ. Однако, и послѣ этого твердаго рѣшенія—жениться на Чарнѣ, онъ никому объ этомъ не заикнулся. Наконецъ, выбравъ удобное время, онъ рѣшился отправиться въ В., заявивъ родителямъ своихъ учениковъ, что долженъ уѣхать на нѣсколько дней по важному дѣлу.

Въ домѣ р. Аврумъ-Бера, ребъ Исруэль-Дувидъ прежде всего потребовалъ немного воды для омовенія рукъ и немедленно приступилъ къ предвечерней молитвѣ Минху. И такъ какъ онъ эту молитву совершалъ съ большою сосредоточенностью, а тихая молитва «Шедна-Эру» у него продолжалась около получаса, то онъ сразу привлекъ на себя глубокое ува-

* Свеха.

женіе ховяновъ и преимущественно ховянки. Последняя во все время молитвы стояла съ глубокимъ благоговѣніемъ у дверей смежной комнаты, и съ какой-то благочестивой жадностью хватала каждое слово.

— А какой истинно благочестивый еврей, съ какими сладостнымъ напѣвомъ и съ каемъ пламенемъ молится онъ!—обратилась она восторженно къ своему мужу, совершенно раздѣлявшему ея восторгъ. Когда молитва была окончена, гостю былъ предложенъ ужинъ, отъ котораго онъ отказался, говоря, что онъ еще не голоденъ, такъ какъ закусилъ по дорогѣ, въ одной деревушкѣ.

— Впрочемъ, тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, что вы еще не голодны,—замѣтила Идесъ, послѣ нѣкоторыхъ настояній:—у меня будетъ время приготовить что нибудь.

И она дѣйствительно принялась сейчасъ хлопотать на кухнѣ, оставивъ своего мужа съ гостемъ въ передней большой комнатѣ, откуда выгнала всѣхъ дѣтей, своихъ и чужихъ, пришедшихъ цѣлою толпою отдать «шўдель» прїѣзжему.

Оставшись одинъ со своимъ ховяномъ, ребъ Исруэль-Дувидъ, какъ будто случайно, принялся разспрашивать о Чарнѣ, и разу мѣется, получилъ восторженный о ней отзывъ. Тутъ-то, наконецъ, онъ рѣшился наложить цѣль своего прїѣзда, впрочемъ, употребляя для этого цѣлую кучу обиходныхъ предложеній. Ребъ Аврумъ-Беръ, однако, не смотря на то, что особенной проицательностью не отличался, съ первой же фразы догадался, въ чемъ дѣло, а потому не особенно спокойно могъ выслушивать разныя отступленія своего гостя, и перебивалъ его на каждомъ шагу, горячился, подсказывалъ, при этомъ размахивая своими длинными, худыми руками и покачивая все свое тѣло. Онъ до того увлекся, что даже забылъ разспросить у своего гостя, кто онъ, что онъ, откуда и т. д. Но за то его восторгъ дошелъ до неонисанной степени, когда онъ узналъ, кто претендентъ на руку Чарны.

— Вы—ребъ Исруэль-Дувидъ,—воскликнулъ онъ;—ребъ Исруэль-Дувидъ, ребъ Исруэль-Дувидъ, что обучалъ дѣтей ребъ Гдали, ребъ Урце и ребъ Шмарье! Да отчего вы этого сейчасъ не сказали! Ребъ Исруэль-Дувидъ, шутка ли, ребъ Исруэль-

Дувидъ! Да кто о васъ тутъ не слыхалъ въ нашихъ краяхъ? Идесъ, Идесъ!—началъ онъ вдругъ звать жену.

Та приѣхала въ тревогѣ.

— Знаешь, кто нашъ дорогой гость?

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣтила она въ недоумѣніи.

— Да вѣдь это ребъ Исруэль-Дувидъ!

Та все недоумѣвала.

— Ну, вотъ баба,—даже обидѣлся ребъ Аврумъ-Беръ:—Не слыхала о ребъ Исруэль-Дувидъ, о томъ самомъ р. Исруэль-Дувидъ, что обучалъ дѣтей ребъ Гедали, ребъ Урце и ребъ Шмарье, первыхъ богачей О.!

— Что-то слыхала,—стала припоминать Идесъ.

Ребъ Аврумъ-Беръ совсѣмъ въ ярость пришелъ: «Что-то слыхала!—сталъ онъ передразнивать жену.—Она что-то слыхала о ребъ Исруэль-Дувидъ! Шутка ли, ребъ Исруэль-Дувидъ! Ступай, ступай. Баба ты, да и только».

— Бѣгу къ Чарнѣ,—обратился онъ къ своему гостю, какъ только жена затворила за собою дверь.

— Пойдите, подождите немного,—началъ тотъ,—я хочу сказать вамъ еще пару словъ.—Но р. Аврумъ-Беръ, ничего и слушать не хотѣлъ и, прежде чѣмъ гость успѣлъ встать съ своего мѣста, чтобы еще разъ кликнуть его, тотъ уже очутился около дома Чарны.

Онъ готовилъ по дорогѣ отчаянно хитроумный приступъ, чтобы какъ можно сильнѣе поразить Чарну; но все разомъ испарилось изъ его не особенно содержательной головы, какъ только онъ очутился лицомъ къ лицу съ вдовою. И вмѣсто всякихъ хитроумныхъ приступовъ, онъ прямо воскликнулъ:

— Знаете, кто этотъ почтенный приѣзжій старикъ? Это ребъ Исруэль-Дувидъ!

— Какой ребъ Исруэль-Дувидъ?—спросила Чарна.

— Какой ребъ Исруэль-Дувидъ! Да, ребъ Исруэль-Дувидъ, говорятъ вамъ, тотъ самый ребъ Исруэль-Дувидъ, что обучаетъ дѣтей ребъ Гедали, ребъ Урце и ребъ Шмарье!

— Да, да, слыхала, слыхала что-то,—сказала Чарна:—его очень хвалятъ. Говорятъ, что это великій «ламданъ» * и очень

* Ученый.

благочестивый еврей, что онъ прежде былъ очень богатъ.

— Тоже вопросъ,—былъ-ли онъ богатъ! — подхватилъ ребъ Аврумъ-Беръ.—Его соръ стоилъ больше, чѣмъ всѣ богатства нашихъ гвировъ. Шутка-ли, ребъ Исруэль-Дувидъ! Да вѣдь весь міръ о немъ говорилъ. Ну, а знаете зачѣмъ онъ прѣехалъ?

— Нѣтъ, не знаю; вѣроятно, учениковъ отыскать.

Ребъ Аврумъ-Беръ, уже собравшійся было прямо болтнуть, въ чемъ дѣло, вдругъ остановился и сталъ отыскивать какойнибудь болѣе тонкій способъ выраженія. Сказать прямо: «онъ хочетъ на васъ жениться»—ему вдругъ показалось даже неприличнымъ. Тутъ-то онъ снова возвратился къ намѣченному въ началѣ общему плану рѣчи и торжественно началъ. «Понимаете-ли дѣло... Будемъ говорить наоборотъ... Мы вѣдь евреи... Возьмемъ, напр., такъ сказать, человѣка. Что такое человѣкъ? Ничего. Все въ рукахъ Бога... Что дѣлали наши патриархи? Авраамъ послалъ Эліззара и заставилъ его клясться. Иаковъ самъ пошедь и встрѣтился съ нею у колодца... Это говорится такъ, для примѣра. Нантъ талмудъ называетъ слѣдоваго «саге-нуоръ», т. е. ясновидящій... Понимаете-ли...

Чарна, послѣ намека на патриарховъ начавшая было дѣйствительно кое-что видѣть, вдругъ, послѣ примѣра изъ талмуда, со всѣмъ ослѣпла, абсолютно не понимая, къ чему клонится вся эта мудрость ребъ Аврума-Бера.

— Ничего не понимаю,—замѣтила она вслухъ.

Ребъ Аврумъ-Беръ удивился. Ему казалось, что онъ такъ умно и ясно повелъ бесѣду, что даже и столбъ могъ понять. «Женская голова», подумалъ онъ про себя и, помолчавъ нѣсколько секундъ, прибавилъ вслухъ:

— Вы вѣдь знаете, что онъ вдовъ.

Тутъ Чарна разомъ все поняла, и смертельная блѣдность покрыла ея лицо. Что-то ее словно кольнуло въ самое сердце, и она почувствовала даже дурноту. Что съ нею такое вдругъ произошло, она никакъ не могла себѣ объяснить. То же самое она испытала и около тридцати лѣтъ тому назадъ, когда однажды, въ одинъ холодный, зимній день, возвратившійся изъ В. ея отецъ, едва успѣвъ слѣзть съ телѣги, подошелъ ко ней, топившей въ то время печку соломой, и сказалъ: «Мо-

заль-товъ * тебѣ, моя дочь. Ты уже теперь невѣста». И тогда раньше не было никакой рѣчи о женигѣ изъ В., и вовсе не съ такимъ намѣреніемъ поѣхаль туда ея отецъ. Поѣхаль онъ собственно по торговому дѣлу, а вдругъ встрѣтилась со всѣмъ пришедшаяся ему по душѣ партія для его младшей дочери. Онъ и покончить, какъ кончали всѣ милліоны его соплеменниковъ, не справившись съ волею и даже просто со вкусомъ невѣсты. «А меня самого развѣ кто спрашивалъ? — рассуждалъ онъ. — И что же, прожилъ я счастливо свой вѣкъ съ моею Сурою, дай Богъ всѣмъ евреямъ не хуже». — И не болѣе-ли, чѣмъ странно, что въ этомъ стереотипномъ разсужденіи было много правды, что совершавшіеся подобныиъ, первобытнымъ образомъ браки, въ большинствѣ случаевъ были гораздо счастливѣе, чѣмъ сотни браковъ по любви! Кто разрѣшитъ это странное, непонятное явленіе?

Но какъ бы то ни было, то, что испытывала Чарна теперь и раньше, было страхъ передъ этою открывавшеюся необъятною неизвѣстностью. Ей предстояло теперь, какъ и тогда, вдругъ отказаться отъ всей своей прежней жизни и вступить въ новый, невѣдомый міръ. Что сулить онъ ей? Какова-то предстоитъ ей жизнь въ будущемъ? И если во время дѣвчества къ этимъ, хотя и не ясно сформулированнымъ, но инстинктивно пробивавшимся вопросамъ, присоединилось такое же неясное инстинктивное желаніе чего-то, ожиданіе съ замираніемъ сердца чего-то еще неиспытаннаго, — то теперь для Чарны существовалъ одинъ только страхъ — передъ неизвѣстнымъ будущимъ. Періодъ страстей для нея давнымъ давно прошелъ; мысль же имѣть дѣтей ей, сорока-пятилѣтней женщины, выходящей замужъ за старика, и въ голову прійти не могла. За то у Чарны теперь было гораздо больше чѣмъ дорожить. Это была ея истинная свобода, не дѣвическая, когда воля ея всецѣло принадлежала родителямъ, а настоящая свобода независимаго, самостоятельнаго человѣка, напередъ извѣстную цѣль, которой онъ отдалъ всю свою жизнь. Чарна полюбила свое одиночество, ибо это было, такъ сказать, одно только фи-

* Доброе счастье, счастливая судьба — обычная формула для поздравленія.

лическое, но не нравственное одиночество. Развѣ скучала она хоть одну минуту? Развѣ всѣ минуты ея жизни не были наполнены какою нибудь заботой о комъ нибудь? Ей было, правда, очень тяжело одной, особенно въ торжественные, праздничные дни. Но развѣ бракъ теверь дастъ ей тѣ семейныя радости, которыхъ она могла ждать отъ него раньше?

Чтобы вмѣстѣ радоваться и наслаждаться, вмѣстѣ нести горе, надо сродниться въ теченіе долгой жизни. Но развѣ мыслимо въ ея возрастѣ тѣсно сродниться съ нуждымъ ей до сихъ поръ человѣкомъ? Приблизительно, на подобныя мысли были бы переведены чувства Чарны, если бы она сумѣла отдать себѣ въ нихъ полный отчетъ.

Она сидѣла молча, неподвижно, устремивъ бессмысленный взоръ на горѣвшую на столѣ тоненькую салную свѣчку, которая, предоставленная самой себѣ, горѣла претускло, съ сильнымъ трескомъ, такъ какъ остатки обгорѣвшаго фитиля наполняли расплавленный кружокъ сала вокругъ пламени; но Чарна и не думала поправить ея.

Ребѣ Аврумъ-Беръ, наконецъ, сталъ терять терпѣніе и, быстро поднявшись съ своего мѣста, предсталъ во весь ростъ передъ онемѣвшею Чарной.

— Неужели вамъ еще палецъ въ ротъ надо положить! — воскликнулъ онъ, разведя обѣ руки и поднимъ значительно плечи, такъ что шея его совершенно исчезла, чѣмъ у него обозначалась крайняя степень недоумѣнія.

— Отлично коняла, — отвѣтила очнувшаяся наконецъ Чарна.

— Ну, и вы молчите? — съ еще большей досадой воскликнулъ ребѣ Аврумъ-Беръ.

— Что же мнѣ сказать? — спросила просто Чарна.

— Ой! слышали! что ей сказать, что ей сказать! Богъ ей посылаетъ неожиданное счастье прямо въ руки, а она сирашиваетъ, что ей сказать! Что это вы — маленькая дѣвочка, не умѣете еще до «двухъ» считать? А я васъ еще считалъ умною женщиной. Вотъ вамъ и умная женщина! Что ей сказать!..

И ребѣ Аврумъ-Беръ въ сильномъ водненіи запагалъ по комнатѣ, распустивъ руки, такъ что онѣ почти достигали

противуположныя стѣны, причѣмъ его имя опять совершенно исчезла.

Чарна между тѣмъ совершенно пришла въ себя и, подумавъ хорошенько, обратилась къ ребѣ Аврумъ-Беру:

— Вѣдь вы мнѣ собственно ничего не сказали еще. Что же вы такъ сердитесь на меня? Вотъ лучше присядьте и поговорите толково.

— Вотъ это слова умной женщины,—отвѣтить на это приглашеніе ребѣ Аврумъ-Берѣ и усѣлся, положивъ одну руку на бедро, а другою вертя ерможку на головѣ, словно для того, чтобы оттуда раздобыть что нибудь.

— Видите-ли,—началь онъ снова торжественно, сильно нагнувъ голову въ сторону Чарны и дыша ей прямо въ лицо.— Видите, вы вѣдь умная, благочестивая женщина и дѣло понимаете... Какъ это говорить наши мудрецы: «не обращай вниманія на вѣщность кувшина, а на то, что онъ содержитъ». Міръ есть вѣчно вращающееся колесо. Сегодня мы тутъ, а завтра мы тамъ. Поэтому грѣшныи чловѣкъ долженъ забывать свою гордыню. Скажемъ наоборотъ... Сущность дѣла вѣдь въ чемъ... Всѣ мы—евреи, т. е. маленькіе, маленькіе червяки... Наступилъ кто,—ну, и раздавилъ. Понимаете-ли вы меня... это такъ говорится, т. е., если мы скажемъ наоборотъ, то... понимаете-ли... Вотъ это-то я и говорю. Наша прародительница Рахиль умерла въ родахъ Веніаминомъ, самымъ младшимъ изъ двѣнадцати сыновей Іакова. А впоследствии, когда Навузарданъ гналъ плѣнныхъ евреевъ, они прошли мимо ея могилы и горько надъ нею плакали. И сжалившись надъ горькою участію своихъ дѣтей, она предстала передъ Господомъ, какъ сказано: «*коль беруму мамма*»,—въ небесахъ послышался голосъ...

Въ эту секунду дѣйствительно раздался голосъ, но не матери Рахили, а жены ребѣ Аврумъ-Бера, и не на небесахъ, а подъ окномъ. Голосъ сопровождался стукомъ. Чарна и ея собесѣдникъ быстро встали и вышли.

— Иди скорѣе домой,—обратилась къ мужу Идесъ:—у насъ ужъ полный домъ людей, и всѣ тебя ждутъ.

— Сейчас, сейчас приду, — ответил ребъ Аврумъ-Беръ; — мнѣ только нужно покончить важный разговоръ съ Чарной.

— Знаю, знаю, о чемъ тебѣ надо говорить съ нею. Не гость просилъ, чтобъ ты сейчасъ же пошелъ домой, а я уже сама переговорю съ Чарной.

— Ты поговоришь! Хотя бы глупостей не болтала. Она поговорить о такомъ важномъ дѣлѣ! Только испортишь все.

Но Идесъ и сама Чарна стали настаивать, и ребъ Аврумъ-Беръ, волею-неволею, долженъ былъ уйти домой, въ сильной досадѣ, что ему не дали довести до конца такъ умно, такъ толково и такъ тонко-дипломатически начатую рѣчь.

Идесъ, скватившая сущность разговора гостя съ ея мужемъ, сейчасъ по уходѣ послѣдняго вошла въ комнату и прямо заговорила съ ребъ Исруэль-Дувидомъ о Чарнѣ, о ея великихъ качествахъ, объ ея умѣ, ея безконечной добротѣ, о томъ, какъ будетъ счастливъ мужчина, который будетъ обладать такимъ сокровищемъ и т. д.

Ребъ Исруэль-Дувидъ, замѣтивъ въ ней изъ короткаго разговора толковую женщину, чего далеко не могъ сказать о ея мужѣ, просилъ ее пойти къ Чарнѣ, переговорить съ нею и привести ее сюда, а мужа прислать обратно.

Въ это время цѣлая толпа мужчинъ, пришедшая привѣтствовать гостя, стала наполнять комнату.

Оставшись одна съ Чарной, Идесъ, оставивъ въ сторонѣ патриарховъ, изреченія мудрецовъ, хищнаго полководца, вавилонскаго царя Набоходнегора, не имѣвшаго, повидимому, прямого отношенія къ этому вопросу, безъ мудрствованія лукаваго приступила къ дѣлу. Она стала говорить, что жизнь безъ мужчины въ еврейской семьѣ — могила настоящая. Она, Идесъ, имѣющая, пусть до ста двадцати лѣтъ! такого благочестиваго и такого добраго мужа, почла бы себя счастливѣйшей изъ женщинъ, если бы могла имѣть въ домѣ такого благочестиваго, такого ученаго еврея, сладостная молитва котораго можетъ «оживить и мертвеца». — Если бы Чарна слышала только сегодня предвечернюю молитву ребъ Исруэль-Дувиды, если бы услышала его умную, ученую рѣчь! Такъ и видно, что святая тора на немъ сияетъ.

Въ подобномъ родѣ вела Идесъ свою бесѣду съ Чарною. И такъ какъ послѣдняя не имѣла никакого основанія скольконибудь сомнѣваться въ искренности словъ своей сосѣдки, принадлежавшей къ числу ея самыхъ преданныхъ и искреннихъ друзей, то она вскорѣ была назлектризована тѣмъ же энтузіазмомъ къ великому благочестію и великой учености претендента на ея руку, и вмѣстѣ съ Идесъ наконецъ мысленно рѣшила, что ей Богъ послалъ неожиданное счастье. Она еще тѣмъ болѣе видѣла въ этомъ десницу Божию, что первая замѣтила тельжку на холмѣ, первая очутилась воалѣ прѣваго старика, и съ ней первой онъ заговорилъ.—Да,—рѣшила она мысленно:—видно, это «звѣзкъ» *. И она стала набрасывать на себя свое субботнее шерстяное платье, въ красныхъ и синихъ полосахъ, между прочимъ, очень ей шедшее къ лицу. Затѣмъ, наивнувъ и субботній шелковый платокъ, она направилась вслѣдъ за Идесъ, однако, съ такимъ замѣраемъ сердца, съ такою страшною тяжестью на душѣ, словно готовилась къ чему-то ужасному, роковому.

Между тѣмъ, слухъ о цѣли прѣваго ребъ Исруэль-Дувидъ мигомъ облетѣлъ весь городокъ еще гораздо раньше, чѣмъ сама Чарна узнала что нибудь опредѣленное. Какимъ образомъ всѣ узнали объ этомъ, никто не могъ бы, конечно, сказать. Но вѣрно то, что въ то время, какъ Аврумъ-Беръ только впадалъ въ свою рѣчь моголу праматери Рахили, вавилонскаго полководца и мудреца раби Мейра **, ввергая этимъ несчастную Чарну въ рѣшительное недоумѣніе, все еврейское населеніе было на ногахъ, наполняло всѣ улицы, и только и толковало что о неожиданномъ счастьи Чарны. Но толковали не такъ себѣ, а съ азартомъ, бѣгая отъ одного дома къ другому, изъ одного закоулка въ другой, такъ что постороннее лицо, которое бы очутилось теперь въ обыкновенно мертвомъ В., навѣрно подумало бы, что тамъ произошло нѣчто необычайное. Всюду слышались перебиванія, громкія бесѣды съ отчаянною жестивуляціей, или же тихій шепотъ, а то и горячіе споры.

* Партія, опредѣленная небомъ.

** Раби Мейеру принадлежитъ упомянутое изреченіе о кувшинѣ.

— Слышали, Генендель?—кричить запыхавшись молодая, Сура, подбѣгая къ дому мясника Юзе, вся семья котораго стояла на порогѣ.

— А вы отъ кого слышали?—спрашиваетъ Генендель.

— Мнѣ Шименехе рассказала.

— А отъ кого Шименеха знаетъ, если не отъ меня же,—говорить съ гордостью Генендель.

— Ну, какъ вамъ это нравится?

— Что же, нашъ Богъ великъ, и если Онъ захочетъ...

— Говорять, что у него большая лѣна, —не дала договорить Сура.

— У Бога не одна лѣна, —отвѣчаетъ, зажмуривъ благочестиво глаза, Генендель.

— Нѣтъ, я говорю о немъ, о ребѣ...

— Нѣтъ, про лѣную не слыхала. Только жена ребѣ Эхарин мнѣ сказала, что у него большіе пшеничные магазины есть.

— Пшеничные магазины!—восклицаетъ уже съ нѣкоторою завистью Сура.—Ну, что вы скажете на такое счастье?

— У кого нѣтъ полъ пуда муки на субботу въ домѣ, а у кого цѣлые магазины пшеницы стоять.

— Что же, —отвѣчаетъ Генендель:—такова воля Господа.

— Если бы не было богатыхъ и бѣдныхъ, —вмѣшивается маленькій старичокъ, отецъ Генейдель, до сихъ поръ полудремавшій на заваленкѣ, —то на свѣтѣ не существовало бы милосердія. Талмудъ говоритъ, что Богъ создалъ богатыхъ и бѣдныхъ для того, чтобы люди научились поддерживать другъ друга.—И сказавъ это, старичокъ опять погрузился въ дремоту.

Въ это время къ маленькой группѣ стали приближаться почти бѣгомъ три женщины, именно Сося, въ одной ситцевой юбкѣ сверхъ плотно закрывавшей все ея тѣло рубахи, съ длинными рукавами до самой кисти, и въ одномъ капорѣ на головѣ; Злата, жена портного Юсице, и Цыпора, жена «шохата» *, маленькая, неряшливая и весьма некрасивая женщина.

— Если бы вы знали, если бы вы знали, —кричала эта по-

* Рѣзника.

слѣдняя еще мадали:—ой, ой, советъмъ силы потеряла, такъ бѣжала... ой, ой, если бы вы знали...

Увидѣвъ бѣгущую и кричащую такимъ образомъ Цыпору, и другія женщины, стоявшія въ разсыпную передъ разными домами, направились туда же.

Цыпора, наконецъ, добѣжала до мѣста назначенія, до того запыхавшись, что повалилась на заваленну, не будучи въ состояніи выговорить ни слова. Только передохнувъ нѣсколько секундъ, она, наконецъ, воскликнула, торжественно оглядывая всѣхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поправляя воевѣмъ уже сдвинувшійся капоръ: «Ой, вы ничего не знаете!—Вѣдь тамъ уже тарелки бьютъ» *. И обѣ ея руки въ изнеможеніи упали на ея тощія бедра.

Мгновенно, словно осколки лопнувшего парового котла или взорванной бомбы, по всѣмъ направленіямъ стали разлетаться слова: «тамъ уже бьютъ тарелки», наполняя всѣ сердца удивленіемъ, недоумѣніемъ, а то просто и безотчетною радостью, какую испытываетъ пустынный или заключенный, услышавъ какую нибудь вѣсть, приходящую изъ среды живыхъ людей. Разумѣется, когда прошло дѣйствіе перваго ошеломляющаго впечатлѣнія, нашлись многіе скептики. Но на такихъ Цыпора набрасывалась съ отчаянною яростью.—«Что это, я слѣпая какая, что-ли! У меня, слава Богу, хороніе глаза, и дай Богъ мнѣ такъ видѣть приходъ *Мушюха* ** и *тхисъ-кассимъ* ***, какъ видѣла Чарну въ праздничномъ платьѣ, направляющуюся въ домъ ребъ Аврумъ-Бера, вмѣстѣ съ Идесъ. Я также не глуха, и ясно потомъ слышала крики: «*Мазаль-Товъ*» и шумъ разбитой посуды».

Послѣдняго утвержденія она, правда, не подкрѣпляла никакою клятвою, ибо, не смотря на всю свою страсть—сообщать новости, она еще предпочитала услышать трубные звуки Мошяха, сзывающаго весь еврейскій народъ; чтобы отвести его въ его дорогую родину, чѣмъ поразить въ—свихъ жителей необычайнымъ извѣстіемъ. А вѣдь какой другой клятвой могла

* У евреевъ есть обычай—разбить посуду при совершеніи обрученія.

** Мессія. *** Воскресеніе мертвыхъ.

бы она подтвердитъ, что дѣйствительно слышала, если не пожеланіемъ себя услышать «Шоферъ-шалъ-Мошіахъ» *. О, за «шоферъ-шалъ-мошіахъ» всякій благочестивый еврей и всякая благочестивая еврейка трижды отдадутъ свою жизнь, ибо это единственная великая и счастливая перспектива во всей ихъ жизни.

Наэлектризованная новымъ необычайнымъ извѣстіемъ, услышаннымъ изъ устъ Циноры, женщины не были болѣе въ силахъ устоять на одномъ мѣстѣ и пустились къ главной площади, оживлявшейся нѣкогда, въ эпоху великаго благоденствія и преуслѣбія В., кипучею торговою дѣятельностью, а нынѣ сдѣлавшейся малюбленнымъ мѣстомъ гостившихъ въ В. овиней, изъза одной ямы, находившейся какъ разъ посрединѣ, гдѣ рѣдко высыхала грязь. Такъ какъ женщины, словно низвергающійся съ вершинъ горы потокъ, увлекли съ собою всѣхъ попадавшихся по дорогѣ, то всѣ дома, мимо которыхъ онѣ прошли, почти совершенно опустѣли. За то площадь была такъ полна, какъ никогда, и она превратилась въ шумное, сильно волнующееся море, словно собирающееся выступить изъ своихъ береговъ.

— Эй, квоцки, замолчите, а то оглохнуть можно отъ васъ! — крикнулъ приближавшійся къ толпѣ женщинъ худенькій, маленький еврей, съ головой немного искривленною набокъ, съ желтымъ болѣзненнымъ лицомъ. Ребъ Элишѣ, такъ звали, шамеса ** в—ской синагоги (а это былъ никто иной какъ онъ), нужно было повторить нѣсколько разъ свое любовное приглашеніе, прежде чѣмъ установилось хоть что либо похожее на тишину.

Наконецъ наступила возможность дать себя выслушать, и онъ произнесъ торжественно-замогильнымъ голосомъ:

— Чарна васъ всѣхъ приглашаетъ къ вѣчанію.

Мгновенно бушующее море улеглось, и на площади воцарилась такая нѣмая тишина, словно вся толпа вдругъ, разомъ исчезла въ самой глубинѣ пренеподней.

Переговоры между Чарной и ребъ Исруэль-Дувидомъ длились не особенно долго. Какъ только она ступила на порогъ

* Трубный рогъ Мессіа.

** Служка синагоги.

дома ребъ Аврумъ-Бера, вся толпа находившихся тамъ мужчинъ встрѣтила ее такимъ единодушнымъ «моволь-товъ», что она совершенно растерялась и не знала, что отвѣчать. Дѣло какъ будто рѣшки безъ нея, и ей пришлось только принять то, что всѣ, повидимому, приняли съ такимъ одобреніемъ. Ее усадили за столъ, Идесъ сѣла рядомъ съ нею, и мужчины стали продолжать прерванную на время ученую бесѣду.

Говорилъ теперь одинъ р. Исруэль-Дувидъ, толкуя какое-то мѣсто изъ «*Мидрашъ-Раву*» *, да видно такъ хорошо, такъ остроумно, что всѣ слушали его, притановъ дыханіе. Когда же онъ кончилъ, всѣ восклинули восторженно: «А, а! Вотъ это значить толковать! Понимаете, какъ тонко, какъ глубоко!»

Одного этого уже было достаточно, чтобы Чарна рѣшилась, если бы у нея оставались какія либо колебанія. Она все время не спускала глазъ съ ребъ Исруэль-Дувидъ, котораго умные черные глаза горѣли какимъ-то необычайнымъ одушевленіемъ, и хотя рѣшительно ничего не понимая, приспоилилась къ нему чувствомъ самаго высокаго благоговѣнія.

«Имѣть мужамъ такое великое свѣтило въ торѣ!—подумала она про себя.—Развѣ можетъ быть высшее счастье!»—И слезы умиленія затуманили ее засіявшее гордостью лицо, въ ту минуту до того прекрасное, что оно могло привлечь вниманіе и человѣка болѣе молодого, чѣмъ ребъ Исруэль-Дувидъ. Только по окончаніи ученой бесѣды было приступлено къ главному вопросу, конечно—тутъ же, при всей присутствовавшей публикѣ и при частомъ вмѣшательствѣ особенно ребъ Аврумъ-Бера, который никакъ не могъ обойтись и на этотъ разъ безъ мегилы Рахили и полководца Набеадиоцора. Одно только очень важное затрудненіе встрѣтилось было—именно относительно мѣстожителства будущиъ супруговъ. Ребъ Исруэль-Дувидъ хотѣлъ непремѣнно увести Чарну въ О., сославъ на свое очень хорошее мѣсто. Но Чарна категорически заявила, что на это она ниюгда не согласится. Какъ ей оставить В., гдѣ она имѣетъ свой кусокъ хлѣба, свой домикъ, который ей такъ дорогъ, гдѣ она такъ

* Нѣчто въ родѣ комментарія на библію, заключающаго, среди насен ехлстической чепухи, прекрасныя поэтическія и этическія легенды.

хорошо сжилась со всеми! Нѣтъ, нѣтъ! Ни за что она не разстанется съ В. и его жителями. Ребѣ Исруэль-Дувидъ тоже уперствовалъ. Какъ это ему бросить такой золотой заработокъ и поселиться на хлѣбахъ жены! Главное, что ему тутъ не нравилось, такъ это занятіе Чарны. Жена его, ребѣ Исруэль-Дувидъ, пользующагося такимъ почетомъ и уваженіемъ у всѣхъ, имя и ученость котораго извѣстны во многихъ городахъ—его жена будетъ торговать квасомъ, дрожжами, нюхательнымъ табакомъ! О, нѣтъ, нѣтъ! Омъ такого позора для своей чести не допустить. Но Чарна упорно стояла на своемъ. Ни за что въ мірѣ она не разстанется со своимъ кускомъ хлѣба! Въ занятіи, какое бы оно ни было, лишь бы честное, нѣтъ никакого униженія; многие великіе талмудическіе авторитеты были сапожниками, кузнецами. Только въ послѣднюю субботу она читала въ «перикѣ» * изреченіе раба Шмаіу, который говоритъ: «люби ремесло и избѣгай ученыхъ должностей» и т. д. Если бы не внимательство самыхъ почетныхъ и вліятельныхъ хояевъ, то поладить на счетъ этого пункта было бы, пожалуй, и совсѣмъ невозможно. Но они стали совершенно на сторону Чарны, давъ почти полное обѣщаніе ребѣ Исруэль-Дувиду доставить ему нѣсколько учениковъ. Это обѣщаніе подтвердили всѣ присутствующіе, такъ какъ имъ очень хотѣлось имѣть высшаго меламеда для своихъ дѣтей. Такимъ образомъ все было покончено. Наконецъ, когда дѣло дошло до вопроса о времени вѣнчанія, всѣ высказались за то, чтобы оно было совершено сейчасъ же. «Приданого вносить не надо, вѣнчальныхъ платьевъ готовить тоже не надо,—объяснял почтенный ребѣ Йосе, — такъ что же тутъ долго собираться? Поставимъ *хуму* **, и пускай Богъ дастъ въ добрый часъ».

Ребѣ Исруэль-Дувидъ, который противъ этого далеко ничего не имѣлъ, однако возразилъ, что онъ вѣдь теперь все равно не можетъ остаться въ В.; такъ не лучше-ли будетъ свершить вѣнчаніе позже, черезъ два съ половиною мѣсяца, когда онъ кончитъ свой *манъ* (полугодіе) въ О. и пріѣдетъ сюда окончательно.

* Изреченіе отцевъ синагоги.

** Вадахинъ, подъ которымъ происходитъ вѣнчаніе.

— Не лучше-ли вамъ тогда прѣхать прямо къ своей женѣ на праздникъ?—возразилъ тотъ же ребѣ Иосе. Эта мысль дѣйствительно понравилась всѣмъ, и ребѣ Исруэль-Дувиду въ особенности. Такъ и было рѣшено. Ребѣ Исруэль-Дувидъ послѣ субботы уѣдетъ въ О. доканчивать свои занятія, а затѣмъ прѣдетъ въ В., чтобы тамъ окончательно поселиться и обучать в-сѣмъ юношей.

Когда все, наконецъ, было окончательно рѣшено, было уже около половины одиннадцатаго, и нужно было торопиться, чтобы имѣть время совершить вѣнчаніе до полуночи, такъ какъ позже этого времени было-бы уже нельзя.

— А нельзя ли отложить до завтра?—замѣтилъ кто-то.

— Какъ можно!—воскликнули всѣ,—вѣдь завтра уже начинаются «три недѣли»*. Такимъ образомъ, сейчасъ были сдѣланы распоряженія призвать ребѣ Элину и приказать ему—принести «хуцу» изъ синагоги, пригласить раввина, «хозна»**, должность котораго исполнялъ *шохатъ* (рѣвникъ), мужъ уномянутой Ципоры, а также и другихъ почетныхъ лицъ и т. д. Гостепріимные ребѣ Аврумъ-Беръ и его жена стали было настаивать, чтобы вѣнчаніе происходило въ ихъ домѣ, и Идесъ даже предлагала приготовить легкій ужинъ. Но Чарна ни за что на это не согласилась и немедленно отправилась домой — дѣлать необходимыя приготовленія.

Крѣпко сжалось сердце Чарны, когда она перешла порогъ своего дома и принялась наскоро убирать комнаты и зажигать повсюду свѣчки. Какая-то необъяснимая, тяжелая грусть стала ее душить. Она прѣшла около кровати, ставшей ей самымъ дорогимъ, близкимъ другомъ за долгіе годы ея одиночества. На ней она изливала все свое горе въ теченіе долгихъ бессонныхъ ночей, ей повѣрала она все, что таилось въ глубинѣ ея души. Она стала оглядывать свою комнату, словно ей приходилось навѣки съ нею расставаться, и при видѣ этой торже-

* Отъ семнадцатаго Тамуза до девятаго Аба, т. е. отъ обложенія іерусалимскаго храма до окончательнаго его разрушенія римлянами. Въ теченіе всего этого времени евреямъ запрещаются всякія удовольствія и увеселенія, какъ танцы, пѣніе, музыка, обновленіе платья, носеніе украшеній, купаніе и т. д.

** Коштора.

ственной обстановки, этого множества зажженных свѣчей, ей вспомнился вечеръ ея перваго вѣнчанія. Она, шестнадцатилѣтняя дѣвочка, сидитъ въ своемъ шелковомъ вѣнчальномъ платьѣ, въ томъ самомъ, которое она теперь надѣла, можетъ быть, въ третій разъ въ своей жизни—свѣтло-сѣрое въ маленькихъ клѣточкахъ. Въ сосѣдней комнатѣ происходитъ шумный споръ изъ-за приданого, такъ какъ у ея отца не достаетъ пятидесяти рублей; отецъ жениха кричитъ громче всѣхъ и грозить, что онъ не допуститъ вѣнчанія, если не будетъ отсчитано все приданое, до послѣдняго гроша. Такъ продолжается больше часа, кажуцагося ей вѣчностью.

И капля по каплѣ сочится у нея кровь, и съ каждой минутою блѣднѣетъ она все больше и больше, приводя этимъ въ сильное безпокойство подругъ, которыя каждый разъ подходятъ къ ней и съ материнской нѣжностью распрашиваютъ: «Что съ тобою, Чарна?» А она ихъ успокоиваетъ и тихо отвѣчаетъ: «Ничего, мои милыя».

Но вотъ въ глазахъ у нея затуманилось, все кругомъ стало исчезать. Голова закружилась, ее охватила какая-то странная, пріятная дремота, и невольно стала она наклоняться, и ей казалось, что она падаетъ, падаетъ безконечно въ какую-то нескончаемую пропасть. Въ эту минуту комната вдругъ оглашается пронзительнымъ крикомъ: «Невѣстѣ дурно!» Вотъ передъ нею ея отецъ, плачущій какъ маленькій ребенокъ, и нѣжно ей шепчущій: «Что, лучше тебѣ, моя донья?»

И при одной мысли объ этихъ чудныхъ нѣжныхъ звукахъ, горло начинаетъ сжиматься у Чарны, и кипучимъ потокомъ пробиваются слезы, заливаютъ все лицо и оттуда крупными каплями падаютъ на вѣнчальное платье, чтобы присоединиться къ тѣмъ, которыя упали на то же мѣсто двадцать девять лѣтъ тому назадъ... Но вотъ появляется, наконецъ, и мать, которую она долго отыскивала въ толпѣ; она, блѣдная какъ смерть, бросается на шею къ дочери, и ихъ рыданія сливаются... «Успокойся, моя доченька, успокойся, мое сердце,—начинаетъ ей шептать мать, немного успокоившись сама:—все улажено; онъ заявилъ отцу своему, что удовлетворяется и тѣмъ, что есть». И сердце Чарны переполняется глубокой благодарности

къ нему, къ жениху, къ этому таинственному незнакомцу, котораго она до сихъ поръ еще не видала, преисполняется благодарностью за то, что онъ прекратилъ терзанія ея родителей. Далѣе ей припоминается торжественное шествіе по улицамъ городка въ синагогу, съ музыкой, со свѣчами.

Вечеръ былъ такой же тихій, лѣтній, какъ теперь. Вотъ и вѣнчаніе кончено, и она очутилась рядомъ съ нимъ, за столомъ, гдѣ они кушаютъ вмѣстѣ *золотого бульона* *, дѣйствительно прозрачно-золотистаго. Она украдкой на него смотритъ изъ-подъ своего шелковаго занавѣса **, которымъ закрыто лицо ея.

И какъ онъ былъ прекрасенъ въ своемъ атласномъ кафтанѣ, черномъ шелковомъ картузѣ, который такъ шелъ къ его блѣдному, задумчивому лицу, еще совершенно дѣтскому.

И опять живо предсталъ передъ нею ея дорогой Мойше, со своими чудными, добрыми глазами, и еще болѣе болѣзненно сжалось у нея сердце, еще чаще, еще горючѣе полились слезы. Она невольно стала сравнивать это милое, доброе юношеское лицо своего перваго мужа съ суровыми, какъ будто холодными, хотя чрезвычайно умными чертами старика, и что-то такое кольнуло ее. Но она быстро прогнала эти грѣховныя чувства. «Что это я,—молодая дѣвушка какая!» кинула она себѣ мысленно укоръ. Она хотѣла было уже встать, но что-то приковало ее словно къ этому мѣсту. И опять съ тихою грустью стала она оглядывать комнату, словно прощаясь навѣки со своимъ уединеніемъ, которое вдругъ стало ей такъ безконечно дорого. Она бы, вѣроятно, еще долго такъ просидѣла, но комната стала наполняться женщинами, явившимися по приглашенію ребѣ Элиши.

Чарна быстро оправилась и стала съ ними совѣтоваться

* Бульонъ, подаваемый жениху и невестѣ, а также и гостямъ послѣ вѣнчанія, называется золотымъ.

** У ортодоксальной массы есть обычай закрывать лицо невесты въ вечеръ вѣнчанія занавѣсомъ, служащимъ для кіота, гдѣ хранятся святки завѣта, что указываетъ на высокій ореолъ уваженія и даже святости, которымъ окружена невеста. Есть даже народное повѣрье, что на лицѣ послѣдней появляется „шехна“, т. е. Вошь сіяніе, отчего ее и закрываютъ.

на счет угощенія, и всё рѣшили, что надо приготовить только кое-что для закуски, что это всегда такъ дѣлается на свадьбахъ у вдовъ, а тутъ еще такъ поздно! Чарна согласилась, и Идесъ, Таубе и другія ближайшія сосѣдки, засучивъ свои праздничныя платья, отправились на кухню готовить молочные вареники.

Вскорѣ явился ребъ Элиша съ балдахиномъ, возвѣщая тѣмъ же торжественно-замогильнымъ голосомъ приходъ жениха, который дѣйствительно сейчасъ-же явился, въ сопровожденіи человекъ тридцати мужчинъ.

Посреди комнаты балдахинъ былъ воздвигнутъ на четырехъ тонкихъ круглыхъ столбахъ, окрашенныхъ въ красную краску. Самъ балдахинъ былъ тоже красный, съ красивой разноцвѣтной каймою. Чарна, блѣдная какъ смерть, была усажена на стулѣ и окружена женщинами. Ребъ Исруэль-Дувидъ, напротивъ того, совершенно спокойный, сопровождаемый всѣми мужчинами, подошелъ къ невѣстѣ и положилъ ей на голову занавѣсъ, послѣ чего всё направились подъ балдахинъ, невѣста, поддерживаемая двумя почтенными старушками, съ восковыми свѣчами въ рукахъ, и женихъ, поддерживаемый мужьями этихъ старухъ, тоже имѣвшими въ рукахъ свѣчки. Сдѣлавъ, по установленному обычаю, семь разъ кругъ подъ балдахиномъ, женихъ и невѣста были поставлены другъ противъ друга. Вокругъ установилась мертвая тишина, прерывавшаяся тихими всхлипываніями Чарны, которая не могла одолѣть свое глубокое волненіе. Лица даже наиболѣе обуреваемыхъ любопытствомъ вытянулись и приняли серьезное выраженіе. У многихъ женщинъ глаза были красны отъ слезъ.

Раввинъ, согбенный лѣтами старикъ, дрожащими руками взявъ поданный ему «шамесомъ» кубокъ, наполненный виномъ, торжественнымъ разбитымъ голосомъ произнесъ надъ нимъ, благословеніе и затѣмъ подаль его жениху и невѣстѣ. Тѣ отпили отъ него по каплѣ, послѣ чего кубокъ тутъ же былъ разбитъ въ дребезги.

Затѣмъ, взявъ изъ рукъ раввина серебряное кольцо, женихъ надѣлъ его невѣстѣ на палецъ правой руки, произнося при этомъ: «Этимъ кольцомъ да будешь ты мнѣ посвящена въ жены

по закону Моисея и Израиля». Когда все это было совершено, канторъ ребъ Арье, поддерживая свое длинное горло толстымъ пальцемъ лѣвой руки, вѣроятно, для того, чтобы лучше выдѣлывать трели, на которыя онъ былъ большой мастеръ, запѣлъ на какую-то странную мелодію, которая была ничто иное, какъ гдѣ-то имъ услышанный военный маршъ, слѣдующую молитву: «Да благословенъ будешь Ты, Господь вселенной, за то, что сотворилъ Ты торжество и радость, жениха и невѣсту, ликованіе и блаженство, счастье и любовь, тѣсное единеніе, миръ и дружбу! Да раздадутся скоро въ городахъ Іудеи и на улицахъ Іерусалима голоса радости и ликованія, голоса жениховъ и невѣстъ, счастливые голоса жениховъ послѣ вѣнчанія, пѣсни юношей на ихъ торжествахъ! Да благословенъ будетъ Господь, дающій радость жениху и навѣстѣ».

Когда канторъ окончилъ, комната огласилась единодушнымъ «мазоль-товъ» всѣхъ присутствовавшихъ, Идесъ же подбѣжала къ Чарнѣ и крѣпко ее обняла...

Когда гости наконецъ разошлись, было около часа ночи. Тихо и нѣмо было все кругомъ. Грустно и неподвижно стоялъ полный мѣсяць среди чистаго, свѣтлаго, прозрачнаго неба, стоялъ въ какой-то нерѣшительности, словно что-то глубоко обдумывая, и бросая кругомъ мягкіе, тоскливые взгляды. Огромными черными пятнами лежали вдали лѣса, и далеко—далеко растянулись тѣни холмовъ по полямъ и долинамъ, словно какіе то гиганты, сраженные непосильною борьбой. Теплый, прозрачный воздухъ былъ весь проникнутъ сладостнымъ ароматомъ липъ, царствовавшимъ надъ всѣми другими ароматами. И странно отдавались, среди этой очарованной природы, на мертвыхъ улицахъ городка, шлепанье пантуфель и оттоптаныхъ башмаковъ, и громкое переговариваніе между собою возвращавшихся гостей, само собою разумѣется, имѣвшее темою необычайное, только что совершившееся событіе, и всѣ единодушно восклицали: «Какое неожиданное счастье, какое неожиданное счастье!» А нѣкоторыя женщины набожно прибавляли, зажмуривъ благоговѣйно глаза: «Теперь мы таки ясно видимъ, какой у насъ великій Богъ, и какъ онъ всякому воздастъ по заслугамъ».

Странно, очень странно чувствовала себя Чарна, оставшись

одна со своимъ, такъ сказать, внезапнымъ мужемъ, и, проводивъ всѣхъ гостей, она долго оставалась на порогѣ, какъ для того, чтобы полюбоваться чуднымъ вечеромъ и подышать свѣжимъ ароматнымъ воздухомъ, такъ и для того, чтобы собраться съ мыслями, приготовиться къ своему новому положенію.

«Какъ странно,—подумала она:—человѣкъ, котораго только нѣсколько часовъ тому назадъ я рѣшительно не знала, вдругъ сдѣлался самымъ близкимъ мнѣ существомъ»...

И опять стала она вспоминать, какъ поздно ночью ее увели съ шумнаго свадебнаго пира, какъ привели въ маленькую, но празднично убранную, чистенькую комнату, гдѣ была постлана постель, блиставшая чисто снѣжною бѣлизною; какъ тѣ самыя двѣ женщины, которыя подъ руки вели ее къ вѣнцу, усадили ее, и стали раздѣвать и что-то шептать ей на ухо. Какимъ ужасомъ преисполнилось ея дѣвственное сердце отъ ихъ словъ! Она въ эту минуту готова была бѣжать далеко, далеко, чтобы спастись отъ этого позора... Но вотъ и онъ, тихій, задумчивый, грустный, ведомый словно на закланіе... Она посмотрѣла на него, и что-то такое сладостное, неиспытанное, словно электрическій токъ, пробѣжало по всему ея существу... И словно помолодѣвъ на тридцать лѣтъ, Чарна жадно впиалась въ эти сладостныя воспоминанія, отдавшись имъ цѣликомъ, всею душою...

— Чарна, Чарна, иди въ комнату, уже очень поздно,—раздался голосъ ребъ Исруэль-Дувида.

Чарна вздрогнула всѣмъ тѣломъ и медленно стала запирать за собою дверь. А полный мѣсяцъ, все время глядѣвшій ей прямо въ лицо, бросилъ ей вслѣдъ грустный меланхолическій взглядъ, словно на прощанье, и скрылся подъ небольшою черною тучкою, какъ будто желая этимъ заявить свое неудовольствіе по поводу случившагося. Въ то же самое время шамесь ребъ Элиша, который очень часто прибѣгалъ къ Чарнѣ въ нуждѣ, а нуждался онъ всегда, — укладывался спать на дворѣ, и тихо шепталъ своей полуслѣпой жонѣ: «А знаешь, что я тебѣ скажу, Миндель! Совсѣмъ мнѣ не нравится этотъ ребъ Исруэль-Дувидъ, не смотря на всю его великую набожность и ученость. Самое лучшее качество въ человѣкѣ, какъ сказалъ раби Эліз-

зеръ-бѣнъ-Арохъ,—доброе сердце. Ну, а сердца у него, мнѣ кажется, совсѣмъ нѣтъ. И знаешь еще, что я тебѣ скажу? Мнѣ кажется, что отнынѣ домъ Чарны уже не такъ будетъ открываться для всѣхъ нуждающихся, какъ прежде. Впрочемъ, можетъ быть, я ошибаюсь,—прибавилъ онъ минуту спустя съ глубокимъ вздохомъ, какъ будто въ утѣшеніе самому себѣ.— Дай Богъ, чтобъ я ошибся. Дѣйствительно... И онъ принялся тщательно укрываться своимъ изодранымъ плащомъ.

Бснъ-Ами.

* *
* *

Исхода нѣтъ!..

Сраженъ, поруганъ

Мой падшій богъ, отецъ-народъ;

Отчизну-мать зову испуганъ—

Но сына мать не признаетъ.

Опять вражда, опять раздоры...

А я?.. Я стражду и молчу.

Кому дерзну выдать укоры?

Кого въ объятя заключу?

И вновь разладъ и тьма, какъ прежде,

Въ моей измученной груди.—

Давно-ли пѣлъ я о надеждѣ,

О свѣтломъ счастьи впереди?

Исполненъ смуты и тревоги,

За васъ терзаясь и скорбя.

Отчизна, я-ль судья твой строгій?

Народъ мой, мнѣ-ль винить тебя?

... И гдѣ-же грань моихъ страданій?..

Миръ осѣнить-ли мой народъ,

Чтобъ могъ я вновь безъ колебаній
Стремиться съ родиной впередъ?

Въ моихъ мечтахъ, въ моихъ молитвахъ
Ее безъ страха призывать,
Быть ею мощнымъ въ грозныхъ битвахъ,
Въ ея вѣнецъ мой лавръ вплетать?—

Иль безъ слѣда растратить силы
Мнѣ суждено судьбиной злой,
На перепутьи до могилы
Стоять съ раздвоенной душой?—

Исхода нѣтъ!.. Сраженъ, поруганъ,
Мой падшій богъ безъ силъ лежитъ;
Отчизну-мать зову испуганъ—
Она грозна... она молчить...

М. Абрамовичъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

И. С. АКСАКОВЪ И ЕВРЕИ.

(Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова, томъ третій: польскій вопросъ и западно-русское дѣло; еврейскій вопросъ. Москва, 1886 г.).

Послѣ смерти И. С. Аксакова, послѣдовавшей въ началѣ минувшаго года, наследники его приступили къ изданію полнаго собранія его сочиненій. Придавая, повидимому, очень большое значеніе публицистической дѣятельности покойнаго вождя славянофиловъ—значеніе не только историческое, но и современное—и желая увѣковѣчить его имя въ русской литературѣ,—издатели ревностно собираютъ всѣ статьи, когда либо напечатанныя Аксаковымъ по тому или другому вопросу или даже случаю въ издававшихся имъ журналахъ, группируютъ эти статьи по отдѣламъ, и выпускаютъ большими, объемистыми томами. Одинъ такой томъ — третій по счету—лежитъ теперь передъ нами. Въ немъ собраны всѣ статьи Аксакова по польскому и еврейскому вопросамъ. Послѣднему удѣлено около одной четвертой части всего тома (стр. 685—844). Въ этой части заключаются всѣ статьи Аксакова по еврейскому вопросу, помѣщенные въ издававшихся имъ журналахъ: «День», «Москва» и «Русь» и обнимающія слишкомъ двадцатилѣтній періодъ времени—съ 1862 г. по 1883 г.

Статьи Аксакова по еврейскому вопросу въ свое время возбуждали самую оживленную, страстную полемику; каждая изъ нихъ вызывала ожесточенные споры, обсужденія на всѣ лады, возраженія или одобренія. Больше всего ими занималась русско-еврейская печать, въ которой, начиная съ «Сіона» покойнаго Соловейчика и кончая журналомъ, на страницахъ котораго печатаются сіи строки, каждая изъ статей Аксакова находила себѣ полную и, на нашъ взглядъ, справедливую оцѣнку *. То были

* Наиболее систематическимъ опроверженіемъ взглядовъ Аксакова на еврей-

отдѣльныя горячія сватки, въ которыхъ покойный публицистъ-юдофобъ игралъ роль наступательную, а еврейская печать—оборонительную. Теперь умолкла эта литературная брань—за смертью того, кто ее постоянно вызывалъ. И теперь-то именно, какъ намъ кажется, настало время для общаго обзора публицистической дѣятельности Аксакова по еврейскому вопросу и для безпристрастной, нелицепріятной оцѣнки этой дѣятельности. Собраніе дотолѣ разрозненныхъ его сочиненій въ одномъ изданіи представляетъ наиболѣе удобный для такой оцѣнки поводъ.

Задача нашей статьи слѣдующая: прослѣдить исторически генезисъ отношеній Аксакова къ евреямъ, свести всѣ его частныя воззрѣнія на еврейскій вопросъ къ нѣкоторымъ общимъ, основнымъ положеніямъ и подвергнуть краткому анализу эти основныя положенія.

Было время, когда отношенія Аксакова къ русскимъ евреямъ были совсѣмъ не такія, какими мы привыкли ихъ видѣть впоследствии. Такъ, командированный въ концѣ 50-хъ годовъ на югъ, (если не ошибаемся, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ), для изслѣдованія тамошняго экономическаго быта, Аксаковъ обнаруживалъ «Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ», въ которомъ признавалъ промышленную дѣятельность евреевъ весьма полезною и необходимою для развитія экономической жизни въ нашей южной окраинѣ. О когда-то пріязненныхъ отношеніяхъ Аксакова къ еврейству свидѣтельствуетъ также обнаруженное нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ газетахъ «открытое письмо» одной кишиневской дамы, г-жи М. К. къ редактору «Руси», нѣкогда лично ей знакомому, въ которомъ она упрекаетъ послѣдняго въ томъ, что онъ, высказывавшій самыя гуманныя воззрѣнія на еврейскій вопросъ въ концѣ 50-хъ годовъ, сталъ впоследствии въ самыя враждебныя къ евреямъ отношенія...

Эти отношенія выразились уже въ 1862 г. Въ одной изъ передовыхъ статей издававшейся тогда Аксаковымъ въ Москвѣ газеты «День»—статья помѣчена 16 февраля 1862 г.—обсуждается вопросъ: «слѣдуетъ-ли дать евреямъ въ Россіи законодательныя и административныя права?» Статья написана по поводу «новаго закона»—впоследствии, какъ извѣстно, весьма мало практиковавшагося—предоставлявшаго евреямъ, получившимъ дипломы на ученые степени доктора, магистра или кандидата, право поступленія

скій вопросъ слѣдуетъ считать двѣ статьи г. А. Л., помѣщенныя во «Внутреннемъ Обзорѣннѣ» июльской и августовской книжекъ «Восхода» за 1881 годъ.

на государственную службу по всѣмъ вѣдомствамъ. Аксаковъ, признавая этотъ законъ «вполнѣ милостивымъ и либеральнымъ», возстаетъ, однако, противъ допущенія евреевъ на службу «по всѣмъ вѣдомствамъ» и доказываетъ, что новый законъ «нельзя разумѣть безъ ограниченій». Еврей, — разсуждаетъ онъ, — никомъ образомъ не можетъ сдѣлаться оберъ-прокуроромъ св. синода—вѣдомства чисто религіознаго; нежелательно также, чтобы и правительствующій сенатъ и государственный совѣтъ «наполнились евреями». Последнее объясняется курьезнымъ «опасеніемъ, чтобы законодатель-еврей Моисеева закона не вздумалъ въ Россіи законодательствовать въ духѣ Моисеевомъ (стр. 689). Чувствуя, повидимому, всю шаткость подобнаго объясненія, Аксаковъ совершаетъ логическое *qui pro quo*: онъ передвигаетъ обсуждаемый вопросъ съ общественной, государственной почвы, на почву религіозную и разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Въ основаніи гражданскаго, государственнаго быта всѣхъ христіанскихъ народовъ лежатъ начала христіанской религіи и морали; еврей — элементъ враждебный христіанству, «отрицающій его идеалъ и кодексъ нравственности и исповѣдующій ученіе противоположное»; слѣдовательно, еврей, какъ общественный дѣятель въ странѣ христіанской, по необходимости вреденъ. Безусловная фальшивость этого силлогизма, развитіе котораго составляетъ главное содержаніе разсматриваемой нами статьи, сразу бросается въ глаза. Ложна большая посылка, будто современный *государственный* бытъ христіанскихъ народовъ основанъ всецѣло или хотя преимущественно на началахъ христіанской *религіи* *, —ложна потому, что кодексъ христіанства, какъ всѣмъ извѣстно, есть лишь кодексъ чистой, индивидуальной нравственности, но отнюдь не общественной и государственности; потому еще, что гражданскіе законы всей христіанской Европы заимствованы, какъ всѣмъ опять-таки извѣстно, изъ кодексовъ античнаго *языческаго* Рима; потому, наконецъ, что прогрессъ государственной и соціальной жизни, какъ показываетъ вся исторія XIX вѣка, вызванъ не соответствующимъ прогрессомъ религіозныхъ воззрѣній (какъ слѣдовало бы быть, по теоріи Аксакова), а, напротивъ, регрессомъ послѣднихъ, вызы-

---

* Вотъ собственные слова Аксакова по этому поводу: «Христіанство... указало особымъ начала для всего нравственнаго и духовнаго міра человѣка, а слѣдовательно—и общества, и на основаніи этихъ началъ пересоздало и пересоздаетъ бытъ частный, общественный, гражданскій, государственный, просвѣщеніе, науку, законодательство, отношенія людей между собою, однимъ словомъ— всю область человѣческой дѣятельности» (стр. 689).

ваущимъ искреннее сожалѣніе въ сердцѣ всякаго вѣрующаго... Невѣрна и малая послылка, будто еврея враждебны христіанству и «отрицають его идеаль нравственности»; ибо не могутъ же евреи отрицать тотъ идеаль нравственности, который преподаанъ имъ въ законѣ Моисея и пророковъ и который въ евангеліи лишь съ большею силою повторяется. Евреи могутъ не признавать нѣкоторыхъ догматовъ христіанства, но мораль его они считаютъ идеальнѣйшею и обязательною, такъ какъ эта же мораль изложена въ ихъ священныхъ книгахъ. Если такъ, если ложны обѣ послылки Аксакова, то по необходимости ложно и выводимое изъ нихъ заключеніе о вредности евреевъ, какъ элемента общественнаго.

Какъ ни шатки и ложны основныя теоретическія положенія Аксакова, онъ, однако, въ практическихъ выводахъ не доходитъ еще въ первыхъ своихъ статьяхъ во «Днѣ» до тѣхъ возмутительныхъ крайностей, до которыхъ дошелъ онъ впослѣдствіи, въ статьяхъ «Руси». Онъ требуетъ только ограниченія служебныхъ, «политическихъ» правъ евреевъ, но вполне стоитъ за гражданское уравненіе. «Мы никогда не враждовали съ евреями,—говоритъ онъ.—*Мы готовы желать, чтобы обезпечена была имъ полная свобода быта, самоуправленія, развитія, просвѣщенія, торговли; мы готовы даже желать допущенія ихъ на жительство по всей Россіи,*—но мы не можемъ желать для нихъ административныхъ и законодательныхъ правъ въ Россіи» (стр. 693). Ниже мы увидимъ, какая рѣзкая переиѣна къ худшему произошла во взглядахъ Аксакова на еврейство впослѣдствіи, какъ неистово потомъ отвергалъ онъ даже то, что утверждалъ въ началѣ своей публицистической дѣятельности...

Въ послѣдней статьѣ «Дня» по еврейскому вопросу, помѣченной «8 августа 1864 г.», Аксаковъ дошелъ въ религіозной постановкѣ этого вопроса до самыхъ крайнихъ выводовъ. Статья озаглавлена: «Что такое еврей относительно христіанской цивилизаціи?» и начинается слѣдующими характерными словами:

«Что такое «еврейскій вопросъ» въ Россіи, да и не въ Россіи только, а вообще въ христіанской Европѣ? Этотъ вопросъ состоитъ собственно въ томъ, какимъ образомъ заглушить тотъ диссонансъ, примирить то противорѣчіе, которое представляетъ существованіе еврейскаго племени среди христіанскаго общества,—т. е. племени, отрицающаго самую коренную основу христіанскаго общества (?), самыя его права на бытіе? Другими словами: какъ устроить отношеніе къ національности христіанскаго наро-

да—такой національности, которая все свое опредѣленіе находитъ только въ отрицаніи христіанства?.. Если бы евреи отступились отъ своихъ религиозныхъ вѣрованій и признали во Христѣ истиннаго Мессію, никакого бы еврейскаго вопроса не существовало» (стр. 698—99).

Вотъ прямая и откровенная постановка вопроса. Нигдѣ узкое, средне-вѣковое міросозерцаніе Аксакова не выразилось съ такою силою, какъ въ этомъ отрывкѣ, въ духѣ котораго написана вся статья. Еврей именно (а почему не магометанинъ?) въ христіанской средѣ кажется ему аномаліею; въ «обращеніи» евреевъ онъ видитъ все рѣшеніе еврейскаго вопроса. Онъ гнѣвно осуждаетъ такой средне-вѣковой взглядъ въ іезуитахъ, видѣвшихъ спасеніе русскаго народа въ обращеніи послѣдняго къ католичеству (см. первую часть разбираемаго нами тома), а между тѣмъ самъ же, не задумываясь, считаетъ такой взглядъ справедливымъ и даже единственно истиннымъ по отношенію къ евреямъ. Здѣсь онъ какъ бы умышленно совершаетъ упомянутую нами выше ошибку: смѣшиваетъ «догматъ» съ «моралю», и на томъ основаніи, что евреи не признаютъ *догмата* христіанства, постоянно утверждаетъ, что они не признаютъ и христіанской *морали*—«основы современнаго общества». Это—безусловно ложный навѣтъ на еврейство и на іуданизмъ, нравственная система котораго—какъ и вообще нравственныя системы всѣхъ религій: ислама, буддизма etc.—никогда не считалась противорѣчающею морали христіанской.

Этимъ воскрешеніемъ средне-вѣкового міросозерцанія завершается первый фазисъ дѣятельности Аксакова по еврейскому вопросу—дѣятельности его во «Днѣ». Во второй фазисъ его публицистической дѣятельности (во время изданія «Москвы», въ 1867 г.) еврейскій вопросъ переносится имъ уже съ религиозной на экономическую почву. Передовая статья газеты «Москва» отъ 15 іюля 1867 г. озаглавлена: «Не объ эманципаціи евреевъ слѣдуетъ толковать, а объ эманципаціи русскихъ отъ евреевъ». Это положеніе становится отнынѣ для него любимымъ конькомъ, съ котораго онъ уже не сходилъ при обсужденіи еврейскаго вопроса. Угнетены-де не евреи, а русскіе, христіане. «Одно изъ самыхъ привилегированныхъ племенъ въ Россіи—это несомнѣнно (?) евреи въ нашихъ западныхъ и южныхъ губерніяхъ»,—такъ начинается его статья. «Можетъ быть, покажется страннымъ,—прибавляетъ онъ,—что мы говоримъ о привилегированности племени, которое у насъ привыкли считать загнаннымъ и обиженнымъ и къ которому всякій, предъявляющій притязаніе на званіе гуманнаго и передового человѣка, виѣняетъ себѣ въ обязанность относиться съ особенною

симпатіей. Отчасти подъ влияніемъ этой несвободной симпатіи, а отчасти въ силу болѣе серьезныхъ и разумныхъ основаній, изданъ цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ, пролагающій для евреевъ путь къ совершенной равноправности... За исключеніемъ нѣкоторыхъ (?) еще остающихся ограниченій, евреи почти уже сравнены въ правахъ съ коренными русскими. Но, пользуясь такою равноправностью, евреи въ то же время образуютъ изъ себя особая еврейскія общества, имѣютъ свое отдѣльное, закономъ огражденное, еврейское самоуправленіе». На это-то послѣднее и нападаетъ Аксаковъ. Онъ осуждаетъ—и отчасти справедливо—выдѣленіе евреевъ изъ среды христіанъ во многихъ дѣлахъ общиннаго управленія, въ налогахъ (коробочный и свѣчной сборы); считаетъ также вреднымъ—и на этотъ разъ несправедливо, безъ знанія дѣла—существованіе особыхъ для евреевъ элементарныхъ и раввинскихъ училищъ; нападаетъ на «еврейскій религиозный фанатизмъ» (врачу, испѣлся самъ!) etc. Вообще, статья написана въ несвойственномъ Аксакову минорномъ тонѣ и логически не выдержана: начинается она съ общаго положенія и кончается совершенно побочными, частными положеніями, не имѣющими съ первымъ ничего общаго.

Но вотъ прошло 15 лѣтъ, впродолженіе которыхъ Аксаковъ вынужденно молчалъ, произошли первые южно-русскіе погромы, и славянофильскій публицистъ, уже въ качествѣ редактора «Руси», вновь выступилъ въ походъ противъ евреевъ. Подъ ужасающую музыку погромовъ, онъ ринулся въ бой, какъ солдатъ—подъ звуки военной музыки. Къ тому же онъ почувствовалъ, что въ атмосферѣ повѣяло чѣмъ-то инымъ, гармонирующимъ съ его исконными воззрѣніями... Въ 60-хъ годахъ онъ еще выказывалъ хоть нѣкоторое уваженіе къ гуманнымъ идеямъ, господствовавшимъ тогда въ обществѣ; теперь же, въ началѣ 80-хъ годовъ, онъ совсѣмъ снялъ съ себя неудобную узду гуманности и даже простой справедливости... Въ громовой статьѣ, озаглавленной «Либералы по поводу разгрома евреевъ» («Русь» отъ 6 іюля 1881 г.), онъ набрасывается на тѣ либеральныя газеты («Порядокъ», «Голосъ», «Заря» и пр.), которыя осмѣлились выказывать сочувствіе къ евреямъ по поводу постигшихъ ихъ несчастій. Аксаковъ видѣлъ въ погромахъ руку истящей народной Немезиды. Осуждая «кровавыя расправы», онъ въ душѣ считалъ ихъ вполне справедливыми и еврей твоемъ заслуженными, а погромщиковъ—людьми благородными, взявшими на себя нелегкій трудъ исполненія великой идейной задачи... Поэтому именно онъ старается доказать, что не было «избіенія» евреевъ,

что не было даже грабежа, а было только «безкорыстное» уничтоженіе еврейскаго добра, совершенное народомъ во имя идеи, подъ влияніемъ «справедливаго гнѣва». Поэтому же онъ и осуждаетъ «административную расправу» съ погромщиками—расправу, какъ извѣстно всѣмъ помнящимъ то время, болѣе чѣмъ снисходительную и по своей снисходительности давшую поощреніе къ новымъ погромамъ... Во всемъ Аксаковъ винить однихъ только евреевъ, еврейскую «эксплуатацію», еврейскій «гнетъ надъ русскимъ народомъ». Онъ повторяетъ свой боевой кличъ: «не объ эманципаціи евреевъ слѣдуетъ ставить теперь вопросъ, а объ эманципаціи русскаго населенія отъ еврейскаго ига; не о равноправности евреевъ съ христіанами, а о равноправности христіанъ съ евреями (?), объ устраненіи безправности (!) русскаго населенія передъ евреями!» (стр. 722). Въ чемъ же эта ужасная вредоносность евреевъ? Это Аксаковъ старается выяснитъ въ слѣдующей своей статьѣ «Иудаизмъ какъ всемірное явленіе» («Русь», 13 іюня 1881 г.).

Тутъ онъ выдвигаетъ въ бой всю свою тяжелую артиллерію—принципы, теоріи, историческія обобщенія. Ходъ его разсужденія въ общемъ такой. Въ исторіи человѣчества выступаютъ два міродержавныхъ племени: евреи и эллины; послѣдніе дали человѣчеству внѣшнюю культуру, первые же—истины вѣры и нравственности. Въ этомъ смыслѣ евреи были избраннымъ племенемъ. Но вотъ міровая миссія еврейства завершилась появленіемъ христіанства, «избранность» еврейскаго племени стала уже фактомъ прошлаго; евреи же и не думали прикнудить къ новой религіи, «они остались по ту сторону Голгофы», не захотѣли видѣть въ послѣдней исполненіе обѣтованія Вожьего. Съ тѣхъ поръ *отрицаніе христіанства*, враждебность къ нему, составляетъ будто бы существенную часть іудаизма—въ особенности талиудическаго. Евреи стали племенемъ, «которое весь *raison d'être*, всю причину своего бытія полагаетъ не въ націонализмѣ какомъ либо отличіи отъ прочихъ европейскихъ племенъ, а единственно въ вѣроисповѣданіи, т. е. (курсивъ въ подлинникѣ) *въ отрицаніи существенныхъ духовныхъ, историческихъ основъ современнаго христіанскаго общества и христіанской цивилизаціи*». «Такъ какъ семитическая идея,—разсуждаетъ далѣе авторъ,—заквашена огнемъ на началѣ *отрицанія*, то вселенское міродержавство евреевъ, которое несомнѣнно уже слагается, выражается и не можетъ иначе выразиться, какъ въ постепенномъ духовномъ подтачиваніи основъ существующаго христіанскаго міра и въ матеріальномъ надъ нимъ преобладаніи посредствомъ са-

мой грѣбовной, самой безнравственной изъ силъ—силы *денегъ*, иначе—въ *эксплуатаціи*». Вслѣдствіе этого, даже ассимиляція евреевъ съ христіанами вредна, ибо эти послѣдніе только «вгоняють въ себя внутрь ядь отрицанія». Препоны міродержавнымъ стремленіямъ еврейства можно ставить только усиленіемъ и умноженіемъ правовыхъ ограниченій; всякое же расширеніе ихъ правъ безусловно вредно, и вреднѣе всего было бы разселеніе евреевъ по всей Россіи, что Аксаковъ и доказываетъ въ особой статьѣ (отъ 20 іюня 1881 г.).

Всякій честно мыслящій человѣкъ займѣтъ, сколько жи и софизмовъ во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ. Оставимъ вопросъ о завершеніи миссіи іудазма появленіемъ христіанства, какъ вопросъ внутренней вѣры, не подлежащій обсужденію, и возьмемъ слѣдующее основное положеніе Аксакова, будто бы весь іудазмъ побиблейскій сводится къ «отрицанію всѣхъ основъ современнаго христіанскаго общества» etc. Тутъ двойная невѣрность. Во первыхъ, вся сущность іудазма заключается въ его *положительныхъ* началахъ, выраженныхъ въ св. писаніи, и столь же нелѣпо утверждать, будто сущность іудазма сводится къ отрицанію христіанства, какъ утверждать, что она сводится къ отрицанію ислама, буддизма etc. Всякая религія—и христіанство въ томъ числѣ—мнитъ себя единоистинною, а всѣ прочія ложными; но никто, конечно, не скажетъ, чтобы къ этому самонабѣнью сводилась *сущность* всякой религіи. Иначе, почему бы не сказать, что сущность христіанства—въ отрицаніи значенія «ветхозавѣтнаго» іудазма? На вторую грубую ошибку Аксакова мы уже указали выше: іудазмъ отрицаетъ—и отрицаніе это такая же несущественная, побочная у него черта, какъ во всѣхъ прочихъ не-христіанскихъ религіяхъ—не основы христіанскаго общества или *нравственности*, а только нѣкоторые *отвлеченные религиозные догматы*, не имѣющіе никакого касательства ни къ общественной, ни къ чисто-нравственной жизни, такъ что отрицаніе ихъ вовсе не мѣшаетъ братскому сближенію евреевъ съ христіанами въ общественномъ и гражданскомъ отношеніяхъ. Если это такъ, то само собою рушится обвиненіе евреевъ въ *минимомъ* стремленіи къ міродержавству посредствомъ «силы денегъ» или «эксплуатаціи», ибо, не имѣя никакихъ отрицательныхъ, анти-христіанскихъ стремленій и живя только въ силу *положительныхъ* идеаловъ своей вѣры, евреи не могутъ имѣть и какихъ бы то ни было общихъ отрицательныхъ задачъ; да и смѣшно говорить о какомъ-то коллективномъ, идейномъ стремленіи цѣлаго народа къ наживѣ, въ то время какъ намъ извѣстны тѣ обыденные,

естественные мотивы, которые заставляют всякую особь, без различія исповѣданія и племени, бороться за свое матеріальное существованіе. Практическую нелѣпость такого обвиненія доказалъ уже какъ нельзя болѣе обстоятельно упомянутый нами выше авторъ «Внутр. Обзор.» въ «Восходѣ» 1881 г., въ двухъ статьяхъ, написанныхъ во время появленія и по повсду разсматриваемыхъ нами статей Аксакова. Въ этихъ двухъ статьяхъ опровергаются, преимущественно на основаніи фактическихъ данныхъ и цифръ, всѣ прочія измышленія Аксакова: его возгласы о еврейской эксплуатаціи, отрицаніе имъ скученности евреевъ, мнѣніе о солидарности послѣднихъ, объ ихъ экономическомъ процвѣтаніи и пр. Обстоятельство это избавляетъ насъ отъ необходимости вновь пуститься въ разборъ всѣхъ этихъ аксаковскихъ измышленій и опровергать то, что было уже опровергнуто и сведено къ абсурду.

Въ №№ 46 и 47 «Руси» за 1881 г. были помѣщены статьи, составленныя по рукописи покойнаго Я. Брафмана его сыномъ, подъ общими названіемъ «Планъ преобразованія быта евреевъ». Въ этихъ статьяхъ рядомъ съ обычными и истертыми брафмановскими инсинуаціями, въ родѣ «хазакъ», «мааруфій», «гахлатъ» (?), «херема», «кагала» и «бетъ-дина», предлагаются нѣкоторыя, не лишеныя значенія мѣры для «преобразованія быта евреевъ», а именно: отмена законовъ, по которымъ евреи выдѣляются въ особые общества, въ особые податныя единицы, упраздненіе специальныхъ съ евреевъ сборовъ, уничтоженіе регламентаціи нѣкоторыхъ внутреннихъ сторонъ еврейскаго быта—торговли кошернымъ мясомъ, раввината и училищнаго дѣла (причемъ допускается, будто въ еврейскихъ учительскихъ институтахъ спеціально преподается талмудъ и готовятся въ духовные раввины). Аксакову эти статьи Брафмана, въ особенности «обвинительная» ихъ часть, были какъ разъ на руку. Съ забавною наивностью неосвященнаго, мнящаго себя знающимъ и въ сущности водимаго за носъ ловкимъ проходимцемъ, Аксаковъ восклицаетъ; «Что же другое значить предполагаемое расширеніе правъ евреевъ, какъ не порабощеніе всей остальной Россіи еврейскому «правовому порядку», юрисдикціи и власти кагаловъ, какъ не распространеніе за предѣлы нынѣшней еврейской осѣдлости благодѣній *гахлатовъ*, *мерони*, *хазакъ* и *херема*? Никакой другой точки зрѣнія въ разрѣшеніи еврейской задачи въ Россіи пока еще быть не могутъ... На всѣ разсужденія нашихъ юдофильствующихъ газетъ, на всѣ возгласы, бойкія и хлесткія, даже нѣсколько нахальныя рѣчи самихъ евреевъ въ ихъ періодическихъ изданіяхъ—мы отвѣчаемъ вопросомъ:

а галляты? а меронія? а казака? а херешъ? а кагалъ и беть-динъ?» (стр. 751). Эти строки, столь же смѣшныя по своей нелѣпности, сколь прискорбныя по вредному своему вліянію на невѣжественные умы, писались какъ разъ во время дѣйствія «губернскихъ комиссій по еврейскому вопросу», осенью 1881 года... Въ это именно и въ ближайшее затѣмъ время—время «Комитета по еврейскому вопросу» и изданія «временныхъ правилъ»—Аксаковъ особенно часто и настойчиво писалъ о евреяхъ. Въ январѣ 1882 г. онъ громитъ «еврейскую агитацію» (т. е. движеніе въ пользу разгромленныхъ русскихъ евреевъ) въ Англіи. Въ апрѣлѣ того же года, когда еще не затихъ гулъ кроваваго балтскаго погрома, онъ пишетъ громовую статью подъ заглавіемъ «Нормально-ли положеніе евреевъ на нашемъ западѣ и югѣ и ихъ отношеніе къ мѣстному населенію?» Здѣсь онъ приходитъ къ заключенію, что положеніе евреевъ ненормально не потому, что евреи больше всего отъ него страдаютъ (какое дѣло Аксакову до страданій «чужихъ?»), а лишь потому, что отъ него христіанское населеніе, будто бы угнетаемое евреями, страдаетъ. Весь еврейскій вопросъ сводится, по его мнѣнію, къ вопросу: «какимъ вѣрнѣйшимъ способомъ обезвредить евреевъ?» Въ эту ужасную для русскихъ евреевъ эпоху, у Аксакова хватаетъ духа порицать «расправу» (въ то время, къ сожалѣнію, мнѣнческую, какъ это доказалъ балтскій погромъ) администраціи съ погромщиками и писать такіа, напримѣръ, вещи: «Если не внушить народу увѣренность, что правительство окажетъ ему наконецъ энергическую защиту отъ еврейскаго гнета (?!), освободить его отъ закрѣпощенія еврейскому капиталу, то никакія угрозы не убѣдятъ его въ незаконности самоуправства»... «Нельзя не признать,—пишетъ онъ дальше,—что въ этомъ отношеніи дѣятельность г. министра внутреннихъ дѣлъ (гр. Игнатъева) заслуживаетъ искренней благодарности русскаго общества» (стр. 762). Въ концѣ своей статьи Аксаковъ приходитъ къ бессмысленному заключенію, что исключительные о евреяхъ законы суть только привилегіи для нихъ, и что отиѣны этихъ-то привилегій и опасаются евреи (стр. 771).

Чѣмъ больше увлекался Аксаковъ анти-еврейскою агитаціею, тѣмъ громче и смѣлѣе становился его голосъ, тѣмъ рѣзче звучали въ немъ ноты ненависти, фанатизма и грубой нетерпимости, которую онъ самъ въ другихъ случаяхъ энергично осуждалъ... Онъ почти радуется происшедшимъ осенью 1883 г. антисемитическимъ безпорядкамъ въ Венгріи, ибо видитъ въ нихъ подтвержденіе своей идеи объ универсальной вредности евреевъ. Какъ и въ южно-русскихъ погромахъ, онъ и здѣсь умышленно становится на

сторону преслѣдующихъ, вина во всемъ преслѣдуемыхъ и гонимыхъ и противорѣча такимъ образомъ въ поступкахъ тому христіанскому, евангельскому идеалу, который онъ постоянно превозносилъ на словахъ и во имя котораго поносилъ еврейство... Рѣзкія и возмутительныя выраженія встрѣчаемъ мы въ статьѣ, написанной по этому поводу («Русь», 15 сентября 1883 г.) и озаглавленной: «О томъ, какъ бы обезвредить евреевъ для христіанскаго народонаселенія». «Въ концѣ концовъ отъ всѣхъ нашихъ анти-еврейскихъ безпорядковъ въ выигрышъ остались пока одни евреи. Къ іудаизму и власти (не въ лицѣ-ли «временныхъ правилъ»?) и общества (не на страницахъ-ли большей части газетъ?) отнеслись какъ къ угнетенной невинности, и теперь эта невинность ликуетъ и мститъ, воображая себя подъ особымъ правительственнымъ покровомъ». Что сказать о чловѣкѣ, писавшемъ такіа возмутительныя слова въ пору всеобщей смуты среди русскихъ евреевъ, когда они безъ оглядки покидали свои родимыя пепелища и тысячами спасались за границу, куда ихъ гнали и страхъ, и невыносимая нужда? Нападая дальше на «либеральную» печать, которая, осуждая русскихъ кулаковъ, не осуждаетъ какъ таковыхъ и евреевъ, Аксаковъ восклицаетъ: «Ибо что же такое евреи, за немногими личными исключеніями, какъ не цѣлая огромная организація и религіозная секта кулаковъ, у которой нѣтъ и другой задачи, другого промысла въ жизни, какъ кулачествовать въ средѣ христіанскаго населенія?» (стр. 781). Бросивъ такимъ образомъ цѣлому племени недобросовѣстный укоръ въ «кулачество», Аксаковъ продолжаетъ: «Неправое стязаніе—вотъ что вызываетъ гнѣвъ русскаго народа на евреевъ, а не племенная и религіозная вражда... Въ наше время не можетъ быть и рѣчи о средневѣковой религіозной нетерпимости» и т. д. (стр. 782). А между тѣмъ самъ же Аксаковъ, какъ мы видѣли выше, постоянно утверждалъ, что вся ненормальность положенія русскихъ евреевъ заключается въ ихъ религіи, въ ихъ «отрицаніи основъ христіанства», и что съ обращеніемъ ихъ къ христіанству еврейскій вопросъ былъ бы окончательно рѣшенъ (ср. послѣднюю статью «Дня», стр. 708). Что же касается «невозможности въ наше время религіозной нетерпимости», то Аксаковъ личнымъ своимъ примѣромъ блестяще доказалъ прямо-противуположное.

Какъ бы стараясь противорѣчить себѣ самому, Аксаковъ самъ же въ слѣдующихъ своихъ статьяхъ въ «Руси» переставляетъ еврейскій вопросъ съ экономической почвы на религіозную. Вновь выдвигаются старыя, истрепанныя обвиненія противъ талмуда, какъ *соціально-экономическаго* кодекса ев-

реевъ,—обвиненія, подкрѣпляемыя ходячими въ юдофобской печати подложными ссылками и смѣшными, исковерканными цитатами изъ талмудическихъ и раввинскихъ книгъ (ст. «О талмудѣ» въ «Руси» отъ 15 октября 1883 г.). Отъ евреевъ требуется «торжественное, всенародное отреченіе» отъ талмуда, какъ «экономическаго» кодекса—и «тогда только,—увѣряетъ Аксаковъ,—настанетъ время толковать объ уничтоженіи законодательныхъ различій между евреями и христіанами и объ ихъ безусловной гражданской равноправности». А между тѣмъ въ статьѣ, напечатанной не далѣе какъ двумя недѣлями раньше, Аксаковъ старается доказывать необходимость «ставить препятствія наплыву евреевъ въ общія учебныя заведенія (ибо «евреи, превращаясь въ культурный слой, становятся еще вреднѣе»), т. е. стремятся къ умноженію законодательныхъ ограниченій, упраздненіе которыхъ обѣщаетъ—лишь только еврей отречется отъ своихъ «предразсудковъ» и такимъ образомъ приблизится къ общеевропейской культурѣ. Тутъ онъ очевидно запутывается въ собственныхъ противорѣчіяхъ, вовсе, однако, не показывая виду, что замѣчаетъ эти противорѣчія.

Конецъ публицистической дѣятельности Аксакова по еврейскому вопросу ознаменовался крупнымъ литературнымъ скандаломъ. Желая доказать излюбленную свою идею о стремленіи евреевъ къ міродержавству и о важной «политической» роли «Alliance Israélite Universelle», онъ ухватился за напечатанное въ то время, въ поворной и жалкой газеткѣ «Antisémitique», подложное «воззваніе» Кремье и перепечаталъ его цѣликомъ въ «Руси» въ сопровожденіи многочисленныхъ комментаріевъ (въ № отъ 1-го ноября 1883 г.). Аксаковъ торжествовалъ: его мнѣнія о еврействѣ подтверждены были «подлиннымъ» (какъ онъ полагалъ или старался другихъ увѣрить) историческимъ документомъ. Но не долго длилось его торжество. Въ еврейской печати немедленно узванъ былъ и указанъ подлогъ, указано, что документа, помѣщеннаго въ «Antisémitique» и перепечатаннаго «Русью», никогда не существовало, и что онъ есть лишь плодъ гнусной фальсификаціи, совершенной редакціею французскаго антисемитическаго листка. «Недѣльная Хроника Восхода», для окончательнаго доказательства подлога, напечатала *подлинный* французскій текстъ официальнаго циркуляра, обнародованнаго «Аллиансомъ» при его открытіи, а также и *подлинный* текстъ французской рѣчи Кремье, произнесенной имъ при избраніи его въ предсѣдателя «Аллианса». Спустя нѣкоторое время появился также, въ общихъ газетахъ, *официальный* протестъ отъ имени комитета «Alliance Israélite» противъ подложнаго документа, выдуманнаго

«Antisémitique». Не смотря на то, что на этотъ разъ Аксаковъ былъ припертъ къ стѣнѣ, онъ тѣмъ не менѣе не рѣшился публично раскаться въ своей ошибкѣ и продолжалъ упорствовать, хотя не столь настойчиво, какъ прежде, въ идеяхъ, концы подложный документъ долженствовалъ служить подтвержденіемъ. Въ одиномъ мѣстѣ онъ даже какъ-бы сознается въ своемъ фактическомъ заблужденіи *, но не хочетъ сознаться въ своихъ заблужденіяхъ принципиальныхъ, идейныхъ. Въ статьѣ, написанной по поводу возраженій еврейской печати, Аксаковъ вновь возвращается къ своей излюбленной религіозной постановкѣ еврейскаго вопроса, съ которой онъ началъ свою дѣятельность въ «Днѣ». Статья кончается слѣдующими словами: «Современное еврейство какъ вѣроученіе—анахронизмъ; не прогрессъ, а регрессъ, отрицаніе всего духовнаго историческаго движенія девятнадцати столѣтій... И въ то же время, какую высоту и силу духа могло бы явить это удивительное, столь богато одаренное племя, еслибъ оно не загрузило для истины, еслибъ способно было совлечь съ себя ветхаго человѣка и облечься въ новаго, обновляемаго въ разумъ Христовъ!» (стр. 843). Это миссіонерское *pium desiderium* было лебединою пѣснью Аксакова, какъ публициста по еврейскому вопросу. Больше онъ уже по этому вопросу не писалъ, за исключеніемъ коротенькой замѣтки (въ «Руси», отъ 15 декабря 1883 г.) по поводу протеста «Alliance Israélite».

Теперь, послѣ аналитическаго обзора дѣятельности Аксакова по еврейскому вопросу, не трудно свести всѣ его воззрѣнія къ нѣкоторымъ основнымъ, принципиальнымъ положеніямъ—или, точнѣе, заблужденіямъ. Первое коренное заблужденіе Аксакова состоитъ въ *дѣленіи русскихъ подданныхъ на коренныхъ и чужихъ, на хозяевъ и на гостей*, и въ положеніи, что государство должно пецись лишь объ интересахъ «коренныхъ» своихъ подданныхъ и ради послѣднихъ всячески стѣснять «чужихъ», «гостей». Это—гибельное предубѣжденіе, не оправдываемое ни исторією, ни разумомъ, ни совѣстью. *Исторія* до сихъ поръ не установила такого твердаго принципа, въ силу котораго славянъ, напримѣръ, можно признать коренными жителями Россіи, а евреевъ, связанныхъ многовѣковою историческою жизнью съ русскою почвою—чужими, гостями, пришельцами. *Разумъ* протестуетъ противъ такого дѣленія во имя правъ чело-

* «Мы,—говоритъ онъ въ статьѣ «Руси» отъ 1-го декабря 1883 г.,—и придали значеніе этому такъ называемому «манifestу» (Кремль) только потому что онъ, какъ мы выразились, дословно подтверждаетъ и подчеркиваетъ сужденія объ еврействѣ, высказанныя нами самими» (стр. 830).

вѣка, во имя священнаго принципа равенства, въ силу котораго всѣ граждане должны быть равны передъ закономъ, всѣ члены государства должны быть уравнены и въ своихъ обязанностяхъ и въ своихъ правахъ. *Состытъ* возмущается подобнымъ раздѣленіемъ человѣческихъ существъ на сыновъ и пасынковъ отечества, на покровительствуемыхъ и не покровительствуемыхъ, ибо во имя такого начала могутъ быть совершаемы самыя ужасныя жестокости, можетъ быть узаконяема самая безчеловѣчная нетерпимость. Дѣйствительно, во всякой странѣ законъ могъ бы на этомъ основаніи поставить внѣ своего покровительства множество гражданъ, не принадлежащихъ согласно извѣстному мѣрилу къ числу «коренныхъ»: ино-вѣрцевъ, иноплеменниковъ, иностранцевъ. Тогда водворился бы такой порядокъ, который сдѣлалъ бы невозможною правильную гражданскую и международную жизнь. А между тѣмъ, такой порядокъ вещей рекомендуется вѣдь Аксаковымъ по отношенію къ русскимъ евреямъ и отчасти вѣдь этотъ порядокъ вещей существуетъ. Русскій законъ покровительствуетъ *русскимъ* евреямъ не только меньше, чѣмъ «кореннымъ» подданнымъ, но даже меньше чѣмъ иностранцамъ, ибо послѣдніе имѣютъ право повсемѣстнаго жительства и промысла въ Россіи, между тѣмъ какъ русскіе подданные-евреи лишены этого права.

Второе коренное заблужденіе Аксакова заключается въ *религіозной постановкѣ еврейскаго вопроса*. Вслѣдствіе своихъ славянофильскихъ и церковныхъ воззрѣній, онъ не могъ призвенно смотрѣть на евреевъ, какъ на народъ не только не-православный, но и не-христіанскій. Онъ старался доказать, что евреи составляютъ аномалію въ христіанскомъ обществѣ потому, что они будто бы «отрицаютъ всѣ начала христіанскаго общественнаго строя». Ложность этого взгляда мы уже доказали выше. Мы выяснили, что евреи отрицаютъ не нравственные и общественные идеалы христіанства, общіе послѣднему съ иудаизмомъ, а лишь нѣкоторые догматы церковные, не имѣющіе ничего общаго ни съ индивидуальной, ни съ общественною нравственностью, а потому не могущіе мѣшать сближенію разновѣрующихъ во всѣхъ областяхъ соціальной и гражданской жизни.

Религіозная постановка еврейскаго вопроса часто смѣняется у Аксакова *экономическою постановкою*—и въ характерѣ послѣдней заключается третье основное заблужденіе Аксакова. Ставя еврейскій вопросъ на почву экономическую, онъ произвольно допускалъ, что отъ нынѣшняго порядка вещей въ чертѣ осѣдлости страдаетъ только русскій народъ;

евреи же, объекты всѣхъ законодательныхъ ограниченій, не только не страдаютъ отъ нихъ, но даже блаженствуютъ и находятъ какъ бы въ «привилегированномъ» положеніи. Онъ то и дѣло твердить, что нужно «освободить русское населеніе отъ экономическаго порабощенія еврейскіхъ», умышленно закрывая глаза на то, бросающееся въ глаза явленіе, что евреи *непосредственно* и больше всѣхъ страдаютъ отъ тяготѣющихъ надъ ними ограничительныхъ законовъ, и что русское населеніе, если и страдаетъ, то лишь *посредственно* и не отъ евреевъ, а именно отъ дѣйствія этихъ законовъ, увеличивающихъ скученность и усиливающихъ борьбу за существованіе. Да! Это не только заблужденіе, но и возмутительная несправедливость со стороны покойнаго писателя! Онъ видѣлъ страданія русской массы, но не видѣлъ и не хотѣлъ видѣть гораздо большихъ страданій скученной, сдавленной въ «чертѣ» массы еврейской. Къ нему доносились вопли «деревни», но, затыкая уши, не хотѣлъ онъ слышать тѣхъ ужасающихъ воплей бѣдствующаго городского пролетаріата, который въ «чертѣ осѣдлости» состоитъ почти исключительно изъ евреевъ. Положеніе еврейскаго пролетарія гораздо хуже самаго бѣдственнаго положенія сельскаго крестьянина: послѣдній имѣетъ хоть почву подъ собою, хоть сколько нибудь землицы, которая обезпечиваетъ насущнѣйшія его потребности; первый же—пролетарій-еврей—совершенно оторванъ отъ почвы, не имѣетъ никакой точки опоры, живетъ на авось изо дня въ день, мечется туда и сюда, ища хлѣба, котораго часто не находятъ—и его-то борьба за существованіе сокрушаетъ и безпощадно ломаетъ. Ограничительные законы закрываютъ передъ нимъ такія мѣста, гдѣ борьба за существованіе не такая отчаянная и ожесточенная, какъ въ «чертѣ», такіе промыслы и занятія, гдѣ конкуренція не такъ сильна, какъ въ предоставленныхъ имъ родахъ занятій. Всего этого не хотѣлъ видѣть Аксаковъ. Да и какое ему было дѣло до бѣдственнаго положенія «чужихъ», «гостей», пришлецовъ? Людей нужно, по его мнѣнію, дѣлить на «коренныхъ» и «некоренныхъ»: первымъ законъ долженъ всячески покровительствовать, послѣднихъ же всячески стѣснять; страданія первыхъ должны встрѣчать сочувствіе и участіе, страданія же послѣднихъ не должны быть принимаемы во вниманіе. Такъ разсуждали во всѣ вѣка защитники неравенства между людьми, защитники рабства и безправія громадныхъ человѣческихъ массъ. Такъ въ сущности разсуждалъ и Аксаковъ, не сознаваясь, однако, въ этомъ и прикрывая свои негуманныя воззрѣнія лоскомъ гуманности, искренности и терпимости...

Такия прегрѣшенія противъ разума и совѣсти не прощаются. Нелицеприятный судъ исторіи произнесетъ безусловно обвинительный приговоръ надъ тѣмъ, кто пользовался своимъ умомъ, даромъ слова и вліяніемъ на людей для того только, чтобы отягощать страданія уже страдающихъ и возбуждать ненависть къ уже ненавидимымъ, преслѣдуемымъ и гонимымъ...

Критикусь.

ДВѢ СТРАНИЦЫ БЫЛАГО.

(Всеобщая Исторія Георга Вебера, т. III и IV, переводъ Андреева, изд. К. Т. Солдатенкова).

Въ предисловіи къ третьему тому своего фундаментальнаго труда Веберъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Во мнѣ не было того, чтобы я съ упрямымъ консерватизмомъ хотѣлъ идти избитыми путями устарѣлыхъ воззрѣній», «я никогда не терялъ изъ вида существенную цѣль моей работы: при изложеніи исторіи отдѣльныхъ народовъ и государствъ постоянно держаться всемірно-исторической точки зрѣнія и принимать, какъ историческую истину, только тѣ результаты изслѣдованій, которые представляются сообразными съ общимъ естественнымъ ходомъ развитія человѣчества». Не идти избитыми, торными путями—это задача, осилить которую не всегда способны даже многосторонніе и объективные умы. Для этого требуются, прежде всего, умъ свободный отъ всякой рутинны, способность и умѣнье видѣть вещи сквозь длинную историческую перспективу въ ихъ подлинномъ видѣ, требуется, однимъ словомъ, оригинальный духъ, который не дается никакою многосторонностью, никакою эрудиціей. При всемъ глубокомъ уваженіи, которое внушаетъ къ себѣ колоссальный трудъ, подъятый ученымъ нѣмецкимъ историкомъ, мы не можемъ, однако, не отмѣтить, что оригинальность не есть самая выдающаяся черта его историческаго письма. Объективное, нерѣдко весьма доказательное, солидное изложеніе, неистощимый запасъ фактовъ, фактовъ, фактовъ безъ конца—вотъ собственно то, что составляетъ яркую и привлекательную особенность «Всемирной Исторіи» Вебера. Нѣмецкій историкъ, вѣрный идеализму первыхъ десятилѣтій настоящаго вѣка, говоритъ, какъ мы видѣли, о необходимости одной «всемірно-исторической» точки зрѣнія, признающей достоверными результаты только тѣхъ историческихъ изысканій, которые сообразны съ естественнымъ ходомъ человѣчества; но вы напрасно стали бы искать

въ обзорѣваемыхъ томахъ «Всемірной Исторіи» оправданія, объясненія этихъ ученыхъ desiderata. Да и самое содержаніе «всемірно-исторической» точки зрѣнія, равно какъ и признаки естественнаго хода человѣчества, остаются какъ будто покрытыми густымъ, мистическимъ туманомъ—ученныя способности добросовѣстнаго нѣмецкаго историка пасуютъ предъ задачею, превышающей обыкновенныя человѣческія силы. Тѣмъ не менѣе, «Всеобщая Исторія» Георга Вебера, какъ мы уже имѣли случай говорить на страницахъ «Восхода», въ виду своихъ *документальныхъ*, такъ сказать, богатствъ, заслуживаетъ самой широкой популярности.

Въ обихъ лежащихъ предъ нами томахъ, Веберъ удѣляетъ мѣсто исторіи евреевъ, — въ третьемъ томѣ: исторіи евреевъ при Ассиреяхъ и религиозному распаденію народа израильскаго, въ четвертомъ: окончательному политическому паденію Іудей. Мы считаемъ не безплоднымъ, подъ авторитетнымъ руководствомъ нѣмецкаго историка, подчеркнуть отдѣльные моменты его разсказа и прежде всего тѣ изъ нихъ, о которыхъ говорится въ III т. Известно, что Іудея, Финикія и нѣкоторыя другія области, получившія въ разсматриваемую эпоху слитное имя Палестины, долго были предметомъ войнъ между Птолемеями и Селевкидами. Вовсе не удивительно, что обѣ династіи дорожили этой страной: Палестина—естественный путь, прямая дорога изъ Азіи въ Африку. Послѣ смерти Антигона, Палестина оволо ста лѣтъ оставалась египетскимъ владѣніемъ. Первые Птолемеи держали ее въ повиновеніи при помощи воинственныхъ арабовъ, но оставляли неприкосновенными бытовыя и теократическія учрежденія іудейскаго народа. Подати, судебныя штрафы, дань съ первосвященника въ размѣрѣ двадцати талантовъ ежегодно—аккуратно поступали въ ихъ казну, а имъ большаго и не нужно было. Въ Александріи іудей составляли двѣ пятыхъ части всего населенія. Въ Киренѣ и другихъ городахъ Пентаполя ихъ жило тоже не малое количество. Образовывая самостоятельныя, организованныя общины, съ своими правителями и судьями, съ своими священно- и церковнослужителями, со своими учителями и проповѣдниками, еврейколонисты не смѣшивались съ язычниками и пользовались большимъ уваженіемъ за свое богатство. Но куда бы судьба, или расчетъ ни занесли іудея того времени, онъ всегда оставался духовно соединеннымъ съ своею родною страной, съ іерусалимскимъ храмомъ, откуда исходилъ лучезарный свѣтъ истинной вѣры и морали, откуда «исходилъ законъ истиннаго Бога». Въ іерусалимскій храмъ, какъ въ метрополию религиозной жизни, должны были стекаться подати и дары всего Израиля, съ помощію коней перво-

священникъ Симонъ имѣлъ средства возстановить разрушенныя стѣны Іерусалима, исправить сооруженія, поддерживавшія фундаментъ храма, сдѣлать для храма новый большой бассейнъ. Не даромъ Сирахидъ (авторъ извѣстныхъ притчъ) прославляетъ своего дѣда въ слѣдующихъ патетическихкихъ словахъ: «Какъ величественъ былъ онъ среди народа при выходѣ изъ завѣсы храма! Какъ утренняя звѣзда среди облаковъ, какъ луна, полная во дняхъ, какъ солнце, сіяющее надъ храмомъ Всевышняго, и какъ радуга, сіяющая въ величественныхъ облакахъ, какъ цвѣтъ розъ въ весенніе дни, какъ лиліи при источникахъ водъ... Когда онъ принималъ жертвенныя части изъ рукъ священниковъ, стоя у огня жертвенника, вокругъ его былъ вѣнецъ братьевъ, какъ отрасли кедра на Ливанѣ, и они окружали его, какъ финиковыя вѣтви» (стр. 315). Однако, при сынѣ Симона, Оніи, сирійцы подвергли іерусалимскій храмъ оскверненію, а при сынѣ Оніи въ Египтѣ возникъ другой центръ бого- и священнослуженія. Въ одномъ изъ городовъ Дельты, Леонтополѣ, въ виду усиленныхъ гоненій сирійцевъ на іудеевъ, былъ сооруженъ храмъ Іеговы, который нѣкоторое время соперничалъ съ іерусалимскою святынею. Въ это время греческій языкъ сталъ сильно распространяться между іудеями, особенно въ Египтѣ, что породило литературу, писанную на особомъ, нѣсколько своеобразномъ греко-іудейскомъ нарѣчій. Раньше всего было переведено Пятикнижіе, а потомъ, въ послѣднія столѣтія до христіанской эры, постепенно переведены и остальные книги ветхаго завіта разными переводчиками, труды которыхъ, по справедливому замѣчанію Вебера, имѣютъ очень неодинаковое ученое и стилистическое достоинство. Такимъ образомъ и составилъ знаменитый Переводъ Семидесяти, который египетскіе евреи цѣнили не ниже подлинника и который съ теченіемъ времени даже вытѣснилъ сей послѣдній. Нельзя сказать, чтобы Переводъ Семидесяти былъ свободенъ отъ всякой предвзятой тенденціи. Нерѣдко въ немъ довольно явно проглядываетъ желаніе сдѣлать священныя еврейскія книги повятными и доступными интеллигентной греческой публикѣ, нѣсколько нивелировать, при помощи аллегорическихкихъ фигуръ и поэтическихкихъ троповъ, философское міросозерцаніе священнаго писанія въ угоду эллинскимъ воззрѣніямъ и доктринамъ. Не всегда эти старанія бывали удачны, но они интересны въ качествѣ письменныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ о существовавшей потребности ассимилироваться съ высокою, хотя и чуждою для іудейскаго народнаго характера, культурою грековъ. И въ то время, какъ въ Египтѣ дѣлались эти, во всякомъ случаѣ интересныя попытки

къ объединенію двухъ культуръ путемъ литературнымъ, въ Іудеѣ литература замыкается въ узкія рамки сухой, школьной учености, отдается безплодному крохоборству въ области канонической и юридической казуистики, словошь—получаетъ ту типическую окраску, которая извѣстна подъ именемъ раввинизма. Живая умственная мысль, свободное литературное творчество точно переселились изъ Іудеи въ Египетъ. На греческій языкъ, вслѣдъ за появленіемъ Перевода Семидесяти, переводятся и лучшія произведенія позднѣйшей палестинской литературы. Апокрифы, какъ извѣстно, дошли до насъ только въ греческомъ переводѣ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что если не всё, то многіе изъ нихъ были первоначально написаны на еврейско-арамейскомъ нарѣчій. Безъ опасенія впасть въ ошибку можно сказать, что самая погибель подлинниковъ нѣкоторыхъ книгъ ветхаго заветъ свидетельствуетъ о томъ, что знаніе родного языка очень слабѣло между іудеями, жившими въ чужихъ странахъ. Однако, между іудейскими идеалами и греческими все-таки лежала глубокая пропасть, которая не только не суживалась, но даже расширялась по мѣрѣ того, какъ соприкосновенія между двумя націями учащались. Въ результатъ не могли не получиться полное взаимное недоверіе и ненависть властителей къ подвластнымъ. Этотъ новый поворотъ проявился особенно рѣзко при развратномъ и жестокомъ Птоломѣ IV Филопаторѣ, вовсе не склонномъ къ той системѣ гуманности и терпимости, которой придерживались его «сентиментальные» предшественники. Этотъ жестокой египетскій царь, напомнившій іудеямъ давно-давно минувшія времена до-историческихъ фараоновъ, однимъ мановеніемъ тиранической руки сокрушилъ все то, что потомъ, трудомъ и долголѣтними усиліями возводилось въ новомъ центрѣ еврейской колонизаціи. Онъ заключилъ въ оковы вліятельнѣйшихъ іудеевъ, святотатственно и дерзко вошелъ въ святилище храма, на зло Моисееву закону, и обременилъ народъ невѣроятными налогами. При такой нѣсколько неожиданной реакціи, воздвигнутой съ высоты египетскаго престола, іудеи не могли не возненавидѣть египетское владычество и обратить свои симпатіи на Селевкидовъ, давно уже мечтавшихъ завоевать Палестину. Антиохъ III нашелъ для себя въ Іудеѣ готовую почву. Однако, надежды іудеевъ не оправдались. Онъ пуце Птолемея Филопатора сталъ угнетать ихъ налогами и всяческими притѣсненіями, а одинъ изъ послѣдующихъ царей, братъ и преемникъ Селевка, Антиохъ Епифанъ задумываетъ совершенно упразднить служеніе Іеговъ, замѣнивъ его греческимъ культомъ. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, Іудея лучше другихъ областей могущественнаго и сильнаго тирана? Притомъ же

Антиохъ находилъ для своей разрушительной дѣятельности даже нѣкоторое нравственное оправданіе. Въ самомъ іудействѣ существовала партія, которая, изъ преданности эллинизму, не гнушалась позорной роли пособницы антиоховскихъ исполнительныхъ чиновниковъ. При помощи усердныхъ сателлитовъ изъ среды іудеевъ, ему, Антиоху, удалось въ концѣ концовъ привести въ исполненіе многіе изъ своихъ по-истинѣ адскихъ замысловъ.

Таковы краски, которыми нѣмецкій историкъ пишетъ одну изъ глубоко-печальныхъ страницъ былого. Въ томъ же ровномъ, спокойномъ стилѣ Веберъ передаетъ намъ исторію возстанія Маккавеевъ, на которой мы останавливаться не будемъ. Мы попросимъ вниманія нашихъ читателей еще къ двумъ только страницамъ III-го тома, весьма любопытнымъ и интереснымъ, на которыхъ Веберъ пытается дать краткую характеристику тремъ извѣстнымъ партіямъ: саддукеямъ, фарисеямъ и ессеямъ. Къ сожалѣнію, характеристика эта, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ ея строкахъ, которыя посвящены обрисовкѣ фарисеевъ, не отличается ни свѣжестью, ни оригинальностью. Это та обычная, шаблонная характеристика, для которой есть только одно основаніе—неповѣренное и неосвѣщенное историческою критикою преданіе. Надо думать, что еще не настало время для извѣстной исторической *откровенности*, безусловно необходимой при изображеніи нравственной фізіономіи фарисеевъ. Если бы эта откровенность была признана необходимой, мы, безъ сомнѣнія, получили бы объ этой партіи лучшее представленіе, чѣмъ то, которымъ пока вынуждены пробавляться. Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что нѣмецкій историкъ, подходя къ той исторической перспективѣ, въ которой должно изучать окружавшія возникновеніе христіанства явленія, не вооружается никакими другими средствами, кромѣ упомянутаго преданія. Въ этомъ убѣждаетъ насъ, какъ мы уже сказали, сдѣланная имъ характеристика фарисеевъ, которая буква въ букву, слово въ слово походитъ на тѣ многочисленныя трюизмы, которыхъ, увы! такъ много въ обширныхъ складахъ ученой непроницательности. Что же касается саддукеевъ и ессеевъ, то они, какъ это увидитъ читатель, изображены если и не оригинально, то и безъ всякихъ погрѣшностей: согласно установившемуся о нихъ представленію. «Когда возстановлено было служеніе Іеговѣ,—читаемъ мы на страницѣ 236,—и прекратились преслѣдованія отъ (?) язычниковъ, прежнее дѣленіе народа на партіи эллинистовъ, принимавшихъ греческіе обычаи, и вѣрныхъ старинѣ хасидеевъ замѣнилось дѣленіемъ на саддукеевъ и фарисеевъ, имѣвшихъ нѣкоторое, но не очень близкое родство съ прежними партіями; борьбою этихъ партій

характеризуется время, предшествовавшее возникновению христіанства». Но кто были саддукеи? Это были люди знатнаго и богатаго сословія, чуждые слишкомъ узкой національной исключительности, желавшіе привести іудейскія понятія и обычаи въ нѣкоторое согласіе съ греческими. Постоянное соприкосновеніе съ греческою культурою и римскимъ могуществомъ,—говорить Веберъ,—выработало въ нихъ правила политическаго благоразумія: они желали оградить государство отъ бѣдъ построеніемъ крѣпостей, организаціей хорошаго войска и союзами. Саддукеи были оппортунистами своего времени. Для спасенія страны они готовы были прибѣгнуть ко всяческимъ компромиссамъ и такимъ средствамъ, которыя фарисеи хулили безбожными и противными завѣту Моисееву. Будучи реалистами *par excellence*, саддукеи вовсе игнорировали надежды на пришествіе Мессіи (въ одномъ источникѣ христіанскаго богословія о нихъ нѣтъ такая фраза: *саддукеи, иже глаголютъ не быти воскресенію*) и «отвѣчали на вопросы о будущемъ холодною ссылкой на Пятикнижіе Моисеево, чуждое фантастическихъ ученій фарисейской теологіи» (стр. 326). Они были партией духовныхъ аристократовъ, владычествовавшей въ синедрионѣ. Не будучи призваны быть глашатаями, трибунами, они чуждались народныхъ торжищъ — центромъ саддукейства былъ іерусалимскій храмъ.

Кто же были фарисеи? Это были тѣ, — говоритъ Веберъ, — которые «стремились точнымъ соблюденіемъ религіозныхъ обычаевъ охранить израильскій бытъ отъ иноземныхъ вліяній» (*ibid*). Фарисейство было не партией, или особою школою, это было выраженіе настроенія, овладѣвшаго еврейскимъ народомъ при Асмонеяхъ и при династіи Ирода. Фарисейство пускало повсюду корни: въ женщинахъ, впечатлительныхъ къ событіямъ минуты, въ молодежи, во всей массѣ народа, не способной къ историческимъ обобщеніямъ. Девизъ фарисейства—«оградить законъ». Оградить законъ—это значитъ стѣснять свободу вашихъ дѣйствій, связать васъ по рукамъ и ногамъ цѣлою сѣтью мелочныхъ правилъ, исполненію которыхъ придается большое значеніе. Но зачѣмъ, спрашивается, вся эта тяжелая формалистика? Эта формалистика только средство подготовить себѣ мѣсто въ томъ мірѣ, который фарисеи, по преувеличенными словамъ нѣмецкаго историка, умѣли рисовать самыми яркими красками, воспламенявшими и разгорячавшими пылкою фантазію народа. Въ подаваніяхъ, молитвахъ, жертвоприношеніяхъ, омовеніяхъ, очищеніяхъ и проч. приверженцы фарисейства искали духовнаго спасенія. Весь этотъ сложный ритуаль, со всѣми его безконечными и запутанными церемоніями,

долженъ былъ служить какъ бы подготовительною, дисциплинирующей школою самоограниченія въ эпоху, когда Дамокловъ мечъ вражды и ненависти не разъ опускался на самыя святыя преданія святой старины. Но на этомъ фарисейство, однако, не остановилось. Вскорѣ «по расчетамъ властолюбія, по сознательнымъ или бессознательнымъ влеченіямъ эгоизма, фарисеи сдѣлали благочестіе техническимъ искусствомъ, ремесломъ и, какъ спеціалисты этого ремесла, владычествовали надъ мыслями народа. Они носили на себѣ знаки отличія отъ простыхъ людей, напримѣръ, на рукавъ и на шею свернутые маленькими свитками лоскутки, на которыхъ были написаны исповѣди закона, и старались привлекать къ себѣ народъ благочестивою внѣшностью» (стр. 327). Такими были фарисеи, по изображенію Вебера. Читатель уже замѣтилъ, что нѣмецкій историкъ представилъ фарисеевъ религіозными фанатиками. А между тѣмъ это были люди, проникнутые гораздо болѣе чисто патріотическимъ, чѣмъ религіознымъ одушевленіемъ. Этой черты Веберъ не счелъ отвѣтить и потому его характеристика фарисеевъ вышла односторонней и даже невѣрной съ чисто исторической точки зрѣнія. (Смотри, между прочимъ, *Талмудъ Дейтшиа*, стр. 58. 2-е изд. русскаго перевода). Этими двумя партіями не исчерпываются всѣ теченія въ духовной жизни тогдашняго еврейства. Кромѣ саддукеевъ и фарисеевъ была еще третья партія, эссеи, нѣчто въ родѣ аскетическаго ордена, стремившагося достигъ высшей святости строгимъ воздержаніемъ отъ удовольствій и соблюденіемъ особыхъ заповѣдей, изъ которыхъ важнѣйшими были: воспрещеніе клятвъ и кровавыхъ жертвъ, предпочтеніе безбрачія браку, чрезвычайная умѣренность въ пищѣ и строгая забота о чистотѣ тѣла. Въ таинствѣ самаго строгаго покаяннаго самообличенія и подвижничества, въ воздержаніи, молитвахъ и въ невѣштательствѣ въ мірскія дѣла—эссеи обрѣтали благодать духовнаго возрожденія. «Они жили группами, въ уединенныхъ мѣстахъ, на западной сторонѣ Мертваго моря, занимаясь земледѣліемъ, скотоводствомъ и непредосудительными для строгой нравственности ремеслами» (стр. 327). Между ними были и такіе, которые торжественно отривались отъ индивидуальной собственности и пытались создать нѣчто въ родѣ коммунистическаго образа жизни.

Отъ фарисеевъ, саддукеевъ, эссеевъ—естественный переходъ къ послѣднему моменту самостоятельной политической жизни еврейскаго народа. Извѣстно, при какихъ условіяхъ совершилось присоединеніе Іудеи къ римской имперіи. Извѣстно также, что одна часть фарисеевъ, такъ называе-

ные зелоты (ревнители), никакъ не могла примириться съ владычествомъ язычниковъ надъ народомъ, который долженъ былъ призывать надъ собою только одну власть, власть Иеговы. И вотъ эта крайняя лѣвая фарисейства возбуждаетъ народъ къ сопротивленію, вдохновенно оживляя въ немъ основныя идеи іудейской религіи, распалая его національную гордыню и духовное самосознаніе. Это, по вѣрному изображенію Ренана, была демократическая и революціонная партія въ народѣ, надъ которымъ уже витала тѣнь смерти. Зелоты проповѣдывали, что всякая власть происходитъ отъ зла, что, кромѣ Бога, нѣтъ и не должно быть иного владыки. Эта политическая проповѣдь не могла не имѣть сильнаго вліянія на современное еврейство, тѣмъ болѣе, что она постоянно окружалась апокалиптической обстановкой, предъ которой содрагалось народное воображеніе. Кометы, битвы въ облакахъ, мечи на небѣ, вспыхивающіе въ святилищѣ по ночамъ, огни, сами собою открывающіяся мѣдныя врата храма—все это громко говорило, по мнѣнію народа, что наступила минута употребить послѣднее усиліе для освобожденія себя отъ господства нечестивыхъ. Мы не будемъ здѣсь передавать то, что составляетъ содержаніе немногихъ страницъ IV тома «Всеобщей Исторіи» Вебера, посвященныхъ, говоря словами де-Солси, исторіи іудейскаго народа въ начальнѣйшее для него время. Къ слову сказать, эти немногія страницы написаны Веберомъ очень блѣдно, поверхностно, безъ признаковъ необходимаго психологическаго анализа, безъ всякой выразительности. Есть мгновенія въ жизни народовъ, которыя не поддаются совершенно сухому историческому изображенію, такому изображенію, къ которому привыкло перо Вебера. Къ числу такихъ мгновеній, конечно, принадлежитъ и то, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь. Намъ сдается, что психологія народнаго паденія—одна изъ самыхъ трудныхъ. Чтобы ее понять, нужно нѣчто большее того, что дается простымъ перечнемъ битвъ и пораженій. Де-Солси вѣрно замѣчаетъ, что послѣдніе дни Іерусалима послужили какъ бы моделью для великой французской революціи. И здѣсь и тамъ та же самоотверженная любовь къ отечеству, та же ненависть къ чужеземному господству, та же фанатическая любовь къ свободѣ, но и та же слѣпая вражда партій. Вся разница только въ финалѣ—съ одной стороны, поруганная, уничтоженная Іудея, торжество физической силы, грубаго деспотизма и въ туманѣ грядущаго зловѣщие огни, зажигаемые *ad majorem Dei gloriam*, а съ другой—торжество свѣта, правды, неотъемлемыхъ, прирожденныхъ правъ человѣка и гражданина. Кто знаетъ—быть можетъ, граж-

даннѣ-іудей умеръ великою смертію за свою свободу для того, чтобы вновь воскреснуть, въ далекомъ будущемъ, свободнымъ гражданиномъ свободного государства...

Повторяемъ еще разъ, не смотря на всѣ свои недостатки, «Всеобщая Исторія» Вебера отличается и такими крупными качествами, что нельзя не выразить г. Солдатенкову глубокой признательности за то, что онъ принялъ на себя трудъ издать ее въ хорошемъ русскомъ переводѣ.

А. ВОЛЫНСКІЙ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Diwan des Abraham ibn-Esra. Zum ersten Male herausgegeben von Dr. *Jacob Egers.* Berlin, 1886. (Сборникъ стихотвореній Авраама-ибнъ-Эзры, впервые обнародованный Я. Эгерсомъ).

Книга эта имѣетъ свою исторію — и довольно любопытную. Полное собраніе стихотвореній («диванъ») великаго философа и критика XII вѣка, Авраама-ибнъ-Эзры, считалось до недавняго времени затерянныиъ. * Изъ поэтическихъ произведеній ибнъ-Эзры были извѣстны лишь немногія, преимущественно литургическія пѣсни и эпиграммы. Все прочее оставалось въ неизвѣстности и считалось пропавшимъ. Такого мнѣнія держались лучшіе еврейскіе ученые — Цунцъ, Гейгеръ, Луццато. Только въ недавнее время констатировано было существованіе въ Іеменѣ одной рукописи полнаго собранія стихотвореній Авраама-ибнъ-Эзры. Рукопись эту раздобылъ извѣстный антикварій Шапира (тотъ самый, который два года тому назадъ взволновалъ весь ученый міръ открытою имъ на востокѣ древнюю рукописью библии) и продалъ ее въ 1881 году, черезъ посредство бібліографа Штейншнейдера, берлинской «Королевской Библіотеки». Съ этой-то рукописи снялъ копію д-ръ Я. Эгерсъ, благодаря усиліямъ котораго «Диванъ» Авраама-ибнъ-Эзры сдѣлался теперь достояніемъ всей еврейской читающей публики.

Обнародованіе ибнъ-эзровскаго «Дивана» дастъ, конечно, будущимъ историкамъ литературы возможность оцѣнивать ибнъ-Эзру — поэта съ тою же полнотою и точностью, съ какою до сихъ поръ оцѣнивали ибнъ-Эзру — философа и библейскаго критика. Здѣсь, однако, въ скромной бібліографической замѣткѣ, не мѣсто пускаться въ подобнаго рода оцѣнку. Доста-

* Не слѣдуетъ смѣшивать Авраама-ибнъ-Эзры съ его современникомъ и однофамильцемъ Моисеемъ-ибнъ-Эзрой. Поэтическія произведенія послѣдняго почти всѣ сохранились.

статочнo будетъ сказать, что «Диванъ» заключаетъ въ себѣ самую разнообразную массу стихотвореній (числомъ 260) лирическаго, философскаго и религіознаго содержанія, причѣмъ преобладаютъ стихотворенія религіозныя, литургическія. Въ концѣ книги помѣщена философская аллегорія ибнъ-Эзри «Гай-бенъ-Мекицъ», написанная прозою и составляющая подражаніе подобному же произведенію арабскаго философа Авиценны. Въ ней изображается фантастическое путешествіе въ сферы небесныя, въ міръ ангеловъ и духовъ, гдѣ герою аллегоріи открываются глубочайшія тайны, недоступныя смертнымъ. Метафизика, мистика и мораль искусно переплетены въ этомъ странномъ произведеніи въ одно цѣлое.

Издатель «Дивана» снабдилъ его массою ученыхъ, историческихъ и библиографическихъ, прибѣжаній и обстоятельнымъ введеніемъ. Нужно только сожалѣть, что г. Эгерсъ не нашелъ возможнымъ снабдить стихотворенія ибнъ-Эзри точною пунктаціею, безусловно необходимою въ еврейской разнѣрной, стихотворной рѣчи. Схематическое изображеніе разнѣра, даваемое г. Эгерсомъ въ началѣ каждаго стихотворенія, не можетъ замѣнить пунктаціи, отсутствіе которой затрудняетъ чтеніе и нерѣдко даже пониманіе подлинника. Особенно нуждаются въ этомъ вышнемъ стихотворномъ атрибутѣ произведенія еврейско-испанской поэтической школы (а къ этой школѣ принадлежалъ, какъ извѣстно, ибнъ-Эзра), форма которыхъ представляетъ нерѣдко трудности и заставляетъ прибѣгать къ толкованіямъ.— Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ изданіе г. Эгерса можетъ быть признано исполнѣ удовлетворительнымъ. О важномъ его значеніи для исторіи еврейской литературы итъ надобности говорить. При всемъ богатствѣ трехтысячелѣтней еврейской литературы, немного въ ней найдется такихъ великихъ творцовъ, какъ Авраамъ-ибнъ-Эзра, и такихъ произведеній, какъ его вновь открытый «Диванъ»,—произведеніе, проливающее новый свѣтъ какъ на личность своего автора, такъ и на эпоху, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ.

Friedländer, M. H. Geschichtsbilder aus der nachtalmudischen Zeit (von R. Joseph Karo bis zur Mendelssohnischen Zeit). Dritter Band. Brünn, 1885. (pp. VI—62).

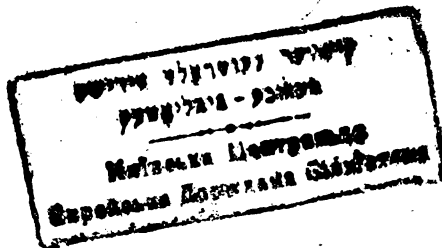
Это—рядъ коротенькихъ жизнеописаній, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Мысль, изобразить исторію еврейской литературы въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей—мысль хорошая и похвальная; но нельзя сказать, чтобы г. Фридендеръ ее хорошо осуществилъ. Его

біографическія очерки уже слишкомъ кратки и поверхностны; ихъ можно назвать скорѣе «записками», нежели «картинами». И дѣйствительно, можно-ли дать характеристику или картину жизни Уриѣла Акосты и Спиновы на *три* страницѣхъ (33—36), которыя авторъ удѣляетъ имъ въ своей книжкѣ? Трудно также объяснить историческое значеніе Исаака Лурія и Хаима Витала, основателей практической каббалы, на пространствѣ полторыя страницѣхъ (8—9), посвященныхъ имъ авторомъ. Такіе оригинальныя характеры, какъ Леонъ де-Модена и Юсіфъ Дальмедиго, едва-ли можно съ достаточною ясностью изобразить на пространствѣ пяти страницѣхъ (36—41). Вообще, книга г. Фридендера представляетъ собою нѣчто среднее между сборникомъ историческихъ монографій и біографическимъ словаремъ, приближаясь по бѣглости и краткости своего изложенія скорѣе къ последнему, нежели къ первому.

При всемъ томъ, и трудъ г. Фридендера можетъ оказаться полезнымъ, въ особенности для лицъ, совершенно незнакомыхъ съ еврейскою исторіею, которымъ онъ можетъ внушить интересъ и охоту къ болѣе подробному изученію ея. Такія личности какъ Юсіфъ Каро, Соломонъ Молхо, Лурія, Виталь, Исая Гурвицъ, Липманъ Геллеръ, Менассе б. Израиль, Леонъ Модена, Дальмедиго, Акоста и пр. — могутъ возбудить глубокий къ себѣ интересъ даже въ бѣглыхъ описаніяхъ и дать толчокъ къ дальнѣйшему и болѣе обстоятельному изученію той эпохи, когда жили и дѣйствовали эти личности.

Разсматриваемый нами томикъ произведеній г. Фридендера (третій по числу), посвященъ одной изъ наиболѣе интересныхъ эпохъ въ исторіи еврейской литературы — эпохѣ, простирающейся отъ половины XVI вѣка до половины XVIII в. Предыдущіе два томика заключаютъ въ себѣ біографіи писателей, жившихъ между VI и XVI столѣтіями; четвертый же томикъ будетъ посвященъ, какъ объявляетъ авторъ, характеристикѣ писателей, ученыхъ и общественныхъ дѣятелей, начиная съ эпохи Мендельсона до настоящаго времени.

С. М.

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

CANCELLED
S 668057
JUL 25 1984

CANCELLED
WIDENER
BOOK DUE
NOV 26 1984
JUL 26 1984
6368028

